

ЭДУАРД I

Вадили
Устинов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Король Англии Эдуард I Длинноногий из династии Плантагенетов, правивший в 1272–1307 годах, вошел в историю как один из самых могущественных правителей средневековой Европы, упрочивший власть и славу английской монархии. Ему удалось присоединить к Англии Уэльс и Шотландию, обуздать своеволие крупных феодалов, принять новые законы, охранявшие права всех жителей королевства. О жизни и деяниях Эдуарда I, прозванного «цветком рыцарственности» и «молотом шотландцев», рассказывает его первая русскоязычная биография, созданная историком Вадимом Устиновым на основе широкого круга источников.

- [Вадим Устинов](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Предисловие. Величайший король Англии](#)
 - [Часть первая. Цветок рыцарственности](#)
 - [Глава первая. Беститульный принц](#)
 - [Глава вторая. Придворные интриги](#)
 - [Глава третья. Вторая баронская война](#)
 - [Глава четвертая. Крестовый поход](#)
 - [Часть вторая. Завоеватель Уэльса](#)
 - [Глава первая. Первая война в Уэльсе](#)
 - [Глава вторая. Покорение Гуинета](#)
 - [Глава третья. «Великое дело»](#)
 - [Часть третья. Молот шотландцев](#)
 - [Глава первая. Конец шотландской независимости](#)
 - [Глава вторая. Мятежный Уоллес](#)
 - [Глава третья. Победа над врагами](#)
 - [Глава четвертая. Последний поход](#)
 - [Основные даты жизни Эдуарда I Длинноногого](#)
 - [Краткая библиография](#)
 - [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2082

(1882)

Вадим Устинов
Эдуард I

Москва

Молодая гвардия

2021

© Устинов В. Г., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

*

*Как часто Мерлин правду возвещал, мой Бог!
Провидел будущее сквозь века пророк.
И бурных две реки слились в один поток,
Хотя их разделял великих гор отрог.
Кто две страны на путь один направить*

смог,
Хоть общих прежде не было у них дорог?
Островитян единства в этом был исток,
Вернул он Альбу — средоточие тревог,
Где Эдуарда королем народ нарек.
Под руку взял свою Уэльс и Корнуолл,
И в подчинение Ирландию привел.
Таким величием сиял его престол,
Какого ни один владыка не обрел —
Он мощью самого Артура превзошел.

«Хроника Питера из Лэнгтофта»

Предисловие. Величайший король Англии

Эдуарда I Длинного, правившего Англией в течение 35 лет — с 1272 по 1307 год, многие историки заслуженно именуют самым выдающимся английским королем Высокого Средневековья^[1]. Более того, он вполне может претендовать на честь называться величайшим правителем страны от нормандского завоевания до наших времен. Однако за всеми хвалебными словами, произносимыми в его честь, нет-нет да и проскальзывает намек — даже на солнце, мол, есть пятна. Как же тут уберечься простым смертным, пусть и вознесенным судьбой на вершину славы?

Совершенно неудивительно, что в течение почти восьми веков предпринимаются попытки отыскать в биографии Эдуарда I те самые темные пятна — то ли подлинные, то ли вымышленные. И в этом король не одинок — точно такая же посмертная изыскательская деятельность тревожила память многих великих мира сего. За примерами далеко ходить не надо: из исторических фигур, живших в те же Средние века и в той же Англии, можно вспомнить Ричарда III или Эдуарда Черного Принца. Черный Принц отделался относительно дешево — ему в вино поставили излишнее расточительство да якобы имевшую место Лиможскую резню. А вот Ричард был облит грязью с головы до ног, и процесс очищения от клеветы его доброго имени до сих пор идет очень трудно.

Эдуард I, подобно своему прапраправнуку Генри V Монмутскому, незаслуженно получившему куда более широкую известность благодаря гениальным пьесам Шекспира, в начале жизненного пути вызывал не самое благожелательное к себе отношение у некоторых современников. Они обвиняли его в непостоянстве, предательстве друзей и нежелании держать данное слово. Бенедиктинский монах и хронист Мэтью Парижский, который был свидетелем детства и юности принца, впал в отчаяние от одной только мысли, что тот рано или поздно унаследует трон Англии. В своей хронике он с ужасом описывал, как Эдуард вместе с приспешниками без весомого повода напал на некоего молодого человека и приказал отрезать ему ухо и выбить глаз. Мэтью даже привел цитату из Евангелия^[2] — правда, в угоду моменту несколько ее перефразировав: «Если он поступает так, будучи зеленым, то на что можно надеяться, когда он высохнет?»^[3]»^[1]

Сейчас можно долго спорить, в какой степени бенедиктинец был

пристрастен в своем отношении к юному принцу. Но ясно, что предсказатель из него получился не самый точный, и пессимистическим прогнозам хрониста не суждено было претвориться в жизнь. Вопреки им, в историю Эдуард I вошел как покоритель Уэльса и Шотландии, как великий законодатель и, наконец, как мудрый государственный деятель, сумевший положить конец гражданским распрям.

Можно предположить, что под давлением все возрастающего груза ответственности с Эдуардом произошла такая же резкая метаморфоза, как впоследствии с Генри V Монмутским. Однако более вероятно, что он с молодости был расчетливым политиком, легко расстававшимся с временными попутчиками, но твердо хранившим верность истинным друзьям. С юношеских лет ему пришлось окунуться в атмосферу сложных придворных интриг, оказаться в центре борьбы нескольких мощных аристократических фракций и для достижения собственных целей принимать ситуативные решения по мере изменения баланса сил.

Мэтью Парижский не был одинок в своем стремлении уязвить короля. У других хронистов также можно найти критику в его адрес — к примеру, упоминания о его страшных, хотя и весьма редких вспышках гнева. В частности, о ссоре с дочерью, когда Эдуард I в приступе ярости сорвал с нее корону и швырнул в горящий камин.

Каноник-августинец и хронист Питер из Лэнгтофта, который поначалу неумеренно восхвалял деяния короля, затем неожиданно обернулся одним из самых ярых его хулителей. Причем в своей критике он обращался прежде всего к области сугубо личной, что весьма странно. Ведь если о внутренней и внешней политике Эдуарда I он еще мог как-то судить, то о частной жизни короля — вряд ли, так как не входил в число его близких друзей. Тем не менее Питер писал:

Безоблачная праздность, долгий сон с утра,
В восторге лени и излишеств вечера,
К преступникам и недругам приязнь щедра,
И своеволие в совете и делах^[2].

Вполне обоснованной кажется версия, что за внезапным «прозрением» Питера из Лэнгтофта, как и за откровенной враждебностью других хронистов скрывается вовсе не их личное мнение о персоне Эдуарда. Скорее всего, они лишь ретранслировали то раздражение, которое вызывала деятельность короля в определенных придворных кругах:

представители знати лишились былых привилегий и практически неограниченной власти, а влияние прелатов на светскую жизнь было сильно ограничено. Недовольство последних, кстати, оказывало непосредственное влияние на составителей хроник, по большей части являвшихся монахами.

С мотивацией средневековых хронистов, собственно, все понятно — они зачастую руководствовались в своих работах корпоративными интересами. Но какие побуждения двигают современными учеными-историками, пытающимися создать сенсацию на ровном месте и не подкрепляющими ее никакими серьезными историческими свидетельствами? Речь идет, в частности, о получившей некоторое распространение теории, что Эдуард I не очень-то почитал отца и всеми способами пытался приблизить свое восхождение на трон. А Генри III будто бы отвечал своему первенцу взаимностью и в страхе за корону постоянно спроваживал его подальше от Англии — то в Гасконь, то в Святую землю, то в Уэльс. Да, между отцом и сыном однажды произошла серьезная размолвка, но до и после нее Генри III и принц Эдуард демонстрировали глубочайшую привязанность друг к другу.

Если Эдуард I бесспорно любил отца, то с магнатами и священнослужителями он вел себя не слишком дипломатично. Скорее, наоборот — с теми, кто шел ему наперекор, он поступал жестко и бескомпромиссно. Однако вряд ли это можно поставить ему в укор, так как в конечном счете такая тактика оказалась весьма эффективной.

*

Страстно стремившийся к установлению порядка и единого закона на всей территории Англии и на завоеванных землях, Эдуард I многим наступил на любимую мозоль. Он не на шутку взбаламутил королевство, проведя титаническую работу по внедрению действенных законов, перетряхнув и переосмыслив древние хартии. Все это немало способствовало появлению на свет особого сословия профессиональных юристов. Король заслужил от потомков прозвище «Английский Юстиниан»^[4], правомерность которого никогда и никем не подвергалась сомнению. Его преосвященство Уильям Стаббс, епископ Оксфордский, превосходный знаток архивов, в середине XIX века заявлял по этому поводу: «Если имеется в виду, что этот титул подчеркивает значимость и незыблемость его законодательной деятельности, а также приносит дань

уважения его месту в истории юриспруденции, то ни один англичанин не станет этого оспаривать»^[3].

К реформам Эдуарда I подталкивала крайняя необходимость — механизмы управления страной, доставшейся ему в наследство от отца, разладились до такой степени, что долее не могли нормально функционировать. Статуты Эдуарда не производили коренной ломки сложившейся системы и не насаждали новые порядки насильственным образом. Они создавались в ответ на жалобы и насущные проблемы подданных, разрешали коллизии, реально возникавшие в ходе судопроизводства. Это и было фундаментальным принципом королевского законотворчества — исправление главных правовых ошибок и повышение эффективности правосудия.

Конечно, установленные Эдуардом I порядки не были основаны на принципах полной беспристрастности — впрочем, этого не удалось нигде добиться и по сей день. Представители знати, к примеру, могли откупиться от правосудия, выложив немалую сумму денег в качестве штрафа. Преступники из рыцарского сословия или даже простолюдины получали помилование за службу в военных кампаниях.

Законы Эдуарда I прежде всего имели в виду интересы короны, которые он всемерно отстаивал, безжалостно пресекая любые поползновения покушаться на них — как со стороны магнатов, так и со стороны церкви. Перед его глазами постоянно стоял пример отца и деда, катастрофически уронивших королевский престиж и практически выпустивших из рук бразды правления. В конфликте между расширяющимися полномочиями центральной власти и местной средневековой традицией родилось внутреннее согласие, представлявшее собой симбиоз порядка и свободы. Уважение к закону, но без ущемления индивидуальных прав и свобод до недавней поры оставалось политической доминантой английского социума.

Активно привлекая подданных к сотрудничеству, Эдуард I сумел избежать политических катаклизмов и гражданских возмущений. Именно он стал фактическим основателем величайшего из всех английских институтов — парламента, где король и его подданные собирались для решения важнейших государственных дел. Естественно, не стоит всерьез полагать, что в XIII веке призванные в парламент представители графств, городов, а также священнослужители низшего разряда имели сколь-либо заметное влияние на принятие решений по обсуждавшимся вопросам. Принцип *Quod omnes tangit ab omnibus approbetur* — «То, что касается всех, должно быть всеми одобрено» — уже начал получать

распространение, но весьма робко, и до окончательного его торжества было еще далеко. В основном парламенты даже в самом широком их составе использовались Эдуардом I для одобрения непопулярных мер — вроде внеурочных субсидий и налогов для покрытия расходов на военные кампании.

Кардинальной административной реформы король не затевал, однако при нем произошла значительная интенсификация работы клерков (чиновников) в таких важных органах управления экономикой, как королевский гардероб, канцелярия и казначейство. В целом работа по совершенствованию бюрократической машины была проделана колоссальная, но велась она эволюционными, а не революционными методами.

*

Англичане воспринимали Эдуарда I как строгого, жесткого, но при этом любимого отца. Отношение к королю у соседних народов — шотландцев и валлийцев — было несколько иным. Для них он оставался объектом неослабевающей ненависти, их проповедники называли его *Le Roi Coueytous* — алчным королем, несшим на их земли не порядок, но раздор и разорение. Но свои многочисленные победоносные войны король вел вовсе не из авантюристических побуждений и уж точно не из жадности. Более того, ему было чуждо и желание воспользоваться слабостью противника. Эдуард I решался на войну только в том случае, если был твердо уверен, что защищает свои законные права — или то, что он искренне считал таковыми. Так, у него не было ни тени сомнений в справедливости притязаний на сюзеренитет над Уэльсом или Шотландией.

Эдуард I был превосходным солдатом и талантливым военачальником — целеустремленным, изобретательным и настойчивым. В крестовом походе, к примеру, он продемонстрировал куда больше решимости добиться осуществления своих первоначальных планов, нежели любой из прочих лидеров похода, отправившихся с ним на Восток. Подобная же решимость совершенно очевидно демонстрировалась им в ходе валлийских войн и шотландских кампаний. Кстати, именно за успехи в последних Эдуард I получил от потомков еще одно свое прозвище — «Молот шотландцев».

Эдуард I мог вывести в поле армию численностью до 30 тысяч солдат, что было весьма впечатляющим достижением для XIII века. Задолго до

того, как это стало правилом, он предпринял определенные шаги к тому, чтобы превратить старое феодальное ополчение в наемную армию нового типа. А его великолепное Железное кольцо — цепь мощных замков в Уэльсе — намного превосходило по масштабности любую европейскую программу фортификационного строительства за все предшествующие, да и последующие времена.

Правда, в результате подобной внешней политики Эдуарда I его королевство чуть не обанкротилось: после себя он оставил долгов на 200 тысяч фунтов. Финансирование войн тяжким грузом легло на бюджетную систему, поскольку расходы короны намного превышали ее доходы. Отчаянными усилиями королевских клерков удалось удержать страну на самой грани коллапса, но Англия стонала под тяжким гнетом податей, наложенных на нее.

Тем не менее Эдуард I был выдающимся королем, и многим его правление представлялось идеальным. По мнению значительной части ученых, именно он являлся прообразом главного героя в романе «Хейвлок-датчанин», написанном в 1280-е годы^[4]. Как и Хейвлок, Эдуард ратовал за установление и поддержание правопорядка в своем королевстве, боролся с коррупцией среди своих слуг, занимавших ответственные должности. Подобно Хейвлоку, он советовался со своими парламентами. Так же как Хейвлок, Эдуард довольно долго ждал того момента, когда судьба позволит ему взойти на трон. Между реальным прототипом и его литературным воплощением существовало прямое физическое сходство: они оба были мощного телосложения, высокими, превосходно обученными воинами. В Хейвлоке воплотилась концепция идеального короля, каким он виделся низшим классам — и Эдуард I очень точно соответствовал ей в народном сознании по всем параметрам.

Деяния короля нашли отражение не только в литературных образах. Роскошная «Псалтирь с ветряной мельницей» конца XIII века знаменита тем, что в ней уникальным образом оформлен псалом 1. Вопреки всем правилам и традициям, декорированным, цветным и увеличенным в размере был не только инициал (или по-русски буквица), но и вторая буква. Псалом начинался на латыни словами «*Beatus vir qui...*», и второй буквицей оказалась «E» — первая буква в имени *Edward*. И это далеко не все: внутри ее художник изобразил суд Соломона и ветряную мельницу. Стоит напомнить, что в 1297 году Эдуард I чуть не погиб, когда его конь испугался ветряной мельницы в Уинчелси и спрыгнул с высокой насыпи. По общему мнению, спас короля тогда его божественный защитник — ангел-хранитель.

Что касается изображения суда Соломона, то в псалме 1 далее говорится: «Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он и день и ночь»^[5]. Отправляющий правосудие Соломон однозначно отождествлялся с Эдуардом I, который уже среди современников имел репутацию короля-законодателя. Некоторые даже не шутя считали английского монарха воплощением Соломона^[5].

Подобного рода сравнения были весьма распространенным явлением. Так, в «Хронике Бери-Сент-Эдмундс» отмечалось: «Эдуард король Англии как будто второй Соломон во всех делах своих проявлял себя до сих пор отважным, благородным и славным»^[6]. Надгробная речь Джона из Лондона, вестминстерского монаха, именуемая *Commendatio Lamentabilis*, включала в себя такой пассаж — Соломон сочинял притчи и песни, в которых прославлял церковь, а Эдуард издавал законы и статуты, и были они как солнце и луна, умиротворяющие священничество, а также королевство^[7]. Да и сам Эдуард I, как бы ощущая свое внутреннее родство с царем Соломоном, всю жизнь стремился в Святую землю и желал умереть именно там, хотя судьбой ему было предопределено скончаться во время очередного похода в Шотландию.

Часть первая. Цветок рыцарственности

Глава первая. Беститульный принц

Шел 1235 год. Англия с трудом оправлялась от жестокой морозной зимы, которая выпала на ее долю уже второй раз подряд. Следствием природного катаклизма стал голод, только в Лондоне и окрестностях унесший жизни 20 тысяч человек. Но бедственное положение населения страны не очень заботило короля Генри III Уинчестерского^[6], который выбрал именно этот момент для решения своих матримониальных проблем. Другими словами, он собрался жениться.

Избранницей двадцативосьмилетнего монарха стала двенадцатилетняя Элеонора, дочь Рамона Беренгера IV графа Прованского и Беатрисы Савойской. Ее отец, прямой потомок королев Арагона, к своему величайшему сожалению, не сумел обзавестись наследником мужского пола, что заставило его с особым тщанием подходить к устройению судеб своих дочерей. Двумя годами ранее он уже выдал старшую дочь Маргариту за Луи IX, могущественного короля Франции, а теперь готовился устроить столь же выгодный брак для второй дочери.

Едва вышедшая из детского возраста Элеонора Прованская обещала стать поразительной красавицей. В сумрачный, дождливый и голодный Лондон она принесла с собой то светлое обаяние, которым отличаются обитатели средиземноморского побережья с его ярким ласковым солнцем, благодатным климатом и древней живой культурой. Английские хронисты писали о юной невесте своего короля с нескрываемым восторгом:

Прованский граф сосватал дочь за короля —
Элеонору, цвет нежнейший миндаля.

Не знала прежде красоты такой земля^[8].

Несмотря на удручающие жизненные перспективы для значительной части подданных, церемонию венчания Генри III постарался обставить со всей возможной пышностью. Она состоялась 14 января 1236 года в Кентерберии. Проводил ее, в полном соответствии с высоким рангом вступающих в брак особ, сам примас всей Англии^[7] Эдмунд Рич архиепископ Кентерберийский. После окончания церемонии молодожены в сопровождении многочисленной свиты направились в Вестминстер. Путь предстоял неблизкий — блестящей кавалькаде нужно было преодолеть

около 100 километров, чтобы достичь пункта назначения.

Вестминстерский комплекс, в то время еще не поглощенный разросшимся Лондоном, а располагавшийся у юго-западной окраины столицы, состоял из нескольких зданий. Его основой был дворец, служивший главной королевской резиденцией и впоследствии основным местом сбора парламента, а также стоявшая в непосредственной близости от него церковь Святого Петра, обыкновенно именовавшаяся аббатством, где традиционно короновались английские монархи. В Вестминстере в день святых Фабиана и Себастиана^[8] — в тот год он пришелся на воскресенье — праздника, посвященные королевской свадьбе, продолжились.

Одновременно торжества шли и в самой столице. С раннего утра на лондонских улицах началась суета: «На праздник, посвященный свадебной церемонии, съехались знать, простолюдины обоих полов, множество служителей церкви, толпы черни, большое число лицедеев — гуляющих было столько, что даже такой обширный город, как Лондон, с трудом мог их вместить. Весь город был украшен шелковыми полотнищами и баннерами, венками и гобеленами, свечами и факелами, повсюду разыгрывались чудесные представления. Все улицы были очищены от грязи, нечистот, палок и прочего мусора. Горожане спешили навстречу королю и королеве в украшениях и красивых нарядах, соперничая друг с другом в резвости своих коней»^[9].

*

К моменту своей свадьбы король Генри III правил страной уже двадцатый год. Однако ничем выдающимся его царствование отмечено не было — как в хорошем, так и в плохом. Этим он отличался от своего отца, печально известного Джона Безземельного, который вошел в историю исключительно как король-неудачник, растерявший всю славу и большую часть наследия предков. В делах Генри привык полагаться на своих фаворитов и советников. С влиятельными придворными фракциями, естественным образом создавшимися при слабом правителе, ему до поры до времени удавалось ладить, не доводя дела до явного кризиса.

Генри III был беден по сравнению как со своими предшественниками, так и со своими основными соперниками. В частности, годовой доход Луи IX Французского почти в два раза превышал таковой у английского короля. Чтобы как-то пополнить казну, Генри вынужден был следовать принципу

quid pro quo, что в данном случае означало политические уступки в обмен на согласие платить дополнительные налоги. Об этом ему каждый раз особо приходилось договариваться на расширенных советах, где присутствовала большая часть знати королевства. В свою очередь английские магнаты привыкли рассматривать встречи с королем как свое законное и освященное обычаем право высказывать критику в адрес политики монарха.

Начиная с 1236 года эти собрания получили официальное название «парламент», образованное, по всей вероятности, от старофранцузского *parlement* и закрепившееся в английском языке на века. Ничего общего с современными парламентами они не имели прежде всего в силу ограниченности представленных в них сословий. Надо заметить, что даже эти весьма скромные, недоразвитые, обладавшие крайне ограниченными полномочиями прототипы последующих парламентов постоянно отказывали Генри III в столь необходимых тому финансах и частенько не давали согласия на сбор дополнительных налогов. Сталкиваясь с упорным сопротивлением своих баронов^{9} любым попыткам ввести новые статьи налогообложения, король поневоле вынужден был выжимать доходы из других источников. Он залезал в карманы рыцарей, горожан и простолюдинов, что отнюдь не прибавляло ему популярности в средних и низших слоях английского общества.

Если в качестве правителя Генри III талантами, мягко говоря, не блистал, то человеком он был в целом неплохим, хотя порой его охватывали приступы необъяснимой жадности. Свою жену он несомненно любил, был с ней неизменно ласков и строго хранил ей верность. Король серьезно относился к исполнению своих супружеских обязанностей и за примерную семейную жизнь вскоре был вознагражден. В ночь с 17 на 18 июня 1239 года Элеонора Прованская родила в Вестминстерском дворце первенца — наследника английского престола.

Появление на свет законного продолжателя Анжуйской династии^{10} стало для Генри III большим счастьем. Радостная весть молниеносно распространилась по дворцу и аббатству, клирики в королевской часовне затянули: «*Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat*^{11}». Новость быстро достигла Лондона, и в столице стихийно начался народный праздник. Гулянья с музыкой и танцами продолжались круглые сутки — ночью улицы освещались большими фонарями и факелами.

Посланники, отряженные королем к светским магнатам и прелатам с извещением о важном событии, в предвкушении богатых даров неслись к

адресатам, не жалея коней. И по большей части предчувствие их не обманывало. Например, от престарелого Уильяма де Уоррена графа Саррейского, признанного лидера английской знати, вестник получил в награду земельное владение, дающее ежегодный доход в 10 фунтов стерлингов — по тем временам немало.

Всеобщее ликование было несколько омрачено очередным приступом королевской жадности. Генри III придирчиво осматривал каждый подарок, присланный ему знатными лордами, епископами и аббатами. Те дары, которые не казались ему достойными столь значимого события, он приказывал немедленно вернуть дарителю. Это оскорбительное действие непременно сопровождалось еще более оскорбительным требованием прислать взамен что-то более стоящее. Такое неподобающее королю поведение вызывало у одних англичан гнев, у других — насмешки. Один из придворных весьма остроумно заметил: «Господь нам этого младенца даровал, а король — продал»^[10].

На четвертый день после рождения малыш был крещен папским легатом Одоне ди Монферрато в присутствии Эдмунда Рича архиепископа Кентерберийского и воспринят из купели Роджером Найджером епископом Лондонским и Уолтером Моклерком епископом Карлайлским. На церемонии присутствовал цвет английской знати: младший брат короля Ричард граф Корнуоллский, могущественные магнаты Симон де Монфор граф Лестерский и Хамфри де Бозн граф Херефордский и Эссекский. Из прелатов на крещение были приглашены также Уильям де Рейли, епископ Нориджский, и Саймон Нормандец, архидиакон Нориджский. В некотором отдалении от светских и духовных магнатов стояли другие знатные лорды и леди.

*

Удивлению придворных не было границ, когда они узнали, какое имя король выбрал для сына. При дворе в ходу был французский язык, и семейная традиция Анжуйской династии, к которой принадлежали четыре последних короля, диктовала достаточно строгие правила наречения новых ее членов. Анжуйцы должны были давать своим отпрыскам имена на французский манер — Уильям, Ричард, Джон или Генри. Другими словами, они выбирали для детей английские аналоги распространенных за Ла-Маншем^[12] имен Гийом, Ришар, Жан и Анри.

Совершенно неожиданно для всех Генри III пошел наперекор обычаем. Он заявил, что его сын будет носить имя Эдуард в честь Эдуарда Исповедника — аскета и рьяного защитника христианских добродетелей. Генри особо почитал этого святого и считал его покровителем королевской семьи, регулярно отмечая его праздник с большим размахом. О масштабах торжеств может свидетельствовать хотя бы такой факт: в эти дни помимо прочего он приказывал накормить до 100 тысяч бедняков.

Если для Анжуйской и предшествовавшей ей Нормандской династий подобный выбор имени действительно казался странным, то для англосаксонских королей, владевших этой страной до завоевания, он был вполне заурядным. Так звали нескольких представителей Уэссексской династии, правление которой в Англии пресек в 1066 году прапрапрадед Генри III Уинчестерского — нормандский герцог Гийом Бастард, ставший после захвата английского трона Уильямом I Завоевателем. В англосаксонские времена имя Эдуард было столь же привычным для ушей современников, сколь архаично оно звучало для жителей Англии середины XIII века.

Похоже, Генри III надеялся, что воскрешение славного имени поможет примирить его подданных, ибо простой народ имел англосаксонские корни, а знать целиком и полностью составили пришлые нормандские рыцари. Если это действительно было мыслью короля, то он стал первым правителем со времен нормандского завоевания, который пусть робко, но постарался уменьшить этническую пропасть между сословиями своего королевства. Впрочем, в языковом и культурном плане единым английский народ стал гораздо позже — при его правнучке Эдуарде III Виндзорском.

Как бы то ни было, но англосаксонские подданные короля Генри III именно так поняли намерения короля и в полной мере оценили его смелый шаг. Описывая родословную своего будущего повелителя, пребывавшего еще в колыбели, они с величайшей охотой пренебрегали мужской линией, ведущей к нормандским герцогам-завоевателям, и подробно углублялись в описание линии женской, которая напрямую выводила их к королям-англосаксам. Выглядело это так: «Элеонора, королева Англии, родила в 14-й день до июльских календ старшего сына Эдуарда, чьим отцом был Генри, чьим отцом был Джон, чьим отцом был Генри, чьей матерью была Матильда-императрица, чьей матерью была Матильда королева Англии, чьей матерью была Маргарет королева Шотландии, чьим отцом был Эдуард, чьим отцом был Эдмунд Железнобокий, который был сыном Этельреда, который был сыном Эдгара, который был сыном Эдмунда, который был сыном Эдуарда Старшего, который был сыном Альфреда»^[11].

Простолюдины хотели верить в то, что после 150 лет жестокого угнетения англосаксонского населения горсткой пришлых чужаков-нормандцев у власти оказался, наконец, правитель, не просто родившийся на английской земле, в Уинчестере, не только всю жизнь проживший в Англии, но и считающий английский народ своим, а себя — в первую очередь королем Англии, а не герцогом Нормандским или Аквитанским. Правда, приверженность своей стране Генри III демонстрировал не во всем. В серьезных делах он во многом полагался на доверенных советников, которые в подавляющем большинстве были иностранцами.

Поэтому на маленького принца англичане возлагали еще большие надежды. Они верили, что Эдуард продолжит дело своего отца, но при этом станет проводить самостоятельную политику и не будет столь подвержен влиянию ближайшего окружения, заботившегося в первую очередь о своем благе, а не о процветании королевства.

*

Когда родился принц Эдуард, главным королевским фаворитом был Симон де Монфор — весьма примечательная фигура во многих отношениях. Он был отпрыском древнейшего французского знатного рода, младшим сыном знаменитого военачальника Симона IV сеньора де Монфор-Л'Амори. Симон IV участвовал в Четвертом крестовом походе, закончившемся вместо освобождения от неверных Иерусалима взятием и разграблением вполне христианского Константинополя. Еще более громкую известность по всей Европе он приобрел после того, как жестоко подавил катарскую ересь в Лангедоке. Его войска уничтожили множество альбигойцев и наголову разбили в битве при Мюре превосходящую по численности армию Педро II Католика короля Арагона, прибывшего на помощь своему вассалу и зятю Раймону VI графу де Тулуза, покровительствовавшему катарам. Сеньор де Монфор-Л'Амори безжалостно разорил Окситанию, но сумел вернуть ее в подчинение французской короне, а сам присвоил графство Тулузское по праву завоевания.

Все интересы Симона де Монфора ограничивались исключительно Францией. С Англией его связывало лишь то, что от матери он унаследовал титул графа Лестерского. А вот его младший сын, как и отец, носивший имя Симон, предпочел искать счастья именно в Англии, куда прибыл в 1230 году в двадцатидвухлетнем возрасте. Симон V был харизматичен,

умен и крайне амбициозен. Ему легко удалось завоевать уважение и дружбу Генри III, которого весьма впечатлили дипломатические и военные таланты нового приятеля, его несомненный литературный дар, а также крайний религиозный фанатизм. Очарованный Симоном де Монфором, король не замечал или не хотел замечать у своего фаворита главного недостатка, затмевавшего все многочисленные достоинства. Француз представлял собой тот тип рыцаря, который верил только в силу меча и интриг, отдавая безусловный приоритет личным амбициям перед любыми другими соображениями, включая государственные.

В январе 1238 года Симон женился на сестре короля Элеоноре, а в апреле следующего года унаследовал титул графа Лестерского после того, как от него отказался его старший брат Амори. Казалось бы, ничто не в состоянии было поколебать дружбу между королем и его фаворитом, набиравшим все больший вес при дворе.

Когда в начале августа 1239 года в отношениях Генри III и Симона де Монфора появилась трещина, то у многих родилась надежда, что король все-таки в состоянии побороть свою фатальную зависимость от доверенных советников и править самостоятельно — а подрастающий наследник престола, достигнув сознательного возраста, будет иметь перед глазами достойный пример государственного управления. Что же произошло между Генри III и графом Лестерским?

На сороковой день после рождения принца Эдуарда король и фаворит вместе отстояли торжественную церковную службу, проведенную в ознаменование очищения королевы после родов. И сразу же по окончании службы между ними разразилась крупная ссора. Виноват во всем был самоуверенный Симон де Монфор, который несколько переоценил свое влияние на короля. Он осмелился представить монарха в качестве поручителя, когда одалживал у Тома II Савойского графа Фландрского две тысячи фунтов. При этом граф Лестерский не удосужился испросить согласие у самого Генри III. Тот, естественно, впал в ярость. Помимо законных упреков в финансовых махинациях, в запале он обвинил Монфора еще и в совершенно фантастическом преступлении — в совращении своей сестры Элеоноры до брака.

Король не шутя пригрозил фавориту заточением в лондонский Тауэр. Его гнев был столь силен, что Симон решил не испытывать судьбу и на время исчезнуть из Англии, благо подвернулся удобный предлог, позволивший замаскировать бегство и сохранить лицо. Монфор присоединился к так называемому Крестовому походу баронов в Палестину 1239–1241 годов, вступив в отряд королевского брата Ричарда

графа Корнуоллского.

К тому времени, когда поход в Святую землю закончился и граф Лестерский вернулся с Востока, Генри III несколько успокоился, и они помирились. Таким образом, на самой возможности обретения королем самостоятельности был снова поставлен крест — по крайней мере, на достаточно продолжительное время.

*

Детство Эдуарда прошло в основном в Виндзорском замке — главной резиденции английских монархов с начала XII столетия, когда Англией правил Генри I Боклерк. Замок стоял в 40 километрах к западу от Лондона на правом берегу Темзы, которая в том месте достаточно узка и не производит столь величественного впечатления, как в столице.

Королевские отпрыски, как правило, недолго наслаждались компанией своих родителей. Не стал исключением и Эдуард — уже в августе 1239 года его переселили в собственные апартаменты, которые находились там же, в Виндзоре. Королева сына грудью, естественно, не кормила — у знатных дам это было не принято. К мальчику отец велел приставить двух кормилиц — Элис и Сару.

Едва Эдуарду исполнилось три года, у него появились наставники — Уильям Бран и Хью Гиффард Бойтонский. Гиффард был известным судьей, весьма искушенным в правовых вопросах. По общему мнению, он отличался честностью и набожностью, за каковые качества король и почтил его своим высоким доверием. Кроме того, Генри III решил, что в числе придворных сына должны обязательно состоять дети, с которыми принц мог бы общаться — причем не сверстники, а мальчики чуть постарше, чтобы он невольно тянулся за ними в своем развитии. Одним из наперсников наследника стал его двоюродный брат — семилетний Генри Алеманский, сын Ричарда графа Корнуоллского. Другие имели куда более низкое происхождение: это были Джеймс, сын королевского придворного Николаса де Молса, а также сыновья Феррана, бывшего арбалетчика королевской охраны.

Хотя формально Эдуард жил отдельно от родителей, король лично следил за тем, чтобы ни сын, ни его свита ни в чем не нуждались, скрупулезно вникая во все мелочи. В мае 1242 года он издал такое распоряжение: «Приказываем камергеру в Лондоне, чтобы вина из королевских запасов были доставлены констеблю Виндзора — две бочки

изысканного вина для надобностей Эдуарда, сына короля»^[12]. Естественно, что вино в таких количествах предназначалось больше для взрослых из свиты наследника, чем для трехлетнего мальчика. Впрочем, в те времена оно представляло для детского организма куда меньшую опасность, чем обычная питьевая вода, которая в обязательном порядке разбавлялась вином — в разумных количествах, естественно — для дезинфекции.

Двух бочек хватило двору принца на пять месяцев, ибо в октябре король снова озаботился этим вопросом. Констебль^[13] Виндзора получил от него следующее распоряжение: «Поскольку король слышал, что королевские дети, в королевском замке пребывающие, не имеют доброго вина для питья, приказываем нашему констеблю замка Виндзор, чтобы для их надобностей он доставил им две бочки лучшего королевского вина, которое есть в башне вышеуказанного замка — сначала одну, затем вторую»^[13].

Поначалу Генри III оплачивал содержание свиты сына и услуги его воспитателей из собственного кармана, но уже в 1244 году принял другое решение. Он пожаловал Эдуарду манор Тикхилл в Йоркшире, а также передал ему доходы от вакантного в то время епископства Чичестерского. И с этого момента все основные расходы легли на плечи казначея принца. Впрочем, Генри все время старался сделать горячо любимому сыну какой-нибудь приятный сюрприз — то прислать к его столу миноги, то подарить роскошный плащ, отороченный мехом.

Король был крайне озабочен слабым здоровьем Эдуарда, поэтому всячески старался приучить его к свежему воздуху и физическим упражнениям. Невзирая на то, что возраст не позволял мальчику самостоятельно ездить верхом, король нашел выход и приказал изготовить для него специальное двухместное седло. Генри III не уставал напоминать воспитателям, что принц с раннего детства должен привыкать к коню, расти крепким и здоровым, ибо ему предстояло не только нести тяжелейшее бремя власти, но и командовать войсками, подавая пример выносливости своим солдатам.

Однако несмотря на все усилия отца крепким здоровьем Эдуард похвастаться не мог. В июне 1246 года он вместе с родителями отправился в знаменитое цистерцианское аббатство Бьюли, которое пользовалось особым покровительством английских королей, начиная с Джона Безземельного. В то время монастырь, расположенный в самом сердце обширного лесного массива, носил поэтическое имя *Bellus Locus Regis* — «Прекрасное королевское место».

Генри III предпринял это путешествие, желая присутствовать на церемонии освящения новой церкви, строительство которой продолжалось более 40 лет и было только что закончено. Церковь представляла собой огромное крестообразное в плане сооружение в стиле ранней готики, ее проект создавался под ощутимым влиянием французских цистерцианских аббатств Сито, Бонпор и Клерво. Шпиль собора вздымался в высоту на 102 метра^{14}.

Впервые в своей жизни Эдуард тяжело заболел именно тут. Королева Элеонора Прованская настояла, чтобы все, включая семью и свиту, оставались в аббатстве до тех пор, пока мальчик окончательно не поправится. Полное выздоровление заняло целых три недели, после чего блестящая кавалькада отправилась в обратный путь и без приключений вернулась в Виндзор. В этом же году скончался один из наставников Эдуарда — Хью Гиффард Бойтонский, человек высокой морали и учености. Несмотря на юный возраст своего подопечного, он сумел внушить ему уважение к праву, которое впоследствии вылилось у Эдуарда в стремление упорядочить законодательство и установить единые порядки по всей стране.

Новым наставником наследника престола стал рыцарь из королевской свиты — сэра Бартоломью де Пеш. Перед ним Генри III поставил несколько иные задачи. Сэр Бартоломью должен был открыть мальчику мир за стенами дворца и всерьез заняться его физическим развитием. Считалось, что именно с семилетнего возраста следовало начинать приобщение к рыцарским премудростям. Эдуард под руководством нового наставника учился управлять конем, постигал тонкости псовой и соколиной охоты. Сэр Бартоломью учил его владению мечом, луком и кинжалом. По-видимому, успехи принца радовали наставника, ибо Генри III вскоре издал указ, позволяющий Эдуарду охотиться в лесах, окружавших Виндзор. Хотя король содержал охотничьих собак и ловчих птиц, но они предназначались для увеселения его свиты. Сам Генри не питал особой любви к охоте и старался избегать участия в ней, однако всемерно поощрял увлечение ею сына.

Усиленные физические упражнения не уберегли принца, и в 1247 году он вновь тяжело заболел. Приставленные к наследнику престола доктора Александр и Томас отнесли к его недугу крайне серьезно, чего не скрыли и от короля. Генри III даже опасался, что наследник престола может умереть. Хронист писал: «В ночь на святого Михаила^{15} заболел Эдуард, первородный сын и наследник государя короля. И написал государь король

всем священникам, которые находились в окрестностях Лондона, где заболел упомянутый Эдуард, чтобы они с усердием вознесли молитвы за выздоровление ребенка. И помимо других написал он, в частности, аббату и конвенту Сент-Олбенса, чтобы они отслужили мессы, и все монахи участвовали бы в торжественном пении, и первая была бы за святого Альбана, а вторая — за болящего, а именно: „Всемогущий вечный Боже, верующих вечное спасение...“^{16} И милостью Господней здоровье ребенка было восстановлено»^[14].

После выздоровления Эдуард возобновил конные прогулки, упражнения с оружием и выезды на охоту, к которой он пристрастился. Это шло ему на пользу, здоровье принца постепенно укреплялось.

*

Отношения между Англией и Францией по-прежнему оставались неурегулированными: английский король требовал возврата Нормандии и отвоеванной у него части Аквитании, а французский король предпочитал никак на не реагировать на эти демарши. Он до такой степени был удовлетворен течением дел в Аквитании, что не беспокоился даже по поводу того, что Генри III все еще не принес ему вассальную присягу. Луи IX полагал, что вся Гасконь^{17} вот-вот может отложиться от своего английского сеньора. После катастрофического провала экспедиции 1243 года, предпринятой для освобождения герцогства от французов, власть английского короля, носившего одновременно титул герцога Аквитанского, признавали только территории между Дордонью и Пиренеями. При этом у него было поразительно мало рычагов влияния на своих вассалов. Вся реальная власть находилась в руках гасконских магнатов, чьи отношения с верховным сеньором, пребывавшим далеко за морем, были весьма формальными.

Слабые сеншалы, назначаемые королем, не обладали достаточными полномочиями для наведения порядка. Местные сеньоры вели себя крайне независимо, они грабили торговцев и с упоением предавались междоусобным войнам. Столицу герцогства Бордо раздирали вражда могущественных семейств Солер и Колом. В Байонне кланов, борющихся за муниципальные должности, было еще больше. К остаткам Аквитании тянули жадные руки соседние государи. Трувер^{18} Теобальд IV граф Шампанский, носивший также корону Наварры, жаждал присоединить к

своим владениям долину Адур. Фернандо III, король Кастилии, и Хайме I, король Арагона, по мелочам размениваться не собирались и претендовали на всю Гасконь целиком. Судьба герцогства висела на волоске.

Королевский ордонанс о передаче Эдуарду Аквитании вместе с островом Олерон был выпущен 30 сентября 1249 года — через три месяца после достижения наследником престола десятилетнего возраста. Однако никаких фактических властных полномочий принц не получил. Более того, король не пожаловал ему даже титула, связанного с новым владением — другими словами, герцогом Аквитанским Эдуард не стал.

Это, конечно, неудивительно — нельзя же было всерьез надеяться, что десятилетний мальчик сможет справиться с комплексом запутанных проблем и успешно управлять отдаленным герцогством, погруженным в перманентную смуту. Вопрос в другом — зачем королю вообще понадобилось вмешивать в это дело принца, если всеми делами на английских территориях в юго-западной Франции уже ворочал не кто иной, как его давний друг и советник Симон де Монфор? Граф Лестерский находился на континенте в качестве королевского наместника с весны 1248 года. Он был назначен на этот пост на семилетний срок и получил обширные полномочия во всем, что касалось управления герцогством и защиты интересов Англии от многочисленных внешних и внутренних угроз.

Симон де Монфор взялся за устройство Аквитании с большим рвением и быстро доказал всем, что недаром является сыном знаменитого гонителя альбигойцев. Он изъездил герцогство из конца в конец, чтобы сплотить немногих оставшихся сторонников английского короля, а затем занялся мятежниками. Наместник приструнил бордоских смутьянов, а также их сторонников в других провинциях, разорив владения Раймона III виконта де Фронсака. Он также разгромил войско вечного бунтовщика Гастона VII Великого виконта де Беарна и взял в плен его самого. Монфор конфисковывал земли, разрушал замки и, что хуже всего, уничтожал виноградники. Это считалось ужасным деянием в стране, основным источником дохода которой было вино. Неудивительно, что найти общего языка с гасконцами ему не удалось. В Лондон летели многочисленные жалобы на действия наместника. Обвинения в адрес Симона де Монфора оказались настолько серьезными, что ему было предписано незамедлительно предстать перед королевским советом.

Между тем номинальный владыка Аквитании, каковым являлся Эдуард, по-прежнему находился в Англии. В 1251 году он в третий раз тяжело заболел, и 1 июня король отдал следующее распоряжение

хранителю Виндзорского леса и манора Кенингтон: «Приказ Годфри Листону разрешить Б. Пешу и Э. де Монцу охотиться на козлят и других королевских животных в Виндзорском парке для надобностей Эдуарда, сына короля, когда это будет необходимо, до тех пор, пока он не излечится»^[15].

Как и в предыдущие разы, молодой организм справился с болезнью, и здоровье Эдуарда полностью восстановилось. Больше столь тяжело он уже не болел. Вскоре принц смог вернуться к своему излюбленному развлечению — охоте. К тому времени он уже считался опытным и умелым охотником. В 1252 году у Эдуарда были свои ловчие птицы и собаки, что видно из письма короля шерифу^[19] Нортхемптона: «Предписываем проследить, чтобы шесть королевских соколов, тренированных на цаплю, и четыре, принадлежащих его сыну Эдуарду, находящиеся на попечении Ральфа де Эрлехема, были заключены в клетки в Геддингтоне. Найти все необходимое для трех королевских борзых и двух, принадлежащих упомянутому Эдуарду. На расходы выделяется ½ пенни ежедневно и 1½ пенса жалованья груму, который будет за ними ухаживать»^[16].

В 1252 году Симон де Монфор предстал перед королевским советом. После внимательного рассмотрения жалоб судьи заслушали оправдания наместника и в конце концов вынесли решение в пользу графа Лестерского. Однако Генри III все-таки отстранил фаворита от управления Аквитанией, в качестве компенсации пожаловав ему семь тысяч марок. Гасконцев несколько расстроило, что их обидчик не понес сурового наказания, но в целом они были довольны исходом дела. Узнав о его смещении с поста наместника, представители гасконской знати передали королю пожелание, чтобы их номинальный господин Эдуард отныне стал господином фактическим и лично правил ими.

Генри III любил сына и испытывал естественную гордость за его успехи, но понимал, что успехи эти достигнуты пока на поприще не столь уж серьезном и что ему рано еще брать в руки бразды правления. Поэтому король лично собрался посетить свои растревоженные заморские владения, навести там порядок и успокоить жителей щедрыми дарами. Эдуарда он оставил в Англии на попечении матери Элеоноры Прованской и дяди Ричарда Корнуоллского.

Большой флот, с которым король отплывал в Аквитанию, готовился отчалить из Портсмута 6 августа 1253 года. Принц приехал туда для прощания с Генри III. Расставание далось ему очень тяжело: «Мальчик Эдуард, которого отец обнял и поцеловал со многими слезами, стоял на

берегу, рыдая и всхлипывая, и отказывался уходить до тех пор, пока мог видеть паруса кораблей»^[17]. Глубокая и горячая привязанность, существовавшая между отцом и сыном, с годами не ослабевала, а только крепла. Любовь к отцу была важной чертой формировавшегося характера Эдуарда.

*

Несмотря на отстранение Симона де Монфора от наместничества (а может быть, именно из-за того, что гасконцы перестали чувствовать тяжесть его руки) ситуация в Аквитании продолжала оставаться критической. Королю и советникам, прибывшим на континент, пришлось очень серьезно потрудиться, чтобы избежать войны, которая казалась неминуемой. Главной угрозой миру выступал все тот же неугомонный Гастон виконт де Беарн, освобожденный из заточения, но отнюдь не растерявший свой пыл. Он по-прежнему оставался убежденным сторонником короля Франции и при каждом удобном случае поднимал бунт против власти Англии.

На сей раз Гастон бунтовал не в одиночку. Он заручился поддержкой Альфонсо X, короля Кастилии, преемника умершего в 1252 году Фернандо III. Кастильские войска готовились вторгнуться в Аквитанию, где у них была собственная миссия. Альфонсо сам претендовал на это герцогство, имея на то определенные основания. В 1204 году в возрасте 82 лет скончалась Алиенора, последняя герцогиня Аквитанская из дома Пуатье. Ее пережили только двое детей — старшая Элеонора, вышедшая замуж за короля Кастилии, и младший Джон Безземельный, король Англии, который унаследовал герцогство. Элеонора приходилась прабабкой Альфонсо X Кастильскому, а Джон — отцом Генри III Английскому. Естественно, что кастильский король выдвигал свои претензии, опираясь на то, что его линия изначально была старшей.

В конце концов дипломатические усилия Генри III принесли плоды и разорительной войны удалось избежать. Король Англии сумел развалить союз своих недругов, отрядив двух тайных послов — своего секретаря Джона Мэнсела и Уильяма Биттонского, епископа Батского и Уэллзского — к Альфонсо X, гласно и негласно поощрявшему гасконских мятежников. Он предложил заключить брак между младшей сестрой кастильца Элеонорой (Леонорой) и наследником английского престола Эдуардом, а права на герцогство Аквитанское передать им. Альфонсо X согласился с

этим проектом, но выдвинул требование, чтобы принц Эдуард лично прибыл к нему в Бургос. Король Кастилии хотел оценить образованность жениха, его внешность и мастерство в рыцарских искусствах. В случае если кандидат на руку сестры пришелся бы ему по душе, он желал лично посвятить его в рыцари. Вообще-то говоря, Генри III предполагал опоясать сына мечом и надеть ему золотые шпоры в Англии во время пышной церемонии, но в принципе его вполне устраивал и вариант, предложенный будущим родственником.

Сопровождать в Кастилию Эдуарда, которому вот-вот должно было исполниться 15 лет, вызвалась королева Элеонора Прованская, во что бы то ни стало желавшая присутствовать при помолвке. Вместе с принцем отправились также его девятилетний брат Эдмунд^{20}, которому отец также дал старинное саксонское имя в честь святого мученика, и Бонифас Савойский, архиепископ Кентерберийский.

Путешествие не обошлось без осложнений. Перед отплытием из порта произошла неприятная история: моряки из Уинчелси, которым предстояло везти королеву, увидели корабль Эдуарда, оснащенный в Ярмуте. Представители соперничавших торговых городов немедленно затеяли драку, что было в порядке вещей — между матросами из Ярмута и Пяти Портов^{21} постоянно вспыхивали ссоры. На этот раз конфликт удалось быстро погасить, и в конце первой декады июня путешественники благополучно высадились в порту Бордо. Оттуда Эдуард с матерью, братом и архиепископом в сопровождении пышной свиты отправился в Бургос, куда прибыл 5 августа.

Заслужить уважение Альфонсо X было делом нелегким — король считался одним из образованнейших людей своего времени. Он поощрял переводы с арабского и латыни на кастильский, изучал мавританскую и еврейскую культуру Пиренейского полуострова, покровительствовал астрономам и математикам, инициировал составление «Всеобщей хроники», описывавшей историю мира с древнейших времен, сам сочинял музыку. Тем не менее Альфонсо остался вполне доволен знакомством с Эдуардом, из чего можно однозначно сделать вывод, что наследник английского престола также был образован изрядно.

Точных данных о полученном им образовании нет, но можно предполагать с большой степенью достоверности, что принц умел читать и писать. Говорил он на принятом в среде английской аристократии англо-нормандском диалекте французского языка, но при этом свободно общался по-английски, без проблем понимал латынь. Благодаря своим наставникам

Эдуард глубоко изучил право. Он много путешествовал по стране, регулярно посещая Вудсток, Оксфорд, Сильверстоун, Гилфорд, Хейверинг и Гиллинхэм в Дорсете, где у него были свои собственные апартаменты. Наследник английского трона превосходно исполнял все рыцарские упражнения, прекрасно ездил верхом, виртуозно владел разнообразным оружием. Излишне, наверное, упоминать, что он был весьма искушен в охоте, которая давно стала его любимым развлечением.

Эдуард заслужил расположение будущего тестя, но, что гораздо важнее, глубокой симпатией друг к другу прониклись жених с невестой. И это тоже косвенно свидетельствовало о немалых личных достоинствах принца. Элеонора Кастильская происходила из гордой и могущественной семьи. Ее прадед вел армии крестоносцев Северной Испании к великой победе при Лас-Навас де Толоса. Ее отец вернул в лоно христианства Кордову, Севилью и Кадис. Сама она была весьма образованной женщиной, увлекалась чтением рыцарских романов, отдавая предпочтение артуровскому циклу, общалась с поэтами и музыкантами. Жирар Амьенский в 80-х годах XIII века посвятил ей свой роман «Эсканор», также повествовавший о рыцарях легендарного короля Артура.

*

1 ноября 1254 года Эдуард сочетался браком с Элеонорой Кастильской, дочерью короля Фернандо III, в аббатстве Санта-Мария-ла-Реаль-де-лас-Уэльгас. Этот знаменитый монастырь был основан в 1187 году Альфонсо VIII по желанию его жены Элеоноры Английской — дочери короля Англии Генри II Короткой Мантии и Алиеноры Аквитанской.

В качестве свадебного подарка Генри III подтвердил право своего сына на владение герцогством Аквитанским в качестве апанажа^[22]. Помимо этого, Эдуард получил в управление Ирландию (за исключением земель, принадлежавших королевским фаворитам Лузиньянам и королевскому юстициарию Роберту Валерану), графство Честерское, а также несколько замков в Уэльсе, Линкольншире и Хемпшире. Это гарантировало принцу суммарный доход в размере 10 тысяч фунтов в год.

Таким образом, задолго до достижения совершеннолетия Эдуард стал правителем обширных владений и был посвящен в рыцари самим королем Кастилии. Хронист Мэтью Парижский с изрядной долей ехидства писал: «И немедленно владыка король Англии пожаловал сыну своему и жене его Гасконь, Ирландию, Уэльс, Бристоль, Стэнфорд, Грантэм — столь много,

что сам стал выглядеть корольком изувеченного королевства»^[18].

Впрочем, несмотря на широкий жест, отказываться от значительной части своих владений Генри III вовсе не собирался. Вероятно, с ним случился очередной приступ необъяснимой жадности, периодически накатывавшей на короля. Как и прежде, никаких титулов Эдуард не получил, и его официальное титулование осталось неизменным: *Edwardus primogenitus filius et heres domini Henrici regis Anglie illustris* — Эдуард, первородный сын и наследник Генри, славного короля Англии. Он не стал, как того можно было ожидать, ни герцогом Аквитанским, ни лордом Ирландии, ни даже графом Честерским. А ведь традиция наделять детей титулами в Англии к тому времени уже сложилась — Ричард Львиное Сердце до своего вступления на трон именовался герцогом Аквитанским, а его младший брат, будущий Джон Безземельный, — лордом Ирландии.

На формально дарованных ему землях Эдуард не имел полной власти. Даже в палатинате^[23] Честер король ограничивал полномочия сына, и близко не обладавшего такими же владетельными правами, как, скажем, князья-епископы Даремские^[24] в своем палатинате. Принц не мог даже назначать должностных лиц без согласования с отцом.

Особенно неважно обстояли дела с Ирландией, где влияние Эдуарда было еще меньше — практически ничтожно. Ведь остров лишь номинально представлял собой собственность английской короны, и ее власть едва ли признавалась половиной земель. Обосновавшиеся в Ирландии англо-нормандские магнаты — такие как Фицджералды лорды Оффалийские, Батлеры Килдерские, Фицтомасы Десмондские, — изначально призванные насаждать английские законы и правосудие, контролировали очень ограниченную территорию. При этом даже среди них находились «вольнодумцы» — например коннахтские Бёрки, — которые проникались ирландским духом и традициями настолько, что становились ирландцами больше, чем сами ирландцы, как часто бывает с неофитами. Значительная часть острова по-прежнему оставалась под властью вождей местных кельтских кланов.

Управлять такой страной было делом не только хлопотным, но и опасным. Недаром Лоуренс Самеркот, один из служащих королевского казначейства в Ирландии, у которого как раз в то время закончился срок службы, писал королю: «Посылайте мне преемника с тем, чтобы он прибыл сюда своевременно. Ибо знайте точно, что после дня Марии Магдалины никакое, даже самое важное дело не заставит меня вернуться в Ирландию, пусть мне и будут выдавать ежегодно в два раза больше денег на расходы.

Обо всем я доложу вам лично, если даст Господь. И когда я прибуду в Англию, то можете поступать со мной как вам заблагорассудится. Я готов скорее отправиться в тюрьму, чем в Ирландию...»^[19]

После того как Генри III передал Ирландию своему сыну, знать острова, как и остальное его население, с нетерпением ожидала прибытия нового владыки — кто с надеждой, кто со страхом, кто с неприязнью. Однако Эдуард ограничился лишь тем, что с одобрения отца назначил юстициарием Ирландии Ричарда де Ла Рошеля, и на этом его заботы о дальнем и беспокойном владении закончились. Все последующие годы он вполне удовлетворялся получением из Ирландии причитающихся ему доходов, но сам туда прибыть так и не соизволил.

*

Вместо того чтобы ехать в далекую беспокойную Ирландию, не сулившую в обозримом будущем ничего, кроме проблем, Эдуард надолго задержался в Гаскони. В конце ноября чета молодоженов прибыла в Байонну. Король Генри III, с переменным успехом пытавшийся умиротворить герцогство, взбаламученное жестоким правлением Симона де Монфора, уже давно вернулся в Англию. Гасконские дела утомили короля, и он искал предлог избавиться от них. А тут его как раз обуяла новая бредовая идея — отвоевать королевство Сицилия для своего второго сына Эдмунда, которому на тот момент исполнилось 10 лет.

В мае 1255 года Генри III официально заявил, что берет на себя обязательство организовать сицилийскую экспедицию и обеспечить ее финансирование. Король пообещал папе Александру IV выделить на эти цели 135 541 марку — сумма ошеломляющая, если учесть не самое блестящее состояние английских финансов и скромный годовой доход короны. Шли месяцы, но выполнять свои обещания Генри III не торопился. Да это было и невозможно в принципе — королевская казна испытывала острую нехватку средств.

Задачу по наведению окончательного порядка в Аквитании и подчинению местных сеньоров он ничтоже сумняшеся возложил на плечи юного сына. Эдуард сразу понял, что ему придется нелегко. То, с чем принц столкнулся, только начав разбираться во внутренних делах герцогства, являло собой значительный контраст по сравнению с тем, к чему он привык дома. Аквитания давно уже находилась в руках англичан, но ее жители не имели представления о централизованном устройстве, которым отличалась

Англия. Герцогство не было английской колонией, там действовали свои традиционные, а не английские, законы и административные порядки.

Ситуация усугублялась тем, что в отличие от других владений Аквитания представляла собой феодальный лен, который держался английскими королями от французских королей. Такая двойственность в статусе герцогства открывала перед Парижем широкие возможности по вмешательству в его дела, а гасконцам позволяла апеллировать напрямую к Парижскому парламенту, если их чем-то не устраивали решения английской администрации.

Местная знать была многочисленной, в высшей степени заносчивой, эгоистичной и задиристой. Большинство ее составляли малоземельные и бедные сеньоры, что во многом объяснялось традицией деления наследства между несколькими претендентами. Кроме того, значительная часть земель выпадала из системы феодальных держаний, поскольку входила в состав обширных церковных имений. Да, существовало несколько действительно великих сеньоров, среди которых выделялись богатством Гастон виконт де Беарн и Аманье д'Альбре. Однако таких было немного, и в склочности они ничуть не уступали своим более бедным собратьям. Неудивительно, что национальные особенности местного населения сильно разочаровали Эдуарда. Он писал: «Репутация гасконцев весьма страдает, поскольку все то, что они при заключении сделок предлагают, обещают и исполняют, весьма зыбко и переменчиво»^[20].

Главным источником доходов Гаскони, как и в древние времена, оставалась торговля вином, причем основная часть экспорта шла через богатейшие порты побережья — Бордо и Байонну. Их удачное расположение не оставляло шансов возможным конкурентам. В частности, Бордо находился в Жиронде — эстуарии рек Гаронна и Дордонь, по которым можно было доставлять товары глубоко во внутренние континентальные районы. Гордые богатством, эти города рьяно отстаивали свои привилегии и свою независимость.

Эдуард приступил к умиротворению сеньоров, прибегая попеременно к методам кнута и пряника, но отдавая предпочтение прянику. В конце концов ему удалось утихомирить герцогство. Для достижения своей цели он использовал все средства, которые оказывались в его распоряжении — в том числе приватные переговоры и судебные процессы. Порой приходилось применять и военную силу — в июле 1255 года принц вынужден был осадить замок Грамон, где затворился Арно Гийом сеньор де Грамон, не скрывавший своей антианглийской ориентации. Карая открытых врагов, Эдуард одновременно старался укрепить лояльность тех,

кто не спешил ввязываться с ним в споры и ссоры. Таких сеньоров он привлекал к себе на службу, и многие из них играли в последующие годы важную роль в его аквитанской администрации.

Опыт самостоятельного правления, приобретенный Эдуардом в Гаскони, невозможно переоценить. Юноша проявил себя умелым политиком и человеком, неплохо разбирающимся в людях. Брошенный в аквитанский омут, он не утонул, но выплыл.

*

В Англию Эдуард с женой вернулись в ноябре 1255 года и поселились в недавно построенном Савойском дворце в Лондоне. Там они жили постоянно, но с охотой выезжали для участия в развлечениях, на которые был щедр королевский двор. Из многочисленных рыцарских забав особенно запомнился англичанам турнир, проведенный в Блайте на неделе после Троицына дня, 4 июня 1256 года. Эдуард, гордый своим умением владеть оружием, выходил на бой в легкой броне, и ему посчастливилось избежать серьезных ранений. Однако не все участники турнира оказались столь удачливыми. Многие знатные рыцари, стремившиеся заслужить воинскую славу, были сброшены с коней и получили тяжелые травмы. Роджер де Куинси граф Уинчестерский и Роджер Бигод граф Норфолкский растянули себе связки и мускулы так, что они окончательно не зажили до конца их дней. А Уильям Лонгспе, сын знаменитого крестоносца и наследник титула графов Солсберийских, не смог оправиться от полученных ран и скончался спустя полгода после турнира.

Рыцарские забавы Эдуард любил, он с детства испытывал влечение к военному делу. Недаром стены его апартаментов и охотничьих домиков были увешаны портретами знаменитого двоюродного деда Ричарда Львиное Сердце — неутомимого воителя, всю жизнь прошедшего в походах. Особенно рьяно предавался Эдуард увеселениям вроде турниров и охоты, потому что других дел у него, в общем-то, не было: Генри III по-прежнему не допускал сына до управления его собственными владениями. Вероятно, король полагал, что назначенные им люди куда лучше приглядят за землями принца, да и немалые доходы с них, прежде чем попасть к казначею Эдуарда, проходили через королевские руки.

На деле же слуги Генри подчас вели себя чрезвычайно своевольно. К примеру, в Аквитании чиновники короля чувствовали себя совершенно неподотчетными наследнику трона, которому герцогство официально было

передано. Это выражалось в изъятии у населения вина сверх установленных норм. На законное возмущение такими действиями они отвечали, что это вынужденная мера для удовлетворения неотложных нужд короля.

В отчаянии гасконцы отправили своих представителей непосредственно к самому Эдуарду, который пребывал в полном неведении относительно их бед. Узнав о самоуправстве королевских слуг, принц впал в ярость. Он не побоялся предстать перед Генри III и высказать ему в лицо свои претензии. Эдуард потребовал выплаты компенсаций пострадавшим гасконцам и немедленного прекращения противозаконной практики. Король был порядком ошарашен таким неожиданным для него демаршем сына. Для порядка, конечно, он попытался притвориться возмущенным: «Глядите, как кровь моя и плоть моя выступает против меня. Глядите, не только брат мой граф Ричард раздражен и настроен против меня, но также и сын мой первородный. Глядите, как возрождаются времена деда моего Генри II, против которого дерзко восставали его собственные милые дети»^[21]. Однако королю в конце концов пришлось пообещать Эдуарду, что самоуправство в Аквитании прекратится.

Проблему можно было считать улаженной, но у принца не было никаких гарантий, что она не возникнет через некоторое время вновь. Король находился далеко от герцогства и не мог постоянно контролировать действия всех своих слуг, даже если бы и хотел. А такого желания у него явно не было. Поэтому Эдуард решил укрепить свое влияние в формально принадлежавшей ему Аквитании, но таким образом, чтобы отец по возможности об этом не узнал.

За влияние в Бордо, столице герцогства, боролись две мощные политические группировки. Одну возглавлял Гайар дель Солер, другую — Жан Колом. Симон де Монфор заставил их поумерить пыл и притихнуть, однако с его отъездом они вновь подняли головы. Если Генри III был уверен, что наилучшим решением будет лавировать между этими партиями и довольствоваться выгодной ролью посредника, то Эдуард считал иначе. Он хотел сделать ставку на одну из сторон и за спиной отца заключил 9 сентября 1256 года договор с семейством Солеров. По условиям сделки Гайар дель Солер получал поддержку принца в борьбе за полный контроль над Бордо, но за это брал на себя следующие обязательства: построить в городе новый замок, не заключать мира с врагами Эдуарда и не допускать заключения представителями рода Солеров браков без одобрения принца.

Поскольку Генри III, ничего не подозревая, продолжал проводить свою отстраненно-примиренческую политику, Эдуарду приходилось действовать

очень осторожно, чтобы не вызвать подозрений у королевского сенешаля Гаскони, которым в то время был Стивен Лонгспе, дядя смертельно раненного на Блайтском турнире рыцаря. Именно поэтому рассчитывать на быструю победу в тайном соперничестве с отцом ему не приходилось.

*

Кроме герцогства Аквитанского принцу было пожаловано и другое значительное владение, которое располагалось на западе Англии. Помимо пограничного палатината Честер оно включало в себя изрядную часть Уэльса, отвоеванную англичанами в течение долгих веков у валлийских князей. В нее входили Четыре кантрева^{25} — обширная территория на севере, граничившая с Гуинетом, а также исторические области на юго-западе — Кардиган и Кармартен.

Поскольку эти земли лежали не где-то за морями, а в непосредственной близости от Англии, король с большей охотой вмешивался в вопросы управления ими, ибо считал себя опытным политиком и администратором. Генри III даже смог добиться некоторых успехов, которыми был обязан не столько собственной ловкости, сколько слабости валлийцев: серьезного сопротивления они до поры до времени оказать просто не могли. Ливелин ап Иорверт Великий, могущественный и одаренный многими талантами князь Уэльса, умер в 1240 году. В последующие шесть лет скончались и все его дети, после чего раздробленное княжество перешло по наследству к внукам — Оуэну, Ливелину, Давиду и Родри.

Эти четверо самых влиятельных валлийских князей не слишком ладили между собой, даже находясь в столь близком родстве. Поэтому им трудно было противостоять королю Англии, единой и гораздо более сильной страны. Генри III требовал оммажа^{26} от всей валлийской знати, а также их формального отказа от претензий на земли между реками Ди и Конви. Он распространил на Четыре кантрева юрисдикцию суда графства Честер, а в Кардигане и Кармартене учредил местные судебные органы. Ничего не предвещало кризиса. Напротив, по всем соображениям Уэльсу грозила дальнейшая фрагментация: там не существовало законов, концентрирующих все наследство в руках старшего сына, и феодальные лены с каждым новым поколением все больше дробились и мельчали.

Эдуард благоразумно не становился королем поперек дороги,

поскольку плести интриги под самым его носом было по меньшей мере неумно. Почти все должностные лица, управлявшие от лица принца Честером и Уэльсом, были королевскими ставленниками. Эдуард, конечно, мог попытаться самостоятельно назначать своих людей на ключевые посты, но они получили бы полномочия только после утверждения их кандидатур королем. Естественно, принц был крайне недоволен своим зависимым положением, но не собирался открыто выступить против отца, хранил ему верность, несмотря на растущую непопулярность правления Генри III, и регулярно принимал участие в королевском совете.

Эдуард ограничился лишь кратким визитом в свои западные владения и администрацию, назначенную королем, менять не стал. Он вынужденно позволял продолжать в Уэльсе политику, на его взгляд, не самую разумную — то есть безапелляционно навязывать валлийцам английскую систему права и облагать их тяжелыми налогами. Эта политика, вкупе с недипломатичностью Джеффри де Лэнгли и Уильяма де Уилтона, главных исполнителей королевской воли в Уэльсе, вскоре привела к беде. Долго копившееся народное негодование в 1256 году выплеснулось через край, и валлийцы восстали против нововведений, насаждаемых завоевателями. Вспыхнуло восстание.

Когда Эдуард обратился за помощью к королю, самым непосредственным образом ответственному за плохое управление провинцией, тот предпочел умыть руки. Он заявил сыну: «При чем тут я? Земля твоя согласно моему пожалованию. Примени в первый раз силу, стяжай славу в юности, чтобы впредь враги тебя боялись. У меня же есть другие дела, которыми я должен заниматься»^[22].

Глава вторая. Придворные интриги

Пока король Англии и его наследник выясняли между собой, кто должен тушить вспыхнувший в Уэльсе пожар, один из четверых внуков Ливелина ап Иорверта Великого — Ливелин ап Грифит князь Гуинета решил обернуть народный гнев себе на пользу. Во главе многочисленных повстанческих отрядов он стремительно атаковал земли, расположенные к востоку от Конви, и буквально за неделю захватил все Четыре кантрева. Его армия дошла почти до самого Честера, не встретив сопротивления нигде; лишь гарнизоны замков Деганви и Дисерт затворили перед ордами валлийцев ворота. Воодушевленный легкими победами над малочисленным противником, в декабре 1256 года Ливелин бросил войска на юг. Он без особого труда покорил Мерионет и Кередигон, отобрал замки Диневаур и Каррег-Кеннен у Риса Вихана — одного из немногих князей Дехейбарта, сохранившего лояльность английскому королю и не перешедшему на сторону.

Затем Ливелин ап Грифит вторгся непосредственно во владения английских лордов Уэльской марки^[27]. Он захватил Кардиган, принадлежавший принцу Эдуарду, отобрал Гуртейрнион и земли по верховьям реки Уай у сэра Роджера де Мортимера Уигморского, вторгся в долину Северна, бросив тем самым вызов Ричарду де Клэру графу Глостерскому, и разорил маноры Джона Лестрейнджа, причинив ему ощутимый ущерб. В результате своего похода Ливелин сумел консолидировать под своей властью обширные территории, которыми правил железной рукой. Его оплотом было наследственное владение Гуинет — древнее княжество, располагавшееся на северо-западе Уэльса и включавшее также большой остров Англси (по-валлийски Мона). Центральные области находились под управлением либо наместников Ливелина, либо его вассалов.

Для того чтобы разгромить Ливелина, у Эдуарда не хватало ни сил, ни средств. Генри III не только устранился от решения созданной им же самой проблемы, но и сыну помогать не собирался — предложенные принцу 500 марок можно расценить разве что как насмешку. Эдуарду пришлось самостоятельно изыскивать средства. Он обратился к дяде Ричарду графу Корнуоллскому, который одолжил ему куда более внушительную сумму в 4000 марок. В том же году принц занял 1000 фунтов у Бонифаса Савойского, архиепископа Кентерберийского, и в погашение долга тут же

передал ему право получать доходы от манора Илэм в течение пяти лет. Кроме того, Эдуард даровал жителям Бристоля право оставлять себе городские доходы в течение четырех лет в обмен на единовременную выплату 1600 марок.

За 6000 марок он продал своей матери Элеоноре Прованской и ее дяде Пьеру Савойскому опеку над наследством Роберта де Феррерса графа Дербийского, полученное в свое время от отца. На самом деле, принц не прогадал на этой сделке, поскольку реализовал свое право за приличную цену, одновременно избавившись от хлопот по управлению имуществом. Правда, этим действием он заслужил стойкую ненависть Роберта, которому до вступления в права наследства оставалось три года и который до конца своих дней был в числе самых непримиримых врагов Эдуарда.

Остальные деньги, необходимые для ведения войны, принц также нашел в своем хозяйстве. Ведь если считать исключительно по размеру владений, а не по их доходности, и оставить за скобками его весьма непрозрачные взаимоотношения с управляющими, назначенными королем, он являлся самым крупным землевладельцем Англии того времени. Однако более-менее точно оценить размеры его доходов не представляется возможным, поскольку финансовых документов, способных пролить свет на этот вопрос, до нашего времени почти не дошло. Сохранились только записи одного-единственного аудита небольшой части собственности принца, проведенного в Бристоле в 1257 году. Из этих отчетов можно с достоверностью сделать лишь два вывода. Во-первых, маноры Эдуарда управлялись достаточно сурово — судебные доходы, как правило, в два раза превышали доходы от продажи зерна. Во-вторых, достаточно эффективно, так как не было выявлено существенных задолженностей и расходы повсеместно не превышали доходов.

Попытки подсчитать ежегодные поступления в казну Эдуарда, к сожалению, базируются только на предположениях и допущениях. Исследователи приводят разные цифры — от 6000 до 7800 фунтов в год, но вряд ли этим данным можно доверять. Понятно лишь, что даже завышенная сумма сильно недотягивает до тех 10 тысяч фунтов, которые Генри III обязался обеспечивать сыну в качестве свадебного подарка.

В начале июня 1257 года войско, снаряженное принцем, вступило в Кармартен. Сам Эдуард с английской армией не пошел, поручив командование Стивену Бозану. Главной задачей кампании был возврат Рису Вихану владений, отнятых Ливелином. Однако на берегах реки Тиви недалеко от города Ландейло валлийцы ощутимо потрепали английскую армию. Видя, что фортуна явно не на стороне англичан, Рис Вихан не

выдержал и изменил им, переметнувшись на сторону своего обидчика Ливелина ап Грифита. Сразу же после этой измены Стивен Бозан был захвачен врасплох неожиданной атакой валлийцев, был разбит и сам погиб в бою.

Новость о бесславном провале экспедиции в Кармартен вывела Генри III из состояния индифферентности. Он осознал, наконец, что игнорирование опасности вовсе не тождественно избавлению от нее, и на 1 августа 1257 года назначил сбор феодального ополчения в Честере. Эдуард был глубоко возмущен тем, что отец не поддержал его с самого начала восстания и не обеспечил адекватными ресурсами для ведения войны. Поэтому он поначалу наотрез отказался участвовать в новой кампании и даже заявил во всеуслышание о том, что лучший способ восстановить мир на западе — оставить Уэльс валлийцам. В конце концов его все-таки уговорили присоединиться к войску, и Эдуард крайне неохотно встал под королевские знамена. С ним отправились некоторые его друзья, включая Роберта де Аффорда, владельца богатых маноров в Саффолке.

Поход в Уэльс оказался совершенно бессмысленным и неэффективным во многом потому, что Бог не наградил короля Генри III талантами полководца. Армия двинулась из Честера вдоль северного побережья и дошла до деревушки Деганви в устье реки Конви. Тут дала о себе знать небрежность в организации экспедиции — у войска кончилось продовольствие, которое везли в обозе, а дополнительные припасы из Ирландии так и не прибыли. Англичанам не оставалось ничего другого, кроме как спешно ретироваться. Отход армии обернулся настоящей катастрофой: воины Ливелина висели буквально на плечах отступавших войск, безжалостно вырезая всех отставших и отбившихся от основных сил. Отрицательный опыт — тоже опыт, и впоследствии Эдуард смог избежать ошибок, допущенных в этой провальной кампании, которая закончилась подписанием унижительного перемирия.

*

Очень тяжелым выдался для Англии 1258 год. Последствия бунта в Уэльсе, во главе которого встал грозный Ливелин ап Грифит, стали только одним из несчастий, обрушившихся на королевство. Затянувшаяся морозная зима вызвала массовый падеж сначала овец, а затем и крупного рогатого скота. Страну поразили голод и мор из-за гибели озимых. Цены на продовольствие взлетели до небес — в особенности подорожало ставшее

дефицитом зерно. Некоторые современные ученые считают, что виновником поразивших Англию и другие страны Европы бедствий стал далекий вулкан Самалас на острове Ломбок. Его мощнейшее извержение выбросило в атмосферу более 40 кубических километров вулканического пепла и серы, что уничтожило местную цивилизацию и изменило погоду даже в самых отдаленных частях света. Впрочем, эту точку зрения поддерживают далеко не все исследователи.

Папа Александр IV, сидя в далеком Витербо, не нашел более удобного момента для того, чтобы прозрачно намекнуть королю Генри III на грозящие тому интердикт^[28] и отлучение от церкви в случае неисполнения взятых на себя финансовых обязательств в отношении Сицилии. Угроза была не пустым звуком, и король Англии не осмелился испытывать судьбу в прямом противостоянии с папой. Он попытался убедить знать, что обещанную Святому престолу сумму так или иначе придется собрать. На фоне серьезных потрясений, которые и так переживала страна, ожидаемо неприятный исход затеянной королем три года назад авантюры стал последней каплей, переполнившей чашу терпения английских баронов.

Знать давно тяготилась бездарным правлением Генри III, а в последнее время авторитет короны пал столь низко, что уже не мог сдерживать общее недовольство. Резко обострилась и межфракционная борьба при английском дворе, которая не затихала несколько десятилетий, но велась до сих пор по большей части подковерно. Помимо Симона де Монфора с его приспешниками на государственные дела оказывали огромное влияние родственники Элеоноры Прованской, прибывшие вместе с ней в 1230-х годах из Савойи. По месту происхождения их обычно именовали савоярами. Эту могущественную группу возглавлял дядя королевы Пьер Савойский, получивший от короля Ричмонд, а от народа прозвище «Маленький Шарлемань»^[29] за свое властолюбие. В число савояров входили также его братья — Бонифас, ставший архиепископом Кентерберийским, и Филипп, архиепископ Лионский. В свое время они пытались обрести покровителя в лице французского короля Луи IX, женатого на другой их племяннице Маргарите, однако тот не счел нужным привечать их при парижском дворе. С тем большим энтузиазмом савояры ухватились за возможность утвердиться в качестве приближенных английского короля, над которым сумели приобрести определенную власть. Самолюбивые, не слишком щепетильные, но при этом весьма способные и энергичные, они стремились играть главную роль в управлении Англией.

Еще одну фракцию образовали сводные братья короля — выходцы из

Пуатье. Они именовались лузиньянами по имени их родового замка. Изабелла Ангулемская, мать короля Генри III и вдова Джона Безземельного, вторым браком вышла замуж за Юга X сира де Лузиньяна и графа де Ла Марша. Младшие отпрыски этого союза бежали из Франции после того, как провинция Пуату была завоевана королем Луи IX, а бездарно проведенная кампания под командованием Генри III не смогла предотвратить аннексию.

В результате лузиньяны осели в Англии, где с большим почетом были приняты королем, чувствовавшим себя в некоторой степени виноватым в их неурядицах. В отличие от старшей ветви, они приняли родовое имя де Валансов, под которым и вошли в английскую историю. Генри III посвятил Гийома де Валанса сеньора де Монтиньяка в рыцари и устроил его брак с наследницей графов Пемброкских. Правда, согласно английским законам к Гийому этот титул не перешел, но зато пуатевинец стал владельцем множества маноров и замков в Уэльской марке. Его брат Эмер де Валанс был рукоположен в епископы Уинчестерские. Не обделил король должностями и оставшихся двух братьев — Ги и Жоффруа.

Лузиньяны не обладали таким доминирующим влиянием при дворе, как савояры, но непомерные амбиции и безжалостность к недругам делали их чрезвычайно опасными соперниками как для родственников королевы, так и для Симона де Монфора. Всеобщую ненависть к этой клике неанглийского происхождения вызывала безрассудная щедрость, с которой Генри III раздавал им деньги и должности. Эта ненависть беспрерывно подпитывалась нарочитой демонстрацией лузиньянами своей неприкосновенности и неподсудности: король отказывался рассматривать любые жалобы на друзей, хотя их безобразные выходки заслуживали самого строгого осуждения.

*

Савоярам и лузиньянам было тесно при дворе, и они постоянно враждовали, хотя их противостояние не оказывало до поры до времени заметного влияния на государственные дела. Порой доходило и до вооруженных стычек. Так, однажды банда приспешников де Валансов напала на дворец Ламбет — лондонскую резиденцию Бонифаса, архиепископа Кентерберийского, дяди королевы. Это был не просто акт устрашения — дворец разграбили подчистую, похитив значительную сумму денег, вынеся хранившиеся там драгоценности и столовую утварь.

Король в очередной раз не стал преследовать и наказывать преступников, что было расценено всеми, как прямое нарушение Великой хартии вольностей, запрещавшей отказывать в правосудии кому бы то ни было или препятствовать его отправлению.

Принца Эдуарда, сколько он себя помнил, всегда окружали савояры. Пьер д'Эгебланш епископ Херефордский, прибывший в Англию в свите покойного ныне Гийома Савойского, вел переговоры о его браке. Пьер Савойский служил советником Эдуарда в Гаскони. Очень важной фигурой в окружении наследника были савояры Эбле де Монц, Амбер де Монферран, Жоффруа де Женевиль и Гийом де Салан. Но принц рос, мужал и в конце концов его стала тяготить постоянная опека со стороны родственников матери, а действия навязанных ему «советников», не считавших нужным давать в них кому-либо отчет, вызывали с трудом сдерживаемый гнев.

После провального похода в Уэльс — то есть к 1258 году — Эдуард назло савоярам стал демонстративно сближаться с лузиньянами. Прежде всего, в союзе с ними он искал мощный противовес влиянию выходцев из Савойи. Кроме того, у него, как у самого могущественного лорда марки, с лузиньянами были очевидные общие интересы в Уэльсе, где те также имели обширные владения. И когда Эдуард неожиданно для окружающих передал в управление Гийому де Валансу свои замки Стамфорд, Грантэм, а также несколько богатых маноров, всем стало ясно без дальнейших намеков, что расстановка сил в придворной среде изменилась.

К сожалению, невозможно иметь дело с дегтем и при этом не запачкаться, как гласит старая английская пословица. Лично Эдуард оказался вроде бы непричастен к малопочтенным эскападам своих новых друзей, печально известных буйным нравом. Однако часть его молодых слуг не устояла перед соблазном присоединиться к их «веселым» проделкам. Так, пока принц гостил в Уолингфорде у своего дяди Ричарда Корнуоллского, молодчики из его свиты вместе с приспешниками лузиньянов вломились в монастырь, изгнали оттуда монахов и принялись ломать и крушить все, что попадалось им под руку. В том же 1258 году жители Саутуарка принесли королю жалобу на то, что слуги Эдуарда силой отбирали у них провизию.

Естественно, такое поведение людей наследника престола не могло остаться незамеченным, и недоброжелатели принца моментально воспользовались удобным предлогом. Сторонники савояров, разочарованные переходом принца в лагерь противника, обвинили его в том, что он поощряет — а если не поощряет, то как минимум втайне

одобряет — незаконные действия своих слуг. Подобные нападки Эдуард, в общем-то, заслужил, так как нес прямую ответственность за действия его свиты.

Однако на этом савояры не остановились и продолжили осыпать принца уже несправедливыми упреками в измене и в неумении держать слово. Они лицемерно заявляли, что наследнику престола следовало бы вести себя более рыцарственно. Представители клерикального крыла фракции, щеголяя своей образованностью, ехидно цитировали в адрес Эдуарда строки античных авторов:

Нильский так молод тиран — ненадежны младенчества годы;
Зрелых ведь требует лет опасная преданность слову^{30}.

Прежде всего, совсем неуместен был намек на юный возраст — Эдуарду уже исполнилось 19 лет и он стал вполне дееспособным мужчиной. Принц в полной мере ощущал себя взрослым, именно поэтому он и стремился обрести независимость от материнской родни, по-прежнему обращавшейся с ним как с несмышлеником. Обвинения в измене выглядели еще более странно. Опека со стороны савояров была ему навязана отцом, которого абсолютно не волновало мнение сына по этому поводу. В верности Эдуард им не клялся и никаких слов, которые следовало бы держать, не давал. Соответственно, дружбы с ними он не водил, хотя дружбу, безусловно, почитал и от истинных друзей без веских причин никогда не отворачивался.

Принц порвал с навязанными отцом советниками и попытался заручиться поддержкой другой влиятельной клики, пусть даже и состоявшей из малопривлекательных персонажей — и это была чистой воды политика. Эдуард прекрасно понимал, что не сможет обрести вес при дворе, а впоследствии стать полноправным правителем, если не встанет во главе собственной фракции. Балансируя между уже сложившимися придворными партиями, он понемногу обзаводился сторонниками, преданными ему самому. В окружении принца появились Джон де Уоррен граф Саррейский, знатный норфолкский дворянин Джон де Во, а также лорды Уэльской марки — Роджер де Клиффорд и Хеймо Лестрейндж. Примерно в это же время к свите Эдуарда присоединился гениальный юрист и администратор Роберт Бёрнелл.

Альянс принца с лузиньянами вызвал большое смутение в рядах королевских придворных, и они не замедлили с ответным ходом.

Напуганный папской угрозой интердикта и отлучения, король призвал баронов на заседание парламента в Вестминстер весной 1258 года. Представители знати прибыли туда в весьма радикальном настроении, поскольку не собирались раскошелиться на королевскую причуду — завоевание далекого сицилийского трона. Да и в целом они были крайне недовольны правлением Генри III.

Рано утром 30 апреля 1258 года большая группа магнатов и рыцарей ворвалась, гремя доспехами, в королевские апартаменты Вестминстерского дворца. В первых рядах находились савояры во главе с дядей королевы Пьером Савойским, а также влиятельные лорды — лучший друг короля Симон де Монфор граф Лестерский, Ричард де Клэр граф Глостерский, Роджер Бигод граф Норфолкский, Хамфри де Боэн граф Херефордский и бывший юстициарий Ирландии Джон Фицджеффри. Таким образом, савояры, обвинявшие принца в измене и неумении держать слово, сами без каких-либо угрызений совести нарушили клятву верности монарху. Что ж, обычно громче всех «Держи вора!» кричит сам вор...

Мятежники потребовали от короля пойти на две серьезнейшие уступки. Во-первых — немедленно прогнать от двора лузиньянов. Во-вторых — учредить совет, который контролировал бы все действия монарха. Парламент поддержал эти требования, а у Генри III не было ни сил, ни возможностей ему противостоять. Король вынужденно согласился с навязываемой ему политической реформой, а вслед за ним дал свое согласие и наследник престола. Принц понимал, что Генри III управляет страной не лучшим образом, но был тем не менее предан отцу. С другой стороны, ущемление прав короны никоим образом ему не нравилось, и он вынужден был принять ультиматум вслед за королем против своей воли.

Гордые одержанной победой, мятежные магнаты, которых историки впоследствии окрестят «баронской оппозицией», собрались в Оксфорде на свой совет. Они основательно потрудились над тем, чтобы реформа как можно больше ограничивала королевскую власть в ключевых вопросах управления страной, и вполне в этом преуспели. Детально проработанный проект реформы был представлен баронской оппозицией на рассмотрение парламента, прозванного впоследствии Безумным и проходившего в том же Оксфорде. Большая часть знати высказалась в поддержку этого проекта, который после утверждения получил название Оксфордские провизии.

В чем же заключалась суть реформы? Над королем, а также над

канцлером, министрами и судьями учреждался контроль Совета Пятнадцати. Члены этого совета избирались 24 лордами, половина из которых назначалась магнатами, а половина — королем. Назначение всех должностных лиц королевства — от казначея и канцлера до шерифов и бейлифов^{31} — становилось безусловной прерогативой парламента, который с этого момента должен был собираться на регулярной основе трижды в год. Каждое графство получило право избирать четырех рыцарей из числа наиболее уважаемых для расследования злоупотреблений со стороны королевских чиновников. Эти рыцари имели даже полномочия производить аресты. Из 21 важнейшего королевского замка изгонялись констебли-инородцы, их заменяли люди, имеющие английское происхождение. На должность главного юстициария — главы администрации королевства — парламент назначил Хью Бигода, который был младшим братом Роджера Бигода графа Норфолкского, одного из идейных вдохновителей баронской оппозиции.

Таким образом, Оксфордские провизии нанесли по королевской власти куда более сильный удар, чем знаменитая Великая хартия вольностей^{32}, подписанная в 1215 году в Раннимиде Джоном Безземельным по принуждению баронов. Но, расшатывая королевское единовластие, реформа неожиданным образом укрепляла в сознании всех подданных английского короля, независимо от их родovitости и даже от страны рождения, представление о том, что королевство Англия неразделимо, независимо и должно поэтому управляться как единое целое людьми, которым небезразлична его судьба.

Это понимание постепенно вытесняло настроения, господствовавшие в предшествующее столетие. Вот как отзывался о нравах, царивших в стране при короле Стивене Блуаском^{33}, августинский монах Уильям из Ньюбери: «И действительно писалось во времена оны о древнем народе: „В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым“^{34}. Но в Англии при короле Стивене было хуже... Опять же, усердием партий во всех провинциях возводилось множество замков. Так что было в Англии в некотором роде столько королей (а вернее, тиранов), сколько владельцев замков, и каждый из них чеканил собственную монету и обладал властью, подобно королю, в установлении законов»^[23].

Генри III и Эдуард скрепя сердце поклялись на Евангелии добросовестно выполнять все требования баронов, перечисленные в Оксфордских провизиях, а также подчиняться решениям Совета

Пятнадцати. Король не осмелился противоречить требованию баронской оппозиции изгнать из Англии лузиньянов и не смог защитить своих фаворитов. Иначе поступил Эдуард, который не побоялся публично их поддержать, демонстративно назначив Жоффруа де Валанса сенешалем Гаскони, а его брата Ги — хранителем острова Олерон. В защиту лузиньянов выступили также друзья принца — Генри Алеманский и Джон де Уоррен граф Саррейский.

Однако ненависть к выходцам из Пуату была столь велика, что даже заступничество наследника трона и видных английских магнатов не смогло ее пересилить. Лузиньянам пришлось сначала бежать в Уинчестер и укрыться в замке Вулвси, принадлежавшем Эмеру де Валансу, а затем и вовсе покинуть королевство. Все патенты, выданные на их имена, а также королевские пожалования были немедленно аннулированы. Однако Эдуард упорно не отменял своих назначений и сопротивлялся нажиму баронской оппозиции до ноября, когда ему все-таки пришлось сдаться.

Столь самоотверженная защита своих сторонников принесла его подопечным не много пользы, но зато сильно навредила самому принцу. К нему приставили четырех «советников» — Джона Балиола, Роджера де Мохота, сэра Джона де Грея Ширлендского и Стивена Лонгспе. В их обязанности входило следить за каждым шагом Эдуарда. Канцлер принца принужден был дать клятву, что он не будет скреплять печатью ни одного письма, написанного его господином, пока с текстом послания не ознакомятся советники.

Власть короля на какое-то время стала чисто номинальной. Все вершил Совет Пятнадцати, всеми делами ворочал новоназначенный главный юстициарий. К ним стекалось множество жалоб на злоупотребления в графствах, виновниками которых были не только королевские слуги, но и подручные магнатов. Члены Совета были полны решимости бороться с выявленными преступлениями невзирая на лица. Они объявили, что незаконные действия бейлифов будут наказываться независимо от того, кем они поставлены на свои должности.

Отстраненный от управления страной Генри III, как всегда случалось с ним в кризисные моменты, бросился искать утешение в религии, отстранившись от земных проблем.

*

Несмотря на то что Эдуарду не были близки ни цели, намеченные

баронской оппозицией, ни методы их достижения, он старался наладить дружеские контакты с лидерами оппозиции. Принц полагал, что это принесет им с отцом больше пользы, чем демонстрация неприкрытой враждебности. Правда, были отдельные личности, с которыми он не горел желанием искать общий язык — например Симон де Монфор и савояры, составлявшие ядро оппозиции. Помимо того, что они сами не готовы были идти ни на какие уступки, Эдуард с детства относился к ним с неприязнью.

Его сближение с некоторыми влиятельными магнатами не осталось незамеченным. Усиления позиций принца не желали многие, и кто-то из недоброжелателей постарался максимально осложнить ему жизнь. В июле 1258 года Эдуард завтракал в Уинчестере с Ричардом графом Глостерским и его братом Уильямом. Трапеза окончилась трагедией — оба де Клэра получили тяжелые отравления, причем Уильям вскоре умер, а у Ричарда выпали волосы и ногти на руках и ногах. Организаторы преступления постарались подставить принца основательно: в ходе расследования выяснилось, что вина ложится на Уолтера де Скотни, стюарда графа Глостерского, а он по странному совпадению оказался одним из арендаторов Эдуарда. Преступник был осужден и приговорен к страшной казни — повешению, потрошению и четвертованию.

Однако этот инцидент ни в малой степени не повлиял на отношения Эдуарда и Ричарда де Клэра, хотя цель провокации наверняка состояла в том, чтобы развалить опасный союз могущественного магната и наследника престола. В причастность принца к покушению на убийство никто не поверил, и граф Глостерский остался с ним в дружеских отношениях. Более того, 14 марта 1259 года между Эдуардом и Ричардом де Клэром был официально заключен союз. Граф Глостерский обязался помогать принцу советом и поддерживать его сторонников; то же самое он обещал от лица своих друзей и союзников, среди которых были такие важные персоны среди баронской оппозиции, как маршал Роджер Бигод граф Норфолкский, Уильям де Форс титулярный граф д'Омаль^{35} и лорд Холдернесский, главный юстициарий Хью Бигод, северный магнат сэр Генри де Перси, знатный англо-шотландский дворянин Роберт Брюс лорд Аннандейлский.

К тому времени вокруг Эдуарда сплотилась достаточно сильная, независимая от старых придворных фракций группа. Помимо тех, кто уже связал свою судьбу с наследником престола ранее, туда вошли его друг детства и кузен Генри Алеманский, Болдуин де Лиль, Филипп Бассет Хай-Уикомский, бывший королевский юстициарий Роберт Валеран, новый стюард принца Роджер де Лейборн, Уоран де Бессингборн и Уильям Ла

Зуш. Приверженцем Эдуарда стал даже один из приставленных к принцу «советников» — Стивен Лонгспе.

Продолжать полностью игнорировать права своего двадцатилетнего сына и по-прежнему бесконтрольно распоряжаться в его владениях через своих ставленников Генри III более не мог. Королю пришлось поступиться в пользу Эдуарда частью властных полномочий. После того как принц вынужденно расстался с буйными лузиньянами, ни его самого, ни его слуг никто уже не мог обвинить в причастности к каким-либо актам насилия и беззакония. Напротив, Эдуард начал выказывать немалую озабоченность восстановлением справедливости и беспристрастностью отправления правосудия на своих землях. Так, 21 августа 1259 года он отправил из Уорика приказ судье Честера, в котором говорилось: «Если под давлением какой-либо влиятельной персоны мы или наши бейлифы отказываем любому из наших подданных в общем правосудии^[36], то мы тем самым теряем благосклонность и Господа, и людей, а наша власть принижается. Таким образом, мы желаем, чтобы общее правосудие оказывалось каждому»^[24].

Эдуард становился весьма важной фигурой при дворе. В октябре 1259 года после открытия парламента в Вестминстере к нему и к членам Совета Пятнадцати во главе с графом Глостерским явилась делегация неких представителей «Сообщества бакалавров Англии» (*communitas bacheleriae Angliae*). Кто это были такие, до сих пор доподлинно не известно, но скорее всего, так называли себя молодые люди рыцарского достоинства, принадлежавшие к баронским свитам. «Бакалавры» требовали распространить меры по реформированию системы правосудия и управления, принятые в королевских владениях, на земли всех английских лордов. Именно тот факт, что одним из адресатов петиции оказался Эдуард, который не был членом руководившего страной Совета Пятнадцати, доказывает, что наследника трона считали важной — а главное, самостоятельной — политической силой.

Эдуард принял «бакалавров» и заявил им следующее. Да, он действительно поклялся подчиняться Оксфордским провизиям под принуждением. Однако, единожды дав слово, он не собирается его нарушать и приложит все силы к тому, чтобы не только король, но и лорды исполнили свою часть обязательств, предусмотренных планом реформы.

На осенней парламентской сессии в Вестминстере работа над Оксфордскими провизиями продолжилась. Лидеры баронской оппозиции еще раз обсудили их содержание и предложили более широкий проект, получивший известность как Вестминстерские провизии. Помимо оксфордских пунктов в них вошли разъяснения прав наследования и опекуна. Была сделана попытка законодательно урегулировать взаимоотношения между лордами и их арендаторами, ограничить произвол лордов в их феодальных судах. Запрещалась практика назначения иностранцев на государственные должности и на командные посты в английских крепостях.

Король с принцем вновь подтвердили свое согласие с планом реформ. Таким образом, внутривластные вопросы не стали причиной раздоров, хотя и Генри III, и Эдуард опять пошли на этот шаг под сильнейшим давлением баронской оппозиции. Однако осложнившееся международное положение все-таки нарушило хрупкий консенсус и привело к крупной ссоре в самых верхах английской власти. В то время шли активные переговоры с Францией, которые имели своей целью завершить, наконец, столетнее противостояние между двумя странами и заключить прочный мир. Условия, предложенные с позиции силы французским королем Луи IX, предполагали окончательный отказ английского короля от претензий на те земли, которыми когда-то владели его предки и которые фактически были уже сданы французам как незадачливым Джоном Безземельным, так и самим Генри III. Из обширнейших владений на континенте у Англии оставались только Гасконь, Сентонж и Ажене.

Фракции Ричарда де Клэра графа Глостерского и савояров равнодушно поддержали заключение договора на этих условиях. Им не было никакого дела до заморских владений английской короны. Контролируемый ими Совет Пятнадцати готовился отправить на континент посольство для подписания позорного соглашения. Однако против неожиданно принципиально и резко выступил Эдуард. На то у него было несколько причин. Во-первых, принцу претила сама мысль потворствовать ущемлению прав английской короны и стать свидетелем падения ее авторитета теперь уже не только в Англии, но и во всем христианском мире. Во-вторых, предложенный французами сценарий напрямую угрожал его владениям в Гаскони. Это было отнюдь не абстрактным принципом, а вполне реальной опасностью, чреватой в том числе и большими финансовыми потерями.

Таким образом, поддержка Ричардом де Клэром окончательной передачи бывших английских владений королю Луи IX Французскому

однозначно расценивалась Эдуардом как измена. Существовал, правда, и еще один спорный вопрос, угрожавший союзу принца и графа Глостерского. Они оба претендовали на владение Бристолем — богатейшим городом, расположенным в нижнем течении реки Эйвон недалеко от ее впадения в Бристольский залив. Это был крупный ремесленный центр и важный порт, через который велась вся торговля с Ирландией. В то же время интересы Эдуарда удивительным образом совпали с интересами Симона де Монфора, которого принц никогда не числил среди своих друзей или хотя бы союзников. Граф Лестерский, руководствуясь сугубо личными соображениями, также противился заключению мирного договора на означенных условиях и на этой почве даже разругался со своими сторонниками по баронской оппозиции. Он активно поддерживал весьма спорные претензии своей жены Элеоноры, сестры короля Генри III, на Нормандию.

Так или иначе, но именно Симон де Монфор оказался единственным магнатом в Совете Пятнадцати, который всеми силами затягивал переговоры с Францией. Тем самым он становился естественным союзником Эдуарда. Принц неохотно пошел на заключение альянса с властолюбивым графом Лестерским, но при этом четко заявил о своей незыблемой верности королю. Вместе с ним на сторону Симона де Монфора перешли Генри Алеманский, Джон де Уоррен граф Саррейский и Роджер де Лейборн.

Недоброжелатели Эдуарда, которых у него было в достатке и среди савояров, и среди баронской оппозиции, поспешили обернуть в свою пользу лавирование принца между придворными фракциями и в очередной раз попытались обвинить его в нечестности, неверности и лицемерии.

С кем пристало бы сравнить благородного Эдварда?
Всем напоминает он по повадкам леопарда.
Это имя разделив, мы получим льва и барса.
Льва — поскольку никогда жаркой схватки не боялся.
<...>
Чуждый постоянству барс, не державший обещаний,
Криводушие скрывал под приятными речами.
В угол загнанный, держал тьму посулов наготове,
Но угрозы избежав, забывал о данном слове^[25].

Оснований для подобного рода эскапад у врагов Эдуарда было

немного. Принц с неохотой впутывался в придворные интриги, всегда четко заявлял о своей позиции, не отступался от друзей и уж никогда не преступал клятв. Но для того чтобы опорочить человека, совсем не обязательно иметь в наличии достоверные факты.

*

Два человека, даже столь влиятельных, как Эдуард и Симон де Монфор, не смогли переломить ситуацию и заставить Совет Пятнадцати пересмотреть свое решение. И вот 15 ноября 1259 года король Англии в очередной раз пересек Ла-Манш, чтобы заключить мир с королем Франции. Согласно постыдным условиям Парижского договора, подписанного Генри III и Луи IX, Англия отказывалась от всяческих притязаний на Нормандию, Анжу, Мэн, Турень и Пуату — провинции, еще недавно входившие в состав огромной Анжуйской империи.

За оставленные ему владения во Франции Генри III принес вассальную присягу, хотя до этого герцоги Аквитанские не имели четко зафиксированных феодальных обязательств перед французской короной. Теперь же герцогство стало в полном смысле слова леном, подпадающим под высшую юрисдикцию короля Франции, что вряд ли могло поднять престиж английского монарха. Правда, Луи IX сделал вид, что хочет подсластить пилюлю. Он дал обещание пойти на некоторые уступки на юго-западе страны — отдать Ажене, Сентонж и Керси, а также некоторые земли в Лиможе, Каоре и Перигё. Но это было очевидно неравноценной компенсацией и больше походило на плохо завуалированную насмешку.

Папа Александр IV пришел в восторг, узнав о подписании долгожданного мира между извечными соперниками Францией и Англией. Он называл Генри III «наихристианнейшим королем» — *Rex Christianissimus*. Но по правде говоря, английскому монарху куда больше подходило прозвище, автором которого стал великий Данте Алигьери — *Vir simplex* или «простак». Хотя Генри всерьез считал себя выдающимся государственным деятелем, на деле он был слабохарактерным человеком и плохим политиком. Король имел склонность к созданию авантюрных схем, которые если не оказывались на практике совершенно бредовыми, то уж безусловно выходили за рамки его способностей воплотить их в жизнь. Это пристрастие привело к тяжелым финансовым и политическим последствиям для Англии.

Несмотря на то что в ближайшем окружении Генри III было много

талантливых людей, он умудрялся облекать своим доверием негодных советников и следовал их сомнительным рекомендациям в самое неподходящее время. Рано потерявший отца, брошенный матерью, он не имел в детстве перед глазами примера того, как надо управлять страной. Король всю жизнь находился под чужим влиянием, которое далеко не всегда было благотворным. Вот и сейчас, пока Генри III находился во Франции, королевские советники потихоньку настраивали его против сына, и это им вполне удавалось. На обратном пути в Англию, в канун Пасхи 1260 года король неожиданно остановился в Сент-Омере и наотрез отказался ехать дальше. Он заявил спутникам, что получил достоверные известия о предательстве Эдуарда. Его сын, продолжал король, возглавил мятежных магнатов и замышляет схватить своего отца по дороге в Лондон, свергнуть его с трона. Этой паранойей Генри страдал достаточно долго. Продолжить путь домой король согласился только после того, как его брат Ричард граф Корнуоллский поручился за Эдуарда своей честью.

В окрестностях столицы действительно было беспокойно, но события там разворачивались совершенно не по тому сценарию, который был преподнесен королю советниками. Ссора между Эдуардом и графом Глостерским разгоралась все сильнее. Соперники подошли под стены Лондона в сопровождении многочисленных и хорошо вооруженных воинских отрядов. Испуганные городские власти побоялись открывать перед ними ворота, опасаясь кровавых стычек на городских улицах.

В конце апреля в Англию вернулся Генри III и, все еще не доверяя до конца сыну, приказал впустить в город только графа Глостерского. Эдуард смог войти в Лондон лишь после того, как все тот же Ричард граф Корнуоллский при активной поддержке Бонифаса Савойского, архиепископа Кентерберийского, убедил короля, что не подобает так вести себя с наследником, против которого не выдвинуто никаких вразумительных обвинений.

Когда оба соперника оказались внутри городских стен, граф Корнуоллский в третий раз за столь короткий срок выступил в роли миротворца. Теперь он в компании с самим королем мирил Эдуарда с Ричардом де Клером. Основной раздражитель в отношениях принца и графа Глостерского исчез — договор с Францией был подписан, отыграть назад было уже невозможно. Поэтому противники согласились оставить распри в прошлом и поклялись отказаться от взаимных претензий, возобновив тот союз, который был заключен между ними годом ранее.

Постоянные придворные интриги быстро наскучили Эдуарду, который на деле был человеком куда более прямолинейным, чем о нем думали современники. Кроме того, он чувствовал, что король все еще не до конца доверяет ему — королевские советники во Франции постарались на совесть. Зная отходчивый характер отца, он решил по примеру Симона де Монфора на время оставить Англию, чтобы Генри немного остыл и смог мыслить рационально.

В сопровождении своих друзей Роберта Бёрнелла, Джона де Уоррена, Роберта де Аффорда, Уильяма Ла Зуша и Уорана де Бессингборна принц отбыл на континент, где всей душой отдался развлечениям, особое внимание уделяя рыцарским турнирам. В Англию Эдуард заглянул лишь на короткий срок осенью: 8 октября 1260 года он принял знак королевской милости — опеку над Томасом, семилетним наследником умершего в мае Уильяма де Форса лорда Холдернесского. Это был недвусмысленный знак, что всякое недопонимание между Генри III и наследником устранено.

Посвятив в рыцари двух старших сыновей Симона де Монфора, с которым Эдуард продолжал поддерживать союзнические отношения, в ноябре принц вновь вернулся в Гасконь. Помимо рыцарских забав, его удерживало на континенте и более важное дело. Он потихоньку восстанавливал добрые отношения и налаживал контакты с опальными лузиньянами. В конце ноября Эдуард встретился в Париже с Гийомом де Валансом и его братом Эмером. После этой встречи принц назначил третьего брата — Ги де Валанса — своим лейтенантом в Гаскони.

Милость принца к представителю опальной фракции стала неожиданностью для многих, но не для короля, с которым Эдуард, вероятно, обсудил это во время пребывания в Англии. То, что Генри III был заранее поставлен в известность о планах сына, подтверждает твердая позиция короля по защите креатуры принца. Многочисленным врагам лузиньянов при дворе, по большей части входившим в состав баронской оппозиции, долгое время не удавалось заставить Генри отменить распоряжение Эдуарда, хотя они оказывали на короля сильнейшее давление. Только 27 марта 1261 года король издал приказ, под нарочито надуманным предлогом запрещающий Гийому де Валансу возвращаться в Англию: «Король Эдуарду, сыну своему первородному — привет. Поскольку Гийом да Валанс, соратник наш, не обеспечил безопасность госпоже королеве Франции во время ее поездки в Англию, как сие

исполнил наш другой соратник, упомянутый рыцарь Ингрэм де Вильер, то мы никоим образом не желаем, чтобы с вами либо иным путем он вступил в наше королевство без нашего особого дозволения»^[26].

Эдуард не придавал полученному им королевскому приказу абсолютно никакого значения. Да и сам Генри III, как только позволили обстоятельства, моментально забыл о собственных строгих предписаниях. В середине апреля папа Александр IV издал буллу *Ad audientiam nostram* (лат. «До нашего слуха»), в которой освободил короля от всех клятв, данных во исполнение Оксфордских и Вестминстерских провизий. Генри III не замедлил оповестить об этом как своих политических противников, так и сторонников. Он сразу же лишил должностей ключевых министров, навязанных ему баронской оппозицией, заменив их на своих людей. Первым пострадавшим оказался юстициарий Англии Хью Ле Деспенсер Лафбороский, в 1260 году сменивший на этом посту Хью Бигода. Вместо него Генри III назначил Филипа Бассета Хай-Уикомского, не разделявшего оппозиционных настроений своей семьи и входившего в близкое окружение принца. Должность лорд-канцлера перешла от баронского ставленника Николаса архидиакона Илийского к роялисту Уолтеру де Мертону.

Не обращая внимания на недавний королевский приказ, Эдуард спокойно прибыл в Англию в сопровождении Гийома де Валанса. Король демонстративно продемонстрировал изгнаннику свое расположение, возвратил ему замок Херефорд и некоторые другие владения. Он открыто бросал вызов баронской оппозиции, которая к тому времени в значительной степени потеряла свое единство и силу. Эдуард разделял неприязненное отношение отца к мятежной знати, так как весьма негативно относился к самой идее унижения королевской власти.

Впрочем, сторонники магнатов-реформаторов не оставляли попыток если не посорить Генри III с принцем, то хотя бы создать впечатление, что между отцом и сыном нет ни любви, ни согласия. В этом баронской оппозиции помогало бойкое перо их ярого приверженца — уже знакомого нам Мэтью Парижского, автора хроники *Flores historiarum*. Хронист утверждал, что Эдуард по возвращении в Англию упрекал короля за бесчестное поведение — якобы именно так он расценил отказ Генри исполнять принесенные баронам клятвы. Что сам наследник, несмотря на папскую буллу, подтвердил свою клятву и вступил в тесный альянс с Симоном де Монфором графом Лестерским и Ричардом де Клэром графом Глостерским. Что он плечом к плечу с ними выступил против Генри и вынудил того бежать в мощный Дуврский замок на берегу Ла-Манша,

откуда король намеревался в случае угрозы жизни переправиться во Францию.

Однако в реальности все обстояло совсем не так, как хотелось бы хронисту и стоящим за ним противникам крепкой королевской власти. На самом деле пересечь Ла-Манш поспешил Симон де Монфор, рассорившийся с графом Глостерским и не веривший в силу своих сторонников. А король между тем продолжал оказывать все новые и новые милости Эдуарду, с которым у него наконец-то установилось полное взаимопонимание, и людям принца. Так, 23 мая 1261 года он разрешил соратнику сына Роберту де Аффорду не возвращать крупный долг еврейским ростовщикам, а 4 июня сам принц получил от отца весьма щедрый дар: «Жалуем Эдуарду, королевскому сыну, опеку над землями и наследниками Роберта де Стаффорда, включая браки наследников, опеку, пособия, браки, церковные бенефиции и все прочие источники доходов, за исключением вдовьей доли, которая следует Джоанне, бывшей жене упомянутого Роберта, и ее замужества, которое следует королю»^[27]. Надо заметить, что богатство рода Стаффордов было немалым — их предок Робер де Тони, знатный нормандский сеньор, пришел в Англию вместе с Уильямом Завоевателем и стал одним из крупнейших вассалов: Книга Страшного суда^[37] приводит список, в котором значится 131 принадлежавший ему манор.

В общем, предложенная автором «Цветов истории» легенда критики не выдерживает. Она то ли полностью сфальсифицирована, то ли является эхом событий весны 1260 года, когда между Генри III и Эдуардом действительно случился кратковременный разлад из-за того, что советники наветами породили у короля недоверие к сыну.

*

Вскоре Эдуард вновь отправился на континент, но на этот раз там его ожидали не развлечения, а дела. Он отплыл в Аквитанию, где тщательно разжигаемая им вражда между семьями Солер и Колом завершилась в конце концов победой его ставленника. Наконец-то был принят новый закон об управлении столицей герцогства — городом Бордо. В результате Эдуард получил полный контроль над постом мэра, как он и планировал в свое время, когда заключал секретный договор с Гайяром дель Солером. Таким образом, выбранная принцем долгосрочная политика увенчалась

успехом.

В Аквитанию Эдуард прибыл с расширенными полномочиями. Он ужесточил контроль за чеканкой монет и добился определенных успехов в восстановлении законности и порядка в беспокойном герцогстве. Правда, он взялся за дело слишком рьяно, и поначалу в Англию потоком шли жалобы на него. Для проведения даже минимальных реформ требовались деньги, и он не останавливался ни перед чем, чтобы их добыть. После смерти Жеро де Мальмора, архиепископа Бордоского, принц, не колеблясь, конфисковал его светские владения и доходы от архиепископства. Как и все люди Средневековья, он был чрезвычайно набожен, однако не испытывал такого пиетета перед священнослужителями, как его отец. Принц не без оснований подозревал, что охватившая Англию смута во многом вызвана жадностью Святого престола и прелатов, которые обложили страну непомерными поборами, пользуясь слабостью королей, занимавших трон последние 60 лет.

Со смутьянами Эдуард вел себя крайне жестко, но к тем, кто выказывал желание сотрудничать, он относился вполне благожелательно. Благодаря разумной политике, которая уже принесла ему здесь успех в прошлом, он сумел стабилизировать ситуацию. Эдуарду удалось даже склонить к чему-то вроде сотрудничества вечного мятежника Гастона VII Великого виконта де Беарна. Гайар дель Солер писал королю Генри III: «Знайте, великолепный господин, что с господином нашим Эдуардом все хорошо и благополучно, и дела в Гаскони, хвала Господу, приходят в порядок. Господин Гастон де Беарн с ним в хороших отношениях, оба они выступили в поход против замка Молеон»^[28]. Этот замок стоял в стратегически важном месте — он контролировал путь из Аквитании в Наварру через Пиренеи. Владевшие им виконты де Суль извлекали из столь выгодного географического положения своих владений немалые доходы и всячески противились усилению влияния английских королей. Поход, о котором писал Солер, положил конец конфликту, растянувшемуся на десять лет — Ожье III, последний виконт де Суль, сдал замок Эдуарду.

Принц планировал вернуться в Англию к Рождеству 1261 года, однако дела вынудили его задержаться. На английский берег он ступил только в конце февраля 1262 года и сразу же был втянут в крайне неприятные разборательства. Против одного из самых старых его слуг — стюарда Роджера де Лейборна — были выдвинуты обвинения в хищении и растрате имущества. В процессе разборательства всплыла не очень красивая история, связанная с матерью Эдуарда. Элеонора Прованская, по слухам, имела на сына сильное влияние и часто использовала его к своей выгоде.

Продолжатель хроники Джервейза из Кентербери писал тогда: «Господина Эдуарда настроила против него (Лейборна. — В. У.) злоба его матери; он отвечал за учет и был обвинен в задержке платежей на тысячи фунтов с целью мошенничества и обмана»^[29]. Наследник престола не имел обыкновения сурово карать ни своих друзей, ни своих преданных слуг. Поэтому Роджер де Лейборн только потерял должность, и этим все наказание ограничилось. Он остался в свите принца и продолжал ему служить в течение многих лет.

Поскольку Эдуард часто находился в разъездах, а кроме того, постоянно участвовал в рыцарских турнирах, ему требовались наличные деньги. Он упросил отца несколько изменить принципы финансирования в пользу прямых выплат. Принц отдал короне во временное пользование свои маноры Стамфорд, Грантэм, Тикхилл и Абергевенни, земли в Норфолке и Саффолке, полученные путем обмена у Пьера Савойского, а также острова Гернси и Джерси. Кроме того, в сделку были включены владения наследников Уильяма де Кантилупа и Джона де Лангвилера, опекуном которых был Эдуард. Взамен король предоставил ему все выплаты от еврейской общины Англии на три года вперед.

В июле 1262 года Эдуард снова отправился в поездку за границу — на этот раз вместе с отцом. Генри III должен был провести во Франции очередной раунд переговоров по Парижскому договору 1259 года, но принц не собирался принимать активное участие в работе над документом, поскольку изначально был принципиальным противником условий, закрепленных в нем. Он предпочел отдаться развлечениям, хотя одним неприятным вопросом ему волей-неволей пришлось заняться.

Двумя годами ранее он конфисковал владения покойного Жеро де Мальмора. Незадолго до прибытия принца во Францию в Бордоской епархии появился вновь избранный архиепископ Пьер де Ронсево, который с изумлением обнаружил, что лишен всех связанных со своей должностью доходов. Он пожаловался папе и потребовал вернуть утраченные финансовые источники. Булла Урбана IV, принявшего сторону своего прелата, в августе застала Генри III и Эдуарда в Париже. Король приказал принцу уладить эту проблему, поскольку совершенно не желал обострять отношения с папой. Наследник подчинился и вернул конфискованные владения и доходы с них новому архиепископу.

Умиротворив Урбана IV и Пьера де Ронсево, а также успокоив отца, Эдуард вернулся к рыцарским забавам и с блеском выступил на нескольких турнирах. К несчастью, на последнем состязании он получил тяжелое ранение, окончательно оправиться от которого смог только к концу года. И

вовремя — ибо в самом начале февраля 1263 года Эдуарда призвали в Англию тревожные известия о волнениях, охвативших Уэльс. Неугомонный Ливелин ап Грифит, ободренный примиренческой позицией Англии, опять атаковал английские земли и добился впечатляющих результатов. Он с ходу захватил замки Дисерт и Деганви, откуда быстрым маршем переместился на юг, угрожая вторжением в Гуэнт и Абергевенни. Английскими войсками в Южном Уэльсе командовал уорикширец Питер де Монтфорт из замка Бодезерт — соратник и однофамилец^{38} графа Лестерского. Он не был родственником бывшего королевского фаворита и происходил из древнего англо-нормандского рода, его предки прибыли в Англию вместе с Уильямом Завоевателем. Все знали Питера как отважного человека и опытного бойца, однако безнадежное сопротивление превосходящим силам валлийцев не очень его прельщало. Монтфорт довел до сведения короля и принца, что вынужден будет сложить свои полномочия, если не получит подкреплений.

Эдуард высадился в Англии 24 февраля с сильным отрядом наемников, завербованных во Франции. Оставив гарнизон в Виндзорском замке, он двинулся напрямик к границе и в конце марта обосновался в Бристольском замке. Прошло полтора месяца, но никакими успехами похвастаться он, к сожалению, так и не смог. Единственным его достижением, если можно так выразиться, стало подписание 3 апреля в Херефорде союзного договора с Давидом, младшим братом Ливелина. Впрочем, этот альянс несколько не способствовал делу умиротворения Уэльса.

Одной из основных причин провала кампании по сдерживанию валлийцев стала несогласованность в действиях англичан. Да и о какой согласованности можно было говорить, если лорды марки, привыкшие к бесконтрольности, демонстративно не поддержали Эдуарда? При этом они выказали принцу свое недовольство тем, что он больше полагается на наемников и отдает им явное предпочтение перед английскими лордами при назначении на военные посты. Это был замкнутый круг, который на тот момент Эдуард не имел полномочий разорвать.

Впрочем, мечты о победе над Ливелином и валлийскими кланами имели бы какой-то смысл, если на этой цели сосредоточились бы усилия не только Уэльской марки, но и всей страны, а этого не было и в помине. Поэтому Эдуард, убедившись в невозможности быстро навести порядок в Уэльсе с помощью имевшихся сил, ушел со своими наемниками назад в Виндзор. Его возвращения в Англию настоятельно требовал король.

К середине весны обострилась ситуация в самой Англии. В конце апреля 1263 года в страну вернулся Симон де Монфор, бывший королевский фаворит, а с момента принятия Оксфордских провизий — непримиримый враг монарха. Английская знать в очередной раз нашла повод для недовольства. Если раньше раздражителем выступали лузиньяны, то ныне она была крайне возмущена усилением позиций королевы Элеоноры Прованской и ее родственников-савояров. Граф Лестерский совершенно резонно рассудил, что у него появился реальный шанс восстановить свое влияние и вновь запустить прерванный процесс реформ.

Поскольку мирным путем добиться этого было невозможно, Симон де Монфор с готовностью возглавил мятеж баронов. Во второй половине мая 1263 года он собрал в Оксфорде своих приверженцев без согласия на то короля. В числе прибывших на этот баронский съезд оказались и некоторые сторонники Эдуарда. Они собирались примкнуть к графу Лестерскому не ради торжества реформ и не из-за разногласий с принцем. В возрождении баронской оппозиции им виделся самый быстрый путь для возврата ради сохранения своих должностей и авторитета. Никто из них — ни Генри Алеманский, ни Роджер де Клиффорд, ни Роджер де Лейборн, ни тот же Джон де Во — не были ярыми приверженцами реформаторов, и королевская власть им не мешала. Мешали им королева Элеонора Прованская и савояры, лишившие их теплых и почетных придворных синекур.

Лидерство Симона де Монфора никем не оспаривалось, поскольку его авторитет среди английской знати на тот момент достиг недостижимых высот. Главным соперником графа Лестерского, не уступавшим ему ни по знатности, ни по влиянию, был Ричард де Клэр граф Глостерский, скончавшийся в 1262 году в возрасте всего сорока лет. Ходили упорные слухи, что он был отравлен и что к этому приложил руку не кто иной, как Маленький Шарлемань — глава фракции савояров Пьер Савойский.

Наследник Ричарда, девятнадцатилетний Гилберт де Клэр, прозванный Рыжим Графом за цвет волос, охотно примкнул к баронской оппозиции. Молодой граф оказался куда большим радикалом, чем покойный отец, что немедленно продемонстрировал с юношеским задором. Он отказался принести клятву верности Эдуарду за свои земли в Уэльской марке, хотя того настоятельно требовали феодальное право и король Генри III. Граф

Глостерский влился в ряды молодых и пылких аристократов, которыми окружил себя Симон де Монфор. Эта преданная графу Лестерскому когорта, восторгавшаяся военными талантами и очевидной благочестивостью своего кумира, давала ему немалое преимущество в спорах с другими вождями оппозиции.

Мятежные бароны направили ультиматум королю. Они требовали вновь признать Оксфордские провизии и объявить вне закона любого, кто будет не согласен с их положениями. Однако безапелляционный тон послания изрядно разозлил Генри III, и король в гневе отверг ультиматум. Тогда сторонники Симона де Монфора перешли к решительным действиям. Их отряды двинулись к западным границам королевства. Первой жертвой возрожденной баронской оппозиции стал ненавистный всем Пьер д'Эгбланш, епископ Херефордский. Невзирая на духовный сан, его схватили 7 июня прямо в кафедральном соборе и заточили в тюрьму. Мятежники взяли замки Бриджнорт, Шрусбери, Вустер. Перед их напором пал Бристоль, а также Килпек — твердыня бывшего королевского юстициария Роберта Валерана.

Лондонцы всегда были критично настроены по отношению к королевской власти, постоянно покушавшейся на их древние вольности. Поэтому жители столицы с готовностью поддержали Симона де Монфора. Имея за собой такую мощную опору, как Лондон, баронская оппозиция стала развивать свой успех. На первоначальном этапе все шло успешно — к 15 июля мятежники установили контроль над Кентом и Пятью Портами и осадили Дуврский замок. Попытки короля при посредничестве известного миротворца Ричарда графа Корнуоллского договориться с мятежниками потерпели неудачу. Что касается Эдуарда, то он изначально был настроен крайне враждебно по отношению к Симону де Монфору и его присным, стремившимся умалить значение королевской власти бесцеремонным реформаторством. Принц не видел никаких оснований для того, чтобы вступать с ними в переговоры, несмотря даже на очевидный перевес оппозиции в военной силе.

В свои 24 года наследник трона был человеком большого мужества, неоспоримой отваги и безмерной силы. Не осталось ни следа от той болезненности, которой он страдал в детстве. Эдуард был широк в плечах, крепок телом и на целую голову возвышался над своими товарищами — его рост составлял 1 метр 88 сантиметров, за что впоследствии его и прозвали Длинноногим — *Longshanks*. Упорные тренировки и рыцарские турниры, в которых принц участвовал с 17 лет, превратили его в опытного и умелого бойца.

В начале июня Эдуард решил обосноваться в Бристольском замке, откуда ему удобно было контролировать обстановку на границе с Уэльсом. Он собирался договориться о союзе со строптивыми лордами марки, а в случае их несговорчивости — пригрозить военной силой. Но планам принца не суждено было сбыться — его наемники перессорились с жителями Бристоля, которые взялись за оружие и осадили Эдуарда в замке. Он попал в крайне опасное положение и вряд ли сумел быстро обрести свободу без помощи Уолтера де Кантилупа, епископа Вустерского. Хотя прелат и являлся горячим сторонником Симона де Монфора, он отличался мирным нравом, рассудительностью и не одобрял ненужного кровопролития. Епископ успокоил горожан и вывел Эдуарда с его людьми из города. Принцу ничего не оставалось, как в очередной раз вернуться в Виндзор, где он постоянно держал гарнизон.

Генри III с Элеонорой Прованской находился в Лондоне. После того как жители столицы с огромным энтузиазмом перешли под знамена Симона де Монфора, жизнь королевской четы, или как минимум ее свобода, оказалась под угрозой. Король и королева поспешили укрыться в лондонском Тауэре. Но даже за мощными укреплениями старинного замка Генри не чувствовал себя в безопасности и переживал за жену. Он попытался отправить ее к сыну в Виндзор. Элеонора со свитой села на суденьшко, которое пустилось вверх по течению Темзы. Через какие-то полкилометра оно приблизилось к Лондонскому мосту. Как оказалось, там беглянку уже поджидали. Толпа приверженцев Симона де Монфора встретила ее криками: «Утопить ведьму!» — и начала с моста забрасывать лодку увесистыми камнями и грязью. Королеве пришлось отдать приказ пристать к берегу. Она была вынуждена просить защиты у мэра Лондона. Этот пост в то время занимал Томас Фицтомас, ярый приверженец оппозиции, но он все же оградил Элеонору от неистовства толпы и благополучно доставил ее в дом Генри де Сандвича, епископа Лондонского — такого же убежденного оппозиционера.

Принц Эдуард и до этого случая не пылал любовью к лондонцам — скорее, наоборот. Его крайне раздражали их стремление к независимости от королевского правосудия и постоянные апелляции к ветхим хартиям, где были записаны их свободы. Случай с королевой, естественно, не прибавил ему нежных чувств к жителям столицы, которые — надо отдать им должное — отвечали принцу полной взаимностью.

Генри III не видел никакой возможности сопротивляться и внутренне созрел для капитуляции. 16 июля 1263 года он согласился удовлетворить почти все требования баронской оппозиции. В первую очередь это означало повторное вступление в силу Оксфордских провизий. Правда, король настоял на небольшой оговорке — некоторые пункты все-таки следовало подкорректировать для блага королевства. Затем Генри приказал своему констеблю сдать войскам оппозиции Дуврский замок, а четыре дня спустя послал приказ Эдуарду оставить Виндзор, однако принц его проигнорировал. Филипп Бассет был отстранен от должности юстициария, а Хью Ле Деспенсер в ней восстановлен. Николас Илийский вновь был назначен лорд-канцлером, сменив на этом посту королевского ставленника Уолтера де Мертона.

В отличие от отца Эдуард не считал борьбу законченной или проигранной. Теперь все однозначно признавали его главой партии роялистов, однако для продолжения сопротивления ему нужны были деньги. Ожидать, что лондонцы добровольно дадут на его нужды хотя бы пенни, было глупо. Отказали принцу в кредите и обычно лояльные короне рыцари-тамплиеры. Тогда Эдуард решился на весьма неоднозначный шаг. Вместе с Робертом Валераном и вооруженной свитой 26 июля 1263 года он отправился в район Нью-Темпл — обиталище тамплиеров. Под предлогом проверки драгоценностей королевы Элеоноры, хранившихся там, они беспрепятственно вошли в сокровищницу, топорами взломали сундуки и забрали большое количество денег, доверенных на хранение ордену богатыми жителями столицы — несколько тысяч фунтов, как утверждают хронисты.

Это, естественно, привело лондонцев в бешенство; их неприязнь к принцу переросла в ненависть. Они взбунтовались и начали разорять особняки, принадлежавшие сторонникам Генри III. Одним из первых пострадал дом сэра Джона де Грея Ширлендского, некогда приставленного королем к Эдуарду в качестве советника-надзирателя. От имени Генри, ставшего заложником в руках оппозиции, Симон де Монфор послал против принца феодальное ополчение, созванное совсем для других целей — оно должно было выступить против валлийцев. Перед такой силой Эдуарду пришлось оставить сопротивление и подчиниться. Получив гарантии безопасности для себя и своих воинов, принц сдал Виндзорский замок Генри де Сандвичу, епископу Лондонскому. Его наемники отошли сначала в городок Стейнс, лежавший на полпути от Виндзора к Лондону, а затем покинули пределы Англии. Сам принц обосновался в Кларкенуэлле, в приорстве рыцарей-госпитальеров неподалеку от столицы.

Эдуард и не думал сдаваться. Он оставался признанным главой роялистов, и его позиции, как ни странно, день ото дня крепились. Очень на руку ему сыграл отказ от услуг наемников. Бывшие соратники, временно вставшие на сторону Монфора, с удовлетворением узнали об уходе иностранцев, близость которых к Эдуарду вызывала у них непритворную зависть. Кроме того, они уже добились той цели, ради достижения которой, собственно, и присоединились к оппозиции: фракция савояров была разгромлена. Королева фактически оказалась в плену у Симона де Монфора, Пьер д'Эгбланш, епископ Херефордский, сидел в темнице, а Пьер Савойский отбыл на родину, где принял графский титул после смерти своего племянника.

Последним веским доводом для тех, кто все же колебался, стоит ли возвращаться в стан роялистов, стало обещание принцем щедрой платы — каждый из «возвращенцев» получал грамоту на земельную собственность стоимостью 50 фунтов.

18 августа 1263 года в верности своему бывшему лидеру вновь поклялись Роджер де Лейборн, Джон де Во, Хеймо Лестрейндж и Джон Гиффард^[39]. В лагерь роялистов вернулись Джон де Уоррен граф Саррейский, Алан Ла Зуш, Роджер де Мортимер Уигморский, Роджер де Клиффорд и Уоран де Бессингборн. Кузен принца Генри Алеманский также поддержал Эдуарда, за что ему был обещан богатый манор Тикхилл.

К сентябрьской сессии парламента противоборствующие стороны оказались примерно равны по силе — баронская оппозиция ослабела, а роялисты усилились. Ни одна из фракций не имела достаточного влияния, чтобы диктовать свою волю оппонентам, поэтому договориться ни о чем не удалось.

Чтобы избежать перехода конфликта в вооруженную стадию, лидеры партий согласились обратиться для разрешения противоречий к третьей стороне. На роль такого миротворца был избран Луи IX, король Франции. Сессию парламента временно прервали. Генри III с Эдуардом и королевой Элеонорой, а также Симон де Монфор с Питером де Монтфортом 19 сентября отплыли в Булонь.

Перед третьей стороной английский король обвинил графа Лестерского в незаконных арестах, святотатстве и других несправедливых деяниях, однако Монфор отверг все обвинения. По итогам разбирательства Луи IX не нашел достаточных оснований для того, чтобы твердо встать на чью-либо сторону, и конфликт так и остался неразрешенным.

Не добившись никаких результатов, роялисты и оппозиционеры 7 октября вернулись в Англию. Во Франции осталась только королева

Элеонора — Генри III и Эдуард опасались за ее безопасность, поскольку были твердо уверены в том, что вооруженное столкновение между непримиримыми фракциями неизбежно.

Глава третья. Вторая баронская война

На возобновленной сессии Эдуард отказался подчиниться требованиям баронов и покинул парламент. Неожиданно смелой атакой 16 октября 1263 года он опять захватил Виндзорский замок, где к нему вскоре присоединился Генри III. Симон де Монфор спешно отбыл в свой замок Кенилуорт. Спустя несколько дней, 25 октября Пьер Савойский, находившийся в своих родовых владениях на континенте, прислал в Англию приказ Джону Ла Варру, констеблю все еще принадлежавшего ему замка Певенси, открыть ворота перед людьми Эдуарда. Замок роялисты планировали использовать как один из опорных пунктов в планируемой южной кампании. Так постепенно разгоралась Вторая баронская война (первая вспыхнула в 1215 году в конце правления Джона Безземельного и закончилась в 1217 году уже при Генри III).

Прежде, чем идти на юг к Ла-Маншу, Эдуард и Генри III в конце октября — начале ноября во главе сильной армии двинулись на Оксфорд, где захватили канцелярию оппозиции. Затем роялисты изгнали из Уинчестера констебля замка Джона де Ла Хей, приверженца Монфора.

Оттуда армия выступила к южному побережью. По пути роялисты прошли через Виндзор, где король усилил гарнизон, оставив там подкрепление из 31 сержанта^{40} и назначив констеблем Дрого де Барентина. Наконец, 4 декабря войско обложило Дуврский замок и попыталось договориться о его сдаче. Король считал, что крепость может стать его главной базой на побережье Ла-Манша, которая будет крайне полезна и в случае возвращения королевы с континента, и для высадки иностранных наемников.

Однако здесь Генри III и Эдуарда поджидала неудача: обязанности констебля замка временно исполнял тот самый Джон де Ла Хей, недавно изгнанный из Уинчестера. Он отомстил за свое недавнее поражение, наотрез отказавшись вести какие-либо переговоры с роялистами без согласия отсутствовавшего констебля, сэра Ричарда де Грея Коднорского, ставленника баронской оппозиции. Королевская армия не готова была вести длительную осаду мощного замка, и ей пришлось отступить к Лондону. Навстречу роялистам уже спешил из Кенилуорта с небольшим войском Симон де Монфор, узнавший о нападении на Дувр. На левом берегу Темзы, в Саутуарке 11 декабря он попал в опасную ловушку. Армии Генри III и Эдуарда прижали его к реке, а сочувствующие роялистам

горожане (были в Лондоне и такие) заперли ворота на Лондонском мосту, выбросив ключи в реку. Карьере лидера баронской оппозиции мог прийти конец. Он со своими спутниками уже приготовился к неминуемой гибели и исповедовался, но его сторонников в столице было куда больше, чем роялистов. Они в конце концов взломали ворота, и граф Лестерский поспешил удалиться под защиту городских стен.

За этим примечательным инцидентом, чуть было не ставшим последним актом гражданского противостояния, последовало восьмидневное перемирие. Роялисты и бароны решили еще раз попытаться избежать полномасштабной гражданской войны и решить дело миром. Они согласились вторично обратиться к Луи IX с просьбой рассудить их. Генри III и Эдуард обосновались в Виндзоре и обговорили с Симоном де Монфором, засевшим в Лондоне, все детали. Обе стороны торжественно поклялись подчиниться вердикту, который будет вынесен королем Франции.

Письма, разосланные лидерами партий своим сторонникам, позволяют оценить на тот момент силу обеих фракций и узнать имена самых влиятельных их участников. Конечно, это далеко не полный перечень, однако он дает представление о том, что представляли собой роялисты и баронская оппозиция. На стороне короля выступал 31 представитель английской знати. В их число вошли три члена королевской семьи — принц Эдуард, Ричард граф Корнуоллский и Генри Алеманский; три графа — Роджер Бигод Норфолкский, Джон де Уоррен Саррейский и Хамфри де Боэн Херефордский; четыре влиятельных магната — Роджер де Лейборн, брат графа Норфолкского бывший баронский юстициарий Хью Бигод, Гийом де Валанс и Филипп Бассет Хай-Уикомский; лорды марки — Джон Фицалан феодальный лорд^[41] Освестри и Клана, Роджер де Мортимер феодальный лорд Уигмора, Уильям да Браоз, Джеймс Одли Хелейский, Роджер де Клиффорд феодальный лорд Клиффорда, Хеймо Лестрейндж и Джон де Во; северяне — Роберт Брюс лорд Аннандейлский, Джон Балиол, сэр Генри де Перси, Адам Джесмонд и сэр Ричард Фолиот Нортонский.

Поддержка Симона де Монфора была менее впечатляющей — 24 человека. Среди них три епископа — Уолтер де Кантилуп Вустерский, Ричард де Грейвзэнд Линкольнский и Генри де Сандвич Лондонский; два сына самого графа Лестерского — Анри и Симон-младший; графы Гиблерт де Клэр Глостерский и Роберт де Феррерс Дербийский, а также знатные дворяне сэр Хью Ле Деспенсер Лафбороский, Питер де Монтфорт Бодезертский, сэр Ричард де Грей Коднорский, сэр Генри де Хестингс Эшиллский, сэр Джон ФицДжон Шерский, Ральф Бассет Дрейтонский,

Николас де Сегрейв и Джон де Весси.

Делегации от каждой из фракций в декабре 1263 года отплыли на континент. Формально Эдуард сопровождал в Амьен, где должны были проходить переговоры с французским монархом, своего отца. Однако это большой вопрос, кто из них двоих реально обладал большим влиянием на среди роялистов. Посреди Ла-Манша корабль, на котором они плыли, попал в сильнейший шторм. Эдуард прочитал множество молитв, умоляя Господа не дать им с отцом погибнуть так глупо. На его счастье судно, пусть и с трудом, добралось до Уиссана — небольшого городишки рядом с Кале. Ощутив под ногами твердую землю и вознеся хвалу Господу за избавление от пучины, они двинулись к Амьену, и 140 километров, которые им предстояло преодолеть посуху, не показались большим расстоянием.

Симон де Монфор вообще не смог прибыть на суд Луи IX, чтобы лично изложить свои доводы перед французским королем: по дороге из Кенилуорта к Ла-Маншу он умудрился упасть с коня и сломать ногу. Вместо него дело баронской оппозиции защищал его однофамилец Питер де Монтфорт Бодезертский.

На этот раз, выслушав поочередно аргументы роялистов и оппозиционеров, Луи IX не стал колебаться и вынес 23 января 1264 года свое решение, изложенное в Амьенской мизе^{42}. Он признал недействительными Оксфордские провизии и освободил всех, кого они касались, от накладываемых ими обязательств. Луи также признал несостоятельным закон о том, что королевство Англия отныне должно управляться только англичанами по рождению. Он объявил, что Генри III имеет полную власть и неограниченную юрисдикцию над своим королевством.

Луи IX Французский гордился своей беспристрастностью, а современники считали его идеалом христианского короля — недаром всего через 27 лет после смерти он был причислен к лику святых папой Бонифацием VIII. Но, будучи самым праведным из королей, он все-таки оставался королем, и попытки баронов ограничить власть монарха показались ему как минимум неприемлемыми. Кроме того, и папа Урбан IV — высший духовный авторитет для всей Европы — настоятельно подталкивал его именно к такому решению.

*

Амьенская миза оказалась настолько явно составленной в пользу

одной из сторон, что проигравшие отказались признавать решение французского короля. Первыми против него восстали лондонцы. Возглавляемые Хью Ле Деспенсером, баронским юстициарием Англии, они разгромили лондонский пригород Айзелуорт и сожгли там манор Ричарда графа Корнуоллского.

Симон де Монфор, в нарушение принесенных им клятв, также заявил, что не собирается повиноваться вердикту Луи IX. Он утверждал, что клятвопреступление, заключающееся в отказе от выполнения Оксфордских провизий — ничуть не меньшее злодеяние, чем притворное согласие подчиниться Амьенской мизе. Граф Лестерский готовился к серьезной войне. Сам он собирался оказать роялистам яростное сопротивление в южных графствах, а своих сыновей Симона и Анри отправил возглавить восстание в центральных областях и на западе страны.

На границе с Уэльсом полыхнула местная усобица — между собой перегрызлись лорды марки. Джон Гиффард разорвал заключенное с принцем Эдуардом соглашение и вернул ему земельную хартию, полученную за обещание верности. После этого он отправился разорять земли Роджера де Мортимера. Анри де Монфор не замедлил присоединиться к атаке на Мортимера. Подкинул дров в разгоравшийся пожар и Ливелин ап Грифит, с которым Симон де Монфор незадолго до этого заключил союз. Граф Лестерский надеялся на то, что князь Уэльса отвлечет внимание лордов марки и король в значительной степени потеряет их поддержку. Правда, действенной помощи от Ливелина Монфор не дождался: хитрый валлиец по возможности держался в стороне от сражавшихся между собой англичан, но не упускал удобного случая расширить свои владения, пользуясь всеобщей неразберихой.

Эдуард и его дядя Ричард Корнуоллский поспешили с войском в Уэльскую марку, чтобы утихомирить взбаламученное приграничье. Ричард, как всегда, попытался действовать уговорами, но это ожидаемо не привело ни к чему хорошему. Эдуард взялся за дело решительно. Он захватил замки Хэй и Брекон, принадлежавшие юному Хамфри де Бозну, непокорному сыну графа Херефордского, который присоединился к отступнику Гиффарду. Принц передал эти крепости Роджеру де Мортимеру в качестве компенсации за понесенные убытки.

Затем Эдуард двинулся на помощь осажденному Глостерскому замку. В феврале 1264 года отряды Анри де Монфора взяли под контроль город Глостер, который до этого удерживали королевские слуги. Сторонники баронской оппозиции проникли за городские стены обманом: два рыцаря — Джон Гиффард и Джон Балан — под видом валлийских торговцев

шерстью подошли к западным воротам и попросили разрешения войти. Пробравшись в город, они уговорили стражников открыть главные ворота своим товарищам. Однако замок им взять так и не удалось, поскольку его гарнизон поднял тревогу и встретил мятежников во всеоружии.

Эдуард подошел к Глостеру в начале марта. Мост через Северн был разрушен, и принц переправил свои войска на восточный берег с помощью судна, захваченного у аббата Глостерского. Пробившись через западные ворота, выходящие прямо на реку, он прорвался в замок, под стенами которого кипела жаркая битва. Эдуард приказал обстреливать город из осадных орудий, находившихся в замке. Это привело в замешательство баронское войско, и его предводители начали склоняться к тому, чтобы снять осаду.

Принц имел все шансы одержать блестящую победу, но совсем некстати для него у города появился с подкреплениями Роберт де Феррерс граф Дербийский. Этот преданный сторонник Симона де Монфора испытывал сильную личную неприязнь к Эдуарду еще с тех времен, когда был несовершеннолетним под опекой принца. Его прибытие резко изменило баланс сил. Эдуарду пришлось вторично просить о помощи Уолтера де Кантилупа, епископа Вустерского. При посредстве достойного прелата было заключено перемирие между принцем и Анри де Монфором. По его условиям обе армии должны были покинуть Глостер, который оставался, впрочем, в руках короля. Такое решение привело в ярость Роберта де Феррерса, рассчитывавшего покончить с недругом.

Войско баронской оппозиции покинуло город, а вот Эдуард задержался. Он наложил тяжелые штрафы на городских служащих, не сумевших отстоять Глостер, а констебль замка Роджер де Клиффорд приказал повесить изменников-привратников. Принц внимательно изучил городские и замковые укрепления, после чего приказал констеблю отремонтировать стены и осадные машины, а также снести городские строения в окрестностях замка с тем, чтобы увеличить открытую зону обстрела для лучников и арбалетчиков гарнизона. Затем он выступил на соединение с войсками отца.

*

Пока Эдуард пытался умиротворить Уэльскую марку, Генри III также не терял времени. 6 марта 1264 года он созвал феодальное ополчение под предлогом борьбы с набегами валлийцев: «Ливелин сын Грифита и его

приспешники являются нашими врагами, они уже нанесли тяжкий ущерб народу нашему, земле и замкам нашим, а также Эдуарду, первородному сыну нашему, а прочих верных наших захватили, повергли и разорили»^[30]. Список тех, кто вызывался на сбор «конно, людно и оружно», включал в себя Роджера де Куинси графа Уинчестерского, Роджера Бигода графа Норфолкского, Уильяма Модита графа Уорикского, а также еще 115 лордов и рыцарей. Но в конце перечня стояла краткая приписка, которая заставляла сомневаться в правдивости заявленной цели кампании. Она гласила: «Тем, кто против короля, не отписано»^[31]. Было бы сложно сказать яснее, что предназначение армии — участие в гражданской войне.

Местом сбора войска король не случайно выбрал Оксфорд. Во-первых, именно здесь были составлены ненавистные ему Оксфордские провизии. Во-вторых, он занимал удобное стратегическое положение. А в-третьих, перед вступлением в Оксфорд передовых королевских отрядов его покинули все нелояльные элементы, которые устремились в армию баронской оппозиции. Таким образом, Генри III мог не опасаться предательства внутри городских стен.

Первую скрипку среди нелояльных, как и во все другие времена, играли студенты университета — народ буйный, не обремененный жизненным опытом и не принуждаемый зарабатывать на существование ежедневным тяжким трудом. Как себя вел преподавательский и ученый состав университета, знаменитого уже тогда далеко за пределами Англии, неизвестно. Но скорее всего, ни они сами, ни их близкие не одобряли мятежа, ибо смуты и волнения никогда не шли на пользу науке.

Оксфорд был *alma mater* великого философа и естествоиспытателя Роджера Бэкона, современника описываемых событий. Правда, сам он покинул университет за семь лет до начала Второй баронской войны ради вступления в орден францисканцев. Но его семья, преданная королю, во время гражданских междоусобиц сильно пострадала за свои убеждения, оказавшись на грани полного разорения. Бэкон был убежденным противником любых войн. Он писал: «Как магнит притягивает железо, так и планета, силою которой огненный пар поднимается и поглощается небесной природой, притягивает комету»^[43]. И поскольку она двигалась к Марсу и там исчезла, то неизбежно она была порождена Марсом. Далее, поскольку природа Марса огненная, каковая природа должна усиливать холеру и, как следствие, побуждать людей к гневу, раздорам и войнам, то так и случилось, что эта комета стала знамением гнева, людских раздоров и войн, как учат нас мудрые астрономы. Но более истинно это подтвердил

опыт всей Церкви, поскольку войны в Англии, Испании, Италии и других странах начались примерно в то время или уже шли к тому времени. О, какое большое преимущество могла бы получить Церковь Божия, если бы небесные знаки в то время были заранее разгаданы мудрыми, поняты прелатами и принцами и породили бы стремление к миру. И не было бы столь великой резни среди христиан, и не отправилось бы так много душ в преисподнюю»^[32].

В начале апреля к королевской армии присоединился Эдуард со своими отрядами, и она выступила из Оксфорда на север. Перед королем везли развевающийся на ветру штандарт с вышитым на нем драконом. Глаза чудовища, сделанные из драгоценных камней, сверкали на солнце, а язык извивался вслед за колебаниями полотнища. Генри III придавал своему знамени то же значение, что французские короли — орифламме, и разворачивал его только во время серьезных кампаний.

Марш предстоял короткий — целью роялистской армии был Нортхемптон, расположенный от Оксфорда всего в 70 километрах. Там стояло войско баронской оппозиции, пополнившееся недавно оксфордскими студентами. Командовал им Симон де Монфор-младший, второй сын графа Лестерского.

Первый штурм, предпринятый роялистами 4 апреля, был отбит. Возможно, осажденным удалось бы удержать город, если бы не хитрость, изобретенная приором клюнийского монастыря Святого Андрея. Сад приорства вплотную подступал к городским стенам, а монахи, в большинстве своем французы, строго хранили верность королю. Они незаметно пробивали в стене брешь, пока на противоположном конце города часть королевских войск имитировала второй штурм, отвлекая внимание противника. Эта работа заняла у монахов весь день.

Следующим утром в пролом городской стены устремились отряды во главе с Эдуардом. То, что принц сражался в первых рядах, не только воодушевляло идущих следом воинов, но и оказалось спасительным для Симона де Монфора-младшего. Эдуард вовремя взял под свою защиту неприятельского командира, когда разгоряченные битвой соратники хотели его убить. Кроме Монфора в плен к роялистам попало около 80 лордов и рыцарей, в том числе такие важные персоны, как Питер де Монтфорт и Ральф Бассет Дрейтонский. Сопrotивление было сломлено быстро, и город отдан на разграбление победителям.

Перед роялистами стояла задача освободить от сторонников баронской оппозиции центральную Англию. Из Нортхемптона армия двинулась на север через Лестершир, опустошая все встречающиеся по пути маноры Симона де Монфора. Когда она показалась в виду Ноттингема, горожане в панике поспешили открыть перед ней ворота.

Эдуард не пошел с основными силами на Ноттингем. Из Лестершира он свернул со своим отрядом на северо-запад в Дербишир. Принц временно отделился от армии, чтобы отдать дань давней феодальной вражде с Робертом де Феррерсом. Он ураганом прошелся по владениям графа Дербийского, основательно разорив его земли и взяв замок Татбери.

Кампанию роялисты вели всерьез, как с настоящим противником. Они нещадно уничтожали имущество врагов, как будто те не были соотечественниками, и требовали денег за то, чтобы оставить их владения в покое. Так, например, Эдуард получил 200 фунтов от Уэрксвотской сотни. Аббат Питерборский выплатил Урану де Бессингборну 60 фунтов и еще 114 — принцу, королю и Ричарду Корнуоллскому. То, что деньги тут же тратились на содержание армии, вовсе не делало эту практику более законной.

Однако у роялистов не все шло гладко. Джон Гиффард и Анри де Монфор захватили Уильяма Модита графа Уорикского в его собственном замке и отправили вместе с женой под конвоем в главную резиденцию Симона де Монфора — Кенилуорт. Самого графа Лестерского там уже не было. Он торжественно вступил в Лондон, где его с восторгом приветствовали жители, твердо стоявшие на стороне баронской оппозиции — а точнее, последовательно выступавшие против короля и Эдуарда. Пользуясь смутой, охватившей Англию, лондонцы безнаказанно грабили дома богатых роялистов и евреев. Симон де Монфор и не подумал наводить порядок. Напротив, он с энтузиазмом приобщился к грабежам, особенно притесняя несчастных иудеев, чем приобрел еще большую популярность у горожан.

Впрочем, долго разбойничать таким образом у графа Лестерского не было возможности. Перед ним стояла важная задача, требовавшая скорейшего решения. Ему надо было наладить прямое сообщение со своими союзниками в Дувре, куда вела из столицы древняя дорога Уотлинг-стрит. Ровно посередине этого пути стоял мощный Рочестерский замок, в котором засели Джон де Уоррен граф Саррейский и Роджер де Лейборн. Он не только затруднял оппозиции коммуникации с побережьем, но также служил единственным опорным пунктом роялистов на юго-востоке страны.

Это место всегда считалось стратегически важным. Первое

укрепление здесь, в излучине реки Медуэй было возведено сразу после Нормандского завоевания и представляло собой простейший «Мотт и бейли»^{44}. Замок принадлежал Одо, епископу Байёскому, который во время борьбы за трон Англии между Гийомом Рыжим и Робером Короткие Штаны^{45} выбрал не ту сторону. После успешной осады войсками Гийома укрепление было разрушено и заброшено. В конце 80-х годов XI века Гандалф, епископ Рочестерский, приказал возвести на этом месте новый каменный замок. Из-за своего выгодного положения он также дважды подвергался атакам. Во время Первой баронской войны королевские войска осаждали его более семи недель, после чего гарнизон вынужден был сдаться. Второй раз Рочестерский замок был захвачен в 1216 году французским принцем Луи, пытавшимся силой оружия отстоять свои права на английский трон.

Надеясь на то, что Бог троицу любит, Симон де Монфор и Гилберт граф Глостерский с лондонским ополчением захватили город Рочестер и осадили замок. Через некоторое время отрядам баронской оппозиции удалось ворваться во внешний двор, но огромная главная башня оставалась неприступной. В ней затворились граф Саррейский и тяжело раненный во время первого штурма внешних стен Роджер де Лейборн. Гарнизон замка был многочисленным и отважным, продовольствия хватало — незадолго до начала осады Эдуард прислал в замок припасы. Шел Великий пост, в погребах хранилось вдоволь скумбрии, кефали, лосося и мерланга, а также 25 бочек вина.

Принц с королем все еще находились в Ноттингеме — они праздновали Пасху. Получив донесение об опасности, угрожающей замку, Эдуард с отцом поспешили на выручку осажденным. Их армия преодолела 280 километров — расстояние от Ноттингема до Рочестера в обход Лондона — всего за пять дней. Такая молниеносная реакция была совершенно нехарактерна для Генри III, поэтому Симон де Монфор был застигнут врасплох. Он поначалу даже не поверил, когда ему сообщили, что враг стоит в 50 километрах к западу, в Кройдене. Впрочем, граф Лестерский мог бы предвидеть подобное развитие событий, если бы принял во внимание, что при армии находится решительный Эдуард, который был куда более талантливым полководцем, чем его отец.

Симон де Монфор немедленно снял осаду и поспешил вернуться в Лондон, опасаясь вторично попасть в ловушку — теперь между королевскими войсками и северным побережьем Кента. Поторопиться его заставила не только угроза со стороны неприятельской армии, но и

дошедшие из столицы тревожные слухи о заговоре, целью которого якобы была сдача города Эдуарду. Третья осада Рочестера, таким образом, в отличие от двух первых успехом не увенчалась.

Отстояв важный опорный пункт на юго-востоке, роялисты перешли к реализации следующего пункта своего стратегического плана. Им крайне важно было привлечь на свою сторону Пять Портов, поддерживавших Симона де Монфора, любым способом — силой или с помощью переговоров. Эти портовые города практически блокировали переправу через Ла-Манш, а между тем королева Элеонора Прованская ждала на побережье Фландрии возможности отплыть в Англию с иностранными наемниками на помощь мужу. Кроме того, Генри III и Эдуард хотели использовать флот Пяти Портов для установления блокады столицы, а может быть, и для атаки на нее.

К побережью Ла-Манша королевская армия двигалась медленно, и Эдуард уже не торопил отца. 30 апреля роялисты взяли замок Тонбридж, принадлежавший графу Глостерскому, захватив в плен гарнизон и жену графа Алис де Лузиньян, которую тут же благородно отпустили на свободу. Оттуда они прошли через Робертбридж в Баттл — городишко, стоявший на месте знаменательной битвы при Хестингсе, где в 1066 году в бою с Гийомом Завоевателем погиб последний англосаксонский король Гарольд Годвинсон. Их марш на всем протяжении сопровождался грабежами, от которых сильно пострадали маноры Западного Кента и Восточного Сассекса.

Принудив 8 мая к капитуляции Уинчелси, Генри III и Эдуард оставались там три дня. Они разослали во все города Пяти Портов гонцов с требованием подчиниться королю и прислать в его распоряжение свои суда. Однако хранитель побережья сэръ Ричард Грей Коднорский, занимавший одновременно должность констебля Дуврского замка, и городские власти остальных портов наотрез отказались передавать свои корабли королю. Тогда армия отошла в более безопасное место, каковым король и принц посчитали городок Луис (в русскоязычной литературе его чаще называют Льюисом), где стоял замок их верного вассала Джона де Уоррена графа Саррейского.

*

Тем временем Симон де Монфор пополнил лондонским ополчением ряды своего войска, поредевшего после неудачной осады и быстрого

отступления. Он выступил из столицы на юг, намереваясь окончательно разрешить свой спор с королем на поле боя. 13 мая армия баронской оппозиции разбила лагерь в деревушке Флетчинг, скрытой среди густых дубовых лесов Уилда^{46}, в 17 километрах к северу от Луиса.

Граф Лестерский не считал сражение единственным выходом из создавшегося положения и сделал попытку вступить в переговоры. Он отправил в стан врага Уолтера де Кантилупа, епископа Вустерского, следовавшего с баронской армией вопреки распоряжению папы, который недвусмысленно запретил прелатам поддерживать мятежников. Лучшего посла выбрать было бы сложно, учитывая тот факт, что епископ дважды выручал Эдуарда из весьма опасных переделок. Однако прошлые заслуги и признательность принца не помогли заключить перемирие, поскольку предложения баронской оппозиции изначально были неприемлемы для Генри III. Они предусматривали финансовую компенсацию нанесенного королю ущерба, но только в обмен на признание им всех положений Оксфордских и Вестминстерских провизий.

Командиры роялистской армии не снизошли до переговоров с мятежниками. Они намеревались покарать сторонников Симона де Монфора и отомстить ему самому за те унижения, которые благодаря его действиям перенесла корона. Говорят, что Эдуард ответил на примирительную речь епископа Вустерского весьма резко:

Нет, не будет мира им, если с петлями на шеях
К нам не явятся принять приговор без возражений,
Уповавая избежать виселиц и волочений^{33}.

В этот же день Эдуард и его дядя Ричард граф Корнуоллский передали через Уолтера де Кантилупа предводителям мятежных баронов дерзкое письмо:

«Ричард, Божьей милостью августейший король римлян^{47}, и Эдуард, старший сын славного короля Англии, а также все прочие бароны и рыцари, твердо хранящие верность вышеупомянутому королю Англии с искренней и доброй верой и всеми своими владениями — Симону де Монфору, Гилберту де Клэру, а также всем и каждому из прочих соучастников их измены. Из ваших писем, которые вы передали нашему лорду славному королю Англии, мы узнали, что вы бросаете нам вызов; впрочем, подобное велеречивое заявление о неповиновении было излишним, поскольку это давно продемонстрировано вашими

враждебными действиями и подтверждено поджогами нашей собственности и опустошением наших земель. Поэтому мы даем вам знать, что бросаем вызов всем и каждому из вас, как опасным преступникам, и заявляем вам, что отныне мы приложим все усилия, дабы нанести ущерб как вам лично, так и вашим владениям, где только сможем. Что касается ваших лживых утверждений, что это мы не верны королю и не даем ему добрых советов, то все, что вы говорите, ни в коем случае не является правдой. И если вы, мой лорд^[48] Симон де Монфор, или вы, Гилберт де Клэр, осмелитесь сделать это заявление в суде нашего господина короля, мы готовы обеспечить вас охранными грамотами, чтобы вы могли прийти в указанный суд, где мы также будем готовы доказать нашу невиновность и лживость вас обоих, коварных предателей, каковыми вы являетесь, для чего выберем кого-либо, кто будет равен вам по рождению и знатности»^[34].

Ричард граф Корнуоллский, многие маноры которого были разграблены лондонцами или баронами — сторонниками оппозиции, оставил свои миротворческие позиции и был настроен не менее решительно, чем Эдуард, который уже давно не верил в возможность примирения. Симону де Монфору из их послания стало совершенно ясно, что роялисты полагаются теперь исключительно на силу оружия. Вызов на королевский суд, даже при наличии охранных грамот, не мог устроить графа Лестерского, так как означал для него неминуемое падение.

*

Луис лежал на правом берегу реки Уз, делавшей в этом месте большой изгиб и практически окружавшей город. К югу простиралась заболоченная низменность, через которую река продолжала свой бег к Ла-Маншу. С севера, востока и запада на город смотрели голые склоны Саут-Даунса. К северу от Луиса возвышался хорошо укрепленный замок графа Саррейского, в котором разместился Эдуард со своими отрядами. Король и его брат Ричард граф Корнуоллский остановились в клюнийском аббатстве Святого Панкратия.

С рассветом 14 мая 1264 года армия баронской оппозиции появилась на холмах Даунса с северо-запада от Луиса. Она была небольшой: в ее состав входило всего пять сотен кавалеристов; пехотинцев было в несколько раз больше за счет лондонского ополчения. Ее малочисленность с лихвой компенсировалась высоким боевым духом. Все воины нашили на

одежду белые кресты спереди и сзади. Они называли себя Армией Господа в подражание тому войску, которое вел Роберт Фицуолтер против короля Джона Безземельного в защиту Великой хартии вольностей.

Когда армия Симона де Монфора достигла вершины холма, ее легко можно было заметить. Но роялисты крепко спали, а их дозорные несли свою службу весьма небрежно. Поэтому у графа Лестерского появилась возможность не торопясь выстроить своих солдат. Его план состоял в том, чтобы ударить основными силами по монастырю, а обманный удар нацелить на замок. Нога Симона де Монфора еще не срослась, поэтому на поле боя он прибыл в повозке. Граф водрузил на ней свой личный штандарт и поставил ее на самом видном месте на левом фланге посреди позиций лондонского ополчения. Сам же возглавил резервный отряд рыцарей и латников, поручив командование остальными войсками графу Глостерскому, которого торжественно посвятил в рыцари. Затем армия мятежников двинулась на Луис, надеясь застать своих врагов еще лежащими в постелях.

Хитрый план имел мало шансов на успех, и он ожидаемо не удался — в последний момент дозорные все-таки подняли тревогу. До подхода противника роялисты успели занять боевые позиции. Их было намного больше, чем приверженцев Симона де Монфора. Строй королевской армии растянулся на полмили, в ее рядах стояло более тысячи латников и несколько тысяч пехотинцев. Окруженный воинственными лордами Уэльской марки, Эдуард принял командование баталией на правом фланге у замка Луис, в котором он провел ночь. С ним также были Джон де Уоррен граф Саррейский и Гийом де Валанс. Король командовал левым флангом, расположенным у монастыря, а Ричард граф Корнуоллский с сыном Генри Алеманским возглавлял центральную баталию.

Напротив отрядов Эдуарда стояли часть баронской кавалерии и пешие лондонцы. Ополченцы в глазах принца выглядели взбунтовавшимся сбродом, отринувшим власть законной династии. Он не забыл серьезного оскорбления, нанесенного его матери королеве, когда в прошлом году лондонцы осмелились забросать ее камнями и грязью. В центре вражеских рядов он прекрасно видел повозку со штандартом Симона де Монфора.

Битву начала кавалерия Эдуарда, которая с торжествующими криками атаковала противника. Он сам командовал своей баталией, находясь в ее первых рядах — принц был опытным всадником, любившим ближний бой. Сила атаки была такова, что кавалерия противника моментально рассеялась и обратилась в бегство по долине, спускавшейся к берегам реки Уз. Многие латники утонули в реке и окрестных болотах. Солдаты принца захватили

повозку Симона де Монфора, убив ее охранников, однако, к их великому разочарованию, самого графа Лестерского в ней не оказалось. Эдуард продолжил преследование ненавистных лондонцев на протяжении нескольких километров, убивая и калеча всех, кто попадался ему на пути.

Ближе к полудню люди Эдуарда перегруппировались и вернулись на поле битвы. Судивший о ходе сражения по собственному успеху, принц ожидал, что остальная армия баронской оппозиции уже разгромлена, а выжившие взяты в плен. Вместо этого он увидел сцену полного разгрома королевского войска, потерпевшего унижительное поражение от менее сильного противника. Баталия Генри III отступила под натиском мятежников, хотя и сопротивлялась отчаянно, храбро дрался и сам король — под ним было убито два коня. Но отвага его не спасла, и ему пришлось укрыться за стенами аббатства.

Ричард граф Корнуоллский удерживал свои позиции до тех пор, пока не оказался в окружении. Он спрятался от врагов на ветряной мельнице, но его убежище вскоре было раскрыто. Бароны обступили мельницу и начали издевательски кричать: «Спускайся, спускайся, негодный мельник! Выходи, выходи, неудачливый хозяин мельницы!»^[35] Графу ничего не оставалось, как сдаться на милость победителей.

Вернувшийся на поле боя Эдуард подумал, что еще возможно переломить ход битвы, и с ходу вступил в сражение с баронским войском. Однако перевес теперь был не в его пользу, и роялисты потерпели окончательное поражение. Граф Саррейский, Гийом де Валанс, Ги де Валанс и Хью Бигод бежали в замок Певенси. Эдуарду ничего не оставалось делать, как присоединиться к отцу в священном убежище аббатства Святого Панкратия.

*

Сражение было безнадежно проиграно. Значительная часть вины за это лежала на Эдуарде, увлекшемся преследованием лондонцев и покинувшем поле боя. Однако и другие командиры не были безгрешными. В их распоряжении по-прежнему оставалось больше сил, чем у неприятеля, но они не смогли не то что разгромить мятежников, но хотя бы удержать свои позиции. Единственным приемлемым выходом для Генри III и его сторонников оставалась почетная капитуляция. В противном случае Симон де Монфор обещал обезглавить захваченных им пленников, включая королевского брата Ричарда графа Корнуоллского. Это было страшной

угрозой, ибо последним аристократом, казненным в Англии, считался Вальтеоф граф Нортумбрии — последний из скандинавских эрлов, обезглавленный в XI веке за измену по приговору Уильяма I Завоевателя.

Условия капитуляции оказались для проигравшей стороны позорными и тяжелыми, но все-таки не людоедскими. Генри III формально сохранил личную свободу и остался королем, хоть и под жестким контролем сторонников Симона де Монфора. Лорды марки, попавшие в плен, среди которых оказались Роджер де Мортимер, Хеймо Лестрейндж, Роджер де Клиффорд и Роджер де Лейборн, смогли беспрепятственно вернуться в свои владения. Однако они дали обещание по первому вызову предстать перед судом парламента. В качестве гарантов их подчинения себя предложили принц Эдуард и его кузен Генри Алеманский, сын Ричарда Корнуоллского. Они казались не самыми удобными заложниками, с точки зрения Симона де Монфора, поскольку его методы воздействия на них были сильно ограничены, учитывая высокое происхождение пленников. В самом деле, не станешь же запугивать сына и племянника короля казнью, причем не в пылу сражения, а в совершенно обычное мирное время, да еще и в качестве наказания за прегрешения других!

На следующий день после битвы был составлен документ, получивший название Луисской мизы. В нем говорилось, что действие Оксфордских провизий в целом восстанавливается, однако оговариваются процедуры для их изменения по частностям. Решение сложных вопросов, вроде отношения к Амьенской мизе, переносилось на более позднее время. Король обязался изгнать всех дурных (по мнению победившей баронской оппозиции) советников, соблюдать Великую хартию вольностей и Лесную хартию, а также следовать при решении всех государственных вопросов рекомендациям вновь избранных советников. Графы Лестерский и Глостерский получали полную амнистию за выступление против короля, которое — как ни крути — являлось государственной изменой.

Генри Алеманского отвезли в замок Беркемстед, принадлежавший его отцу. Эдуарда сначала поселили в Дувре, затем перевели в Уолингфорд. Верные соратники принца Уоран де Бессингборн, Роберт Валеран и Роберт Тиббот, успешно удерживавшие Бристоль против баронской оппозиции, предприняли попытку освободить наследника трона. Бессингборн подошел к замку со своим отрядом и, используя преимущество внезапности, прорвался за первую линию стен во внешний двор. Однако на этом его успехи закончились.

Защитники, врагов увидев под стеною,

Осадные машины снарядили к бою.
Кричали вниз, чтоб убирались пока целы,
Не то швырнут в них сэра Эдуарда тело,
Которым зарядят один из мангонелей,
И принца вывели на стену цитадели.
Соратникам он приказал снимать осаду.
Боясь за жизнь его, они ушли в досаде^[36].

После этого случая заложника перевели в хорошо укрепленный Кенилуорт. Бежать оттуда было невозможно, а на скорое освобождение никаких надежд Эдуард не питал: лорды марки сдаваться Симону де Монфору не собирались, а следовательно, продлевалось и заточение Эдуарда.

Но позиции Монфора, несмотря на убедительную военную победу, были весьма шаткими. Лорды марки оставались на свободе, каждый из них имел под своим началом сильный воинский отряд. Кроме того, в их замках томилось под стражей множество видных сторонников баронской оппозиции, захваченных после взятия Нортхемптона. За стенами Певенси скрывались беглецы, уцелевшие в битве при Луисе. Джон де Уоррен граф Саррейский сумел переправиться во Францию, где присоединился к армии королевы Элеоноры, выжидавшей удобного момента для высадки в Англии. В довершение всего папа Урбан IV откровенно продемонстрировал свое неприятие той системы правления, которая установилась в Англии после победы баронской оппозиции.

*

К концу 1264 года стало казаться, что энергичный и властный Симон де Монфор все-таки сможет переломить ситуацию в свою пользу. Сильные штормы и неблагоприятные ветры так долго не давали флоту королевы Элеоноры отчалить, что наемники, уставшие от безделья и постоянных переносов срока отплытия, разбрелись кто куда.

Осенью граф Лестерский снарядил экспедицию в Уэльскую марку и к декабрю вроде бы сумел добиться подчинения местных лордов. Они составили и подписали 15 декабря Вустерские провизии, согласно условиям которых те, кто участвовал в битве при Луисе на стороне роялистов, соглашались отправиться в добровольное изгнание в Ирландию

сроком на один год, оставив членов своих семей в Англии заложниками.

В январе 1265 года королем по требованию графа Лестерского был созван парламент, вошедший в историю под именем «парламента Симона де Монфора». Адепты «английской революции XIII века» заявляют, что именно он стал прообразом нынешнего законодательного органа Соединенного королевства. Действительно, впервые на сессию были приглашены рыцари и горожане, заседавшие вместе с представителями знати. Однако считать парламент Симона де Монфора первым ростком демократии вряд ли правильно. Граф Лестерский призвал в Вестминстер 120 епископов и аббатов, по два рыцаря от каждого графства, по два бюргера от каждого крупного города и по четыре — от каждого из Пяти Портов. Нетрудно заметить, что предпочтение отдавалось тем, кто активно поддерживал дело баронской оппозиции. При этом светская знать была представлена там весьма скромно — приглашений удостоились лишь 5 графов и 18 лордов. Это был не более чем съезд победившей партии, куда постарались не допустить представителей противной стороны. Монфор чувствовал, что его поддержка в стране не настолько сильна, как того хотелось бы баронской оппозиции, и с помощью «ручного» парламента постарался кардинально укрепить свое положение.

Парламент Симона де Монфора издал постановление об ограничении королевской власти. Генри III должен был оставаться под строгим надзором парламентских представителей до конца своей жизни, а Эдуард после вступления на престол — на срок, который предполагалось определить позднее. Парламент утвердил трех выборщиков — Симона де Монфора графа Лестерского, Гилберта де Клэра графа Глостерского и Стивена Берстеда епископа Чичестерского. Им предстояло назначить членов вновь учреждаемого Совета Девяти. Трое из этой девятки должны были неотлучно находиться при короле, и без их согласия Генри не мог сделать ни одного мало-мальски серьезного шага как в управлении страной, так и во внешней политике.

Должность юстициария Англии возвращалась Хью Ле Деспенсеру, а лорд-канцлером становился Томас де Кантилуп, архидиакон Ковентрийский и Личфилдский, племянник известного сторонника реформ епископа Вустерского.

Под сильнейшим давлением победителей Эдуард обязался отдать графу Лестерскому во владение графство Честер, все свои земли в Уэльсе, а также город Ньюкасл-андер-Лайм в Стаффордшире. Пять главных королевских замков, пожалованных королем принцу, на следующие пять лет также переходили к Симону де Монфору. В свою очередь граф

Лестерский обещал Эдуарду компенсировать потери равноценными владениями, разбросанными по разным графствам Англии. Принц соглашался признать новую систему управления королевством. До полной реализации условий договора под контролем Симона де Монфора оставался в качестве залога богатейший город Бристоль.

Эдуард понимал, что противопоставить графу Лестерскому прямо сейчас ему нечего, и был вынужден, пусть и неохотно, выполнить свою часть сделки, которая значительно усилила власть Симона де Монфора над Уэльсом и маркой. Это, собственно, и было главной целью лидера оппозиции. Достигнув ее, он с легкостью забыл о взятых на себя обязательствах — переданная Эдуарду собственность оказалась далеко не равной по ценности утерянным им владениям. И даже после того, как обе стороны выполнили с той или иной степенью честности свою часть договоренностей, от надзора Эдуард не освободился. Он оставался под пристальным наблюдением приставленного к нему Анри де Монфора.

*

Умиротворение королевства, которого вроде бы добился после битвы при Луисе граф Лестерский, было скорее видимостью, чем реальностью. Лорды марки с очевидным пренебрежением отнеслись к заключенной с ним сделке, ни в какую Ирландию отбывать не собирались и складывать оружие не намеревались. Своим авторитарным поведением Симон де Монфор оттолкнул от себя и многих преданных последователей. Он управлял Англией жестоко и самовластно: гражданская война вовсе не утихла после Луиса, деревни и городки пылали, замки подвергались осаде, побережья страдали от грабительских рейдов пришельцев из-за Ла-Манша.

Молодые рыцари, сражавшиеся в рядах баронской оппозиции, все больше разочаровывались в своем вожде, который несправедливо разделил добычу, наградив в основном себя и своих сыновей — Симона-младшего и Анри. Именно они получили львиную долю земель, владений и замков, отнятых у сторонников королевской партии.

Не смог сохранить граф Лестерский и лояльности крупных магнатов, самым важным и влиятельным среди которых был Гилберт де Клэр граф Глостерский. Ему шел уже 22-й год, из горячего юнца он превратился в галантного, энергичного и рассудительного мужчину, хотя и отличался непомерной гордыней. К счастью, его негибемый характер уравновешивался весьма средними способностями. Тем не менее граф

Глостерский достаточно возмужал, чтобы мыслить самостоятельно и не идти слепо за авторитетом Симона де Монфора. Он не одобрял привлечения к управлению Англией иностранных рыцарей, категорически не поддерживал заключение под стражу принца Эдуарда. Гилберт де Клэр, как и многие другие, прекрасно видел, что граф Лестерский со своими сыновьями стремился превратить власть лидера оппозиции в наследственное господство над Англией, а возможно, даже планировал в будущем претендовать на корону.

Кстати сказать, если к Симону де Монфору-старшему Гилберт де Клэр только начинал относиться с недоверием, то Анри и Симона-младшего он откровенно ненавидел. В феврале 1265 года пришлось даже отменить объявленный рыцарский турнир из-за опасений, что он кончится кровавой стычкой между графом Глостерским и сыновьями графа Лестерского.

Очередным свидетельством ненадежности Симона де Монфора как союзника стала жестокая ссора, вспыхнувшая между лидером оппозиции и его преданным последователем Робертом де Феррерсом графом Дербийским. В результате граф Дербийский без весомых доказательств вины был лишен земель и брошен в тюрьму. Его судьба стала предупреждением для других, и граф Глостерский урок усвоил.

Прошло совсем немного времени, и ближайший соратник Симона де Монфора превратился в злейшего врага. После того как принца Эдуарда лишили его владений, Гилберт де Клэр считался естественным лидером Уэльской марки, поскольку был не только феодальным лордом Гламоргана, но и опекуном Пемброкшира, который принадлежал беглому Гийому де Валансу. Граф Глостерский тайно поддерживал мятежных лордов и даже давал им порой приют в своих валлийских манорах. А затем сам сбежал в марку в компании Джона Гиффарда — второго видного сторонника баронской оппозиции.

В оправдание своего отъезда они заявили, что их приграничные владения нуждаются в защите, ибо терпят большой ущерб от рейдов Ливелина ап Грифита, который — не будем забывать — официально являлся союзником Симона де Монфора. Поскольку ни Гилберт де Клэр, ни Джон Гиффард не торопились возвращаться в Лондон, становилось ясно, что они отвернулись от Монфора и вступили в контакт с лордами марки, к тому времени в большинстве своем симпатизировавшими принцу Эдуарду.

В мае 1265 года Джон де Уоррен граф Саррейский и Гийом де Валанс с небольшим отрядом пехотинцев и арбалетчиков, набранных на континенте, высадились в Пемброкшире. Вустерские провизии были аннулированы. Симону де Монфору пришлось собирать войско и еще раз идти на запад, чтобы подавить мятеж. Он не желал терять из вида своих главных противников, поэтому с ним в поход отправились Генри III и Эдуард. В конце апреля они находились в Глостере, а оттуда переместились в Херефорд.

Гилберт де Клэр не спешил ввязываться в открытое противостояние со всемогущим графом Лестерским, поэтому 12 мая лично отправился на встречу с ним. Он предложил уладить все разногласия миром, и Симон де Монфор согласился. Для достижения компромисса со столь могущественным магнатом граф Лестерский пошел на значительные уступки. В частности, по просьбе Гилберта де Клэра он смягчил режим заключения Эдуарда. Помимо этого, принцу были возвращены Стамфорд и некоторые другие владения.

Казалось, эта встреча восстановила былую гармонию в отношениях между графами Лестерским и Глостерским, но, как вскоре выяснилось, дружба была недолгой и продлилась всего пару недель. Напротив, примирение с Гилбертом де Клэром сыграло с Симоном де Монфором злую шутку, ослабив его бдительность. А друзья Эдуарда, среди которых были сэр Роджер де Мортимер Уигморский, Роджер де Клиффорд и Роджер де Лейборн, не дремали.

После херефордской встречи принцу было позволено выезжать верхом и охотиться, и 28 мая он отправился на очередную прогулку. Как обычно, за ним присматривал Анри де Монфор, но в составе отряда сопровождения ехал и Томас де Клэр, младший брат графа Глостерского, который должен был помочь пленнику бежать. Предчувствуя скорое освобождение, Эдуард находился в приподнятом настроении. Согласно наиболее распространенной версии бегства принца, молодые люди затеяли игру: каждый должен был опробовать всех лошадей в отряде, чтобы затем совместно определить, какая из них резвее. Это забавное развлечение имело вполне практическую цель — оно позволило Эдуарду найти лучшего коня для побега. Когда такой конь нашелся, принц не терял времени даром:

Вскричал он: «Лорды, вам желаю добрых дней я!

Скачите с вестью к моему отцу скорее —

Простится скоро он с тюремными стенами!»

И от врагов умчался с этими словами^[37].

Красивые легенды редко бывают достоверными. Вот и этот полюбившийся хронисту эпизод вызывает большие сомнения хотя бы потому, что Эдуард бежал не один — с ним были два рыцаря и четверо оруженосцев, затесавшихся в состав конвоя, причем все ехали на собственных конях.

Вероятнее всего, побег организовали Гилберт де Клэр и Роджер де Мортимер, причем именно последний прислал принцу коня, на котором тот ехал. Сам Мортимер поджидал беглеца в соседнем лесу неподалеку от места, где разыгралось действие. Он проводил Эдуарда в свой замок Уигмор. На следующий день принц перебрался оттуда в Ладлоу, где встретился с графом Глостерским. Туда же прибыли из Пемброкшира Гийом де Валанс и граф Саррейский. Между ними был заключен договор, который практически по пунктам повторял список требований баронов, ворвавшихся к королю Генри III в Вестминстер в 1258 году.

Эдуард также сумел заручиться поддержкой нескольких иберно-нормандских магнатов, во главе которых встал Джеффри де Дженвилл — под таким именем натурализовался в Ирландии выходец из Шампани Жоффруа де Жуанвиль сеньор де Вокулер. Собрав сильное войско, он принудил к миру феодальных лордов Оффали и добился освобождения захваченного ими Ричарда де Ла Рошела, юстициария Ирландии. Дженвилл примирил все соперничавшие баронские фракции, пообещав им, что они будут держать свои земли на тех же условиях, что и до начала Второй баронской войны.

*

Эдуард набрал большую армию в приграничных с Уэльсом графствах Херефордшир, Вустершир, Шропшир и Чешир. Воспрявшие духом роялисты, возглавляемые воинственным и деятельным принцем, не теряли времени даром. Для начала Эдуард, не встретив никакого сопротивления, отобрал у баронской оппозиции Вустер. Затем он постепенно начал устанавливать контроль над долиной реки Северн, уничтожая все переправы через нее и методично отрезая от Англии небольшое войско Симона де Монфора, застрявшее в Уэльской марке.

В конце июня Эдуард двинулся по левому берегу Северна к многострадальному Глостеру, где опять базировался гарнизон сторонников

Симона де Монфора. Защитники оставили без присмотра всего лишь одну куртину^{49}, но именно там 29 июня 1265 года в город удалось прорваться отряду под командованием Джона Гиффарда — человека выдающейся храбрости, но крайне непостоянного в своих политических предпочтениях. Командир гарнизона Гримболд Понсфут, увидев на улицах Глостера неприятельских солдат, не стал сопротивляться и тут же сдался вместе со своими людьми. Более того, он с энтузиазмом перешел на сторону Эдуарда, принес ему клятву верности и был тут же на месте посвящен принцем в рыцари. Взяв этот стратегически важный город, роялисты вернулись в Вустер.

Симон де Монфор понимал, что оказался в западне и что вырваться из нее у него не хватает сил. Поэтому он обратился за помощью к своему союзнику Ливелину ап Грифиту, с которым подписал 22 июня 1265 года в Пиптоне очередной невыгодный для Англии договор от имени короля. Валлиец согласился помочь графу Лестерскому военной силой и деньгами — он пообещал выплатить 20 тысяч фунтов в течение 10 лет. Взамен этого Ливелин был признан князем Уэльса и сюзереном всех прочих валлийских князей, за ним оставались все завоеванные земли. Договор скреплялся помолвкой валлийского вождя и Элеоноры, дочери Симона де Монфора.

Ливелин ап Грифит, как и его дед Ливелин ап Иорверт Великий, стремился лишь к одному — извлечь пользу из гражданской смуты в Англии и получить реальную власть над всем Уэльсом. Что касается заключенного договора, то он понимал всю его несостоятельность, поэтому вопрос реальной помощи союзнику волновал его меньше всего на свете. Впрочем, он все-таки передал в распоряжение графа Лестерского некоторое количество валлийской пехоты.

Симон де Монфор привел 4 июля свою армию в Ньюпорт, намереваясь переправиться вместе с пленным королем Генри III через устье Северна с правого, валлийского берега в Бристоль, занятый его приверженцами. Однако три галеры Гилберта де Клэра перехватили одиннадцать судов, на которые граф Лестерский возлагал свои надежды. Они были частично потоплены, частично захвачены.

Пока Симон де Монфор пытался мобилизовать в Уэльсе все возможные военные ресурсы, Эдуард находился в Вустере. Принц покинул свою базу лишь тогда, когда узнал, что на помощь отцу движется Симон-младший. А тот, по-видимому, совершенно не осознавал всей тяжести положения графа Лестерского, который рассорился с Гилбертом де Клэром и Джоном Гиффардом, а также основательно подорвал свою популярность насилием над королем и союзом с Ливелином ап Грифитом. Нехотя

оторвавшись от осады замка Певенси, Симон-младший потратил немало времени на разграбление окрестных земель, принадлежавших роялистам, затем неторопливо двинулся к Лондону, до которого добрался только 8 июля. Там он провел без малого месяц, собирая войска.

В Кенилуорт Симон-младший прибыл 31 июля. Основные силы мятежников расположились вне стен этого мощного замка, сложенных из кроваво-красного кирпича. Сам предводитель выбрал себе штаб-квартирой расположенное менее чем в километре от замка августинское приорство Святой Марии. Несомненно, он вел бы себя более осмотрительно, если бы догадывался, что в рядах его армии у Эдуарда были шпионы, которые регулярно передавали роялистам подробную информацию о всех ее перемещениях и действиях. Особенно ценные сведения добывала женщина по имени Маргот. Она не привлекала лишнего внимания в лагере оппозиционеров, поскольку была трансвеститкой и обожала носить мужское платье — в отношении моды она стала предшественницей Жанны Орлеанской Девы, которая появится на исторической арене полтора столетия спустя.

Эдуард длинным маршем преодолел 60 километров, отделявших его от Кенилуорта. По пути он решил оставить обоз и пехоту, тормозившие его армию, и продолжал путь лишь с кавалерией. Утром 1 августа рейдеры въехали в ложбину недалеко от замка, чтобы подготовить атаку, но там неожиданно наткнулись на неприятельских фуражиров. Эдуард решил, что в лагере Симона-младшего услышали шум стычки и теперь использовать фактор внезапности не получится. Он приказал было отступить, но потом послушался совета Роджера де Клиффорда, который утверждал, что не все потеряно.

И действительно, Симон-младший наивно полагал, что принц находится далеко — в Вустере. Он даже подозревал, что тот совсем рядом, а посему совершенно не был готов к мощной кавалерийской атаке. Когда под стенами монастыря раздался топот копыт вражеских коней, мятежники мирно спали. Их незадачливый предводитель хотя и бодрствовал, но был не одет. Он спас свою шкуру, так как практически голым бежал с поля боя, переплыл озеро и укрылся в замке. У его рыцарей не было такой практической сметки, и они попали в плен к роялистам. В числе пленных оказались Роберт де Вер граф Оксфордский и 13 рыцарей-баннеретов. Как отдельная боевая сила армия Симона де Монфора-младшего перестала существовать, хотя в качестве вспомогательного войска какую-то ценность еще сохраняла.

Ничего не зная о судьбе сына, граф Лестерский 2 августа отыскал-таки брод через Северн в нескольких милях к югу от Вустера и перебрался с шеститысячным войском на левый берег. Переночевав в Кемпси, одном из маноров своего верного сподвижника Уолтера де Кантилупа, епископа Вустерского, он совершил переход до древнего Ившемского аббатства, основанного святым Эдвином в самом начале VIII века.

В стратегическом плане Ившем весьма напоминал ловушку. Аббатство стояло в самом центре петли, образованной изгибом русла реки Эйвон, и с этого «полуострова» было только два выхода — либо на север, по дороге к Алстеру, либо через мост на юго-востоке, ведущий в Бенджуорт. Граф Лестерский, впрочем, уходить никуда не собирался. Он ждал подхода армии сына, Симона-младшего, как у них и было заранее условлено.

Утром 4 августа Симон де Монфор отстоял мессу и преспокойно отправился завтракать. Чтобы заранее узнать о прибытии подкреплений, он отправил на высокую колокольню аббатства наблюдателя — своего брадобрея Николаса, превосходно разбиравшегося в геральдике. Видимость была плохая. Хотя солнце уже встало, оно скрывалось за тяжелыми тучами. Небо оставалось темным, собирался дождь.

Гроза над головами мятежников скапливалась не только в небе. Выиграв сражение у Кенилуорта, Эдуард с необычайной быстротой вернулся обратно в Вустер, где узнал о том, что его враг сумел пересечь Северн и направился на восток. Принц сразу же бросился вслед за ним. Немного не доходя до Ившема, он приказал остановиться в низине Мошам, чтобы дать людям передохнуть и подготовиться к сражению. По традиции он посвятил нескольких соратников в рыцари, после чего армия прослушала утреннюю мессу. Эдуард и Роджер де Мортимер отобрали дюжину рыцарей, которые не должны были ввязываться в схватку, поскольку перед ними стояла другая задача — найти на поле боя и убить Симона де Монфора.

Принц выстроил армию тремя баталиями и повел ее к Грин-Хиллу — возвышенности к северу от Ившема. Он приказал поднять трофейные баннеры, захваченные во время битвы у Кенилуорта, чтобы ввести в заблуждение мятежников и выиграть немного времени. Наблюдатель на колокольне действительно не заподозрил поначалу подвоха. Когда в 8.30 утра на горизонте показались отряды, над которыми развевались баннеры Симона-младшего и его рыцарей, он решил, что приближаются друзья.

Однако Николас-брадобрей быстро понял, что это обман, и поспешил доложить о своем неприятном открытии Симону де Монфору. Граф Лестерский внимательно наблюдал за приближением неприятеля. На доспехах роялистов отчетливо выделялись красные кресты, нашитые в пику тем белым крестам, которые носила Армия Господа при Луисе. Впечатленный дисциплиной и хорошей выучкой противника, граф провозгласил в характерном для него высоком стиле: «Клянусь рукой святого Иакова, они движутся умело. Но не сами они этому выучились, это я их научил. Ныне же вверим Господу души наши, поскольку тела наши принадлежат им»^[38].

Симон де Монфор был опытным полководцем и знал, о чем говорил. Роялисты значительно превосходили мятежников по численности, хотя свидетельства хроник о трехкратном преимуществе были, конечно, явным преувеличением. Путей для отступления у графа Лестерского не оставалось. Бесценные минуты были потеряны, пока он пребывал в заблуждении относительно приближавшейся армии. Теперь же роялисты перекрыли дорогу на Алстер, а узкий мост не позволил бы перевести на другой берег Эйвона все войско за время, оставшееся до подхода неприятеля.

Симон де Монфор мог, конечно, бежать в одиночку. Преданные сторонники настоятельно советовали ему поступить именно так. Их встревожил дурной знак, предвещавший неудачу — знаменосец графа Лестерского Гай Балиол, двоюродный брат бескомпромиссного роялиста Джона Балиола, случайно сломал древко баннера своего лорда, выезжая из ворот аббатства. Но, несмотря на все уговоры, Симон де Монфор не считал возможным бросить своих людей и покрыть себя позором. Он решил принять бой.

План графа Лестерского был прост — всеми силами атаковать центр позиций роялистов, поставив на острие удара рыцарей и латников. Он считал, что у него есть шанс прорвать вражеский строй и ввести неприятеля в замешательство. Симон де Монфор окинул взглядом поле боя, и оптимизма у него поубавилось. Прямо перед ним на возвышенности стояла баталия Эдуарда. Чуть левее за ним виднелись отряды Роджера де Мортимера. Справа от принца расположилась баталия Гилберта де Клэра графа Глостерского. Глядя на нее, предводитель мятежников мрачно проронил: «Этот рыжий пес сожрет нас сегодня»^[39].

Еще более пессимистично был настроен Хамфри де Боэн, старший сын роялиста графа Херефордского. Он командовал пехотой и не видел

ничего хорошего в предложенном плане атаки, о чем и сообщил своему полководцу, вызвав его гнев.

Наконец разразилась гроза, на поле боя обрушился сильный ливень. Симон де Монфор во главе своих латников бросился в атаку с обычной храбростью. Сила удара тяжелой кавалерии была такой, что она вклинилась глубоко в позиции баталии принца. И тут оправдались самые мрачные прогнозы Хамфри де Боэна. Оторвавшись в стремительном броске от пехоты латники сами облегчили задачу неприятелю, поскольку армия, и так уступавшая по численности неприятелю, разделилась фактически на две части.

Баталии Мортимера и графа Глостерского зашли в образовавшийся разрыв между кавалерией и пехотой мятежников. Они одновременно завершили окружение латников и ударили по пехоте Боэна. Валлийские копейщики потеряли строй и были хладнокровно истреблены. Кавалерия Симона де Монфора сопротивлялась отчаянно, но была буквально смята превосходящими силами роялистов. В бою пали Анри, старший сын графа Лестерского, Питер де Монтфорт, Хью Ле Деспенсер и Ральф Бассет. Младший сын графа Ги де Монфор и Хамфри де Боэн были взяты в плен, причем последний умер в заточении спустя два месяца от ран, полученных в сражении. В азарте боя роялисты чуть было не зарубили короля, не имевшего, разумеется, на доспехах красного опознавательного креста. Генри III был ранен в плечо, но чудом остался жив, так как успел назвать свое имя напавшему на него воину.

Отряд из двенадцати «убийц» не принимал участия в общей свалке — он целенаправленно искал Симона де Монфора. Свою задачу рыцари выполнили. Смертельное ранение графу Лестерскому нанес сэр Роджер де Мортимер. Ударив предводителя неприятельского войска копьем в шею, он убил его на месте. Затем тело графа Лестерского было изуродовано самым отвратительным образом. Ему отрубили голову, отрезали тестикулы и пригвоздили их по бокам носа — в таком виде отталкивающий «трофей» был отправлен жене Мортимера в замок Уигмор. Отрубленные руки и ноги Симона де Монфора также оказались в домах его главных ненавистников, и только туловище упокоилось в церкви Ившемского аббатства.

Битва окончилась, улицы городка и двор аббатства были усыпаны трупами, мокнувшими под теплым летним дождем. Стоя над телами поверженных друзей и врагов, Эдуард с радостью обнял своего отца — раненого, но живого.

По ненадежным и, вероятнее всего, преувеличенным оценкам историков, в битве погибло до четырех тысяч человек — большей частью

сторонников Монфора. Оборванные и окровавленные беглецы, которым посчастливилось избежать ярости победителей, тянулись на юг. Некоторые добрались до самого Тьюксбери, где были добиты горожанами, твердо стоящими на стороне короля. Симон-младший с остатками своей армии опоздал и не смог помочь отцу. Дойдя почти до Ившема, он узнал от местных жителей о печальном исходе битвы и повернул назад, вернувшись в Кенилуорт.

*

С Ившемского поля боя Генри III отправился залечивать свою не слишком тяжелую рану сначала в замок Глостер, а затем в Мальборо. 7 августа он выпустил прокламацию, в которой объявлял, что вновь возложил на себя всю полноту королевской власти. Впрочем, в своих временных пристанищах он большую часть времени занимался вовсе не проблемами королевства, а любимым делом — реставрацией дисковосов^{50}.

Пока Генри с большей или меньшей степенью успеха изображал из себя ювелира, власть в Англии на какое-то время перешла к Эдуарду, голос которого зазвучал в английской политике чрезвычайно весомо. За те четырнадцать месяцев, что разделили поражение при Луисе и триумф при Ившеме, принц многому научился и стал превосходным полководцем. Эдуард доказал, что умеет побеждать в сражении, но ему надо было также продемонстрировать, что он может быть прагматичным государственным деятелем.

Раздираемое междоусобицей королевство нуждалось в правителе, который залечил бы кровоточащие раны на теле страны. Несмотря на то, что семья Монфоров была практически уничтожена, в Англии оставалось еще много приверженцев идей покойного графа Лестерского, и они старательно разжигали вражду между партиями, не давая стране выйти из состояния гражданской войны. Победившие роялисты тоже не демонстрировали миролюбия по отношению к проигравшим.

После битвы Эдуард искренне сожалел о гибели такого большого количества людей, которые в подавляющем большинстве были подданными его отца. Он склонялся к тому, чтобы проявлять милосердие по отношению к тем мятежникам, которые с покорностью обращались к нему и умоляли не лишать их наследства за участие в восстании. Вероятно, это было бы самой мудрой политикой по умиротворению королевства.

Принц писал лорду верховному канцлеру Уолтеру Гиффарду, сыну

своего наставника Хью Гиффарда Бойтонского, назначенному на высокий пост сразу после победы роялистов: «Преподобному отцу Уолтеру, милостью Божией епископу Батскому и Уэллзскому Эдуард, первородный сын славного короля Англии — с приветом и искренней любовью. В седьмой день августа Саймон де Стоук, господин Ричард де Хейверинг, Джон де Хейверинг и сэр Уильям де Турвил покорились нам к нашему удовлетворению, и мы пообещали им, что полностью защитим как их самих, так и их имущество. Они, веря в наше обещание, позаботились о возврате наших замков Уиллингфорд и Беркемстед. По этой причине мы просим вас для соблюдения нашего обещания позаботиться о его исполнении через канцелярию владыки короля, нашего отца»^[40].

Эдуард отправился в Честер, чтобы восстановить там свою власть после непродолжительного, но весьма разрушительного владычества Симона де Монфора. Оттуда он руководил операциями своих военачальников, начавших гасить очаги вооруженного сопротивления несломленных мятежников. Принц писал 24 августа 1265 года Роджеру де Лейборну и хранителю королевского гардероба Николасу де Льюкнору:

«Полагаем полезным, что государь король, наш отец, выдав свою патентную грамоту, наделил властью господина графа Уоррена, чтобы он смог принять тех людей из Пяти Портов, кто хочет примириться, но с условием, что они подчинятся воле государя нашего. И поскольку этот господин граф таким образом получает власть в тех землях, то на море не должны допускаться ни пиратство, ни грабежи, ни человекоубийства. И никто из тех, кто направляется в порт, не должен допускаться в порт прежде, чем его препроводят в Дувр, где он получит разрешение на въезд в королевство, с тем, чтобы только потом попасть в нужное ему место. Также добавим, что не должен быть пропущен ни один чужестранец, касательно которого могут быть опасения, что он желает связаться с нашими врагами, нами осужденными.

Что касается тех, кто находится в Кенилуортском замке и кто может и должен заслуженно считаться нашими врагами, то список их имен мы вам посылаем. Будет целесообразным отписать им от лица нашего вышеупомянутого владыки, что если они не желают считаться особо опасными преступниками и лишиться наследства и жизни, как они того заслуживают, то им следует без промедления передать указанный замок любым способом нашему владыке»^[41].

Это письмо замечательно тем, что представляет собой первый акт государственной важности, подписанный Эдуардом. Принц давал себе

отчет в том, что договоренность является более мощным инструментом примирения, чем военная сила. Даже в отношении гарнизона замка Кенилуорт, бывшей твердыни графа Лестерского, а ныне прибежища его сына Симона-младшего и самых непримиримых оппозиционеров, он допускал методы более мягкие, чем казни и конфискации. Остатки баронской партии мало-помалу склонялись к тому, чтобы признать поражение. Симон-младший даже вернул без каких-то условий свободу своему пленнику, Ричарду графу Корнуоллскому.

Однако Генри III неожиданно очнулся от своего летаргического сна и проявил интерес к государственным делам, испортив принцу всю игру. Если бы он немного лучше знал историю своей династии, то, возможно, последовал бы примеру деда. После Великого восстания 1173–1174 годов Генри II Короткая Мантия сумел быстро успокоить страну. Он пообещал справедливость, мир и прощение тем баронам, которые бросили ему вызов, и не стремился уничтожить и изгнать побежденную партию. Генри поступил прямо противоположным образом — он отказался от курса на примирение с мятежниками, который проводил Эдуард. Этим решением король плеснул порцию масла в начинавшее затихать пламя конфликта, обострил мстительность победителей и умножил недовольство побежденных.

В сентябре 1265 года Генри III заявил на сессии парламента в Уинчестере, что все мятежники должны быть лишены наследства, а их владения распределены между людьми, доказавшими свою лояльность короне. Это в одночасье углубило раскол и разрушило благосостояние почти 300 семей, которых перестали именовать баронской оппозицией и нарекли отныне «лишенными наследства». Решимость победителей окончательно добить своих противников, ввергнув их в нищету, привела к новым восстаниям.

*

Эдуард пытался переубедить короля, но тщетно. На сторону принца встали его младший брат Эдмунд и кузен Генри Алеманский, но Генри III уперся намертво, как будто для него это был вопрос жизни и смерти. Видя, что упрямство отца сломить не удастся, Эдуард отступился и больше не досаждал королю. Он воспользовался удобным моментом, чтобы утолить свою личную жажду мести, и принял активное участие в конфискации собственности жителей Лондона. На столицу обрушилась жестокая кара за

верность графу Лестерскому и все те оскорбления, которые перенесла от лондонцев королевская семья.

К принцу перешла значительная часть имущества мэра Лондона. Не остались внакладе его соратники Уоран де Бессингборн, Хеймо Лестрейндж, Роджер де Лейборн, Джон де Во и Отто де Грандисон. Получил солидное вознаграждение переметнувшийся к роялистам Гримболд Понсфут, командир гарнизона Глостера. Сам мэр и четверо лучших горожан были арестованы и переданы принцу, причем на них не распространялось действие указа об общем помиловании заложников: «Все пленники из числа жителей города [Лондона], кроме тех, кого король отдал Эдуарду, своему сыну... должны быть выпущены из тюрьмы»^[42].

Папа Климент IV, сменивший на Святом престоле Урбана IV, требовал жестких мер по отношению к прелатам, выступавшим на стороне Симона де Монфора. Папский легат в Англии, кардинал Оттобоно де Фьески, отлучил от церкви с временным отстранением от исполнения обязанностей четырех влиятельных прелатов, в числе которых оказались Стивен Беркстед, епископ Чичестерский, и Уолтер де Кантилуп, епископ Вустерский. Племянник последнего, Томас де Кантилуп, архидиакон Ковентрийский и Личфилдский, занимавший во время правления баронской оппозиции пост лорда — верховного канцлера, бежал в Париж.

По мере того как по всей Англии земли и собственность меняли хозяев, без крыши над головой оставалось все больше «лишенных наследства». Многие из них вынуждены были жить в лесах, ночевать под открытым небом. Ради добычи пропитания они собирались в вооруженные банды. Главным центром сопротивления королевской власти стал мощный замок Кенилуорт, где нашли убежище остатки баронской оппозиции. Эдуард понимал, что это мятежное гнездо придется рано или поздно уничтожить. Однако прежде он решил взять под контроль остальную часть страны.

Уладив свои дела в Честере, принц направился с войском к побережью Ла-Манша и осадил Дуврский замок, где скрывалась его тетка Элеонора, вдова графа Лестерского. Гарнизон сопротивлялся недолго, и 26 октября Эдуард принял его капитуляцию. Генри III поступил с пленницей крайне жестко, его не смягчило даже то, что она приходилась ему родной сестрой. Король обрек ее на пожизненное изгнание из Англии, и она нашла приют во Франции, в аббатстве Монтаржи, основанном сестрой ее покойного мужа Амисией. Там Элеонора и умерла в 1275 году.

Симон де Монфор-младший, ставший теперь главой рода, был лишен титула графа Лестерского, его владения конфискованы по указу короля.

Генри III распорядился ими весьма странным образом, хотя и укладывавшимся, впрочем, в логику его прежних поступков. Принц Эдуард, заслуги которого по разгрому баронской оппозиции и по возвращению свободы монарху были неоспоримы, не получил из них ничего. Он по-прежнему оставался всего лишь «первородным сыном и наследником». Достоинство графа Лестерского, а также сопряженную с ним высокую должность лорда — верховного стюарда Англии король пожаловал своему младшему сыну Эдмунду, никак не проявившему себя во Второй баронской войне.

*

Из Дувра Эдуард двинулся на север для разгрома большой группы повстанцев, разбившей лагерь в болотистых землях острова Аксхолм^{51} в Линкольншире. Мятежниками командовали известные воины Жан д'Эйвиль и Болдуин Уэйк. Они засели в глухой местности, окруженные реками и болотами, и поэтому считали свое убежище неприступным. Принц быстро развеял их заблуждение, приказав строить гати и деревянные мосты.

Поняв, что им не выстоять против планомерной осады, главари повстанцев согласились на переговоры, которые состоялись на Рождество в местечке Бикерс Дайк. Тем, кто сдастся без сопротивления, Эдуард обещал оставить свободу и жизнь с одним условием — они добровольно должны были явиться на суд парламента. На том и порешили. Правда, Уэйк набрался смелости предстать перед лордами только в ноябре 1266 года, а д'Эйвиль — вообще в 1267 году.

В начале 1266 года принц вместе с сэром Роджером де Лейборном заставил признать королевскую власть Пять Портов, на протяжении всей Второй баронской войны хранившие верность оппозиции. Если Лейборн предпочитал жесткие методы — осаду и сражение, то Эдуард часто склонял мятежников на свою сторону обещанием прощения и свободы в обмен на подчинение. Масштабная операция завершилась в марте комбинированным приступом Уинчелси — одновременно с суши и моря. За блестяще проведенную кампанию король назначил Эдуарда констеблем Дуврского замка и лордом — хранителем Пяти Портов. Лейборн получил должность камергера Сандвича.

На Пасху 1266 года восстания вспыхнули в центральной части страны — в Восточной Англии и Мидлендсе. Отрядам Эдуарда и Лейборна

пришлось разделиться — сэр Роджер отправился в Эссекс, а принц — в Хемпшир. Там ему в очередной раз выдался случай проявить свою несомненную личную доблесть. В конце мая в Элтонском лесу он разгромил банду мятежников и вступил в единоборство с их командиром, опытным рыцарем и умелым бойцом сэром Адамом Гёрдоном Селборнским. Схватка проходила на лесной поляне, солдаты принца могли только наблюдать за ней, поскольку их отделял от участников поединка глубокий овраг. Эдуард одержал верх над противником благодаря своей огромной силе и ловкости.

Получила широкое распространение легенда, согласно которой принц приказал своим людям не вмешиваться в поединок, а после его окончания, впечатленный боевым мастерством Гёрдона, взял его под свое покровительство. Однако на самом деле все обстояло совсем не так. Люди Эдуарда частью перебили, частью повесили мятежников, а побежденного рыцаря принц взял в плен и передал своей матери королеве, которая заточила его в темницу Виндзорского замка.

В Виндзоре сэр Адам Гёрдон составил компанию Роберту де Феррерсу графу Дербийскому, непримиримому и последовательному врагу Эдуарда. Едва освободившись из тюрьмы, в которую его заточил Симон де Монфор, граф Дербийский поднял мятеж против короля и его старшего сына. Однако 15 мая 1266 года он потерпел поражение от Генри Алеманского в битве при Честерфилде. Его графство было конфисковано и передано — нет, не Эдуарду, а снова Эдмунду, в дополнение к титулу графа Лестерского. С тех пор род Феррерсов Чартлейских графского достоинства вернуть так никогда и не сумел. Сам же Роберт де Феррерс после уплаты тяжелого выкупа за свою свободу и имущество получил королевское прощение за мятежное прошлое, но в милость к Генри III и тем более к Эдуарду войти уже не смог.

Методом кнута и пряника Эдуарду удавалось постепенно наводить порядок в стране. Королевская власть благодаря его усилиям окрепла настолько, что могла себе позволить жестко карать баронов, осмеливающихся на бунт с оружием в руках. В стране медленно, но верно воцарялись порядок и законность. Даже нелюбимые знатью и народом изгнанники-савояры во главе с королевой Элеонорой Прованской и Бонифасом, архиепископом Кентерберийским, сочли безопасным вернуться в Англию после долгого пребывания за морем.

Но главное прибежище мятежников все еще держалось. Это был Кенилуорт, огромная крепость, основанная в начале XII века Джеффри де Клинтоном, лордом-камергером и казначеем короля Генри I. После перестроек, которым ее подвергли сначала король Джон Безземельный, затем Симон де Монфор-старший, она стала абсолютно неприступной для штурма.

Замок Кенилуорт стоял на скальном основании, возвышаясь над окрестной равниной. Подходы с юга и запада защищало огромное искусственное озеро площадью более 20 гектаров, а с других направлений — широкий ров. Высокая внешняя стена с множеством башен опоясывала значительную территорию. Внутренняя стена была еще мощнее, а последним убежищем для защитников служила грандиозная главная башня или *куп*^{52}. Гарнизон Кенилуорта насчитывал более 1200 человек. Командовали мятежниками констебль замка Генри де Хестингс и Симон де Монфор-младший.

Королевская армия, основу которой составляло феодальное ополчение 10 графств, обложила великий замок 21 июня 1266 года. Вокруг Кенилуорта были устроены четыре военных лагеря, ими командовали Генри III, принц Эдуард, Эдмунд граф Лестерский и Роджер де Мортимер. Плотники установили по периметру замка требюше^{53}, метавшие в укрепления тяжелые камни, и огромные деревянные осадные башни, с которых лучники засыпали защитников стрелами.

Мятежники держались стойко и поднимали свой боевой дух всякими дерзкими выходками. Они обожали дразнить осаждавших. В насмешку над папским легатом Оттобоно де Фьески, прибывшим в армию роялистов, чтобы отлучить врагов короля от церкви, «лишенные наследства» обрядили своего лекаря в красные кардинальские одежды. В таком виде ряженный отвечал на речи Оттобоно, вызывая пародируя прелата и усыпая свои оскорбительные выкрики цитатами из Священного Писания. Осада явно затягивалась, все попытки осаждавших взять штурмом непокорный замок к успеху не приводили. Роялисты попытались даже переплыть озеро, для чего приволокли из Честера десантные суда. Но дорогостоящая затея в конечном итоге оказалась тщетной.

Деятельной натуре Эдуарда претило сидение в лагере и бесконечное ожидание капитуляции противника. Он даже не пытался возглавить осаду, переложив эту честь на плечи своего младшего брата Эдмунда графа Лестерского. Не прошло и месяца, как он покинул армию и направился в Лондон. Правда, у него были для этого весьма уважительные причины: 14

июля 1366 года жена подарила Эдуарду сына. Немудрено, что появление на свет первенца принц счел крайне важным событием — до этого мальчика у Элеоноры Кастильской рождались только девочки, ни одна из которых не прожила и полугода.

Лондонцы в предчувствии праздника забыли на время свою ненависть к королевской семье в целом и к наследнику престола в частности. Вот что писал хронист: «Услышав эту новость, жители Лондона настояли, чтобы по всему городу было провозглашено: с завтрашнего утра все должны только праздновать, не заниматься никаким ремеслом, но радоваться рождению указанного ребенка. Соответственно, в тот день все склады и лавки должны быть закрыты, всем мужчинам и женщинам, духовенству и мирянам следует отправиться пешком или верхом в Вестминстер, чтобы возблагодарить Господа за рождение ребенка и вознести молитвы за его безопасность. На улицах города танцевали и распевали веселые песни подобно тому, как делалось обычно на ежегодный праздник святого Иоанна Крестителя»^[43].

Своего сына Эдуард и Элеонора решили назвать неординарно — Джоном, и этот выбор показался современникам очень странным. За всю историю такое имя носил один-единственный английский король — Джон Безземельный, оставивший по себе отнюдь не самую добрую память. Его неумелое правление привело к потере обширных английских владений во Франции и стало причиной гражданской смуты, получившей название Первой баронской войны.

По окончании празднеств Эдуард вернулся к Кенилуорту, но по-прежнему продолжал вести себя весьма индифферентно. К тому времени стало очевидно, что взять замок приступом не получится. В конце августа король приказал учредить комитет из 12 членов для выработки проекта соглашения с повстанцами. По иронии судьбы именно тот человек, который первым осознал необходимость мирного решения конфликта, не принял участия в реализации королевской идеи: принц отказался лично войти в состав комитета, и его там представляли Уоран де Бессингборн и Роберт Валеран. Возможно, он не видел особого смысла в этой затее, и его правота вскоре подтвердилась.

Общими усилиями членов комитета во главе с легатом Оттобона де Фьески, ставшим впоследствии папой Адрианом V, и Генри Алеманским был составлен Кенилуортский диктум^[54], обнародованный 31 октября 1266 года. Этот документ включал в себя 41 статью и формально выглядел как обращение верных епископов и баронов Англии к королю и церкви. В нем

устанавливалось право монарха свободно осуществлять свои королевские полномочия без каких-либо препятствий, содержалась просьба назначать на важные посты справедливых и бескорыстных людей, а также указывался путь, с помощью которого мятежники могли получить прощение и вернуть свои владения. «Лишенным наследства» предлагалось выкупать конфискованные земли, причем по крайне высокой цене — в пять — семь раз превышавшей ту стоимость, по которой они в свое время были переданы сторонникам короля. Это был далеко не самый лучший и не самый справедливый, но хоть какой-то реальный механизм для восстановления мира. Однако для затворившихся в Кенилуорте мятежников диктум оказался довольно слабым стимулом, и они отказались его подписывать.

Осада длилась без малого полгода и по праву считается одной из самых продолжительных на территории Англии. Сломить сопротивление «лишенных наследства» смог вовсе не Кенилуортский диктум, как и предполагал принц, но исключительно голод и болезни. Только в середине декабря 1266 года обессиленные защитники замка вынуждены были сдаться. Вошедшие в крепость роялисты чуть не задохнулись от стоявшего внутри зловония.

*

На заключительном этапе осады Эдуард снова отсутствовал. Роялисты получили известие, что в далеком Нортумберленде восстал Джон де Весси, феодальный лорд Анника и самый влиятельный магнат Севера. Он попал в плен при Ившеме, но был освобожден по условиям Кенилуортского диктума. Прочувствовав на собственной шкуре тяжесть драконовского закона, де Весси взбунтовался.

Эдуард с радостью покинул лагерь и поспешил на север. Он осадил бунтовщика в замке Анник и быстро принудил его к капитуляции. Джон де Весси приказал открыть ворота своей твердыни и преклонил перед принцем колени. Эдуард по-прежнему не был сторонником преувеличенно жестоких мер по отношению к признавшим власть короля «лишенным наследства». Он взял на себя смелость единолично решить участь северного магната и приговорил его к штрафу в размере всего 3700 марок, пообещав вернуть все конфискованные владения. Джон де Весси в полной мере оценил великодушие, проявленное принцем, и с тех пор стал одним из самых верных его соратников.

Поскольку Эдуард и так уже зашел достаточно далеко на север, он решил воспользоваться случаем и посетить Шотландию. Там он навестил младшую сестру Маргарет, которая 15 лет назад вышла замуж за короля Александра III. Попутно принц пополнил свое войско опытными наемниками — жителями шотландского пограничья. Военная сила по-прежнему требовалась, ибо еще не все очаги сопротивления «лишенных наследства» были окончательно подавлены.

После падения Кенилуорта главным оплотом мятежников оставался остров Или — такой же известняковый холм посреди Болотного края, как и Аксхолм, только не в Линкольншире, а в графстве Кембриджшир. Командовал повстанцами старый знакомый принца Жан д'Эйвиль, не торопившийся предстать перед судом парламента, как он обещал Эдуарду двумя годами ранее. Засевшая на Или банда терроризировала всю Восточную Англию, отваживаясь даже на вылазки против таких крупных городов, как Кембридж или далекий Норидж.

Деятельность д'Эйвиля создавала определенные неудобства для королевской власти, но не была для нее угрозой. Однако ситуация резко изменилась в апреле 1267 года, когда на сторону мятежников перешел могущественный магнат Гилберт де Клэр граф Глостерский. Он категорически не одобрял тех жестоких мер, которые применялись к «лишенным наследства». Но главной побудительной причиной все-таки была личная обида. Рыжий Граф оказал немалую помощь роялистам и в битве при Ившеме, и при осаде Кенилуорта, однако полученное им вознаграждение, как он считал, не соответствовало его заслугам. Графа Глостерского возмущали интриги Роджера де Мортимера, стремившегося при поддержке некоторых влиятельных придворных отобрать у него опеку над валлийскими владениями Хамфри де Боэна, несовершеннолетнего наследника графов Херефордских. Помимо этого, Гилберт де Клэр был недоволен тем, что корона незаконно наложила руку на кое-какое имущество из вдовьей части его матери.

Объявив во всеуслышание о переходе на сторону противников королевской партии, граф Глостерский торжественно вступил в Лондон, где был с восторгом встречен крамольными горожанами, которые немедленно вернулись к своему обычному противостоянию с властью сразу по окончании торжеств, посвященных рождению Эдуардова сына. Лондонцы приветствовали графа Глостерского как поборника и защитника их древних исконных прав и привилегий. Вскоре в столицу прибыл и Жан д'Эйвиль с частью своих болотных сидельцев.

Эдуард немедленно покинул Шотландию и поспешил со своими

отрядами на юг, чтобы присоединиться к армии короля, также двигавшейся к столице. Но даже объединенному войску роялистов не хватало сил для штурма Лондона. Сказывалась также нехватка финансов, поскольку слишком много средств было потрачено на осаду Кенилуорта. Пришлось вступать в переговоры, чему весьма способствовал папский легат, затворившийся в лондонском Тауэре и более всего опасавшийся возобновления гражданской войны. Как Эдуард не чурался мирного пути в решении конфликтов, так и Гилберт де Клэр не был упертым сторонником силовых методов. В конце концов дело сладилось миром.

Граф Глостерский покинул столицу, поклявшись больше не поддерживать мятежников и положиться на папский суд в отношении своих обид. Вслед за ним 1 июля 1267 года королевский мир приняли последние из видных вождей повстанцев — Жан д'Эйвиль, Николас де Сегрейв и Норман д'Арси, которых принц Эдуард тут же взял к своему двору в качестве рыцарей-баннеретов.

Покончить с остатками мятежников, все еще скрывавшихся на острове Или, но оставшихся без опытных командиров, не представляло никакого труда. Эдуард методично продвигался к их логову, под прикрытием лучников и арбалетчиков сооружая гати. Он угрожал казнью всем, кто не сдастся добром. Не видя другого выхода, повстанцы сложили оружие, и в Англии наступил долгожданный мир.

*

Окончание Второй баронской войны вовсе не означало, что с этой минуты все графства страны зажили в покое и безопасности. Западным границам королевства по-прежнему угрожал Ливелин ап Грифит. Умело воспользовавшись турбулентными годами гражданской смуты, он заключил односторонне выгодный для себя союз с Симоном де Монфором. Не опасаясь атак со стороны Англии, валлийский князь укрепил свою власть над всем Гуинетом и покорила Средний Уэльс. После того как он опустошил Чешир, принадлежавший Эдуарду, для переговоров с ним было отправлено посольство. Возглавляли миссию Роберт Валеран и Эдмунд Лестерский и Дербийский, который благодаря неудержимой королевской щедрости с весны 1267 года стал еще и графом Ланкастерским.

Судить о их дипломатических талантах по результатам посольства было бы неправомерно, поскольку Англия находилась совершенно не в том положении, чтобы претендовать в процессе переговоров на

доминирующую позицию и навязывать другой стороне свои условия. Истощенная длительной смутой страна требовала мира любой ценой. Неудивительно, что 29 сентября 1267 года в Монтгомери опять был заключен не самый почетный для Англии договор. Согласно ему Ливелин ап Грифит получал феодальную власть над обширными территориями: теперь он официально признавался правителем всего Северного Уэльса, включая Четыре кантрева, в обмен на дань в 25 тысяч марок. Все прочие валлийские князья приносили ему клятву верности, за исключением Риса ап Маредита, владыки кантрева Маур — единственного, кто оставался непосредственным вассалом английского короля, так как надеялся на его помощь в восстановлении раздробленного древнего княжества Дехейбарт.

Унизительные условия договора с заведомо слабейшим противником стали очередным результатом мятежа и правления Симона де Монфора, который основательно подорвал престиж и мощь английского королевства, а также поставил на грань уничтожения личную власть Эдуарда над Восточным Уэльсом и сильно пошатнул его влияние в Уэльской марке.

Может показаться странным, что принц лично не принимал участия в посольстве, ибо сложно было бы найти человека, больше его заинтересованного в исходе переговоров. Однако же для Эдуарда их итог заранее не был секретом. Поэтому он предпочел заняться более важным делом — выполнением тех обещаний, с помощью которых ему удалось привлечь умеренную часть баронской оппозиции на сторону короля. Принц со своими советниками работал над проектом окончательного примирения с мятежниками, их реабилитации и реформы власти. Этот проект, воплотившийся в жизнь под названием Мальбороского статута, был обнародован 18 ноября 1267 года.

В статуте подробнейшим образом излагались положения, затрагивающие те сферы управления королевством, которые перманентно обсуждались с 1258 года. В преамбуле признавалось: «Заявлено, рассмотрено и установлено: поскольку королевство Англия в последнее время страдало от множества невзгод и неурядиц, то его законы и статуты крайне нуждаются в исправлении с той целью, чтобы твердо соблюдался мир и сохранялось спокойствие его народа»^[44].

Теперь, когда мир был установлен как с мятежными баронами, так и с валлийцами, в королевстве начался долгий процесс исцеления после сильнейших потрясений последнего десятилетия. Страна вошла в редкий для средневековой Англии период относительного умиротворения. Воспользовавшись этим, Генри III с головой ушел в разработку планов строительства новой гробницы Эдуарда Исповедника в Вестминстерском

аббатстве. У Эдуарда же 6 мая 1268 года родился второй сын. На этот раз ребенку дали традиционное для английской королевской семьи имя — в честь деда и прапрадеда его назвали Генри.

Глава четвертая. Крестовый поход

Мирные занятия и тихая семейная жизнь не очень-то привлекали двадцативосьмилетнего наследника трона, успевшего привыкнуть к военным походам, скучавшего по азарту битв и гордившегося своими победами. Сожаление о недавнем прошлом не оставляло его даже после того, как при поддержке брата Эдмунда графа Ланкастерского и кузена Генри Алеманского ему удалось добиться отмены указа о запрете рыцарских турниров. Как ни любил он военные игры, но они все-таки не в состоянии были полноценно заменить настоящих сражений, вкус к которым он приобрел за время Второй баронской войны.

Но тут весьма своевременно, по мнению принца, французский король Луи IX объявил о подготовке нового крестового похода. Его участники должны были покинуть Европу в 1270 году. Им предстояло остановить султана Египта Бейбарса по прозвищу Абуль-Футух (Отец Побед), перед войсками которого пали одна за другой несколько ключевых крепостей в Утремере^{55}. Сначала мамлюки захватили Кесарию и Арсуф, затем ими был взят замок Сафед. Сдалась Яффа, рухнуло Антиохийское княжество. Иерусалимское королевство находилось в огромной опасности.

Естественно, Луи не отказался бы заполучить такого великолепного бойца и опытного полководца, каким считался Эдуард. Сам принц моментально воспылил рвением поратовать за истинную веру, да и славу защитника христианства заслужить он был не прочь. Однако многое мешало его участию в походе. Порядок в королевстве был еще неустойчивым, в любой момент вновь могли начаться гражданские волнения. Денег в королевской казне на столь дорогостоящий проект, в общем-то, не было. Даже папа Климент IV, которому крестовый поход был дорог как родное детище, имел представление о неважном состоянии финансов Англии и сомневался в целесообразности участия Эдуарда в походе. Он предлагал ограничиться организацией менее затратной экспедиции под командованием Эдмунда графа Ланкастерского, младшего сына короля.

В отличие от папы находившийся в Англии легат Оттобона де Фьески всячески пытался подвигнуть на участие в походе в Святую землю как можно больше англичан, но его речи до поры до времени не находили отклика. Ходили слухи, что Святой престол нарочно хочет увести из Англии всю знать, чтобы заменить ее чужестранцами. Подобные сомнения

были чужды Эдуарду, и 1 июня 1268 года перед парламентом, собравшимся в Нортхемптоне, он поддержал призыв легата и поклялся принять крест. Его примеру последовали брат Эдмунд граф Ланкастерский, кузен Генри Алеманский, а также многие другие знатные англичане.

Казалось бы, объединенные единой великой целью, аристократы должны были хотя бы на время забыть свои ссоры и отложить взаимные претензии. Но даже поклявшись совместно дать отпор неверным, они не отказались от сведения личных счетов. У Эдуарда начали стремительно портиться и без того не безоблачные отношения с графом Глостерским. Тот упорно не желал отступить от своих претензий на богатый Бристоль. Однако затевать вооруженную свару с принцем Гилберт де Клэр не решился и предложил решить дело в суде. Эдуард вроде бы согласился, но выдвинул оригинальное условие — даже если граф выигрывает, то Бристоля он все равно не получит, но в качестве компенсации станет владельцем собственности, приносящей равноценный доход.

Такая постановка вопроса, естественно, графа Глостерского изначально не устраивала, поэтому дело было отложено в долгий ящик, а тем временем отношения между Эдуардом и Гилбертом де Клэром все больше ухудшались. В 1269 году принц вынужден был заняться урегулированием разногласий между Ливелином ап Грифитом князем Уэльса и лордами марки. При этом он постоянно ущемлял интересы графа Глостерского. Делалось ли это нарочно — неизвестно, однако именно так думали многие. Поговаривали даже, что в действительности Эдуард думал не столько о примирении с графом, сколько о том, как сохранить благосклонность его жены — тридцатилетней Алис де Лузиньян. Досужие сплетники уверяли, что в прошлом у принца был бурный роман с этой черноглазой и темноволосой красавицей.

Вряд ли подобные пересуды соответствовали действительности, но налаживанию контакта между мужчинами они уж точно не способствовали. Тем не менее их конфликт не выходил за рамки закона, чего нельзя сказать о других подобных коллизиях. Так, в 1270 году парламентом в Вестминстере разбиралась тяжба по поводу спорных владений между Джоном де Уорреном графом Саррейским и Аланом де Ла Зушем. Прения сторон быстро переросли в ссору, закончившуюся рукопашной. Граф Саррейский нанес тяжелые увечья Ла Зушу, который скончался от них менее чем через месяц.

Король Генри III оказался не в состоянии адекватно отреагировать на вызов, брошенный его власти перед лицом всей знати и прелатов королевства. Вместо него это сделал Эдуард, который действовал

решительно, хотя оба участника стычки были его старыми соратниками. Во главе сильного отряда он осадил графа Саррейского в его замке Райгейт и заставил сдаться. Затем принц доставил преступника в Лондон и предал суду. Джон де Уоррен сохранил жизнь и свободу в обмен на уплату огромного штрафа. Что интересно, этот инцидент не помешал графу Саррейскому оставаться впредь близким другом и сподвижником Эдуарда.

*

Подготовка к крестовому походу шла своим ходом. Затраты предстояли немалые, и Эдуард проявлял завидную изобретательность и настойчивость в поисках источников финансирования. Он добился, чтобы ему были предоставлены доходы с Лондона, семи других городов и восьми графств за 1269 год. Часть этих средств принц намеревался потратить на возмещение немалых расходов, понесенных им лично во время Второй баронской войны. Кроме того, Эдуард получил долгосрочный заем от Луи IX в размере 70 тысяч турецких ливров. Погасить долг перед французским королем принц обязался из доходов города Бордо.

Парламент — тот самый, на заседании которого Джон де Уоррен смертельно ранил Алана Ла Зуша — поначалу выступил резко против экспедиции в Святую землю, но под давлением Эдуарда и других поборников крестового похода вынужден был пойти на попятный. Лорды утвердили специальный налог в одну двадцатую часть движимого имущества на сбор и содержание войска. Землевладельцы получили отсрочку от долговых выплат евреям-ростовщикам, что дало им возможность быстро найти деньги на нужды Эдуарда.

Прелаты также согласились дать 31 тысячу фунтов на крестовый поход, хотя всей обещанной суммы Эдуард от них так и не дождался. Помимо этого, принявшие крест получили полное отпущение грехов. Также церковь взяла на себя заботу о владениях всех, отбывающих в Палестину. Неожиданным образом это благотворно сказалось на умиротворении страны. Захват роялистами земель у сторонников баронской оппозиции не мог теперь быть оспорен до окончания крестового похода. С другой стороны, отправлявшихся в Святую землю мятежников отныне и навсегда невозможно было преследовать по закону за прошлые грехи.

Эти соображения сыграли немаловажную роль для тех, что задумывался об участии в экспедиции. Однако было бы ошибкой сводить

все к простому меркантильному расчету. В отличие от первых крестовых походов, ныне Восток не манил крестоносцев несметными богатствами. Напротив, они подчас лишались собственного состояния — приходилось продавать или закладывать земли, чтобы должным образом снарядить себя и свою свиту. Доминирующим был религиозный мотив — люди Средневековья, при всех присущих им пороках, были чрезвычайно набожными и искренне верили в то, что важнейшей задачей христианского воинства является освобождение Гроба Господня от неверных.

В июле 1270 года Эдуард заключил контракты с восемнадцатью магнатами, взявшими обязательство явиться к нему на службу с 225 рыцарями в общей сложности, каждому из которых Эдуард должен был платить 100 марок в год и компенсировать расходы на переезд через море. В число этих магнатов вошли ближайшие соратники Эдуарда — Эдмунд граф Ланкастерский, Гийом де Валанс, Генри Алеманский, а также члены его свиты — Роджер де Клиффорд, Роджер де Лейборн, Хеймо Лестрейндж, Ричард де Ла Рошель, Энтони Бек, Филип де Уиллуби и Отто де Грандисон. Вместе с принцем в крестовый поход отправлялся также Томас де Клэр — младший брат графа Глостерского, который сохранял ровные дружеские отношения с Эдуардом вне зависимости от того, какие настроения витали в семье в тот или иной момент. Да и сам Гилберт де Клэр выразил желание отправиться в поход, однако осуществить это намерение ему помешала атака валлийцев на его замки в Уэльской марке.

Эдуард передал управление своими землями особому комитету, в состав которого вошли Уолтер Гиффард, архиепископ Йоркский, Филипп Бассет, Роджер де Мортимер и Роберт Валеран. Возглавил комитет Ричард граф Корнуоллский, которому принц также поручил опекать трех своих маленьких детей — четырехлетнего Джона, двухлетнего Генри и годовалую Элеонору. С матерью он их оставить не мог, поскольку Элеонора Кастильская не желала расставаться надолго со своим мужем и твердо решила отправиться вместе с ним в крестовый поход. Их брак был заключен по обычаям того времени исключительно из политических соображений, мнения жениха и невесты никто не спрашивал. Но холодный расчет родителей не помешал Эдуарду и Элеоноре полюбить друг друга искренне и глубоко.

Армия принца была невелика — вероятно, она насчитывала не более тысячи воинов. Он собирался в середине лета 1270 года отплыть из Портсмута в Гасконь, а оттуда по суше добраться до Эг-Морта, единственного порта в Южной Франции, принадлежавшего королю Луи IX. Однако смерть Бонифаса, архиепископа Кентерберийского, все еще

пребывавшего в изгнании в своей родной Савойе, заставила Эдуарда задержать отъезд. Он поспешил в Кентербери, чтобы повлиять на выборы преемника покойного архиепископа. Он имел в виду своего верного слугу и гениального администратора Роберта Бёрнелла, однако потерпел неудачу. Кандидатура, предложенная принцем, не устроила членов кентерберийского капитула — может быть, именно потому, что была предложена Эдуардом. В случае избрания Бёрнелла принц получил бы мощнейший рычаг давления на английскую церковь, поэтому капитул предпочел выдвинуть претендента из своих рядов, и его выбор пал на Уильяма Чиллендена, приора Кентерберийского собора Иисуса Христа. В качестве утешения Бёрнелл был возведен в сан архидиакона Йоркского.

*

Английские крестоносцы отбыли на Восток 20 августа 1270 года. Их маршрут несколько изменился — они отплыли из Дувра во Францию. Из-за задержки, вызванной непредвиденной поездкой в Кентербери, было потеряно много времени, и Эдуард отказался от мысли посетить Гасконь. Англичане пересекли всю Францию с севера на юг и через месяц добрались до Эг-Морта. Королевский порт тогда не был еще окружен стеной, его защищали только две сторожевые башни — Карбоньер и Констанс. Флота короля Луи IX в городе Эдуард уже не застал — французские суда отплыли 2 июля.

Из Эг-Морта принц отправился следом за опередившими его участниками крестового похода — на Сицилию. Далее англичане собирались плыть через Кипр в Левант. Однако еще до того, как войско Эдуарда достигло Сицилии, Восьмой крестовый поход как общеевропейское предприятие начал разваливаться. Армия Луи IX добралась до Сардинии, но оттуда суда повернули не к побережью Сирии на восток, а на юг — к Тунису. Принимая это решение, Луи IX преследовал свои личные цели. Дело в том, что его младший брат Шарль д'Анжу преуспел там, где потерпел неудачу Генри III — он занял сицилийский трон. И главным его соперником на тот момент был как раз халиф Туниса, который недружественными действиями грозил разрушить взаимовыгодную торговлю между Сицилией и Тунисом.

Крестоносцы отправилась в путь, предвкушая легкую победу. Однако спустя всего несколько дней после высадки на побережье Северной Африки в войске началась эпидемия, а 25 августа 1270 года умер и сам Луи

IX — то ли от дизентерии, то ли от чумы. Новейшие исследования показывают, что причиной смерти короля вполне могла стать и цинга. Несмотря на смерть брата, Шарль д'Анжу смог воплотить свой замысел в жизнь и заключил договор с халифом Мухаммадом I аль-Мустансиром. По условиям соглашения сицилийцы получали право свободной торговли с Тунисом, монахам и священникам в городе гарантировалась безопасность.

10 ноября крестоносцы были готовы возвратиться на Сицилию, но тут прибыл Эдуард со своими англичанами. Мирный договор он подписывать отказался, но Тунис с его халифом принцу был совершенно не нужен. Он собрался отплыть 11 ноября вместе с французами и сицилийцами, однако ему пришлось немного задержаться. По разным причинам на африканском берегу осталось более 200 солдат, не попавших на корабли. Они умоляли отплывающих взять их с собой, но французские и сицилийские военачальники никак не реагировали на крики несчастных. Единственный из всех лидеров похода, Эдуард приказал развернуть суда и взять на борт отставших.

Божья кара за жестокость и отступничество не заставила себя долго ждать. Едва крестоносцы сошли на берег в гавани Трапани, как налетевший внезапно шторм повредил значительную часть французских и сицилийских кораблей, на которых все еще оставались лошади и часть выплаченного халифом Туниса выкупа. При этом суда англичан практически не пострадали. Казалось бы, крестоносцы получили четкое указание свыше — оставить в стороне все свои корыстные интересы и продолжить поход. Но перепуганные командиры сделали прямо противоположное. Шторм и потеря части сокровищ их окончательно разочаровали. Они решили, что само Провидение против них. В январе 1271 года новый французский король Филипп III приказал своим войскам возвращаться домой. Двдцатипятилетний сын короля Луи IX носил прозвище Смелый, данное ему за отвагу в бою, а вовсе не за твердость характера, которой он, увы, не обладал. Французы прошли через Италию, Савойю и благополучно прибыли в Париж. Распустил своих воинов по домам и Шарль д'Анжу.

Эдуард, однако, был настроен гораздо более решительно. Он гордо отверг перспективу возврата в Англию и не отказался от своих планов крестового похода. В отличие от других командиров принц остался на Сицилии. Он приказал своему небольшому войску построиться. Ударив рукой себя в грудь и поклявшись, как вошло у него в обычай, кровью Христовой, Эдуард заявил: «Хотя бы все мои боевые товарищи и соотечественники мои оставили меня, я пойду в Птолемаиду^[56] даже вдвоем с моим конюхом Фоуином и сдержу свою клятву, если душа не

покинет тело»^[45]. Вдохновленные его примером, все англичане дали подобный же обет.

Отплытие в Акру Эдуард назначил на май 1271 года. Он провозгласил: «Помешать этому могут четыре события. Первое событие — если будет избран новый папа, который запретит наш поход или вообще любые крестовые походы. Другое событие — если нас остановит болезнь. Третье — если наш отец умрет. Четвертое — если в Англии случится война»^[46]. Нового папу вместо скончавшегося в 1268 году Климента IV кардиналы избирали уже два года и никак не могли избрать. Король Генри III был жив, хоть и тяжело болел, но сам Эдуард имел отменное здоровье. В Англии обстановка оставалась относительно спокойной. Так что видимых причин сворачивать экспедицию у принца не было.

С наступлением весны Эдуард отослал Генри Алеманского в Гасконь, так как опасался, что новый король Франции попытается возмутить герцогство против власти Англии. Выполнить поручение кузена Генри не смог — 13 марта 1271 года он был предательски убит в Италии. Проезжая через город Витербо, Генри зашел в церковь Кьеза-ди-Сан-Сильвестро послушать мессу. Там на него напали Симон и Ги де Монфоры, изгнанные из Англии и обосновавшиеся в Италии, и изрубили его мечами прямо у алтаря. Таким недостойным образом они попытались отомстить за гибель отца и брата в битве при Ившеме.

Это вопиющее преступление покрыло братьев позором, а великий поэт Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» поместил Ги де Монфора в Седьмой круг ада, где томились насильники над ближним и его достоянием:

Мы видели — один вдали стоит.
Несс молвил: «Он пронзил под божьей сенью
То сердце, что над Темзой кровь точит»^[57].

Итальянские хронисты позднейшего времени, неверно истолковав образное выражение Данте, пришли к нелепому выводу о том, что сердце Генри Алеманского было помещено на вершине колонны над Лондонским мостом. На самом же деле оно находилось в драгоценной урне в Вестминстерском аббатстве, недалеко от раки Эдуарда Исповедника, и стало объектом всеобщего почитания.

Эдуард нанял новые суда и отправился со своими людьми, как и собирался изначально, в Левант. Этот момент можно считать началом совершенно отдельной, личной экспедиции принца — Девятого крестового похода, ибо Восьмой поход бесславно закончился с бегством французов и сицилийцев. По пути принц посетил Кипр, но там не задержался, а лишь запасся продовольствием и водой. 9 мая англичане прибыли в порт города Сен-Жан-д'Акр.

Христианское влияние в Леванте к тому времени было практически уничтожено: Бейбарс вел свои войска от победы к победе. Перед его мамлюками пали Шастель-Блан и Гибелакар. В результате предательства была взята неприступная крепость крестоносцев Крак-де-Шевалье, чьи стены с успехом сопротивлялись штурмам и ударам осадных орудий. От Иерусалимского королевства осталась лишь небольшая территория вокруг Сен-Жан-д'Акра — деморализованного города, окруженного враждебной страной.

С самого начала было ясно, что походу Эдуарда суждено стать разве что отчаянной вылазкой, не способной кардинально изменить исход уже проигранной кампании — его армия была слишком мала. Дни великих триумфов европейцев на Ближнем Востоке ушли в прошлое, и основным врагом мусульман Палестины теперь были отнюдь не рыцари Запада, а неудержимые монгольские всадники, атаковавшие их с севера и востока. Тем не менее одним фактом своего прибытия Эдуард отбил у Бейбарса охоту не только думать о взятии Сен-Жан-д'Акра, но и продолжать осаду Триполи. В результате султан был вынужден поспешно заключить мир с Боэмондом VI Красивым графом Триполийским на десятилетний срок.

Принц дал армии время отдохнуть после морского перехода и подготовиться к предстоящим боевым действиям. Пока воины и кони отдыхали, он укреплял дисциплину в городе. Его люди активно выявляли предателей, передававших важные сведения врагу и подрывавших моральный дух жителей Сен-Жан-д'Акра. Изменников немедленно предавали казни.

Первую вылазку за пределы города Эдуард предпринял в конце июля. Он атаковал деревню Сен-Жорж-Де-Лебейн, расположенную в 20 километрах на восток от Акры. В ее центре стояло бывшее бенедиктинское аббатство, превращенное мусульманами в укрепленный опорный пункт. Успех сопутствовал принцу, но назвать это победой было бы

преувеличением. Англичане разрушили несколько домов, уничтожили урожай зерновых и вернулись назад. После этой стычки Эдуард еще раз убедился, что с его малыми силами переломить ситуацию не получится. Тогда он вступил в союз с Абакой-ханом, могущественным ильханом государства Хулагуидов, расположенного на территориях нынешних Ирана, Ирака, Армении и части Средней Азии. Хотя ильхан был связан по рукам и ногам войной в Туркестане, он послал на помощь Эдуарду 10 тысяч монгольских всадников.

С прибытием в сентябре свежих войск, приведенных Эдмундом графом Ланкастерским, принц был полон решимости сделать все возможное для сохранения оставшихся христианских владений и стяжать себе славу, несмотря на видимую бесперспективность крестового похода как наступательного предприятия в сложившихся обстоятельствах.

Осенью дела шли ненамного лучше. Монголы, посланные Абакой-ханом, продвигались к Сирии, сея панику среди местного населения. Жители Дамаска бежали при их приближении. В ноябре Эдуард, со своей стороны, выступил против мамлюков при поддержке киприотов, тамплиеров, госпитальеров и тевтонских рыцарей. Армия подошла к Какуну, расположенному в нескольких километрах к юго-востоку от Акры, где застала врасплох большое войско туркоманов. Завязалась битва, в которой англичане одержали решительную победу. Неприятель потерял убитыми 1500 человек, один эмир погиб, другой был ранен. В качестве приза победителям досталось стадо в пять тысяч голов скота. Когда на помощь туркоманам подошло подкрепление, крестоносцы отступили назад в Акру. Бейбарс попытался нанести ответный удар и в декабре двинулся на Эдуарда с сильным войском из Дамаска. Но затяжной ливень сделал осаду Акры невозможной, и султан вернулся в Египет.

*

Крестоносцы разуверились в возможности добиться успеха военными действиями, да и Бейбарс к тому времени устал от войны. Поэтому в мае 1272 года в Кесарии султан подписал с Югом III, королем Кипра и номинальным королем Иерусалима, перемирие на десять лет, десять месяцев, десять дней и десять часов. Эдуард был крайне возмущен этим решением и отказался ставить под договором свою подпись. Он отослал своего брата Эдмунда домой, но сам остался в Святой земле еще на некоторое время, чтобы понаблюдать, как будут разворачиваться события

дальше и насколько прочным окажется отвергнутое им перемирие.

Вечером 17 июня 1272 года, в свой 33-й день рождения Эдуард лежал в постели со своей супругой в личных апартаментах в Сен-Жан д'Акре. Заснуть он никак не мог — его одолевали невеселые мысли. Ближайшее будущее не вселяло оптимизма. Небольшая английская армия страдала от жары и дизентерии, мамлюки Бейбарса значительно превосходили ее по численности и располагали куда большими запасами продовольствия.

В конце концов Эдуард все же заснул, но тут его снова разбудил слуга — в Сен-Жан д'Акр прибыл перебежчик из лагеря Бейбарса, неоднократно приносивший принцу ценные сведения о противнике. Что произошло дальше, самым подробным образом описал анонимный хронист: «Случилось так, что в Акру пришел креститься сарацинский латник, и лорд Эдуард сделал его христианином и оставил его в своих апартаментах. Этот человек служил лорду Эдуарду, который отправлял его шпионить за сарацинами, чтобы выяснить, где можно причинить им ущерб, и он выполнял эту службу много раз. Именно благодаря собранным им сведениям наши воины ходили на Сент-Жорж и Какун. В результате лорд Эдуард стал настолько доверять ему, что отдал приказ, чтобы его допускали говорить с ним в любое время дня и ночи.

Так случилось, что однажды ночью он явился в палаты, где лорд Эдуард спал с королевой^[58], и привел с собой переводчика. Да будет известно, что он только что вернулся с очередного шпионского задания, поэтому хотел говорить с лордом Эдуардом, который сам открыл ему двери своих палат, одетый только в ночную рубашку и брз^[59]. Сарацин встретил его ударом кинжала в бедро, нанеся глубокую опасную рану. Лорд Эдуард почувствовал, что его ранили, и ударил сарацина кулаком в висок так, что на мгновение лишил того сознания. Затем лорд Эдуард схватил со стоявшего в комнате стола кинжал и ударил сарацина в голову, убив его.

Тревога была поднята по всему дому, и слуги увидели, что их лорд был ранен, и крик пронесся по всему городу Акре. Сбежались лорды, которые собрали всех докторов и невольников, зашивших рану и удаливших яд. Слава Господу, он быстро выздоровел и отбыл двадцать второго сентября, направившись в свою землю через море»^[47].

По некоторым сведениям, сарацинский шпион оказался наемным убийцей, подосланным знаменитым орденом ассасинов. Эдуард был превосходным бойцом и сумел отразить нападение: в рукопашном бою мало кто мог устоять против высокого и сильного англичанина. Легенда гласит, что яд из раны мужа высосала Элеонора Кастильская. Однако,

скорее всего, никакого яда на кинжале не было вообще, а само предание появилось лишь через много десятилетий после описанных событий. Тем не менее нанесенная кинжалом глубокая рана вполне могла стать причиной воспаления и заражения крови. И тогда практически неизбежной становилась мучительная смерть от гангрены — именно так погиб Ричард I Львиное Сердце, двоюродный дед Эдуарда, раненный в шею арбалетным болтом под стенами замка Шалюс-Шаброль в Лимузене. От подобной трагической судьбы принца спас опытный хирург, который немедленно удалил плоть вокруг раны.

Покушение стало последней каплей, переполнившей чашу терпения принца. Он решил, что не может в одиночку сражаться со всем Ближним Востоком, но быстро покинуть негостеприимное Иерусалимское королевство у него не было возможности. Во-первых, много времени заняло выздоровление Эдуарда. Во-вторых, в Акре у него родилась дочь Джоанна, получившая прозвище Акрская, и надо было дать ей немного подрасти, прежде чем подвергать тяготам дальнего путешествия. Лишь в сентябре 1272 года, три месяца спустя, Эдуард с женой и дочерью во главе английского войска покинул Святую землю.

Девятый крестовый поход Эдуарда обошелся Англии в солидную сумму — почти 100 тысяч фунтов. Был он успешным или провалился — зависит от точки зрения. Отвоевать потерянные христианами земли принцу не удалось: с его силами, после ухода французов и сицилийцев, это было никак не возможно. Однако же со своей небольшой армией Эдуард вынудил Бейбарса заключить два десятилетних перемирия, что на время отсрочило падение последних христианских твердынь в Палестине.

Если вклад похода в дело борьбы с неверными и возврата Гроба Господня был крайне сомнительным, то лично Эдуарду экспедиция принесла великую славу. В глазах всех христиан мира принц выглядел поборником идеи, почитавшейся в те времена весьма благородной и важной. Всю Европу облетела история о покушении на его жизнь и смелом отпоре, данном наемному убийце. Доблестное поведение Эдуарда выгодно отличало его от проявивших явную слабость и нерешительность лидеров Восьмого похода — покойного Луи IX, Филиппа III и Шарля д'Анжу, увлекшихся политическими интригами в ущерб военным действиям.

Восхищение героическим английским принцем не угасало со временем. 35 лет спустя Пьер Дюбуа, автор смелых политических памфлетов и один из легистов Филиппа IV Красивого, посвятил трактат «О возвращении Святой земли» не французскому королю, а его сопернику Эдуарду I Английскому. Причем облек он это посвящение в самые

возвышенные выражения и не стеснялся в использовании суперлативов: «Прославленнейшему принцу, более знаменитому повсюду своим военным искусством и опытом, чем титулами, государю Эдуарду, Божьей милостью королю Англии и Шотландии, владыке Ирландии, христианнейшему герцогу Аквитанскому»^[48].

*

Путь Эдуарда в Англию был долог. Морем он добрался до Сицилии, где задержался на некоторое время. Там, в городе Мессина его нашли английские гонцы, которые привезли печальные известия. После продолжительной болезни 16 ноября 1272 года в возрасте 65 лет скончался король Генри III Уинчестерский.

От курьеров Эдуард узнал, что вдова, королева Элеонора Прованская, устроила покойному супругу пышные похороны. Останки короля упокоились в старой могиле столь почитаемого им при жизни Эдуарда Исповедника. По завершении похоронной церемонии графы Уорикский и Саррейский, а также другие присутствовавшие там магнаты и прелаты подошли к главному алтарю Вестминстерского собора и поклялись в верности новому королю — Эдуарду I, пребывавшему в тот момент на другом конце Европы. На время его отсутствия в стране управление было поручено четырем хранителям королевства. Ими стали Уолтер Гиффард, архиепископ Йоркский, Гилберт де Клэр граф Глостерский, Роберт Бёрнелл, архидиакон Йоркский, и Эдмунд, единокровный брат Генри Алеманского, получивший после недавней смерти отца титул графа Корнуоллского.

Скорбь Эдуарда по Генри III была глубокой и непритворной. Эдуард переживал его потерю гораздо сильнее, чем даже смерть своего старшего сына Джона, скончавшегося в пятилетнем возрасте годом ранее. Шарль д'Анжу, король Сицилии, гостеприимством которого пользовался новоиспеченный король, не смог сдержать своего удивления по этому поводу. Тогда Эдуард напомнил Шарлю знаменитый бессердечный ответ маршала Джона Фицгилберта, осажденного королем Стивеном Блуаским в замке Ньюбери. Король требовал сдачи замка, а в противном случае угрожал убить заложника — сына маршала^[60]. Фицгилберт отказался капитулировать и велел передать королю: «Сыновей можно родить еще». Повторяя эту отповедь Шарлю, Эдуард прибавил несколько слов от себя:

«Утрата сыновей, о владыка король, переносится легко, так как каждый день их число можно приумножить. Что касается родителей, то их смерть непоправима, поскольку их невозможно воскресить»^[49].

Между отцом-королем и сыном-принцем всегда существовала глубокая привязанность, несмотря на то что однажды их отношения омрачились серьезными трениями. К сыновьям и дочерям же Эдуард относился более прохладно, хотя обвинять его в полном к ним равнодушии было бы неверно. Детская смертность в Средневековье была крайне высокой, и к ней тогда относились легче, чем в нынешние времена. К 1272 году Эдуард потерял пятерых из восьми своих детей, а еще одному — четырехлетнему Генри — оставалось жить совсем недолго.

Кончина отца и необходимость коронации не заставила Эдуарда поторопиться с возвращением на родину. Он вполне доверял хранителям, которые старались управлять страной справедливо и не допускать никаких волнений. Даже Гилберт де Клэр граф Глостерский держал себя в руках и не мутил воду в Англии.

Эдуард не спеша ехал в компании Шарля д'Анжу по Сицилийскому королевству, в которое тогда входил и Неаполь. 19 января он послал письмо нелюбимым лондонцам, в котором сообщал обо всем, чем угодно, но только не о главном — сроках своего возвращения: «Эдуард, Божьей милостью король Англии, лорд Ирландии и герцог Аквитанский мэру, шерифам и общинам Лондона — привет. Мы знаем и твердо верим, что вы регулярно получаете от нас пожелания процветания, веселия вашим душам, приумножения радости и счастья, как и в этом послании. Мы пишем ныне вам, находясь в Капуе, в Либурийской земле^[61] вместе со славным королем Сицилии, нашим дражайшим кровным родичем, набравшись здоровья и оправившись от раны, насколько это было возможно после той жестокой боли, которую причинила нам недавняя кончина доброй памяти владыки короля, отца нашего, и которую мы терпеливо сносим, покорствуя божественной воле. В остальном желаем и хотим, чтобы все в королевстве нашем наслаждались миром и спокойствием. Приказываем вам во имя верности и любви, которыми вы нам обязаны, и упорно настаиваем, чтобы в наше отсутствие вы побеспокоились об этом. Ибо по прибытии нашем в Англию, которое мы стараемся ускорить, за прежнюю великую помощь вы заслужите наше покровительство. Поскольку мы не имеем с собой нашей королевской печати, то упомянутый владыка король Сицилии за нас прикладывает к этому письму свою печать»^[50].

Доехав с Шарлем д'Анжу до границ его королевства, Эдуард

распрощался с радушным хозяином и отправился дальше в сопровождении жены с дочерью и своего английского войска. 5 февраля он был в Риме, а спустя еще неделю — в Орвието. Там состоялась его встреча с папой Григорием X, которого в конце концов избрал конклав кардиналов. Эдуард познакомился с ним в 1267 году, когда тот приезжал в Англию по поручению Святого престола и носил светское имя Теобальдо Висконти. Помимо естественного желания засвидетельствовать почтение новому наместнику святого Петра, у нового короля была еще одна важная цель — добиться отлучения от церкви Симона и Ги де Монфоров, убийц Генри Алеманского. Это ему удалось без всякого труда — папа также был возмущен вероломным пролитием крови в святом месте и желал покарать нечестивцев.

Выполнив то, что он считал своим долгом сделать в память кузена, друга детства и соратника, Эдуард продолжил путь по Северной Италии. Он проехал через Болонью, Реджо, Парму и Милан. В каждом из этих городов его принимали по-королевски — с пышными процессиями, пением труб и торжественными речами. Король посетил крупнейшие мануфактурные центры Тосканы и Ломбардии, встречался с богатейшими торговцами, носившими золототканые одежды и выезжавшими на лошадях, покрытых алыми попонами.

За минувшие полстолетия итальянцы добились поразительных успехов в банковской сфере и мануфактурном производстве, вызывавших зависть всех прочих стран Европы. Морская торговля с Левантом и Египтом принесла Венеции, Генуе и Пизе богатства, невиданные со времен Римской империи. Города росли как на дрожжах: население республики Флоренция, главного производителя тканей, составляло 300 тысяч жителей, в Милане и Венеции проживало примерно по 200 тысяч человек, что в четыре раза превышало население Лондона.

Эдуард живо интересовался итальянской литературой. Он не только согласился на личную встречу с писателем Рустикелло из Пизы, но подарил романисту одну из своих любимых книг, которые захватил с собой в крестовый поход. Это был то ли «Тристан в прозе», то ли «Паламед», то ли оба произведения в одной рукописи. Впоследствии они послужили материалом, на основе которого писатель создал свой роман «Мелиадус». Кстати, позже Рустикелло, попавший во время сражения в плен к генуэцам, встретился в тюрьме с путешественником Марко Поло и записал с его слов знаменитую «Книгу о разнообразии мира».

С большим вниманием Эдуард общался с итальянскими учеными и пришел в восторг от их обширных познаний. Уже тогда он обдумывал

законодательную реформу, которую собирался провести в Англии. Поэтому король воспользовался случаем и нанял в советники выдающегося юриста Франческо д'Аккорсо, предоставив ему место в своем совете и пообещав устроить в Оксфорд с назначением солидного пенсiona.

*

В Савойю Эдуард пришел из Италии через перевал Мон-Сени. Филипп I граф Савойский устроил торжественный обед для короля Англии и его доблестной армии. К трапезе было закуплено огромное количество вина, говядины и других продуктов — один только балъи Монмельяна доставил поварам 10 волов и 59 ягнят. Эдуард, сидя рядом с Элеонорой Кастильской и хозяином, пировал в окружении своих верных соратников, деливших с ним все трудности крестового похода — Джона де Весси, Роджера де Клиффорда и Отто де Грандисона.

Во время пребывания Эдуарда в Савойе произошло весьма курьезное событие, которое наглядно продемонстрировало, насколько сложными и запутанными были феодальные взаимоотношения. Ровно сто лет назад четыре савойских замка — Авильяна, Бар, Суза и Сен-Морис-д'Агон — перешли во владение английского короля Генри II в качестве приданого за его женой Алиенорой Аквитанской. Затем они были переданы обратно графам Савойским, но уже в качестве вассального держания, и с тех пор суверенные графы приносили за замки, издревле им принадлежавшие и стоявшие на их землях, оммаж английским королям. Именно такой оммаж и принял Эдуард 25 июня 1273 года от Филиппа I.

В Савойе король, как и в Италии, не терял времени даром. Помимо пиров и других развлечений, на которые не скупился радушный хозяин, Эдуард находил время для дел. При дворе графа Филиппа I он познакомился с величайшим военным архитектором того времени Жаком де Сен-Жоржем д'Эспераншем, с которым успел побеседовать по поводу тонкостей фортификационной науки и вынес из этих разговоров для себя очень многое, как показало будущее.

Безмятежное времяпровождение в дружеской Савойе прервал гонец, прибывший к Эдуарду от Жана де Шалона графа д'Осер с приглашением принять участие в пышном рыцарском турнире. Граф планировал не совсем обычное состязание: он предлагал королю во главе воинов, сопровождавших его из Палестины, принять бой с теми бургундцами и французами, которые выразят желание противостоять англичанам. Условия

изначально казались весьма темными и сомнительными. Более того, сам папа предупреждал Эдуарда, чтобы тот вел себя осмотрительно, ибо бургундцы замыслили нечестную игру. Они надеялись захватить короля Англии и назначить за него немалый выкуп. Вероятно, им очень хотелось повторить вероломный поступок Леопольда V Добродетельного герцога Австрийского, который в 1192 году взял в плен Ричарда I Львиное Сердце, также возвращавшегося из Третьего крестового похода.

Эдуард считал для себя позором отклонить сделанный публично вызов и привел своих воинов на место схватки. Предупреждение папы оказалось пророческим: граф д'Осер выставил на ристалище войско, по численности вдвое превосходившее англичан. Он предвкушал легкую победу, но в столкновении с закаленными в боях крестоносцами его постигло горькое разочарование: «И увидел граф, что не может мечом взять верх, и обхватил тогда рукой шею Эдуарда, и сдавил с силой. И спросил Эдуард: „Что тебе нужно? Быть может, моего коня?“ Тот ответил: „Конечно! И тебя, и коня хочу получить!“ Воспылав гневом, Эдуард выпрямился и вонзил шпоры своему коню столь сильно, что противник не смог удержаться на своем коне, отпустил шею [Эдуарда], был скинут на землю и долго так лежал без сил... По велению Эдуарда он сдался в плен какому-то простому солдату»^[51].

По всей видимости, хронист ошибся, потому что король сражался не с самим графом, а с его младшим братом Пьером сеньором де Шатель-Белен по прозвищу Волопас. Эдуард изобретательно отомстил противнику, принудив его сдаться не благородному рыцарю, а простому солдату. Таким образом он дал понять Пьеру, что считает его поведение во время поединка недостойным. Вслед за этим король отдал приказ своим лучникам вступить в бой и не давать врагу пощады, после чего турнир перерос в кровавую схватку. Бургундцы и французы понесли тяжелые потери, а Эдуард еще раз подтвердил свою высокую репутацию опытного бойца и умелого военачальника. Этот неудачный турнир современники называли не иначе как «Маленькая битва при Шалоне», и к тому у них были все основания.

Расстроив козни бургундцев, Эдуард покинул Шалон и направился в Париж. Там ему предстояло принести оммаж Филиппу III за свои гасконские владения. Кроме того, он хотел выяснить, почему французский король не исполняет свою часть обязательств по Парижскому договору. Франция все еще не передала Англии обещанные земли — Лимож, Каор и Перигё. Помимо них английский король должен был также вступить во владение Сентонжем к югу от Шаранты, Ажене и Нижним Керси.

Во время церемонии принесения оммажа неожиданно для

присутствовавших Эдуард вставил в текст феодальной клятвы необычную формулировку: «Владыка король, я приношу вам оммаж за все те земли, которые мне следует держать от вас»^[52]. Эта фраза совершенно явно содержала скрытый намек, но вот на что? Мнения очевидцев разделились. Одни с большой долей вероятности предполагали, что Эдуард собирался возродить претензии английских королей на Нормандию. Другие, менее подверженные страсти искать во всем скрытые смыслы, склонны были считать, что англичанин просто имел в виду те земли, которые должны были перейти под его руку по условиям Парижского договора, но пока не были ему переданы.

Как бы то ни было, неожиданное отступление от формального текста оммажа на тот момент никак не отразилось на отношениях между двумя королями. Пока Эдуард гостил в Париже, и он, и Филипп неизменно вели себя как добрые друзья и родственники, каковыми они на самом деле являлись: ведь мать Филиппа III была родной сестрой матери Эдуарда I. До поры до времени ничто не свидетельствовало о том, что кузены имели друг к другу какие-то претензии. Даже неопределенный статус Аквитании не омрачал их взаимной благожелательности — искренней или показной.

*

В Париже Эдуард оставался полторы недели — с 26 июля до 6 августа. Казалось бы, давно настало время вернуться в Англию, где его ждала коронация, однако он решил иначе. Эдуард оставил в Париже дипломатическую миссию, которой предстояло добиваться исполнения Парижского договора, а сам вместо того, чтобы двинуться на север к Ламаншу, повернул в прямо противоположную сторону — на юг в Аквитанию, которая настоятельно требовала его внимания.

Герцогство в очередной раз пребывало в смуте — там опять взбунтовался могущественнейший гасконский сеньор Гастон VII Великий виконт де Беарн. Одно время казалось, что он умерил свои амбиции и смирился с английским правлением. Гастон даже собирался отправиться с Эдуардом в крестовый поход — правда, быстро передумал. Он согласился выдать свою дочь Констанс за Генри Алеманского, и этот союз мог бы укрепить доверие между английской королевской семьей и гасконской знатью. Но Генри был убит в Витербо сыновьями Симона де Монфора, и столь важный для Англии альянс не состоялся.

Несмотря на то что виконт де Беарн какое-то время вел себя

достаточно мирно, мятежный дух отнюдь его не оставил. Очередным поводом для возмущения стала жесткая политика Люка де Тани, недавно назначенного сенешалем Гаскони. Гастон почувствовал себя оскорбленным, получив вызов в суд сенешаля, и отказался подчиняться. Виконт де Беарн решил полностью восстановить свою независимость от английской администрации в Аквитании. Ему казалось, что смена правителей на троне Англии на какое-то время неизбежно породит неразбериху, и этот момент как нельзя лучше подойдет для реализации его планов.

Гастон не ожидал, что Эдуард так быстро нагрянет в Гасконь, но даже узнав о его прибытии, отказываться от своих намерений не стал. Когда английский король вступил в Сен-Север, все местные магнаты поспешили явиться к нему с приветствиями. Только Гастон де Беарн не соизволил встретить Эдуарда и засвидетельствовать ему свое почтение, как прочие сеньоры. Вместо этого он приказал заточить в тюрьму королевского гонца, доставившего ему сообщение о приезде короля в Аквитанию.

Эдуард не был склонен нянчиться с бунтовщиком и действовал стремительно: он приказал немедленно схватить Гастона. Оказавшись в полной власти короля, мятежный гасконец скрепя сердце признал обвинительный приговор, вынесенный ему сенешалем в Сен-Севере. Он передал Эдуарду свои земли и замки в качестве залога послушания и пообещал не отлучаться от королевского двора. Но едва выйдя за двери темницы и обретя относительную свободу, Гастон тут же нарушил все данные им клятвы и бежал в свою превосходно укрепленную главную резиденцию Ортез.

Эдуард совершенно справедливо расценил этот демарш как открытый вызов королевской власти и знак неуважения лично ему. Опытный полководец и смелый воин, он умел, когда надо, сохранять голову холодной. Покарать виконта де Беарна король решил строго в соответствии с законом. Он инициировал заседание суда, вынесшего постановление: если Гастон де Беарн откажется предстать перед судьями, то Эдуард получит полное право выступить с войском на усмирение мятежника. Виконт формально отклонил вызов, и в начале ноября 1273 года армия под командованием самого короля двинулась в Беарн, разоряя принадлежавшие Гастону земли. 27 ноября в городе Мон-де-Марсан была захвачена дочь Гастона — та самая Констанс, которую прочили замуж за Генри Алеманского. Спустя совсем немного времени вынужден был капитулировать и сам виконт де Беарн.

Поражение на военном поприще никоим образом не усмирило

Гастона, как прежде не усмирило поражение в суде. Он решил испытать все средства, которые были в его распоряжении, и обратился к Филиппу III, королю Франции, с жалобами на Эдуарда и его слуг. Виконт заявил, что его владениям в Беарне нанесен огромный ущерб. Выступая перед Парижским парламентом, Гастон обвинил Эдуарда в несправедном суде и забылся настолько, что потребовал назначения судебного поединка. Если бы дело дошло до Божьего суда, то Гастон вряд ли остался цел — превосходный боец, король Англии вполне способен был постоять за себя. Но даже если бы Эдуард счел для себя недостойным скрестить оружие со своим подданным, в качестве королевских чемпионов пожелали выступить многие бойцы. Вызывающее поведение виконта де Беарна настроило против него даже соотечественников — защитить честь Эдуарда на ристалище вызывался, например, гасконский сеньор Жиль де Ноайян.

Но момент для своих интриг Гастон де Беарн выбрал не самый подходящий. Между королями Франции и Англии в ту пору сохранялся хрупкий мир, нарушать который не хотел ни тот ни другой. Маргарита, королева Франции и тетка Эдуарда, была также на стороне племянника. Папа Григорий X тоже поддерживал Эдуарда. В Париже интересы английского короля представляли опытные дипломаты Отто де Грандисон и Роберт Бёрнелл. В конце концов дело решилось миром, а Гастону де Беарну основательно прищемили хвост — так что он не доставлял больше неприятностей Англии.

В Аквитании Эдуарда удерживал не только конфликт с виконтом де Беарном. Король пытался навести хотя бы минимальный порядок в отправлении феодальных повинностей местных вассалов. Он потребовал от 90 гасконских сеньоров доложить о той службе, которой они ему обязаны. К негодованию Эдуарда, мало кто из присутствовавших смог это сделать. И причиной тому было вовсе не желание продемонстрировать свою независимость, а их самая что ни на есть обыкновенная неосведомленность в этом предмете.

Эдуард приказал немедленно начать общее расследование, но задача оказалась нелегкой. Своих прямых феодальных обязанностей, которые включали в себя как минимум финансовые повинности и военную службу, гасконцы припомнить не могли или не хотели — зато с готовностью сообщали о весьма экзотических обязательствах. Так, один сеньор, к примеру, заявил, что обязан готовить еду для короля и десяти рыцарей, причем обязательно из говядины, свинины, курицы, лука и цветной капусты. Другой гордился тем, что ему позволялось сопровождать короля до какого-то дуба с возом дров, запряженным двумя бесхвостыми волами.

Затем он должен был поджечь дуб и проследить, чтобы дерево полностью сгорело. Понятно, что в этих сведениях Эдуард нуждался менее всего и ему требовалась совсем другая информация.

В приграничных с Францией землях расследование вообще было затруднено до крайности, ибо лояльность тамошних сеньоров по отношению к английской власти была весьма и весьма слабой. К примеру, в конце февраля 1274 года арендаторам в области Ажене было приказано явиться в Лектур все с теми же целями, однако все они как один дружно проигнорировали вызов. В Базасе два оруженосца Люка де Тани, сенешаля Гаскони, были убиты, а городские ворота жители заперли перед носом уполномоченных короля. Тем не менее королевским слугам ценой больших усилий удалось составить обширный, хотя и не полный отчет, получивший название *Recognitiones Feudorum*, или «Обследования ленов». Однако окончательно процесс не был завершён до самого отъезда Эдуарда в Англию.

Среди административных забот и утомительной борьбы с хитрыми и изворотливыми гасконцами выдавались у короля и редкие счастливые минуты. 24 ноября 1273 года в Байонне у него родился сын. Как раз в это время у Эдуарда гостил Альфонсо, король Кастилии, приехавший навестить свою сестру Элеонору. Он стал крестным отцом мальчика, и того назвали в честь дяди именем, звучавшим диковинно для английского уха — Альфонсо. Коварная судьба чуть не сделала новорожденного сиротой. Эдуард I с женой сидели в зале со своими советниками, и тут неожиданно началась гроза. Молния ударила прямо в окно и убила на месте двух слуг, стоявших совсем рядом с королевской четой, которая, к счастью, нимало не пострадала.

Тут же, в Гаскони Эдуарда обуяла неожиданная страсть к устройению матримониальных дел. Для начала у него возник план выдать свою пятилетнюю дочь Элеонору за еще одного Альфонсо — малолетнего внука арагонского короля Хайме I. Но по зрелому размышлению он пришел к выводу, что этот брак выгоден разве что отцу мальчика, инфанту Педро. Наследник арагонского трона был женат на Констанции, дочери Манфреда Сицилийского, и активно искал себе союзников для изгнания Шарля д'Анжу из Сицилии, которую он считал собственностью своей жены. Между тем у Эдуарда не было никаких причин ввязываться в эту распрю, да еще на стороне противников Шарля. Пусть английского и сицилийского короля не связывали узы дружбы, но совсем недавно последний радушно принимал Эдуарда в своем теплом и солнечном королевстве.

Оставив мысль об арагонском браке, Эдуард обратил свои взоры на

Наварру. Он собрался женить своего старшего сына Генри на Жанне, единственной наследнице Анри I, короля Наваррского. Но Анри скончался, а мать Жанны отвезла дочь в Париж, где та вышла замуж за французского принца, будущего короля Филиппа IV Красивого.

*

Все попытки Эдуарда устроить выгодные браки членов своей семьи провалились. А чтобы переделать в Гаскони все дела, которые того требовали, не хватило бы и десятилетия. Надолго оставаться в герцогстве король не мог — на континенте у него оставались и другие заботы. Покинув юго-запад Франции, он снова направился не домой, а во Фландрию, отношения с которой у Англии окончательно зашли в тупик. Эти две страны, казалось, самой природой были созданы для тесного союза: превосходная английская шерсть служила отличным сырьем для фламандских мануфактур, и это обеспечивало солидный доход обеим сторонам. Но вопреки здравому смыслу между странами разразилась настоящая торговая война.

Маргарета II графиня Фландрская возымела претензии на получение солидных компенсаций за ту поддержку, которую она оказала королевской партии во время Второй баронской войны. Отказ английского казначейства выплачивать ей ежегодный пенсион в размере 500 марок до такой степени ее возмутил, что она повысила таможенные пошлины на шерсть. На этом взбешенная графиня не остановилась и приказала арестовать собственность английских купцов во Фландрии. Совет хранителей, правивший Англией в отсутствие короля, немедленно ответил конфискацией фламандских товаров на Сент-Айвзской ярмарке в Хантингдоншире. Фламандские торговцы были высланы из Англии, а на экспорт английской шерсти во Фландрию наложено эмбарго.

От торговой войны сильно пострадали обе страны. Следить за строгим соблюдением эмбарго было крайне сложно, поскольку купцы просто-напросто указывали в качестве конечного пункта другие страны и преспокойно обходили запрет. Контрабанда расцвела пышным цветом. Те немалые суммы, которые раньше оседали в королевской и графской казне, теперь утекали в карманы предприимчивых торговцев и контрабандистов. Это не могло не беспокоить Эдуарда, ибо выручка от экспорта шерсти занимала лидирующее место в перечне доходов его королевства.

Именно поэтому Эдуард не отплыл в Англию из Бордо, а отправился

по суше на север. По пути его кортеж остановился на ночлег в Лиможском аббатстве. Там к королю явилась делегация местных жителей, которые умоляли его взять их под свою руку, как это было раньше — до того момента, когда покойный Генри III отказался от сюзеренитета над Лиможем в пользу короля Франции. Горожане просили защитить их от притеснений Мари виконтессы де Лимож. Они напоминали, что согласно Парижскому договору город должен вернуться под власть английского короля. Эдуард, недовольный тем, что Филипп III медлил с выполнением своих обязательств по упомянутому договору, ответил жителям согласием и приказал Гийому де Валансу с гасконским войском осадить Экс — крепость виконтессы де Лимож. Впрочем, добрый порыв Эдуарда не привел ни к чему хорошему. Дело дошло до Парижского парламента, который резонно рассудил, что вассальной верностью лиможцы обязаны непосредственно Мари де Лимож, которой и должны повиноваться. А кому в свою очередь принесет оммаж она — вопрос уже другого порядка.

В этот момент показная дружба между кузенами, похоже, дала трещину, о чем не замедлил язвительно сообщить лиможский хронист: «Эти два короля были сыновьями двух сестер, про них говорили, что они друг друга очень любят. Однако на деле они не демонстрировали и не показывали истинной любви; эту любовь можно было назвать любовью кошки и собаки»^[53].

Во Фландрии, куда вскоре прибыл Эдуард, решить с налета дело миром не удалось — Маргарета не была настроена на поиски компромисса. Поэтому король приказал еще более ужесточить санкции против ее подданных. Он приказал досматривать все торговые суда на предмет контрабанды. Следить за строгим соблюдением эмбарго был назначен Лукасио Натале, которого англичане называли просто Люком из Лукки — агент банкирской компании Риккарди. Он был наделен широкими полномочиями вплоть до ареста судов контрабандистов во всех северных портах.

Эти меры подействовали, герцогиня Фландрская отступила. 28 июля 1274 года был заключен новый договор между Англией и Фландрией. Торговцы обеих стран получили компенсацию за конфискованные товары, но поскольку Фландрия захватила их куда больше, то она обязалась выплатить дополнительно 4755 фунтов. Кроме того, Англия могла зачесть себе в дополнительный доход перехваченную контрабанду общей стоимостью порядка 13 тысяч фунтов.

Завершив дела во Фландрии, Эдуард, наконец, направился домой. Он высадился в Дувре 2 августа, ступив на родную землю после

четырёхлетнего перерыва. На пристани короля с женой, дочерью и сыном встретили графы Глостерский и Саррейский, гостеприимством которых он воспользовался на своем пути в Вестминстер: сначала королевскую семью принимал Гилберт де Клэр в замке Тонбридж, затем — Джон де Уоррен в замке Райгейт.

*

Коронация была назначена на воскресенье 19 августа 1274 года. В предыдущий раз подобная церемония проводилась очень давно — полвека назад, когда корона увенчала чело Генри III Уинчестерского. По этой причине празднования планировались пышные, и все активно включилось в подготовку к ним — даже лондонцы, отношение которых к Эдуарду не изменилось в лучшую сторону, да и король по-прежнему платил им той же монетой.

Приготовления к торжествам начались за полгода до прибытия Эдуарда в Англию — уже в феврале 1274 года шерифам тринадцати ближайших к столице графств были разосланы приказы с подробным указанием, какие продукты и в каком количестве они должны будут поставить для пиров, традиционно сопровождавших церемонию коронации. К примеру, только одному Эссексу предстояло прислать 3160 каплунов и кур, 60 волов, 60 свиней, 60 овец и 38 поросят. Епископам, аббатам и приорам упомянутых графств было приказано заготовить также лебедей, павлинов, журавлей, кроликов и козлят. Закупками заведовали два специально назначенных торговца — Адам из Уинтона и Джозиас из Лондона.

В Вестминстере кипела работа — там возводились дополнительные апартаменты и кухни, ремонтировались старые помещения, в главном зале устанавливались новые каменные троны. Между дворцом и аббатством сооружались крытые переходы. Всего на благоустройство Вестминстера казна потратила более 1100 фунтов.

Между магнатами вспыхивали яростные споры по поводу той роли, которую они должны играть во время церемонии. Кто-то должен был нести над королем и королевой балдахин, кто-то — скипетр и жезл. Но главными реликвиями считались три меча — «Духовное правосудие», «Мирское правосудие» и коронационный «Меч Милосердия» — Куртана, по преданию, принадлежавший самому Эдуарду Исповеднику. Другое поверье утверждало, что меч еще древнее: якобы в свое время им сражался

легендарный Тристан, который и сломал кончик оружия, застрявшего в черепе поверженного врага — ирландского воина Моролта. От Тристана меч перешел во владение Ожье Датчанина, одного из паладинов Карла Великого. И действительно, от двух других мечей Куртану отличал как раз сломанный кончик стального лезвия.

Младший брат короля Эдмунд граф Ланкастерский настаивал, что именно ему, как лорду — верховному стюарду Англии^{62}, надлежит нести меч Милосердия. Однако остальные магнаты, собравшиеся для обсуждения церемониала, воспротивились тому, чтобы эта честь выпала брату короля. Оскорбившись, Эдмунд решил вовсе пропустить торжественное шествие и явился позже, непосредственно на коронацию.

За день до коронации Эдуард поселился в Вестминстерском дворце, а ночь провел в Расписанной палате, украшенной картинами на библейские сюжеты и сценами из истории его семьи. Наутро началась блистательная церемония. Аббатство было до отказа заполнено английскими магнатами и родовитыми иностранцами, среди которых особо выделялись почетные гости — Жан I герцог Бретонский и Александр III, король Шотландский, со своими супругами. Отношения с Шотландией тогда еще были безоблачными.

Эдуард прошел к гигантскому деревянному помосту, воздвигнутому в средокрестии собора. На алтаре он принес в дар Господу две золотые статуэтки — святого Эдуарда Исповедника и святого Иоанна Богослова. Затем Роберт Килуордби^{63}, архиепископ Кентерберийский, возложил на голову Эдуарда корону. Король торжественно произнес коронационную клятву, которую давали его предки. Он пообещал соблюдать законы старых времен, защищать Церковь, дать равное правосудие всем людям, отменить вредные обычаи и защитить права короны. Для Эдуарда это были не пустые ритуальные слова: стоя на помосте в переполненном аббатстве, он твердо верил, что будет бороться за каждое слово данной им клятвы. Король считал, что его призвание — вновь вернуть английскому королевству и английской короне ту силу, которую постепенно растеряли его предшественники.

Эдуард принял оммаж у лордов королевства и поздравления от знатных гостей. Король Шотландии Александр III первым подъехал к трону в сопровождении сотни рыцарей. Расседлав своих коней, они отпустили их на волю. Зеваки тут же бросились ловить благородных животных, каждое из которых стоило немалых денег. Тот, кому удалось поймать коня, становился его счастливым хозяином. Вслед за шотландцами к трону

приблизилась англичане — королевский брат Эдмунд граф Ланкастерский, Гилберт де Клэр граф Глостерский, Джон де Уоррен граф Саррейский и Гийом де Валанс. Каждого из них также сопровождали 100 рыцарей, и все они также отпустили своих коней в толпу.

Столы ломились от яств. Подсчитано, что гости съели 380 быков, 430 овец, 450 свиней, 18 диких кабанов, 278 рыб и 20 тысяч птиц. Коронационный пир длился 14 дней — вероятно, в подражание Соломонову празднику, описанному в Ветхом Завете: «И сделал Соломон в это время праздник, и весь Израиль с ним, — большое собрание, сошедшееся от входа в Емаф до реки Египетской, пред Господом, Богом нашим; — семь дней и еще семь дней, четырнадцать дней»^{64}. Фонтаны в лондонском Чипсайде били белым и красным вином, улицы были устланы коврами. От имени короля раздавались щедрые дары, лорды разбрасывали в толпу серебро. Весь центр столицы был задрапирован золотой парчой. На городских площадях беспрерывной чередой шли представления.

В быту Эдуард отличался скромностью и умеренностью. Он носил простые одежды, в отличие от своих приближенных редко заказывал седла, отделанные золотом, серебром и жемчугом. Он предпочитал одеваться как солдат. В еде король также был скромен, хотя и позволял себе некоторые изыски — так, ему нравились китовое мясо, свежайшее козье и коровье молоко. У его поваров всегда хранился большой запас имбиря, яблок, груш, гранатов, инжира, изюма. Но если на себя тратиться Эдуард не любил, то ради поддержания королевского величия и престижа он был готов на крупные издержки, что и продемонстрировала его коронация.

*

Эдуард беззаботно развлекался в кругу своих приближенных и гостей. На фоне пирующих он резко выделялся высоким ростом и мощной фигурой. Ученый доминиканец Николас Тривет, превосходно знавший короля, описывал его так: «Был он в сражениях опытным воином, с юных лет упражнялся с оружием, и стяжал себе такую военную славу, которая превышала славу всех военачальников того времени в целом христианском мире. Он имел стройную фигуру, высокий рост, так что обычный человек едва доставал ему до плеча. Пышные кудри в юности отливали золотом, в зрелом возрасте потемнели... Широкое лицо с правильными чертами, за исключением лишь того, что у него было нависшее веко на левом глазу, как и у его отца. Он заикался, однако речь его становилась плавной и

красноречивой, когда ему требовалось кого-то убедить. Руки пропорциональны телу, гибкие и длинные, сильные, привычные к мечу. Мощная грудь, длинные бедра, привычные к езде на благородном коне — он крепко сидел в седле и не уставал. Когда не было войны, он отдавался охоте на птиц и диких зверей, и особенно на оленя, которого он обыкновенно преследовал на коне, предпочитая зарубить его мечом, а не пронзить рогатиной... Многочисленных опасностей, которым он часто подвергался (что усердный читатель может увидеть из нижеследующего повествования), он счастливо избегал. Ему был присущ *animus magnificus* (возвышенный дух. — В. У.). Охваченный гневом, он мог принять необдуманное решение и вынести суровый приговор, однако при виде смирения легко смягчался»^[54].

Для многих из тех, кто сидел за столами в пиршественном зале, Эдуард представлял собой загадку. Большинство считало его отважным и доблестным рыцарем — но были и такие, кому он казался коварным ренегатом. Такую неоднозначную репутацию король заработал себе в юные годы, когда вынужденно лавировал между противоборствующими придворными фракциями, пытался найти собственный путь в политике и надежную опору в верных друзьях и последователях.

Многие опасались горячего и вспыльчивого нрава Эдуарда. Король моментально загорался гневом, но так же быстро остывал, если видел, что разбудивший его ярость бедняга демонстрирует покорность. Все тот же Николас Тривет поведал о характерном случае, произошедшем в бытность Эдуарда еще принцем: «Однажды он охотился со своими соколами у реки, когда один из его свиты, находившийся на другом берегу, не уследил за своим соколом, поразившим утку в ивняке. Получив сердитый выговор от заметившего это Эдуарда и услышав угрозы, тот рассудил, что поблизости нет ни моста, ни брода; он находчиво ответил, что не боится, ибо ему достаточно того, что их разделяет река. Взбешенный таким ответом, принц бросился к коню и направил его прямо в поток, совершенно не задумываясь о том, какая тут может быть глубина. Переплыв реку и с большим трудом взобравшись на берег, он обнажил меч и ринулся за своим врагом. Видя, что бегство невозможно, тот развернул коня, обнажил голову, склонил шею и отдал себя на милость Эдуарда. После этого принц прекратил нападение и вложил в ножны свой меч. Они мирно вернулись с охоты, оставив обиды»^[55].

С годами импульсивность короля никуда не делась, просто он научился в большинстве случаев сдерживать свой темперамент. За

исключением этого недостатка Эдуард был весьма приятным в общении человеком. Глубокого всестороннего образования он не получил — как и большинство монархов того времени. Но любил читать книги, отличался живым умом и схватывал все буквально на лету, будучи больше практиком, чем теоретиком.

Эдуард обожал музыку, в его свиту входили английские трубачи, уэльские арфисты и немецкие скрипачи. Помимо этого, его излюбленными занятиями были рыцарские турниры, соколиная охота, а также шахматы, кости и табула^[65]. Абсолютно чуждый стяжательства, король тем не менее охотно принимал в дар игральные доски. Ему принадлежали как минимум два драгоценных набора шахматных фигурок — один из черного дерева, другой из горного хрусталя и яшмы.

Благодаря своим наставникам Эдуард хорошо разбирался в юриспруденции, и мало кто среди христианских правителей более был привержен установлению справедливости. Во имя ее торжества он стремился к всемерному укреплению королевской власти, сильно ослабевшей после правления его деда и отца. Ибо кто, как не милостивый монарх, защитит обиженных и накажет обидчиков, невзирая на их титулы и звания? В то же время Эдуард помнил, какой притягательностью для всех его подданных обладали реформаторские идеи, которые выдвигала баронская оппозиция.

Взять все хорошее, убрать все негодное из английских законов, упорядочить их во благо королевства — вот какую цель он видел перед собой. Эдуард хотел сплотить свой народ, чтобы все сословия — каждое на своем поприще — трудились во благо страны. Что никоим образом не укладывались в его концепцию, так это феодальный сепаратизм лордов и чрезмерные притязания прелатов на светскую власть.

*

Эдуард I покинул Вестминстерский дворец еще до окончания пиршества. Он удалился в Виндзорский замок, где практически безвыездно пробыл до начала октября. Затем король приехал в Лондон и остановился в Тауэре, где 5 октября подписал свою первую королевскую хартию. Этот документ заслуживает особого внимания не только потому, что был первым. Крайне необычным оказался выбор получателя королевского дара и перечень свидетелей.

Своей милостью Эдуард одарил не одного из великих магнатов или

духовных пэров, хотя их поддержка на начальном этапе правления была крайне необходима королю. Этим счастливецом не был один из хранителей Англии, вполне сносно управлявших страной во время отсутствия Эдуарда и несомненно заслуживавших поощрения. Хартия адресовалась отнюдь не аббатству или собору в качестве благодарности Господу за счастливое возвращение из Святой земли.

Нет, дар предназначался неизвестному королевскому йомену Летару де Хенину, которому король пожаловал манор Арли в Вустершире стоимостью 12 фунтов 15 шиллингов 10 пенсов. В качестве свидетелей выступали бывший лорд-канцлер Уолтер де Мертон, ныне епископ Рочестерский, а также участники Девятого крестового похода — Томас де Клэр, Джон де Весси, Отто де Грандисон, Роберт Тибтот, Хью Фицотто и доверенный судья короля Уолтер Хелионский.

Этот первый официальный документ, вышедший из-под пера Эдуарда I, наглядно демонстрировал, какие именно моменты государственной политики король для себя определил как основополагающие. С одной стороны, он поставил во главу угла заботу о нуждах простых людей; в том смысле простых, как сам это понимал — то есть зажиточных горожан, торговцев и небогатых выходцев из рыцарских семей. С другой стороны, Эдуард явно хотел сформировать некий «ближний круг» доверенных лиц, в который вошли бы проверенные боевые друзья, разделившие с ним тяготы похода в Святую землю, а также способные администраторы, доказавшие свои таланты на деле. Король лелеял надежду, что таким образом сможет несколько оттеснить от кормила власти магнатов, включая свою иностранную родню, а также прелатов.

В отличие от отца и деда Эдуард I нисколько не опасался феодальной знати. В компании магнатов он чувствовал себя как рыба в воде, имел с ними множество общих интересов и увлечений, гостил в их замках, охотился, пировал, сражался на турнирах. Поэтому король мог позволить себе вести с ними дела жестко, но при этом не доводить ситуацию до бунта.

Впрочем, эта хартия могла и не нести в себе глубокого смысла, а явиться результатом простого совпадения. Но случайностью не было то, что с первых дней правления Эдуард окружил себя способными слугами, не обращая особого внимания на их происхождение. Лордом верховным канцлером Англии при новом короле стал его друг Роберт Бёрнелл — младший сын шропширского рыцаря, гениальный администратор и правовед, чьи мысли и устремления были полностью созвучны королевским. Лордом верховным казначеем Эдуард назначил сэра Джозефа Чанси, приора ордена рыцарей-иоаннитов. Энтони Беку, сыну

линкольнширского рыцаря, он поручил должность хранителя королевского гардероба^[66]. Ральф де Хенгем, уроженец Норфолка и каноник собора Святого Павла, стал лордом верховным судьей. Многие из тех, кто получил назначение на другие важные посты, окончили Оксфорд или Кембридж, где изучали гражданское и каноническое право.

Эдуарду предстояла трудная борьба с засильем своевольных магнатов, мешавших процветанию его страны и благоденствию его народа. Решился бы он в нее ввязаться, если бы знал, что продлится она с переменным успехом до конца его жизни?

*

Полторы недели спустя после подписания примечательной хартии о пожаловании манора Летару де Хенину в королевской семье случилось несчастье — на седьмом году жизни 14 октября 1274 года умер Генри, второй сын Эдуарда I. Мальчик жил в Гилфорде у своей бабушки Элеоноры Прованской, которая воспитывала внука практически в одиночку, когда родители были в Крестовом походе, а потом продолжала заботиться о нем уже после их возвращения. Генри рос очень болезненным ребенком, поэтому в критический момент никто не придавал особого значения его плохому самочувствию. Опасность осознали только тогда, когда было поздно. Принца похоронили в Вестминстерском аббатстве, и наследником трона стал годовалый Альфонсо.

До конца октября Эдуард жил то в Лондоне, то в Вестминстере, а затем отправился в королевское путешествие по самым густонаселенным областям Англии. Подобного рода вояжи не имели статуса обязательной государственной церемонии, но постепенно занимали все более важное место в длинной череде забот, с которыми сталкивался английский монарх после вступления на трон.

В те времена, когда единственным «скоростным» транспортным средством была лошадь, стоившая немало, основная часть населения по большей части передвигалась по дорогам пешком — нечасто и недалеко, поскольку работа и хозяйство привязывали к дому не хуже железных оков. Для того чтобы отправиться в столицу и подать жалобу на злоупотребления местного лорда, судейских или шерифов, нужны были немалая отвага, солидные средства и много свободного времени — такое сочетание редко можно было встретить у мелкопоместного дворянина или простолюдина, составлявших большинство населения страны. Таким образом, контроль

центральной власти за управлением и соблюдением законности в провинциях был во многом ограничен. Король, если только он не отличался крайним простодушием и не полагался полностью на своих приближенных и советников, имел возможность составить представление об истинном положении дел в графствах, лишь появившись там собственной персоной.

По пути своего следования Эдуард I останавливался в каждом крупном населенном пункте. Его сопровождали судьи, поверенные и атторнеи^{67} Суда королевской скамьи, в обязанности которых входило рассмотрение местных тяжб и петиций. 1 ноября король нагрянул в Лутон, через два дня прибыл в Нортхемптон, где задержался до 13 ноября. Откуда он проследовал через Фотерингей в Кингз-Клиф, где оставался до 3 декабря. Далее его путь лежал на юго-запад через Геддингтон, Вудсток, Мальборо и Кларендон. 24 января 1275 года Эдуард добрался до самой дальней точки своего путешествия — богатого цистерцианского аббатства Бьюли. Здесь он уже был один раз в детстве, когда его надолго уложила в постель тяжелая болезнь.

В обратный путь король отправился через Кавершем и прибыл в Виндзор 7 февраля в подавленном настроении. Его крайне обеспокоили жалобы народа, которые ему пришлось выслушивать на протяжении всего путешествия. Только теперь он в полной мере осознал, насколько плохо управлялось королевство в течение последних десятилетий. Те, кто был поставлен надзирать за порядком, занимались прямо противоположным. Должностные лица, шерифы и их помощники брали взятки, не брезговали вымогательством, саботировали поступавшие сверху приказы в угоду собственной выгоде.

Нимало не удовлетворенный, а скорее разгневанный итогами своего путешествия, Эдуард I издал приказ, согласно которому его уполномоченные немедленно приступали к расследованию нарушений королевских прав по всей Англии. Розыск проводился в гигантских масштабах, сравнимых разве что с большой поземельной переписью, проведенной Уильямом I Завоевателем и получившей громкое название Книги Страшного суда.

Королевские уполномоченные приезжали по двое в графство и учиняли членам местных судов допросы с пристрастием по поводу ущемления прав и свобод короля, о случаях превышения полномочий шерифами, коронерами, комиссарами по выморочному имуществу, бейлифами. Этот грандиозный проект был разработан с согласия и одобрения Эдуарда I его канцлером Робертом Бёрнеллом, получившим к тому времени сан епископа Батского и Уэлзского.

Результаты разбирательства стали известны как «Сотенные свитки»: в период с ноября 1274 года по март 1275 года королевские уполномоченные проинспектировали каждую английскую сотню^{68}. Они собрали огромное количество материала о преступлениях, включавших случаи злоупотребления властью, избиений, пыток, незаконных арестов. Весьма распространено среди должностных лиц было мошенничество с опекунскими правами. Особо интересовали уполномоченных преступления должностных лиц, лишавшие корону ее законных прав — в частности махинации с наследством.

Шерифов уличали в том, что они держали людей в клетках ради выкупа, угрозами заключения и пыток вымогали деньги, предъявляли несколько раз обвинение по одному и тому же преступлению, за взятки освобождали уголовных преступников, скрывали от суда лжесвидетелей. Некоторые преступники чувствовали себя настолько безнаказанно, что осмеливались оскорблять королевских посланцев. Так, йоркширский бейлиф Гилберт Клифтонский ругал последними словами судью Уильяма де Чаттерлона и угрожал стащить его за ноги с судейского места.

Уполномоченные собрали такой колоссальный объем сведений о различных правонарушениях, что физически не представлялось возможным расследовать все случаи и покарать всех виновных. Тем не менее резонансные дела, как бы мы назвали их сейчас, продемонстрировали англичанам, что Эдуард I искренне вознамерился искоренить коррупцию среди королевских слуг, омрачавшую правление его отца Генри III. Таким образом, «Сотенные свитки» имели не столько даже практическую, сколько в первую очередь символическую ценность. Но особо рьяные нарушители закона были наказаны — своих должностей, в частности, лишились шерифы в 19 графствах.

*

К концу апреля 1275 года Эдуард I приказал созвать свой первый парламент. Вообще-то он немного с этим затянул, но, с другой стороны, и без дела король не сидел. Отсрочка дала ему возможность подготовить к сессии серьезные документы, одобрение которых он хотел бы получить от английских сословий. Прежде на заседания парламента крайне редко приглашались представители общин — только в случае крайней необходимости и в качестве статистов. На этот раз король повелел созвать необычайно большое количество рыцарей и бюргеров — как минимум

вдвое превышавшее обычное. Депутаты от графств и городов нужны были королю, чтобы как можно более широко ознакомить англичан со своими экономическими инициативами. А главное, ему настоятельно требовалось разрешение на сбор новых пошлин, без которых было невозможно проводить какие-либо реформы, ибо финансы государства находились в расстроенном состоянии.

Приказы о выборах^{69}, направленные королевской канцелярией шерифам графств, гласили: «По определенным причинам мы отложили на первое воскресенье после Пасхи наш всеобщий парламент, который первоначально мы с прелатами и другими магнатами нашего королевства собирались провести в Лондоне на вторую неделю после праздника Очищения пресвятой Девы Марии^{70}. Посему приказываем вам обеспечить, чтобы четыре рыцаря из вашего графства, знающие законы, а также шестеро или четверо горожан или других достойных людей от каждого города, боро^{71} или города-ярмарки, находящихся в вашей юрисдикции, явились туда утром указанного воскресенья для обсуждения с магнатами нашего королевства дел этого королевства. Вы обязаны также вручить или передать от нашего имени незамедлительно наши приглашения, адресованные различным персонам в вашей области. И вы ни в коем случае не должны этим пренебрегать, так как вам придется дать нам полный отчет о выполнении нашего приказа к указанной выше дате»^{56}.

Перед тем как отправиться на сессию парламента, от которого Эдуард ожидал получить безусловную поддержку своих планов, он решил совершить паломничество по святым местам. 18 апреля король посетил Бери-Сент-Эдмундс, где покоились мощи святого Эдмунда Мученика, короля Восточной Англии, убитого в 870 году датчанами. На следующий день король отстоял службу с монахами-бенедиктинцами в приорстве Лавенэм, основанном Обри де Вером, сподвижником Уильяма I Завоевателя.

Из Лавенэма Эдуард вернулся в Вестминстер, где 29 апреля 1275 года открылась сессия парламента. В то время не было еще формального разделения на палаты и все парламентарии заседали вместе в одном зале. Эдуард предложил ввести налог на экспорт шерсти, кож и шкур в размере шести шиллингов восьми пенсов с каждого мешка. Собранные таким образом средства предназначались в первую очередь для погашения кредитов, выданных итальянскими банкирами. В каждый из тринадцати английских таможенных портов направлялись по трое наблюдателей — представитель итальянских компаний, у которого была одна половина

таможенной печати, а также двое английских чиновников со второй ее половиной. Доходность от введения новых пошлин предполагалась значительная — в среднем около 10 тысяч фунтов стерлингов в год.

Поскольку вся тяжесть расходов ложилась в конечном счете на плечи иностранных торговцев-покупателей, такой способ пополнения казны пришелся по душе всем сословиям. Очень скоро люди даже начали говорить о нем, как о «великом и древнем обычае». Разработка этой системы традиционно приписывалась королевскому казначею сэру Джозефу Чанси, однако на самом деле ее придумал некий итальянец, которого хроники именовали Понциус де Понто. За этим именем, скорее всего, скрывался Орландино да Поджио, один из руководителей банкирской компании Риккарди.

*

Одобрение парламентом таможенных пошлин стало большим успехом Эдуарда, однако главной своей победой он считал не это. Король ознакомил приглашенных с крайне важным документом, получившим название Первого Вестминстерского статута. Закон не ограничивался только теми положениями, которые были заявлены в преамбуле: «Наш господин король имеет горячее рвение и желание улучшить положение дел в тех областях, где требуются исправления для пользы как Святой Церкви, так и королевства. Положение Святой Церкви остается утесненным, а наши прелаты и духовенство имеют многие поводы для печали. С людьми обращаются неподобающим образом; и мир соблюдается хуже, и законы исполняются хуже, и преступники караются хуже, чем то необходимо, а посему люди нашей страны наказаний боятся меньше»^[57].

Первый Вестминстерский статут был в первую очередь нацелен на преодоление наследия гражданских смут и восстановление в имущественных правах тех, кто был насильно лишен собственности. В нем устанавливались правила землепользования, давались гарантии по обеспечению свободных выборов в парламент и утверждалось равное право каждого подданного на правосудие, независимо от его имущественного состояния и знатности. Статут объявлял непримиримую борьбу с различными формами коррупции и притеснений, широко практиковавшимися шерифами, судьями и бейлифами, которые умело использовали лазейки и неопределенности в законах. Он ограничивал права владельцев береговой полосы на груз погибших кораблей, выбрасываемый

морем на их земли.

Статут устанавливал, что в случае незаконного лишения прав собственности на недвижимость, сопровождавшегося грабежом или насилием, истцу должно быть возмещено все, что тот потерял. Ответчику же грозили штраф и тюремное заключение. Если в преступлении оказывался замешанным королевский слуга, который реквизирует недвижимость без надлежащего предписания, то он должен был выплатить компенсацию в двойном размере. При этом жалобы разрешалось подавать даже во время Рождественского и Великого постов, на что советники короля предварительно испросили и получили согласие епископов.

Статут уделял много внимания уголовным преступлениям, список которых был значительно расширен. Так, тюремное заключение стало наказанием за изнасилование — теперь насильник получал два года заключения. Браконьерам и нарушителям границ королевских и частных парков и охотничьих угодий грозило до трех лет тюрьмы. На такой же срок рисковали оказаться за решеткой должностные лица, покрывавшие из корысти или других побуждений уголовное преступление.

Первый Вестминстерский статут Эдуарда I, как и все его последующие знаменитые статуты, не был венцом трудов одного лишь короля-законодателя — как, скажем, кодекс Сицилийского королевства *Liber Augustalis*, разработанный лично императором Фридрихом II, или *Siete Partidas*, составленный Альфонсо X Кастильским. Законы рождались в обсуждении насущных задач с ближайшими советниками. Статуты Эдуарда, как правило, выглядели достаточно сумбурными, поскольку содержали в себе множество пунктов, затрагивавших широчайший спектр политических и экономических вопросов. Они были призваны в срочном порядке решать самые острые проблемы, которые мешали законному отправлению правосудия и выявлялись главным образом в ходе расследований или после ознакомления с поданными королю петициями.

Эдуард не ставил перед собой и своими советниками задачу создать в Англии абсолютно новую правовую систему. Напротив, он старался, где возможно, действовать строго в рамках общего права, но постоянно его совершенствовать и подправлять. При этом король обращал особое внимание на то, чтобы в его законах не было заметно очевидного преобладания интересов какого-то одного сословия. Так, правовая защита предоставлялась лордам в том случае, если у них возникали претензии к арендаторам. Однако в равной степени под защиту закона подпадали и арендаторы, если они подвергались притеснениям со стороны лордов.

Основной упор при разрешении судебных споров делался на четкое

прописывание процедур, которым необходимо было следовать во время судопроизводства. Изменения в законодательстве тщательно продумывались именно с точки зрения их практического соответствия той массе реальных дел, которые приходилось решать английским судам.

В планах весеннего парламента 1275 года оставался еще один весьма животрепещущий вопрос, касавшийся очередной выплаты ежегодной подати Святому престолу, именовавшейся «лептой святого Петра» и традиционно составлявшей один пенни с каждого очага в Англии. Два предшественника Эдуарда I умудрились весьма прочно влезть в церковное ярмо. Сначала Джон Безземельный признал Англию папским леном, надеясь на поддержку понтифика в противостоянии с собственными баронами. Затем Генри III Уинчестерский еще сильнее затянул на шее королевства финансовую петлю, охотно прибегая к помощи папских легатов в борьбе с баронской оппозицией. Кроме того, он пытался заручиться содействием Рима и в деле возврата утраченных континентальных владений, входивших когда-то в состав обширной Анжуйской империи.

Святой престол не замедлил воспользоваться слабостью английской монархии. Понтифики требовали все больше денег от своих английских «вассалов», пусть и являющихся таковыми чисто номинально. Финансовые претензии Святого престола постепенно становились все более серьезным раздражителем для англичан всех сословий. Обложенные налогами миряне, клирики, да и сам король — когда открыто, когда завуалированно — сопротивлялись поборам со стороны пап. Они пытались либо уклониться от них, либо смягчить требования, либо добиться рассрочки или отсрочки платежей.

Обсудить этот серьезнейший вопрос с парламентом у Эдуарда I не получилось — он неожиданно почувствовал себя плохо. Рана, нанесенная в Акре клинком ассасина, нагноилась, и короля начала трепать жестокая лихорадка. Сессию было решено завершить и вновь собрать парламент уже осенью.

*

Здоровье Эдуарда восстанавливалось не быстро, и только в конце июня он почувствовал, что силы к нему полностью вернулись. А еще месяц спустя король нашел в себе силы предпринять очередное путешествие по стране, теперь на северо-запад. Как всегда, его сопровождали судьи и

атторнеи для разбора жалоб и надзора за судопроизводством в городах и сотнях, которые проезжал королевский кортеж. Однако конечной целью поездки было все-таки не продолжение «Сотенных свитков».

Единственным крупным вассалом, который не принес Эдуарду I оммаж, был валлийский смутьян Ливелин ап Грифит. Ему было предписано явиться в сентябре для принесения вассальной присяги в Честер — один из самых близких к Северному Уэльсу крупных городов. Король отправился навстречу князю. Его кортеж двигался медленно, с долгими остановками, и 5 августа добрался до Оксфорда, где Эдуарду была приготовлена торжественная встреча. Но он повел себя весьма странно, чем дал богатую пищу для пересудов.

Свидетелем этой истории оказался каноник Оснийского аббатства, располагавшегося на западной окраине Оксфорда, который записал: «Не знаю, к чьим советам склонился король, но он был напуган, поверив древнему смехотворному суеверию. Дескать, с древних времен действовало проклятие святой Фридесвиды^[72], из-за которого ни один король, за исключением лишь его отца, не рисковал заходить в город. И, приблизившись к восточным воротам, он не вступил в город, а развернул коня и остановился в королевском дворце за пределами городских стен»^[58].

Сомнительно, чтобы Эдуард I был столь суеверен. Вероятнее всего, он изначально планировал остановиться на ночлег в королевском замке, а легенду с проклятием, очень удачно использовав обстоятельства, монах включил в свою хронику для оживления повествования.

Здесь, в Оксфорде Эдуард получил дерзкий ответ от Ливелина ап Грифита: «Поскольку король неоднократно проявлял к нему крайнюю враждебность, он не может доверять персоне короля, будучи объявлен врагом. Тем не менее он предлагает принести оммаж в своей собственной стране, если король пошлет туда уполномоченных, чтобы принять его, или в каком-нибудь третьем месте, где он может находиться без опаски. Он также готов прибыть на территорию короля при условии, что тот отдаст ему в заложники своего старшего сына, графа Глостерского и лорд-канцлера»^[59].

Разгневанный столь наглым предложением, Эдуард I все-таки доехал 10 сентября до Честера и оттуда послал валлийцу вторичный вызов: «Принцу Ливелину, сыну Грифита, князю Уэльса — привет. Мы неоднократно посылали к вам с требованием явиться в определенный день в Честер и принести нам должным образом оммаж и клятву верности. И снова мы приказываем вам предстать перед нами в Вестминстере на

грядущий день святого Михаила, что случится через три недели, и принести нам должным образом оммаж и клятву верности, для чего вам и посылается сей вызов»^[60].

*

В Вестминстер Эдуард вернулся в октябре 1275 года — как раз к началу осенней сессии парламента. Самым важным пунктом повестки значилась борьба с ростовщичеством. В подавляющем большинстве случаев этим ремеслом в Англии занимались евреи. К началу правления Эдуарда I еврейское население страны составляло около двух тысяч человек, объединенных в 15 общин, по большей части городских. Оно издревле жило в страхе перед произволом властей, которые вели себя в полном соответствии с апокрифическим законом Эдуарда Исповедника, гласившим: «И сами евреи и все их движимое имущество принадлежат королю».

Англичане в целом были настроены весьма антисемитски. Они с готовностью верили слухам, обвинявшим иудеев в страшных преступлениях, и были скоры на расправу. Только за последние 30 лет произошло несколько таких случаев. В 1240 году трое евреев были казнены в Норидже за недоказанное преступление — они якобы на Песах планировали распять пятилетнего ребенка. В 1255 году некий еврей по имени Джопин был обвинен в том, что вместе с несколькими сообщниками творил колдовство и замучил до смерти христианского мальчика. Когда король Генри III посетил Линкольн, он не просто приказал казнить Джопина, но повелел выслать всех городских евреев числом 91 в Лондон, где все они также были приговорены к смерти. Похожие случаи происходили в Лондоне и Нортхемптоне на протяжении 1260-х годов.

Правители Англии со времен короля Стивена Блуаского вряд ли верили подобным нелепым обвинениям, но не брезговали использовать к своей выгоде всеобщую неприязнь к иудеям. Несчастные подвергались гонениям и при Генри II Короткая Мантля, и при Ричарде I Львиное Сердце, и при Джоне Безземельном. Наконец, в 1269 году Генри III в очередной раз ужесточил условия, на которых евреи могли торговать, а кроме того, приказал за богохульство приговаривать их к смертной казни. Такое отношение к иудеям было характерно не только для Англии. По всей Европе им чинились притеснения. Фридрих II Сицилийский^[73] требовал,

чтобы они носили синий значок в форме буквы «Т» и длинные бороды. Французские короли со времен Филиппа II Огюста заставляли евреев носить знак в форме колеса.

Эдуард I не просто продолжал политику европейских монархов, но пытался в пределах своих владений положить конец практике предоставления денег в рост. Несмотря на постоянный прессинг со стороны власти евреи продолжали играть весьма важную роль в движении финансов. Они занимались ростовщичеством, торговали долговыми расписками и подчас продавали их спекулянтам, которые получали право наследовать земельные владения, данные в обеспечение займа, если заемщик объявлялся несостоятельным. Естественно, все эти способы заработка не вызывали симпатий как у простолюдинов, так и у землевладельцев, оказывавших вместе с прелатами серьезное давление на Эдуарда и требовавших раз и навсегда запретить торговые операции такого рода.

Парламент с готовностью поддержал предложенный королем Второй Еврейский статут — первый подобный документ был принят в 1253 году королем Генри III. Статут запрещал большинство форм ростовщичества: «Поскольку король видел, что добрые люди его королевства терпели всяческие убытки и лишались наследства из-за ростовщичества, которым занимались евреи в прошлые времена... и хотя он [король] и его предки приобрели много выгод от еврейского народа в минувшие времена, тем не менее во славу Господа и для общего блага народа король предписал и постановил, что отныне ни один еврей не должен ничего давать в рост — ни землю, ни ренту, ни что-либо другое... И поскольку такова воля и дозволение Святой Церкви, чтобы они могли жить под защитой, король берет их под свое покровительство и дарует им свой мир. Он желает, чтобы их надежно защищали его шерифы и другие бейлифы, а также его вассалы; и приказывает, чтобы никто не наносил им урона или убытка, или ущерба их телам или товарам движимым и недвижимым»^[61].

В качестве компенсации за лишение возможности заниматься ростовщичеством Эдуард разрешил евреям покупать землю и заниматься торговлей — раньше они на это не имели права. Статут также предписывал евреям носить на груди желтый знак, изображавший скрижали Завета. На каждого иудея старше 12 лет налагался особый ежегодный налог в размере трех пенсов. За принятие этого столь желанного статута парламенту пришлось в свою очередь идти на уступки королю, утвердив специальный налог в размере одной пятнадцатой на движимое имущество мирян. Эдуард просил о помощи также и прелатов, но они не согласились на обложение

налогом церковного имущества, поскольку уже уплатили десятину на крестовый поход. Впрочем, священнослужители обещали подумать и дать ответ до будущей Пасхи. Это был второй важный вопрос, обсуждавшийся на сессии.

Третьим ключевым моментом осеннего парламента стало формальное объявление Эдуардом I окончательного прощения и принятия в королевский мир всех тех, кто воевал против него и его отца во Второй баронской войне. Помимо этих важнейших проблем королю пришлось рассматривать и менее значимые. Так, он рассудил спор между епископом и приором Нориджа с одной стороны, и горожанами — с другой. За разграбление и сожжение монастыря прелаты требовали четыре тысячи марок, а жители города были согласны заплатить лишь половину этой суммы. Эдуард I установил выплату в размере трех тысяч марок, а также повелел снять наложенное на горожан отлучение от церкви. Обе стороны вполне удовлетворились таким решением.

Король назначил трех стюардов, которые должны были блюсти его интересы в делах опекунов — весьма важной статьи доходов для казны. Ричарду де Холбруку были поручены центральные районы и восток, Томасу де Норманвиллу — север, а Ральфу де Сандвичу — юг и запад страны. Этот последний являл собой превосходный пример действенности политики короля по умиротворению страны. Ральф — бывший ярый сторонник баронской оппозиции, племянник мятежного епископа Лондонского, был помилован и с охотой поступил на королевскую службу.

Единственным нерешенным вопросом оставалось принуждение Ливелина к принесению оммажа — строптивый князь Уэльса вновь позволил себе проигнорировать прямой королевский приказ и не явился в Вестминстер. Между тем решать его было необходимо в кратчайшие сроки: Уэльс традиционно доставлял головную боль английским королям. Даже простое поддержание мира на границе и контроль за маркой требовали постоянного внимания, финансовых и временных затрат, воли и политической изворотливости.

Эдуард I был уже внутренне готов к войне, которая представлялась неизбежной, однако начинать ее пока не желал. Поэтому он дал строптивому вассалу последний шанс — явиться в Уинчестер до Нового года и принести, наконец, требуемые клятвы.

Часть вторая. Завоеватель Уэльса

Глава первая. Первая война в Уэльсе

Обычаи и законы кельтского народа, населявшего горную страну на западе острова, были чужды обитателям Англии, большинство которых в то время составляли англосаксы, а правящую верхушку сформировали пришлые нормандские рыцари. В свою очередь и жители Уэльса также были не в восторге от порядков, царивших у их восточных соседей. Противостояние шло с переменным успехом — то англичане отвоевывали часть территории у валлийцев, то валлийцы возвращали себе утраченные земли и в свою очередь предпринимали разорительные набеги на приграничные области врага. Непроступные горные хребты служили прекрасным убежищем для защитников Уэльса, где они отсиживались и набирались новых сил после тяжелых поражений. Поэтому, несмотря на значительное превосходство Англии в людских ресурсах и военных технологиях, ко второй половине XIII века кельтские княжества по-прежнему сохраняли независимость и представляли собой немалую силу.

В турбулентное время правления короля Генри III, когда Англия погрязла во внутренних конфликтах, князьям Уэльса удалось не только остановить ползучую экспансию лордов марки, но и потеснить их. Ливелин ап Грифит использовал союз с Симоном де Монфором, чтобы максимально ослабить влияние английской короны на валлийских землях. По договору в Монтгомери, заключенному с королем Генри III в 1267 году, он признавался суверенным князем Уэльса, под чьим прямым контролем находился Гуинет. Ливелин также стал феодальным сеньором других валлийских князей.

Договор в Монтгомери с самого начала раздражал Эдуарда I по многим причинам, среди которых сам он выделял две. Во-первых, лично им были потеряны обширные земли, принадлежавшие ему в Уэльсе. А во-вторых, этот договор являлся символом унижения английской короны и напоминанием о территориальном ущербе, нанесенном стране, которую в своей коронационной клятве он обещал всеми силами защищать. Это понимали все, включая Ливелина ап Грифита, который вел себя по отношению к английскому королю вызывающе. Он трижды отказался принести ему оммаж — в Честере, Вестминстере и Уинчестере, каждый раз выдвигая какие-либо условия, как будто это он был сюзереном Эдуарда, а не наоборот.

Иногда создавалось впечатление, что валлийский князь нарочно провоцировал короля на резкое обострение отношений. Достигнув

пятидесятилетнего возраста и не имея наследников, Ливелин вдруг вспомнил о том, что в 1267 году был обручен с Элеонорой, дочерью покойного Симона де Монфора, которая жила в изгнании во Франции. Он отправил к ней послов, и она стала его женой по доверенности. В начале 1276 года Элеонора отплыла к своему мужу в сопровождении своего брата Амори, носившего в то время звание папского капеллана.

Эдуарду I совершенно не улыбался такой брак. Женившись, Ливелин становился законным защитником прав Элеоноры, которая недавно лишилась матери и осталась круглой сиротой. Пользуясь своим положением опекуна, валлиец мог попортить королю немало крови. Поэтому Эдуард приказал корнуоллскому рыцарю сэру Томасу Ларчдикену перехватить в Бристольском заливе корабль, на котором плыли дети Симона де Монфора. Операция увенчалась успехом: Ларчдикен захватил французское судно недалеко от островов Силли и доставил леди в Виндзорскую темницу, а сопровождавшего ее Амори — в замок Корф. Королевская награда не заставила себя долго ждать: «Шерифу Корнуолла. Приказываем выплатить Томасу Ле Арчдикену 20 фунтов в возмещение его расходов на экспедицию, связанную с некоторыми королевскими делами в тех краях, касательно которых король давал устное распоряжение Томасу»^[62].

Очередной парламент собрался в Вестминстере на вторую неделю после Пасхи — 19 апреля 1276 года. Эдуард I с горечью объявил, что Ливелин ап Грифит так и не соизволил принести ему оммаж. Король сообщил присутствующим о своем твердом решении наказать строптивного вассала, двинув на него армию. С огромным трудом прелаты упростили Эдуарда дать им шанс еще раз обратиться к упрямому валлийцу. Они послали в Уэльс опытного администратора и дипломата Уильяма Мидлтона, архидиакона Кентерберийского, который провел в бесплодных переговорах большую часть лета.

Тем временем Эдуард I принял участие в грандиозной церемонии, состоявшейся 15 июня в Чичестере. При огромном стечении народа останки святого Ричарда Уичского, бывшего епископа Чичестерского, скончавшегося в 1253 году, были перенесены в новый храм, где король преклонил колена перед ракой святого. Затем Эдуард совершил подряд два путешествия, по своему обыкновению в сопровождении юристов и судей. Сначала он проехал по побережью от Уинчелси до Кентербери, а затем от аббатства Бьюли до Бристоля и Вустера, неся городам и графствам закон и порядок. В дороге король не скучал, развлекаясь соколиной охотой и травлей оленей.

Закончилось путешествие в Лондоне 8 октября. Эдуард I прибыл в Чипсайд, где продемонстрировал подданным «королевское чудо». Его носителями были не только французские короли — за английскими монархами также признавалась сверхъестественная способность исцелять золотуху^[74] простым возложением рук. По свидетельству хронистов, Эдуард продемонстрировал народу свою сакральную мощь, коснувшись рукой и благословив 627 золотушных больных. Затем состоялся турнир, на который съехалось множество молодых рыцарей.

*

11 октября Эдуард I явился в Вестминстер на осенний парламент. Собравшиеся единодушно решили, что неповиновение князя Уэльса должно быть сурово наказано. Противников немедленного начала военных действий против Ливелина ап Грифита больше не было — князь Уэльса ухитрился испортить отношения буквально со всеми. Во главе вооруженных отрядов он вторгся в приграничные английские баронии, чем восстановил против себя влиятельных лордов марки. Ливелин захватил Кэрфилли — только что отстроенный замок Гилберта де Клэра графа Глостерского. Из Брекона он изгнал людей Хамфри де Боэна графа Херефордского. Даже со своими родными братьями Ливелин умудрился поссориться. Оуэна Рыжего он заключил в тюрьму, а Давида довел до того, что тот устроил против Ливелина заговор, после раскрытия которого вместе со своим сообщником Грифитом ап Гвенвинвином владельцем Поуиса вынужден был бежать к английскому двору.

В довершение всего князь Уэльса прекратил выплату 25 тысяч марок английскому королю, нарушив тем самым условия договора в Монтгомери. Поэтому Эдуард I при всеобщем одобрении 12 ноября 1276 года объявил войну Ливелину ап Грифиту и приказал собрать налог в одну пятнадцатую движимого имущества, одобренный на прошлой парламентской сессии.

Надо сказать, что была еще одна, очень личная причина, по которой Уэльс приковывал к себе королевский взор — по некоторым версиям, именно там находилась родина легендарного короля Артура. Эдуард I был с юности очарован Артуром, подобно тому как его отец Генри III почитал Эдуарда Исповедника. Он смотрел на мир через призму артурианства и страстно желал присоединить древнее княжество к Англии, интегрировать в английскую культуру все его великолепные и пышные легенды.

Будучи фигурой исторически недостоверной, Артур тем не менее уже

к началу XII века стал важной частью европейской литературной и социальной традиции. Он представлялся благочестивым христианским королем, который доблестно сражался против язычников — саксов и римлян, изгоняя захватчиков с родных земель. Артур стремился к объединению британского королевства. Его двор представлял собой настоящий рыцарский рай, где царили романтика и куртуазность. Артурианство возбуждало, вдохновляло и завлекало не только мужчин, но и женщин по всей Европе — от Сицилии до Шотландии.

Однако в атмосферу повсеместного почитания рыцарственного короля некоторый диссонанс вносила маленькая загвоздка. Прямые кровные потомки Артура — британские кельты, обосновавшиеся в Уэльсе и Корнуолле — смотрели на предания и современный им мир несколько под другим углом. Для них Эдуард I, как и все его предшественники, был королем тех самых саксов, с которыми сражался их героический предок. Следовательно, английских монархов они считали не продолжателями дела короля Артура, а вражьим семенем. Вражда с англичанами, таким образом, была для валлийцев благородным и законным предприятием, освященным традициями праотцов. От их яростных набегов Англию спасали только нормандские бароны, захватившие вскоре после Завоевания южные и восточные долины Уэльса. От Поуиса на юг до устья Северна, а затем вдоль Бристольского залива — по-валлийски Мор-Хаврена — до самого Кельтского моря через древние княжества Дехейбарт и Морганног тянулись владения англо-нормандских лордов марки. Правили там Мортимеры, Клэры, Боэны, Фицаланы, Браозы, Чеурты и Гиффарды, гордые своей силой и властью. А за пределами их земель, как и сотни лет назад, неизменным порядком текла жизнь горной Камбрии, направляемая своими законами и древними порядками.

На войну с Уэльсом требовались немалые деньги, и налог в одну пятнадцатую не мог окупить всех затрат. Эдуард I сделал большие займы у текстильных мануфактур Риккарди из Лукки и Фрескобальди из Флоренции — сначала 22 476 фунтов, а позднее еще 18 233 фунта — взамен они получили существенные льготы на закупку шерсти. В Глостершире было заказано 200 тысяч арбалетных болтов. Купленных ранее во Франции боевых коней не хватило для снаряжения армии, поэтому в адрес бальи французского порта Виссан был направлен запрос на разрешение вывезти дополнительно 75 коней. Но и этого оказалось мало. Во Францию отрядили королевского сержанта Мэтью де Коламберса сначала с приказом приобрести еще 20 верховых лошадей для нужд короля, а затем вторично — с заданием привезти еще 40 коней.

Пшеница и овес поступали от юстициария Ирландии. Повозки и другой транспорт реквизировались по всей Англии, и не только у частных владельцев: телеги для перевозки палаток и павильонов из Лондона в Уэльс предоставляли аббатства и монастыри, в количестве девятнадцати штук. Королевские монетные дворы спешно чеканили серебряные пенни, чтобы платить тысячам воинов, призванных сражаться во славу Англии.

*

Капитаном в Чешир король назначил Уильяма де Бошана графа Уорикского, в Монтгомеришир — Роджера де Мортимера, в Кармартеншир — Пейна де Чеурта. Джону де Бошану Хэтчскому король поручил защиту замков Кардиган и Кармартен. Генри де Лейси граф Линкольнский готовился выступить со своими отрядами из Освестри.

Активные действия английских командиров незамедлительно принесли результат. Граф Линкольнский захватил городок Баусли в Монтгомеришире, а Питер Корбет — Гортаур. При появлении Мортимера с воинским отрядом жители захваченной Ливелином части марки, простиравшейся от истоков реки Ди до истоков Аска, Таффа и Тиви, немедленно сбросили ярмо власти нового хозяина и поклялись в верности своему старому господину. Джон Гиффард вернулся в Ландовери, а Хамфри де Боэн граф Херефордский — в Бреккон. Грифит ап Гвенвинвин был восстановлен в своих владениях в Южном Поуисе, отнятых Ливелином. Отряды Чеурта завоевали весь Кардиганшир, на его сторону перешел капитулировавший Грифит ап Маредит ап Оуэн. Рис ап Маредит хоть и потерял замок Диневор, но остался господином Дрислуина под рукой Эдуарда I. Бого де Новилл добился, чтобы трое самых влиятельных вождей в Арвистли подчинились Англии при условии, что король гарантирует их права. Таким образом, окраинные вассальные территории отпали от Ливелина ап Грифита при первой же атаке.

Основной силе английского войска, феодальному ополчению, было приказано собраться в Вустере к 1 июля 1277 года. Отрядами командовали бывшие крестоносцы Роджер де Клиффорд, Отто де Грандисон и Джон де Весси, а также ветераны Второй баронской войны, вроде Уильяма де Бошана графа Уорикского. Эдуард I приехал в Вустер 3 июля и возглавил войско. Не дожидаясь, пока соберется вся армия, он двинулся на север с 800 латниками и 2500 пехотинцами, приказав основным силам следовать за ним, как только они будут готовы. Так началась Первая война за

независимость Уэльса.

В сопровождении лорда констебля Хамфри де Боэна графа Херефордского и Эссекского, лорда маршала Роджера Бигода графа Норфолкского, а также Давида, брата Ливелина, король проследовал до Стаффорда, а затем свернул на северо-запад в Чешир, откуда вторгся в Уэльс. Кампания была в высшей степени хорошо организована. С армией шли мастера и рабочие, прокладывавшие для нее путь сквозь густые леса. Под защитой арбалетчиков и рыцарей они строили грандиозную дорогу, достигавшую порой 30-метровой ширины и лишавшую валлийцев возможности использовать традиционную партизанскую тактику и засады.

К 26 июля Эдуард I дошел до Флинта. Здесь, в лесах Эуло, в 1157 году едва не встретил свою смерть его прадед Генри II Короткая Мантия. Тогда небольшой отряд во главе с ним отделился от основных сил, предпринял обходной фланговый маневр, попал в устроенную Оуэном ап Грифитом королем Гуинета ловушку и был практически полностью уничтожен. Неподалеку от Флинта Эдуард I приказал соорудить большую деревянную крепость в качестве передовой базы и окружить ее глубоким рвом. Его армия по численности значительно уступала войскам, которые Генри II вел на Ридлан, но ее успех был обеспечен великолепным планированием и инженерной поддержкой.

Эдуард I продолжал медленно, но методично продвигаться вглубь территории, контролируемой Ливелином. За три следующие недели он прошел от Флинта до Ридлана, где 20 августа также началось строительство крепости. На середине пути король оставил своих солдат и с небольшим эскортом вернулся в Чешир. Он хотел присутствовать 13 августа на торжественной церемонии, посвященной основанию Вэйлского королевского аббатства. Обет основать этот монастырь Эдуард принес еще перед тем, как отправиться в крестовый поход, чтобы Святая Дева хранила его в пути. И вот пришла пора исполнить обещание. Короля сопровождали его супруга Элеонора, Эйнион II епископ Сент-Асафский, канцлер Роберт Бёрнелл, а также графы Глостерский, Корнуоллский, Саррейский и Уорикский.

На левом обрывистом берегу реки Уивер, среди густых чеширских лесов, в 5 километрах к юго-западу от Нуртуича был заложен фундамент собора длиной 116 метров. Эдуард желал, чтобы построенное им аббатство превосходило по масштабам и красоте все другие цистерцианские обители Англии и стало даже более грандиозным, чем знаменитый монастырь в Бьюли. Для руководства строительными работами он нанял известного английского зодчего Уолтера из Херефорда. Король пожаловал аббатству

свою самую ценную реликвию — обломок Истинного Креста, привезенный им из похода в Святую землю.

Когда Эдуард I вернулся в Ридлан, туда уже подтянулись основные силы его армии. Теперь она насчитывала 15 тысяч человек, причем 9 тысяч из них были валлийскими наемниками из Раднора и Брекона — несомненное свидетельство пошатнувшегося авторитета Ливелина ап Грифита. Остальные пехотинцы были мобилизованы королевскими уполномоченными или наняты по контракту преимущественно в шести западных английских графствах. К ним добавилось небольшое число профессиональных арбалетчиков-гасконцев и лучников-чеширцев из Маклсфилдского леса.

Войско двинулось дальше на запад. Рыцари, солдаты и обоз старались сильно не удаляться от побережья. Параллельно им вдоль северного берега Уэльса двигался флот из 27 больших кораблей под командованием Стивена де Пенстера, хранителя Пяти Портов, который отвечал главным образом за снабжение армии.

*

Ливелин ап Грифит не боялся англичан. Он был уверен, что всегда сможет укрыться в неприступных горах. Князь Уэльса полагался на тактику засад, собираясь в неожиданных вылазках громить врага, с трудом пробирающегося в тумане по лесным или горным тропам. На землю Гуинета никогда еще не ступала нога неприятеля, и Ливелин отвергал такую возможность в будущем. Более того, в своих мечтах он заносился очень высоко и всерьез собирался выдворить англичан не только из Уэльса, но и из всей Британии, а затем единолично править всем островом. Грезы, уносившие его далеко от реальности, подпитывались пророчествами волшебника Мерлина, советника легендарного короля Артура: «Кадваладр призовет Конана и возьмет в союз Альбанию. Тогда будет избиение иноземцев; тогда реки потекут кровью. Тогда забьют ключи Арморики, и они будут увенчаны диадемой Брута. Камбрия преисполнится радости, зацветут дубы Корнуолла. Остров станет называться именем Брута; а имя, данное иноземцами, будет отменено»^[63].

Пророчества всегда были темными и путанными, не стало исключением и прорицание Мерлина, сбивающее с толку обилием намеков. Ведь Кадваладр — древний король Гуинета, Конан — бриттский король Корнуолла, Альбания или Альба — гэльское название Шотландии,

Арморика — историческая область французской Бретани. При большом желании в этом тексте действительно можно отыскать предсказание, что все потомки бриттов, проживавшие в Уэльсе, Корнуолле, Шотландии и Бретани, объединятся против пришлых англосаксов и нормандцев и уничтожат их. Само имя «Англия» уйдет в небытие, королевство снова станет называться Британией в честь легендарного прародителя бриттов Брута.

Ливелин собирал отряды. По всему Гуинету барды до небес возносили мудрость и отвагу своего вождя. Валлийцы были превосходными воинами. Они привыкли передвигаться налегке, пищей в походе им служили сыворожка и сыр из молока горных коз. Приземистые, мускулистые горцы могли ночевать под открытым небом в самую лютую стужу. Ливелин ап Грифит не сомневался, что в конце концов победит, однако на сей раз ему предстояло бороться не со спонтанным военным походом, а с тщательно спланированным вторжением.

29 августа армия Эдуарда I подошла к устью реки Конви и разбила лагерь у деревушки Деганви. Англичане вплотную подошли к самому сердцу вражеских земель, где отношение населения к ним было однозначным. Недвусмысленной иллюстрацией ненависти валлийцев к пришельцам с востока выступали руины каменного замка, построенного королем Генри III на мощном скальном выступе всего 20 лет назад. Развалины было превосходно видно с того места, где обосновалась английская армия.

В начале сентября Эдуард I приказал флоту перебросить десант под командованием Отто де Грандисона и Джона де Весси на Англси. Этот остров называли житницей Уэльса, и там как раз закончились уборочные работы. Богатый урожай зерновых готовился к отправке Ливелину, скрывавшемуся в горах. Отряды Грандисона и Весси захватили амбары, вынудив неприятеля полагаться лишь на запасы, сделанные в самом Гуинете, к чему противник был не готов. Отсидеться в горах у Ливелина ап Грифита не получилось. В результате умелых военных и дипломатических действий Эдуарда I он достаточно быстро лишился практически всех своих владений. Вассалы на периферии княжества отворачивались от слабеющего повелителя и переходили на сторону английского короля. Князь Уэльса убедился, наконец, в том, что Эдуард — противник, к которому следует относиться серьезно. Спустя несколько недель Ливелин ап Грифит сдался на милость победителя.

9 ноября 1277 года в Ридлане было подписано перемирие. Эдуард I не стал уничтожать поверженного врага. Он даже оставил ему слегка

урезанный Гуинет и Англси на правах вассального держания. Однако все остальные земли уходили из-под власти Ливелина. Валлиец должен был внести в королевскую казну штраф в размере 50 тысяч фунтов и платить по тысяче марок ежегодно. Он также отказывался от своих претензий на Четыре кантрева и все другие земли, захваченные Эдуардом I во время военной кампании. Пришел конец не только его мечтам о владычестве над Британией, но даже власти над Уэльсом.

Унижений Ливелину пришлось хлебнуть полной мерой. Он вынужден был пообещать урегулировать все разногласия со своими братьями — отдать Оуэну кантрев Лин, а Давиду — два из Четырех кантревов, а именно Дифрин-Клуид и Ривониог. Кроме того, он обязался принести клятву верности Эдуарду дважды: не только непосредственно в Ридлане, но еще и в Вестминстере — в знак признания превосходства короля Англии над ним, князем Уэльса. В качестве гарантии его лояльности Эдуард I взял десятерых заложников. Правда, уже 11 ноября неподъемный штраф был прощен, а 17 сентября 1278 года были отпущены по домам и заложники. Но самовластный князь с этого момента превратился в мелкого вождя из Северного Уэльса. Король писал Отто де Грандисону и своему канцлеру Роберту Бёрнеллу, епископу Батскому и Уэллзскому: «Кроме того, мы хотим, чтобы вы знали: и на наших землях в Англии, и в марке военные действия увенчались, хвала Господу, успехом. Ибо Ливелин князь Уэльса перед лицом наших судей, присутствовавших там в те дни, кротко просил о правосудии и получил его от них»^[64].

Ливелин исполнил обещание и прибыл на Рождество в Вестминстер. В присутствии лордов и прелатов королевства он вторично принес оммаж Эдуарду I, после чего король дал свое согласие на бесполезный теперь для валлийца брак с Элеонорой де Монфор. Королевская чета почтила своим присутствием их венчание 3 октября 1278 года в Вустерском соборе и последовавший за тем свадебный пир.

Ливелин потерпел жестокое поражение, и заключенный договор, с точки зрения Эдуарда I, был приемлемым аккордом для завершения экспедиции. Вторжение 1277 года увенчалось впечатляющим успехом. Но никто тогда еще не знал, что это было только начало.

*

Сама война обошлась королю не так дорого — где-то в 23 тысячи фунтов. Но, памятуя о партизанской тактике валлийцев, он постарался

максимально обезопасить себя от головной боли в будущем, что потребовало гораздо больших вложений. Эдуард I привел в действие план, реализовать который было не по силам его предшественникам — да, собственно, у них и не мог вызреть такой проект, поскольку подобных прецедентов в истории Европы не было. Он задумал укрепить позиции англичан, построив цепь замков по границам валлийской территории.

Вероятно, идея короля начала формироваться в процессе размышлений о неожиданно действенных результатах спонтанной политики Гийома Бастарда. Немногочисленной группе нормандских рыцарей, пришедших в Англию со своим предводителем и составивших новую знать завоеванной страны, предстояло удерживать в повиновении весьма недружелюбно настроенное англосаксонское население. Вот тогда-то новые лорды и начали возводить по всему королевству замки, которые служили им убежищем в случае бунтов и восстаний. Делалось это бессистемно, по мере необходимости, в течение достаточно долгого срока. Кроме того, первоначально замки представляли собой простейшие укрепления типа «Мотт и бейли», не требовавшие больших временных, финансовых и людских затрат. Проходили десятилетия, и деревянные замки совершенствовались, одевались камнем.

Такой путь королю был заказан — ему нужно было всё и сразу. Пример, к которому стоило стремиться, неотступно стоял у Эдуарда I перед глазами. Ведя свое войско в Девятый крестовый поход, он видел величественные крепости, возведенные крестоносцами в Святой земле — Крак-де-Шевалье, Бельвуар, Керак. Сочетание защитной мощи и массивной архитектуры, подавляющей воображение — вот что привлекало его в этих сооружениях.

Эдуард I творчески переосмыслил опыт нормандцев и крестоносцев. Он распорядился возвести огромные замки по границам только что покоренных земель, чтобы закрепить свои успехи. Ему казалось, что таким образом он сможет навсегда усмирить вечно бунтующих валлийцев — ведь каждый раз, подняв глаза к горизонту, они будут видеть могучую твердыню, которая недвусмысленно напомнит им о их зависимом статусе и бессмысленности сопротивления власти Англии. Каждый английский король, за исключением Ричарда I Львиное Сердце, вторгался в Уэльс и каждый в конце концов уходил ни с чем, предоставляя валлийцев их собственной судьбе и оставляя в неизменности потенциальную угрозу своим границам. Эдуард I был настроен решительно и намеревался покончить с этой печальной традицией.

Король четко понимал, чего он хотел. Захваченные им валлийские

замки — скажем, Долвиделан или Криссиэт — не очень-то подходили для его целей. Они были сравнительно невелики и предназначались исключительно для обороны, а вовсе не для доминирования над окружающими территориями. Многие находились далеко от моря, что затрудняло снабжение. Их нельзя было использовать в качестве баз для больших армий или для защиты окрестных торговых поселений. Точно так же были бесполезны для Эдуарда I замки лордов марки — Кардиган, Кармартен, Кидвелли, поскольку они стояли на землях, давно освоенных этими лордами, вдалеке от мест проживания недовольного валлийского населения.

Нет, новые замки следовало разместить на стратегически важных участках, а их планировка должна была учитывать опыт строительства лучших крепостей Святой земли и Франции. Для возведения замков король нанял старого знакомого — величайшего специалиста того времени савояра Жака де Сен-Жоржа д'Эсперанша, чье имя англичане моментально переделали на свой лад и стали звать его Джеймс из Сент-Джорджа. Король встретил его в Италии на обратном пути из крестового похода, имел с ним долгую беседу и не забыл его. Мастер происходил из династии известных строителей, учился искусству каменной кладки у своего отца и провел юность, работая над крепостями для графов Савойских. Джеймс не был архитектором — скорее, каменщиком и военным инженером, специалистом по организации и управлению строительством. Он умел выполнять амбициозные проекты строго в соответствии с поставленными задачами. Король лично направлял мастера Джеймса, инструктируя его по поводу расположения башен и рвов, выбора типа и цвета используемых камня и дерева, и даже советуя, где желательнее разместить уборные.

Первыми замками, которые Эдуард I приказал заложить в 1277 году, стали Ридлан и Флинт на северной границе с Англией, Билт на южной границе и Аберистуит на западном побережье. Возводить эти потрясающие сооружения приходилось практически вручную, с применением минимума механизмов и лишь в течение семи месяцев каждого года — начиная с апреля и кончая ноябрем, пока позволяла погода и пока земля не сковывалась морозами.

Средневековая стройка выглядела весьма неприглядно — там стоял непрерывный грохот, вокруг была грязь, в воздухе висел тяжелый неприятный запах. Местность вокруг коренным образом преображалась: вырубались леса, выравнивался ландшафт, в окрестностях появлялись каменоломни. Эти шрамы на поверхности земли оставались надолго, поскольку никакого экологического законодательства и никакого

представления о рекультивации тогда, естественно, не существовало.

К стройплощадке тянулись бесконечные вереницы телег с огромными бревнами и камнями. По вновь построенным дорогам сновали бесчисленные ремесленники и рабочие. Вокруг лагерей вырастали кучи мусора и горы земли, выброшенной из ям под фундамент, рвов и канав, которые отрывались для защиты строительной площадки от внезапных нападений.

*

Для сооружения громадных замков требовалось соответствующее количество рабочих. Так, к середине августа 1277 года в Ридлане и Флинте собралось 1845 землекопов, 790 пильщиков и 320 каменщиков. И даже при такой численности возведение каждого замка занимало не один год. Квалифицированная работа и в те времена стоила дорого: к примеру, цена обработки камня могла достигать до полпенни за каждый камень. Мастер каменщиков зарабатывал 7,5 шиллинга в день, его помощник — три шиллинга в неделю. Плотник получал шиллинг восемь пенсов в неделю, рабочий в каменоломне — шиллинг. Штукатурам еженедельно платилось девять пенсов, жалованье водоноса составляло семь пенсов. Вроде бы немного, но с учетом масштаба строительства по всему Уэльсу итог оказался весьма внушительным.

Редко когда необходимые ресурсы находились рядом со стройкой. Так, камень для замка Билт привозили из Кьюсопа и Клиффорда-он-Уай за 30 километров. Известняк для обжига в известь поступал из Талгарта, расположенного в 25 километрах. Его грузили на повозки, запряженные волами, шесть километров везли до Лисуэна, а оттуда по Уаю на баржах до замка. Также известняк добывали в Хэе и Радноре — за 30 километров от места назначения. Путь свинца был еще длиннее — 70 километров из Шелва или 140 из Молда. Землекопов нанимали в Линкольншире, Йоркшире, Норфолке и Саффолке. Лесорубы шли из Западного Мидлендса. Каменщики и плотники — из Сомерсета, Девона и Лестера. Кузнецы и каменоломщики — из Бристоля. Без преувеличения, вся Англия работала над грандиозным королевским планом.

Несмотря на то что проекты всех замков в основном разрабатывал один человек — мастер Джеймс из Сент-Джорджа, пусть и направляемый жесткой королевской волей, — они не копировали друг друга. План каждой крепости был сугубо индивидуальным, созданным применительно к

особенностям того места, где предстояло ее строить. Например, Ридлан мог похвастаться уникальным *кипом*, или цитаделью, имевшим в плане форму ромба. Помимо этого, строителям пришлось изрядно повозиться, чтобы немного подкорректировать русло реки Клуйд для обеспечения лучшей защиты замка.

Отдельно стоящая за пределами замковых стен круглая главная башня Флинта напоминала сторожевую башню Тур-де-Констанс в знаменитом порту крестоносцев Эг-Морт. Помимо того, что обе они располагались очень нестандартно — фактически, вне территории замка, у них было схожим и внутреннее устройство, которое представляло собой как бы два цилиндрических строения, вложенных одно в другое. Билт, обошедшийся казне в сравнительно скромные 1666 фунтов из-за того, что возводился на месте уже существовавшего замка, имел целых две главные башни — по одной во внешнем и внутреннем дворах.

Не стоит думать, что все архитектурные детали подчинялись исключительно военной необходимости. Во внутреннем дворе Ридлана, к примеру, был разбит сад для королевы Элеоноры Кастильской с лавочками для отдыха и красивым прудом, где плавали рыбы.

Одновременно с замками Эдуард I приказал строить укрепленные торговые города, организованные по типу бастид^{75}. Отличительной особенностью их планировки были прямые улицы, расходящиеся от центра, роль которого играл замок. Главным, хотя и не единственным, предназначением этих городов было снабжение гарнизонов провиантом, одеждой и необходимыми материалами. Туда привлекались переселенцы из Англии, которых заманивали земельными пожалованиями и особыми привилегиями. Этим поселениям предоставлялись королевские хартии, приравнивающие их к свободным боро со всеми вытекающими отсюда прерогативами. Мэры назначали городских констеблей, жители ежегодно избирали бейлифов, на землях округов дозволялись вырубка леса и охота. Жителям разрешалось основание торговых гильдий, у них был свой собственный суд, в решения которого не мог вмешиваться шериф графства. Король даровал обитателям укрепленных городков право на устройство рынков и ярмарок, освобождал на определенный срок их товары от пошлин и налогов.

Эдуард I не видел никаких достоинств в архаичных валлийских обычаях, которые позволяли все преступления искупать денежным штрафом и практически не делали различий между законными детьми и бастардами при разделе наследства. Поэтому король велел распространить действие англо-нормандского права на контролируемые англичанами части

Уэльса, особенно в области земельных отношений. Ведь он имел дело, в отличие от отца, не с фактически независимой страной, а с завоеванным военной силой княжеством.

*

Эдуард I пребывал в полном восторге от своей победы над Ливелином. Ему хотелось закрепить ее каким-то символическим жестом, который остался бы в памяти потомков на века. И он нашел, как это сделать.

Королевская семья праздновала Пасху 17 апреля 1278 года в аббатстве Гластонбери и почтила своим вниманием прах короля Артура, будто бы захороненного здесь. Это был замечательно продуманный конец стремительной и эффективной военной кампании, который вплел миф о легендарном короле в ткань истории английской королевской династии. Монах Адам из Дамерэма стал свидетелем визита Эдуарда I к священной могиле:

«В следующий вторник владыка король со всем двором был в монастыре, а вечером приказал открыть могилу славного короля Артура. Там в двух гробах, украшенных изображениями и гербами, были найдены кости короля удивительной толщины и королевы Гвиневеры удивительной красоты, лежавшие отдельно. Венец на изображении королевы был надет на нее, в то время как венец короля упал и видны были отсеченное левое ухо и раны, от которых он умер. Также на них [гробах. — В. У.] были найдены надписи.

На следующее утро, а именно в среду, господин король взял кости короля, а королева — кости королевы. Они завернули их в богатую ткань, уложили в их гробы, привесили свои печати и приказали немедленно перезахоронить их перед главным алтарем, оставив головы для всеобщего обозрения из-за почитания народного, и сделать надпись такого рода: „На сем месте захоронены кости благороднейшего короля Артура в тысяча двести семьдесят восьмом году от рождества Господа нашего, в 13 день до майских календ Эдуардом славным королем Англии в присутствии находившихся здесь блистательной Элеоноры, супруги упомянутого владыки короля и дочери владыки Фернандо короля Испании, магистра Уильяма Мидлтонского епископа Нориджского, магистра Томаса де Бека архидиакона Дорсетского и хранителя гардероба вышеупомянутого владыки короля господина Генри де Лейси графа Линкольнского, господина Амедео графа Савойского^[76] и многих других английских магнатов“»^[65].

Легенда о том, что в древней обители покоились останки Артура, существовала и прежде, но именно Эдуард придал почитанию легендарного короля характер культа. В 30-х годах XVI века гробницу посетил поэт и антиквар Джон Лиланд, прозванный отцом английского краеведения и библиографии. Он оставил ее краткое описание: из черного мрамора, с двумя львами на каждом конце и изображением Артура у подножия. До нашего времени гробница не сохранилась, поскольку была уничтожена по приказу короля Генри VIII Тюдора во время кампании по секуляризации монастырей^{77}.

Традицию почитания Артура, активно продвигаемую Эдуардом I, с охотой поддержали многие его приближенные. Наиболее яркой демонстрацией приверженности этой идее стал Круглый стол, организованный сэром Роджером де Мортимером Уигморским. Возможно, друг и соратник короля сам был неравнодушен к артуриане. Но вполне вероятно также, что он желал подчеркнуть свое родство с Артуром, поскольку в его жилах текла кровь валлийских королей — матерью сэра Роджера была Голадус или Глэдис Темная, дочь Ливелина ап Иорверта Великого.

Мортимер пригласил в Кенилуортский замок короля и королеву, сто рыцарей и сто дам и устроил великолепный турнир, на котором сам стал победителем, выиграв драгоценный приз — золотого льва. На этом приобретения хозяина праздника не кончились — невестка Эдуарда Бланка д'Артуа подарила ему несколько бочонков, в которых, как все поначалу думали, было вино. Однако когда их вскрыли, то выяснилось, что они заполнены золотом. Король посвятил трех сыновей Мортимера — Ральфа, Эдмунда и Роджера — в рыцари. Пирьы шли непрерывной чередой, и только спустя четыре дня гости разъехались восвояси.

*

Разгромив и усмирив единственного опасного соседа, Эдуард I уделил некоторое время делам семейным, которые у него всегда тесно переплетались с политикой. Король Германии Рудольф I Габсбург, находившийся в серьезном конфликте с Филиппом I графом Савойским из-за пограничных земель, попросил Эдуарда I выступить посредником в улаживании ссоры. Он предложил женить своего сына Хартмана на старшей дочери Эдуарда, хотя Джоанне Акрской, родившейся во время крестового похода, исполнилось тогда всего шесть лет. Девочка жила во

Франции, так как еще в младенческом возрасте была отдана на попечение бабушки, Жанны графини де Понтье, вдовы короля Фернандо III Кастильского.

Далеко идущий план Рудольфа I состоял в том, чтобы возродить Арелатское (Бургундское) королевство и передать его во владение молодой паре. Эдуард I в принципе не возражал против такого союза, но переговоры по частным вопросам, касающимся брака, включая размер приданого, затянулись. С английской стороны вести их было поручено братьям Грандисонам: Отто принимал германских послов в Англии, а Уильям отправился в Германию. Впрочем, заглядывая вперед, заметим, что этому матримониальному плану не суждено было реализоваться, поскольку Хартман утонул три года спустя, когда его лодка наскочила на скалу во время густого тумана на Рейне.

В том же 1278 году начались и переговоры с Яном I герцогом Брабантским. Эдуард I хотел выдать свою дочь Маргарет, которой тогда было три года, за наследника герцогства, которого звали, как и отца, Яном. Впрочем, заключить брак планировалось обеими сторонами не ранее 1290 года. Резоны английского короля были вполне понятными. Через главный брабантский порт Антверпен шли значительные объемы английской шерсти. Конечно, крупнейшим покупателем оставалась соседняя Фландрия, но граф Фландрский был вассалом короля Франции, и его вассальные обязательства постоянно входили в противоречие с торговыми интересами фламандских купцов, тесно связанных с Англией.

Брачные прожекты составляли лишь малую часть забот Эдуарда I. Он продолжал последовательно проводить в жизнь намеченную им программу правовых реформ, опираясь на таланты и энергию своего канцлера Роберта Бёрнелла. В августе 1278 года парламент был ознакомлен с Глостерским статутом, который вводил новую систему выездных судов по расследованию нарушений королевских прав. Статут обязывал по получению приказа *quo warranto*^{78} всех владельцев иммунитетов^{79} обосновать их правомерность перед королевскими судьями. Те, кто игнорировал разбирательство, лишались своих привилегий, поскольку король твердо решил прекратить неразбериху и не допускать существования каких-либо судебных иммунитетов, помимо тех, что были бы законно оформлены и подотчетны короне. Ведь под действие мелких и крупных иммунитетов фактически подпадала половина сотен Англии, что крайне затрудняло работу шерифов. Королевские слуги постоянно наталкивались на противодействие местных землевладельцев, которые считали, что чиновники вмешиваются в сферу деятельности их бейлифов.

По стране вновь отправились королевские уполномоченные. Они тщательно расследовали, кто и какой землей владеет, какую службу за нее несет, а также собирали подробную информацию о том, какая часть земли находилась собственно в домене у лордов, а какая — у свободных арендаторов и у вилланов.

Сказать, что бароны были недовольны Глостерским статутом — значит, не сказать ничего. Они были до глубины души возмущены таким посягательством на их, как им казалось, древние права. Раздражение было всеобщим, затрагивавшим всех членов баронских семей.

Когда король собрал парламент, то вечером предстали пред ним сыновья магнатов, и он спросил:

— О чем говорите вы меж собой, пока мы совещаемся с вашими отцами?

И ответил один из них:

— Не вызову ли я ваше недовольство, если скажу правду?

И сказал король:

— Конечно, нет.

— Господин мой король, мы говорим так:

«Богатства наши хочет взять король,

Маноры — королеве дать изволь.

И *quo warranto*, дьявольский приказ,

Вот-вот заставит это сделать нас»^[66].

Самые отчаянные вставали на защиту своих прав с оружием в руках, как это сделал ближайший королевский сподвижник Джон де Уоррен граф Саррейский: «Вскоре король послал своих судей в земли некоторых магнатов с приказом *quo warranto*, желая знать, на каком основании они держат свои земли. Если серьезных оснований, закрепленных хартиями, не оказывалось, упомянутые земли тотчас реквизировались. И среди прочих явились королевские судьи к графу Уоррену и потребовали обосновать его право держать свои земли. Обнажив до половины старый, покрытый ржавчиной меч, он заявил: „Вот, господа, мое обоснование. Мои предки прибыли с Гийомом Бастардом и завоевали эти земли своим мечом. И этим же мечом я смогу защитить их от любого, кто захочет их забрать. Даже сам король не завоюет или захватит эти земли, ибо предки мои были [королевскими] соратниками и помощниками“»^[67].

Вопрос о держаниях, история которых уходила «в незапамятные времена» — а фактически, к 1189 году, когда пришлые нормандцы сломали саксонскую систему землевладения, — был чрезвычайно сложен. В частности, довод графа Саррейского о том, что он и его предки с давних времен владели землями в Райгейте и в других местах Сарри, был благосклонно принят судом. Но как бы то ни было, приказы *quo warranto* заставили владельцев крупных и мелких держаний четко осознать тот факт, что своим положением они обязаны только покровительству короля.

*

На осенней сессии парламента произошло событие, которое прошло незамеченным, но впоследствии оказалось тем камешком, который вызвал лавинообразное ухудшение отношений с Шотландией. А выглядело все вполне невинно: король Эдуард I принял оммаж от короля Александра III. Шотландские хронисты с пеной у рта доказывали, что пресловутый оммаж касался только английских владений шотландского короля — Тайндейла и Пенрита. Однако английские хронисты не менее яростно отстаивали другую позицию — по их мнению, клятва феодальной верности была принесена за всю Шотландию.

Авторитетный регистр Данфермлинского аббатства дал подробный отчет об этом событии: «В год Господа нашего 1278, в день Святых апостолов Симона и Иуды, в Вестминстере Александр король шотландцев принес оммаж Эдуарду королю Англии, сыну короля Генри, в следующих словах: „Я становлюсь вашим человеком за земли, которые я держу от вас в королевстве Англия — за которые я обязан вам оммажем, но не за мое королевство“»^[68]. Так что истина в этом жарком споре, по всей видимости, была все-таки на стороне шотландцев.

Но это все было после, а пока в стране царил относительное спокойствие, и даже повсеместное недовольство магнатов приказами *quo warranto* не вылилось в смуту. Поэтому Эдуард I счел возможным совершить короткое путешествие на континент. Поводом послужила смерть его тещи Хуаны, вдовствующей королевы Кастилии. От нее супруге Эдуарда I досталось кое-какое наследство: Элеонора Кастильская получила во владение графство Понтье. Королевская чета прибыла в Амьен, где новоявленная графиня принесла королю Франции оммаж за свое графство.

Эдуард I также встретился с Филиппом III, чтобы попытаться сдвинуть с мертвой точки выполнение Парижского договора 1259 года. И ему это

удалось: короли подписали очередной, теперь Амьенский договор. По его условиям французский король, наконец, возвращал английскому королю Ажене и Сентонж. Сеньоры указанных в соглашении земель должным образом принесли Эдуарду I оммаж в доминиканском соборе Нотр-Дам-д'Ажен. В подвешенном состоянии остался лишь вопрос с Керси, поскольку одновременно с английским королем на провинцию претендовал Шарль д'Анжу. Со своей стороны Эдуард I отказался от прав на три епископства — Лимож, Перигё и Каор. Поскольку права эти были весьма и весьма иллюзорными, то в целом Амьенский договор можно считать победой английской дипломатии. Эдуард возвратился в Англию в прекрасном расположении духа. С собой он привез несколько прекрасных кусков яшмы, которые приказал использовать для отделки отцовской могилы в Вестминстерском аббатстве.

Но на родине его приподнятое настроение быстро испарилось, и виной тому стало ухудшение отношений с церковью. Эдуард I всегда был благочестивым и набожным человеком — он участвовал в крестовом походе, почитал Святой престол, покровительствовал монастырям и церквям, регулярно совершал паломничества, никогда не скупился на дары святым. Король неукоснительно посещал службы, и если у него не было возможности отправиться с утра в часовню, то он обязательно компенсировал свой проступок внеочередной раздачей милостыни. По его распоряжению казначейство кормило неимущих. Верховный податель милостыни, которым в то время был некий монах Ральф, по церковным праздникам щедро раздавал подаяние, и ежегодное количество благодетельствованных королем превышало 10 тысяч человек.

Но, хоть Эдуард I небезосновательно считал себя защитником церкви, он ясно видел несовместимость принципа верховенства королевской власти и практики постоянного вмешательства прелатов в светские дела. Рост церковного богатства и расширение иммунитетов, главенство папы в европейских делах были теми проблемами, которыми он не мог позволить себе пренебрегать. Король понимал, что наиболее эффективным и при этом самым неконфликтным способом противостоять клерикальным претензиям могло бы стать поддержание добрых личных контактов непосредственно с носителями высшего сана в церковной иерархии. Он пытался ладить и с папами, и с архиепископами Кентерберийскими — предстоятелями Англии. С наместниками Святого Петра ему это до поры до времени удавалось, однако после избрания Николая III, крайне озабоченного укреплением папской власти, прежних доверительных отношений с Римом установить никак не удавалось.

С Робертом Килуордби, архиепископом Кентерберийским, у короля серьезных разногласий не было. Именно поэтому Николай III в 1278 году добился назначения Килуордби кардиналом-епископом Порто и Руфины — епархии, расположенной недалеко от Рима. Нельзя сказать, чтобы новая епархия и новый сан были привлекательнее или почетнее, чем Кентербери. Но папу волновало совсем другое — он желал удалить из Англии прелата, имевшего несчастье разделять многие из убеждений Эдуарда I и активно сопротивлявшегося сбору папской десятины, узаконенному Вторым Лионским собором 1274 года.

Король все еще надеялся сделать архиепископом Кентерберийским своего друга и канцлера Роберта Бёрнелла, ныне пребывавшего в сане епископа Батского и Уэллзского. В этом случае светское и духовное начала в управлении страной сосуществовали бы в полной гармонии и согласии. Даже кентерберийские монахи на этот раз не возражали, но подобное назначение совершенно не соответствовало политике папы. Поэтому все аргументы болонского юриста Франческо Аккурси, отстаивавшего перед Святым престолом выбор Эдуарда I, были оставлены без внимания.

*

Вместо Роберта Бёрнелла папа Николай III прислал в Англию бывшего провинциального министра францисканского ордена Джона Печема (или Пекема, как иногда писалось его имя). Новый архиепископ Кентерберийский был известным богословом и пользовался авторитетом в Париже, Оксфорде и Риме. Однажды он даже вступил в диспут с великим доминиканцем Томазо (Фомой) Аквинским, защищая ортодоксальные догматы веры от еретических тенденций, в которых францисканцы и доминиканцы традиционно обвиняли друг друга.

При всех своих несомненных талантах Печем отличался высокомерностью, доходящей до придиричивости требовательностью и, как ни прискорбно, бестактностью. Он не сильно жаловал своего соперника епископа Батского и Уэллзского, поэтому пользовался любым предлогом, чтобы его очернить. Печем писал про недруга предшественнику Роберту Килуордби: «И при дворе у него есть шпионы, и в особенности торговцы из Лукки со своими сторонниками, каковые больше заботятся о защите и прикрытии упомянутого епископа, чем о собственных душах... На неделе ко мне явилась в Мортлейк некая женщина по имени Джулиана, которая свидетельствовала о делах епископских. Поклявшись на Святом Евангелии,

что не возводит лжи или напраслины, она объявила, что родила упомянутому прелату пятерых детей, в настоящее время живых... Чуть не забыл передать, что при дворе некие благочестивые англичане обвиняли передо мной упомянутого епископа в убийствах, ростовщичестве, симонии и других подобных грехах, в которых он погряз»^[69].

Роберт Бёрнелл с негодованием отмел все обвинения, предъявляемые ему архиепископом Кентерберийским, и заявил, что это не более чем происки врагов. Король и сам не придавал никакого значения наветам, поскольку они выглядели совершенно неубедительными и явно надуманными. Кроме того, речь шла о судьбе его друга, ближайшего советника и выдающегося государственного деятеля. Обвинитель же, еще ничем не отличившись на высоком посту, стал противопоставлять себя королю и вообще вести себя крайне враждебно.

Малейшее лицемерие было чуждо Джону Печему. Он был искренне убежден, что светский суд не нужен в принципе и его необходимо повсеместно заменить судом церковным. Архиепископ Кентерберийский очень строго соблюдал все монашеские обеты, облачался в поношенную одежду, часто постился, постоянно налагал на себя суровые епитимьи. Он считал, что и другие клирики должны вести себя так же. Печем насаждал среди английского духовенства жесткую дисциплину и полагал, что именно на нем лежит божественная миссия искоренить коррупцию и злоупотребления в церкви, особенно среди духовенства, которое разбогатело на плюрализме.

Надо заметить, что понятие «плюрализм» в те времена не подразумевало под собой многообразия политических, экономических и культурных форм и взглядов. Оно означало всего лишь владение более чем одним доходным бенефицием. А в Англии действительно порой встречались возмутительные случаи. Например, Бого де Клэр, брат Гилберта Рыжего графа Глостерского, получал доходы без малого с тридцати церковных должностей в тринадцати епархиях, но не исполнял при этом ни одной из налагаемых ими обязанностей и даже не был рукоположен в священнический сан. Вустерский хронист, разделяя всеобщую ненависть к Бого, писал: «Достойна ли была похвалы его жизнь — то Господь знает. Ибо никто не подумал бы ему подражать»^[70].

Едва приехав в Англию, Джон Печем собрал в Рединге 29 июля 1279 года церковный совет, который одобрил новые меры против плюрализма и вмешательства в церковную жизнь со стороны светских магнатов. Архиепископ Кентерберийский утверждал, что сам папа приказал ему

избавить королевство от зла плюрализма и грозил отлучением любому, кто осмелился бы вмешаться в дела церкви или нарушить пункты Великой хартии вольностей, касавшихся клириков.

При всей своей набожности Эдуард I был реалистом и крайне нуждался в таком инструменте, как плюрализм. Он позволял королю награждать за счет церкви своих слуг — предоставление бенефиций служило испытанным и порой единственным способом поощрения. Церковными доходами пользовались не только такие малоприятные типы, как Бого, но и люди, работавшие на благо страны. В частности, Генри де Брей, королевский уполномоченный по выморочному имуществу к югу от Трента, получал доход от должностей в четырех епархиях южного Уэльса, но священником не был и демонстративно являлся на церковные мероприятия в светской одежде. Камергер казначейства Адам Страттон владел двадцатью тремя бенефициями, а королевский клерк Джеффри Асполл — пятнадцатью.

По этому пункту Эдуард I и Джон Печем договориться не могли никак. Вторым камнем преткновения служил вопрос разделения юрисдикций королевских и церковных судов. Эта извечная проблема столетием ранее бесповоротно испортила отношения Генри II и Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Печем часто выражал королю свое неудовлетворение по поводу нежелания королевских слуг применять санкции к тем людям, которых он отлучал от церкви. Эдуарда I, в свою очередь, возмущало слишком мягкое отношение церковных судов к провинившимся клирикам в отличие от мирян, которых они карали по всей строгости.

Столь непримиримые позиции привели к яростным спорам на парламенте в ноябре 1279 года. Эдуард I сделал ответный ход на решения церковного совета в Рединге. Он предложил парламенту принять статут «О мертвой руке», запрещающий передачу или дарение любых светских землевладений церкви без разрешения короля или феодального владельца этой земли. Этот был жестокий удар, ибо все, что попадало во владение святых отцов, как правило оставалось у них навечно. Ведь церковь являлась корпорацией и, следовательно, не могла умереть, а ее имущество — оказаться выморочным. По той же причине она не платила рельефов^{80}, над ее владениями было невозможно установить опеку.

При поддержке магнатов Эдуард I также заставил Джона Печема отменить все инспирированные архиепископом Кентерберийским постановления, касавшиеся светских дел, в том числе требования вывесить во всех английских соборах и церквах копии Великой хартии вольностей и

строго придерживаться гарантированных ею церковных свобод. Пришлось Печему снять и наложенные им многочисленные отлучения.

*

Три важнейших статута — Первый Вестминстерский, Глостерский и «О мертвой руке» положили начало грандиозной законодательной деятельности Эдуарда I, за которую он впоследствии получил прозвище «Английский Юстиниан». Так назвал короля величайший юрист елизаветинской эпохи сэра Эдуард Кук. Правда, в отличие от византийского императора, английский король не пытался кодифицировать законы и отстраивать новое здание юриспруденции на основе римского права, отринув бессистемное наследие англосаксонских, датских и нормандских времен. Он лишь оперативно исправлял те недостатки правовой системы, которые наиболее нуждались в коррекции. Основными его орудиями были статуты, которые даже не были стандартизированы по форме и писались то на латыни, то на старофранцузском.

Но английской правовой системе на самом деле не помешала бы серьезная кодификация. Она была крайне запутанной, противоречивой и неуклюжей. Судов разного типа в королевстве действовало великое множество. Их юрисдикции в каких-то аспектах пересекались и конкурировали между собой. От англосаксонского прошлого были унаследованы местные суды приходов, боро, сотен и графств, которые отнюдь не мирно соседствовали с нормандским приобретением — феодальными судами местных лордов. В редких случаях местная юрисдикция могла быть даже выше королевской — как, например, в палатинате князя-епископа Даремского. Свой суд отправляло казначейство. Собственную юрисдикцию, да к тому же весьма расплывчато очерченную, имела церковь.

Королевское правосудие отправлялось в парламенте, Суде королевской скамьи и Суде общих тяжб. Но оно распространялось лишь на 270 английских сотен, а в 358 торжествовало манориальное правосудие. Чтобы хоть как-то исправить положение и не дать стране распасться на множество мелких самоуправляемых образований, королевские судьи регулярно организовывали выездные сессии и создавали специализированные комиссии — такие как комиссия по очистке тюрем или *оуе и термине*^{81}.

Представление Эдуарда I о том, какой должна быть система судопроизводства, к этому моменту сформировалось достаточно четко. Он,

несомненно, был знаком с работами Генри де Брактона — величайшего средневекового юриста, который считал: «Король не должен подчиняться человеку, но только Богу и закону, поскольку закон делает короля. Посему пусть он возложит на закон то, чем закон облакает его — а именно, господство и власть. Ибо тот не король, кто правит согласно своим желанием, а не по закону. Все должно делаться по закону, хотя он (король. — В. У.) и является викарием Божиим... Таким образом, власть короля не должна быть безграничной»^[71].

В целом Эдуард I разделял взгляды Брактона и считал, что справедливость должна торжествовать повсюду, хотя и проявлял порой нетерпимость к формальностям судопроизводства. Но в то же время он полагал, что поставлен выше законов и обычаев страны. Такое убеждение проистекало вовсе не из высокомерия или стремления к автократии: король был убежден, что должен защищать интересы общества в том случае, когда они вступали в противоречие с установленными порядками. И, следовательно, первейший долг монарха и перед Богом, и перед своим народом заключался в твердом отстаивании королевских привилегий.

Мелочей для Эдуарда I тут не существовало. Интересы короны в судах защищали особые адвокаты — приставы, и первыми из нам известных были Уильям Бонвилский, Уильям Гислемский и Гилберт Торнтонский. Вникали они не только в крупные судебные дела, но вели совершенно, казалось бы, пустячные расследования. Вот что гласило, к примеру, посланное констеблю Бристольского замка предписание: «Для королевской надобности, по праву и древней привилегии короля, должно предоставить по два морских угря с каждой лодки, доставившей на продажу свежих угрей в королевский город Бристоль, по восемь хеков с каждой лодки, доставившей свежих хеков, по восемь пикш с каждого судна, доставившего свежую пикшу, по восемь камбал с судна, доставившего свежую камбалу, и по четыре ската с каждого судна, доставившего свежих скатов. А если кто забудет свою верность королю и воздержится от выплат... то господин наш король назначил возлюбленных и верных Ральфа Хенгемского и Николаса Стэплтонского, чтобы они задавали под присягой вопросы честным и законопослушным людям Бристоля и узнавали правду о тех, кто лишил короля рыбы — какого количества, какого сорта и каким образом»^[72].

Эдуард I твердо держался установленной им правовой концепции, и судьи в большинстве случаев не боялись отстаивать перед ним свою точку зрения, руководствуясь буквой закона. Так, лорд верховный судья Ральф де Хенгем в присутствии короля сделал как-то выговор своим подчиненным,

которые поддержали королевский приказ о вызове в суд, где было неточно сформулировано обвинение. Король признал правоту Хенгема, однако тут же ехидно добавил: «Я не могу поспорить с вашими доводами, но клянусь кровью Христовой, что вы не выйдете отсюда до тех пор, пока не предоставите мне правильный приказ»^[73].

*

Реформу законодательства Эдуард I не надеялся завершить быстро, справедливо предполагая, что она растянется не на одно десятилетие. Точно так же он готовился к нелегкой работе по упорядочению финансов, от хронического дефицита которых давно страдало королевство. Начал король с самых неотложных мер. В 1279 году он приказал перечеканить монеты, чтобы заменить ими деньги, выпущенные при его предшественниках.

Игнорировать проблему обесценивания монет долее было невозможно. Вот что писал в своей хронике Мэтью Парижский: «К этому времени английские монеты настолько ужасно обесценились из-за гнусных обрезывателей и фальшивомонетчиков, что ни местные жители, ни иностранцы не могли смотреть на них невозмутимым взглядом и со спокойным сердцем»^[74].

Процесс был совершенно естественным, он шел в полном соответствии с неизвестным тогда законом Грешема: «Хорошие деньги вытесняются плохими». И хотя формально этот постулат еще не сформулировали, о чем-то подобном догадывались уже древние греки:

Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде
Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
С крепким, правильным чеканом, с пробой верной, золотой
Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены^[82].

Полновесные монеты в Англии постепенно исчезали из оборота. Как результат росли цены — в том числе на продукты первой необходимости, такие как зерно и мясо. Народная молва не замедлила во всем обвинить евреев. Августинец из Оснийского аббатства Томас Уайкс писал: «Наш

владыка, пресветлый король Англии ясно видит, что наши монеты [обесценены] английскими евреями (которым, как было сказано выше, запрещалось получать доход от ростовщичества) недопустимой обрезкой как если бы полным уничтожением. Таким образом многие из них весили лишь половину от положенного»^[75].

Король и его советники разделяли мнение народа. Собравшись в Виндзоре и обсудив ситуацию, они решили тщательно проверить всех евреев, ювелиров и работников монетных дворов, ибо именно на них падали основные подозрения в обрезке монет и их незаконном сбыте. Постановление совета было исполнено — насколько это оказалось возможным. Специальная комиссия заслушала обвинения и вынесла свой вердикт, определивший меру наказания преступникам. В ходе последовавшей далее жестокой расправы было казнено 19 евреев, хотя слухи увеличили это количество почти до трех сотен человек. Виновным в выпуске денег с повышенным содержанием в сплаве меди признали также королевского чеканщика Филиппа де Камбио. Он был повешен по приговору суда.

Эдуард I приказал приступить к чеканке новых монет. Процесс против ростовщиков и ювелиров, сопровождавшийся конфискациями, принес некоторое количество золота и серебра, достаточное для того, чтобы на первом этапе обеспечить монетные дворы драгоценными металлами. Король рассчитывал получить больше, но по факту удалось реквизировать около 11 тысяч фунтов.

Смотрителем нового монетного двора Эдуард I назначил Грегори Роксли, лорд-мэра лондона и ювелира по профессии. Производственные помещения были построены под защитой стен лондонского Тауэра, закуплено оборудование, изготовлены штампы. В марте 1279 года к работе приступили два опытных чеканщика монет из Марселя — братья Гийом и Пьер де Турнемиры.

Помимо главного Лондонского монетного двора в королевстве работали также дворы в Кентербери, Дареме, Бери-Сент-Эдмундсе, Бристоле, Линкольне, Йорке, Ньюкасле-апон-Тайне и Честере. Значительная часть мастеров нанималась на континенте. Правда, большинство монетных дворов проработало только до лета 1281 года, после чего они были закрыты, остались только Лондонский и Кентерберийский.

Первое время монеты чеканились из металлов, изъятых в ходе реквизиций у евреев и ювелиров, а также приобретенных на заем от итальянских банкиров — всего на сумму в 20 300 фунтов стерлингов.

Постепенно люди стали сами приносить старые деньги и обменивать их на новые. Помимо серебряных пенни и фартингов достоинством в $\frac{1}{4}$ пенни, имевших хождение и прежде, чеканились полпенни и гроуты достоинством в 4 пенса. Опытные мастера усовершенствовали производственную технологию — теперь монеты отрезались от серебряного стержня, а не выбивались из листа.

Без учета работы провинциальных монетных дворов с апреля 1279-го по июль 1290 года только в Лондоне и Кентербери было выпущено примерно на 400 тысяч фунтов стерлингов монет из отечественных слитков и где-то на 470 тысяч фунтов — из импортных. Новые деньги пользовались бешеной популярностью по всей Европе — в одной лишь Франции к концу 1280-х годов их обращалось не менее чем на 50 тысяч фунтов стерлингов.

Эдуард I не только обеспечил королевство надежной и стабильной валютой, чеканка новых монет принесла ощутимую пользу королевской казне, которая получала доход с каждого фунта серебра, отправленного на монетный двор. Отчасти это было покрытие производственных затрат, отчасти — плата, традиционно причитавшаяся сеньору, имевшему привилегию чеканить монету. В 1279 году доход Эдуарда I по этим статьям составил 19 пенсов с фунта, и таким образом к концу 1281 года только Лондонский монетный двор принес королю 18 219 фунтов стерлингов.

*

Полгода минуло с тех пор, как Джон Печем, архиепископ Кентерберийский, был вынужден смирить свою гордыню и укротить реформаторский пыл, столкнувшись с решительным противодействием Эдуарда I, которого поддержали лорды королевства. Но это не означало, что прелат окончательно сдался. Нет, он просто ждал удобного момента, чтобы снова ринуться в бой за права и свободы церкви. И скоро предлог для повторной атаки на светскую власть нашелся — поводом стали свободные королевские часовни. Так именовались приходы, которые не подпадали под юрисдикцию того епископа, в чьей епархии они находились, поскольку подчинялись непосредственно королю. Самым важным из них для Эдуарда I был приход лондонской коллегиальной церкви Сент-Мартинс-Ле-Гранд.

Печем отказывался признавать право на существование каких-либо исключений. Проводя инспекцию Ковентрийской и Личфилдской епархии, он демонстративно игнорировал королевские прерогативы и пытался силой

ворваться в часовни и церкви свободных приходов. Клирики каждый раз пытались помешать ему войти, за что он пачками предавал их анафеме. Остановить настырного архиепископа могла только вооруженная стража.

Вернувшись из поездки, возмущенный прелат в апреле 1280 года написал королю резкое письмо: «Тяжким грузом легло на меня сознание того, что вы, храни вас Господь, столь ревностно защищаете беззаконие Преисподней, да простит вас Господь. И сир, при всем к вам моем почтении, совершенно недопустимо, что вы отдали приказ, чтобы вышеуказанные часовни удерживались против меня силой, вооруженными людьми»^[76].

В долгу архиепископ оставаться не привык. В отместку он приложил все силы к тому, чтобы папа воспрепятствовал передаче вакантной Уинчестерской епархии Роберту Бёрнеллу, которого Печем ненавидел столь же сильно, сколь любил Эдуард I. Николай III с готовностью повторил демарш двухлетней давности и аннулировал сделанное королем представление. Эдуард I не стал драматизировать ситуацию и доводить ее до открытого конфликта: помимо препирательств с закусившим удила архиепископом у него на тот момент были куда более важные политические проблемы.

Одной из них король был обязан своей любимой тетке Маргарите Прованской, вдовствующей королеве Франции, которая решила отобрать у Шарля д'Анжу свои прованские владения. Путем сложных интриг Маргарита сколотила разношерстный союз магнатов под названием «Маконская лига», при поддержке которого надеялась защитить свои претензии силой оружия. В эту лигу она хотела затянуть Эдуарда I и его брата Эдмунда графа Ланкастерского.

Эдуард I писал ей 20 сентября 1280 года: «Моей дражайшей госпоже и тете, мадам Маргарите, Божьей милостью королеве Франции, Эдуард, той же милостью король Англии, шлет приветствия и искреннюю любовь. Мадам, то дело, по которому вы посылали ко мне, за которое принесли оммаж королю Германии и в котором король Сицилии не признал ваших прав, нимало не движется к разрешению, хотя мы на это надеялись. По сему поводу вы просили нашей помощи. Знайте, госпожа, что мы приняли решение помочь вам, и сделаем мы это с большой охотой. И поскольку вы посылали к нам, прося сообщить, какую именно помощь мы вам окажем, то мы сообщаем вам, мадам, что мы поможем вам нашими людьми таким образом, чтобы вы считали себя полностью удовлетворенной»^[77].

Эдуард I не имел ни малейшего желания вмешиваться в далекую от

него континентальную свару, от которой ни ему лично, ни его королевству не было никакого проку. И все же отвернуться от этого королю было бы непросто хотя бы из чувства признательности. Ведь Маргарита постоянно принимала сторону Эдуарда в спорах со своим сыном Филиппом III Смелым и как могла отстаивала необходимость тесного союза между Францией и Англией, испытывая глубокую привязанность к своей сестре Элеоноре Прованской и племяннику. Несмотря на робкие попытки увильнуть от решительных действий с помощью уклончивых обещаний, Эдуарду I пришлось бы в конце концов прийти на помощь Маргарите. К счастью, она сама отказалась от мысли снаряжать экспедицию в защиту своих прав и удовлетворилась денежной компенсацией от Шарля д'Анжу.

*

В отличие от Прованса, Ирландия была пусть и отдаленной, пусть и трудноуправляемой, но все-таки частью королевства Эдуарда I. Когда король получил от обосновавшихся там англо-нормандских лордов петицию, в которой содержалась просьба распространить на удерживаемые ими территории английское законодательство в полном объеме, он поначалу воспринял было духом. Тем более, что за поддержку петиции лорды и находившиеся под их властью ирландские общины готовы были внести в королевскую казну немалую сумму в качестве добровольного пожертвования.

Эдуард I собрал совет и обсудил со своими приближенными просьбу ирландских магнатов. Некоторые советники высказали опасения, что насильственное подчинение кланов английскому законодательству может вызвать обострение вражды между лордами и местными вождями. Королевский ответ, адресованный Роберту де Аффорду, юстициарию Ирландии, гласил: «Раз люди Ирландии предложили восемь тысяч марок при условии, что мы даруем им законы Англии, которые будут использоваться в вышеупомянутой стране, то мы желаем, чтобы вы знали следующее. Поскольку законы, которые ныне в ходу у ирландцев, противны Господу и несовместимы ни с каким правосудием, то серьезно обсудив и взвешенно обдумав этот вопрос в нашем совете, мы с нашими советниками нашли вполне целесообразным дать им английские законы. Однако же мы сделаем это с тем условием, что по указанному вопросу будет достигнуто общее согласие нашего народа или, по крайней мере, прелатов и аристократов этой страны, к нам весьма расположенных»^[78].

По требованию короля в Ирландии было созвано некое подобие ассамблеи, в задачи которой входило выяснение отношения ирландской властной верхушки к законодательной реформе. Но вожди ирландских кланов смогли своими возражениями напрочь разрушить единодушные собрания, а такая разногласия противоречила королевским указаниям. Вторично же инициаторам обращения к английскому королю собрать такую ассамблею не удалось.

В общем, на западе у Эдуарда I ничего путного не получилось. На юге же произошла небольшая катастрофа. Штормом и береговой эрозией был частично уничтожен Уинчелси — важный порт на побережье Ла-Манша. Он представлял собой богатый город, насчитывавший около 700 домов, две церкви, более 50 гостиниц и таверн. Туда приходили торговые суда не только из других английских портов, но также из Испании, Гаскони, Нормандии и Фландрии. Через Уинчелси шел экспорт древесины, дубовой коры и шерсти. Заморские купцы везли сюда вино, металл, соль, рыбу. Король приказал немедленно начать строительство нового города, но подальше от берега и на прочном скальном основании.

Затем туман королевского невезения переместился на восток страны. Октябрь 1281 года был отмечен новой вспышкой активности архиепископа Кентерберийского. Джон Печем созвал провинциальный совет в Ламбете, где поставил вопрос о том, чтобы вывести из-под юрисдикции светских судов все иски, касающиеся бенефиций и личного имущества священнослужителей. Эдуард I выступил резко против решений ламбетского совета, и архиепископ Кентерберийский вновь не смог ему противостоять, поскольку в рядах духовенства не было согласия. Неуступчивость и дотошность в церковных делах, авторитарные методы управления, присущие Печему, раздражали не только короля, но и многих прелатов, которые считали, что архиепископ превышает свои полномочия, распоряжаясь в их епархиях как в своих собственных.

Пожалуй, это стало последним крупным столкновением между королем Англии и архиепископом Кентерберийским. Поначалу отношение Эдуарда I к Джону Печему было резко отрицательным и весьма точно иллюстрировалось аллегорией, изображенной на королевской печати, где был выгравирован мученический конец святого Томаса Бекета, убитого по наущению Генри II Короткой Мантии.

К счастью, и светский, и духовный владыки Англии, имея упрямые и властные характеры, обладали достаточным запасом дипломатичности. Эдуард I уважал ученость Джона Печема и вел себя с ним более гибко, чем Генри II. В свою очередь, Печем действовал намного менее фанатично, чем

Бекет. Король считал, что худой мир лучше доброй ссоры. С одной стороны, он жестко противостоял атакам примаса на королевскую власть, но с другой — искал пути к примирению. Он знал, что Джон Печем должен итальянским банкирам Риккарди немалую сумму и погасил четверть долга, что составило тысячу фунтов. Естественно, после этого архиепископ вряд ли мог позволить себе продолжать бескомпромиссную борьбу с королем за высокие идеалы.

Глава вторая. Покорение Гуинета

За неделю до Пасхи 1282 года, в ночь на Вербное воскресенье Давид, брат Ливелина ап Грифита, тепло принятый при английском дворе, объявился в замке Харден. Это была сильная крепость, над которой возвышалась мощная 12-метровая главная башня, стоящая на вершине холма. Валлийцы по-своему называли ее Пенарлаг. Замок, находившийся на полпути от Честера во Флинт, служил резиденцией Роджеру де Клиффорду, давнему соратнику Эдуарда I, представлявшему в Флинтшире королевское правосудие. Визит Давида не был неожиданностью для Роджера — собственно, он сам и пригласил валлийца вместе встретить праздник Пасхи. Однако глухой ночью Давид во главе своей вооруженной свиты подло напал на мирно спавших обитателей замка. Гарнизон был перебит, а Роджер де Клиффорд тяжело ранен. Это был не пасхальный визит, а акт начала Второй войны за независимость Уэльса.

В тот же день, 22 марта, нападению подвергся Освестри. Два дня спустя обманом был взят Аберистуит, а его констебль попал в плен — ничего не подозревая, он отправился ужинать с Грифитом ап Маредитом, где и был схвачен прямо за трапезой. 26 марта валлийцы взяли замки Каррег-Кеннен и Ландовери. Мятеж моментально охватил весь Уэльс, попавшие в руки восставших королевские слуги превратились в заложников. Небольшие гарнизоны, размещенные в замках, не могли сопротивляться толпам осаждавших, и все английские форпосты, за исключением самых укрепленных, пали после молниеносных штурмов. Англичан хладнокровно убивали повсюду, вплоть до Билта и Кардигана, их церкви и фермы сжигали. Мир, заключенный Эдуардом I в Ридлане, перестал существовать практически в одночасье, и страну вновь охватили хаос и насилие.

Первое крупное сражение произошло 17 июня 1282 года. Армия Гилберта Рыжего графа Глостерского, насчитывавшая 1600 пехотинцев и 100 латников, была отправлена Эдуардом I для наведения порядка в Южном Уэльсе. Вместо этого она попала в засаду возле монастыря Ландейло-Ваур на востоке Кармартеншира и была наголову разбита мятежниками. В кровавой схватке погиб сын Гийома де Валанса Гийом-младший. Граф Глостерский поспешно отступил к Кармартену. Как только король получил известие о поражении английской армии, он тут же отстранил Рыжего графа от командования и поставил на его место

жаждущего мести Гийома де Валанса.

Почему зачинщиком войны на этот раз выступил Давид, пригретый и обласканный королем Англии, понять нетрудно. Он был крайне недоволен тем, как его покровитель распорядился валлийскими землями после победы над Ливелином. Хотя ему достались Хоуп и кантревы Дифрин-Клуйд и Ривониог, значительная часть наследственных владений к Давиду не вернулась. Точно такие же побудительные мотивы двигали и многими другими представителями валлийской знати, не оценившими в достаточной степени благодарность Эдуарда I. Так, Грифит ап Маредит жаловался, что потерял половину своих земель, несмотря на то, что сражался в Кардигане за короля и сам оплачивал войско. Лишь трое из князей Уэльса не присоединились к мятежу и оказались исключением среди валлийских вождей — это были старший брат Ливелина Оуэн Рыжий, Грифит ап Гвенвинвин из Поуиса и Рис ап Маредит из Маура.

Невозможно представить, чтобы в восстании такого масштаба не участвовал самый могущественный из князей Уэльса. Вполне вероятно, что именно им оно и было инспирировано. Хотя сам Ливелин ап Грифит уверял, что ничего не знал о готовящемся мятеже, у него были весомые причины спровоцировать бунт. Князь Гуинета затаил на Эдуарда I глубокую обиду, несмотря на то, что английский король принял его при дворе и разрешил жениться на Элеоноре де Монфор. Статус заурядного вассала короны никак не устраивал властолюбивого правителя. С того самого момента, когда его достоинство было так страшно унижено, он исподволь, постепенно, используя все доступные способы, восстанавливал свой рухнувший престиж среди валлийских вождей. Ливелин добился оммажа от князя Трахаэрна ап Мадога из Брекона, а также влиятельных южных магнатов Риса Вихана, Грифита и Кинана ап Маредита ап Оуэна.

Ливелин никогда не любил англичан, и его раздражение новыми порядками нарастало с каждым днем. Ему категорически не нравилось настойчивое стремление Эдуарда I упразднить обычаи Уэльса и принудить свободолюбивых валлийцев следовать английским законам. Каждое административное нововведение воспринималось Ливелином как очередное оскорбление. А столкновение двух антагонистических юридических систем происходило постоянно. Примеров тому было предостаточно. Взять хотя бы сложный процесс между Ливелином и Грифитом ап Гвенвинвином князем Поуис-Венвинвина из-за Арвистли — кантрева к юго-востоку от Гуинета. Ливелин настаивал, что суд должен придерживаться законов Уэльса, хотя древний кодекс Хивела ап Кадала Доброго — жившего в X веке короля Дехейбарта — даже сами валлийцы

считали архаичным и устаревшим. Грифит же требовал, чтобы спор судили по английским законам Уэльской марки, лордом которой он являлся. Эдуард I поддержал Грифита и безапелляционно заявил, что королевский суд не может руководствоваться варварскими законами.

Другой случай, также непосредственно уязвивший Ливелина, касался права на обломки кораблекрушения. У побережья Гуинета потерпел крушение корабль, принадлежавший некоему торговцу Роберту из Лестера. Как властитель прибрежных земель, Ливелин ап Грифит наложил руку на товары, выброшенные морем. Но Роберт обратился к королю и получил предписание, в котором юстициарию Честера приказывалось возместить купцу убытки за счет валлийского князя. Некоторое время спустя люди Ливелина прибыли в Честер для покупки меда. Они были схвачены, а все находившееся при них имущество, включая лошадей, конфисковано в погашение иска.

Споры из-за участка земли с неясной принадлежностью или обломков судна, как и другие схожие судебные коллизии, рождали призывы к сохранению валлийских законов и обычаев, в одночасье ставших символами национальной идентичности. Ливелин и Давид вместе со своими присными усердно распространяли по Уэльсу слухи, что английский король собирается не просто уничтожить древние законы Хивела Доброго, но искоренить сам валлийский дух. Таким образом, Эдуард I столкнулся с совершенно иной мотивацией у своих противников. В Первую войну за независимость он просто-напросто приводил в повиновение своенравного соседа и непокорного вассала. Теперь же, во Второй войне, ему противостояли люди, защищавшие свои национальные корни, попробовавшие на вкус английское правосудие и не оценившие его.

Примирить противоборствующие тенденции вряд ли было возможно на практике — тут не помогли бы ни согласительные комиссии, ни труды ученых юристов по приведению валлийских законов в соответствие с требованиями времени. И Эдуард I, и Джон Печем в данном случае имели абсолютно одинаковый взгляд на этот вопрос. Оба они считали обычаи Уэльса варварскими, неразумными и прямо противоречащими библейскому учению.

*

Известие о восстании застало Эдуарда I в небольшом уилтширском городке Дивайзис. Король спешно отрядил гонцов к Джону Печему

архиепископу Кентерберийскому и Уильяму Уикуэйну архиепископу Йоркскому с просьбой отлучить мятежников от церкви за измену. Сам же он немедля начал собирать армию. Король был прекрасно знаком с условиями предстоящих боевых действий, поэтому предпочтение отдавалось профессиональным наемникам-контрактникам, а не феодальному ополчению. В горах Уэльса тяжеловооруженная рыцарская конница доказала свою низкую эффективность. Королю требовались хобелары, лучники и арбалетчики, пехота. А главное, ему были крайне необходимы мастера, дровосеки, возчики и чернорабочие, чтобы строить дороги и форты.

Для содержания армии и ведения строительных работ Эдуард I срочно нуждался в деньгах. Доходов от рент, феодальных сборов и таможенных пошлин на эти цели явно не хватало. Поэтому король послал помощника канцлера Джона Кёрби в объезд английских графств, с тем чтобы просить отдельных магнатов и города о пожертвованиях. Он писал им: «За любезные субсидии, которые вы нам обещали на текущую экспедицию в Уэльс — о чем нас устно уведомил наш клерк Джон Кёрби, которого мы послали к вам по этому поводу с верительными грамотами, — мы вам чрезвычайно благодарны и с помощью Господа возместим их в надлежащее время»^[79]. Всего Эдуард I умудрился собрать 16 535 фунтов, причем четыре тысячи фунтов из них он выжал из Лондона. Субсидии плюс щитовой налог плюс займы у итальянских банкиров — все эти меры позволили собрать большое и дисциплинированное войско, в основном наемное.

План вторжения, разработанный королем, по сути повторял прежний, доказавший свою эффективность в 1277 году. Сбор был назначен в Вустере, затем армия маршем прошла в Честер и оттуда вторглась в Флинтшир и Денбишир. Войска и саперы работали в тесном взаимодействии, пробивая дороги через Уэльс и создавая опорные пункты по пути своего следования. До конца июля 1282 года Эдуард I снял осаду с замков Флинт и Ридлан, державшихся против отрядов Ливелина с весны. Пять Портов и Лондон опять предоставили в распоряжение короля 40 кораблей. Лорды марки снова были призваны, чтобы вести операции со своими отрядами на юге.

Основная часть валлийской армии отступила в Сноудонию^[83]. Эдуард I послал Реджиналда лорда Грея Уилтонского и Джона де Уоррена графа Саррейского из Ридлана по долине Клуйда в глубокий рейд на Средний Уэльс. Король был настроен решительно и не собирался повторять прежней ошибки. Самое щедрое предложение, которое он мог бы сделать

Ливелину ап Грифиту, состояло в обмене Сноудонии на какое-нибудь богатое английское графство — и то лишь потому, что король был уверен в отказе.

Действительно, Ливелин с негодованием отказался даже обсуждать возможность такого обмена, поскольку потерю легендарной Сноудонии нельзя было компенсировать ничем. Валлийский историк XII века Гиральд Камбрийский писал о ней: «Эрари находится в Северном Уэльсе, по-английски ее называют Сноудонией, имея в виду Снежную гору. Она столь обширна и богата пастбищами, что если бы все стада со всего Уэльса собрали в одно, то эти пастбища долгое время давали бы им пропитание»^[80]. Кроме того, передача Сноудонии англичанам разрушила бы территориальную целостность Гуинета, являвшегося признанным центром валлийского сопротивления и национальной самобытности.

Пока основные силы английской армии методично пробивались вдоль побережья на запад, часть войска под командованием бывшего сенешаля Гаскони Люка де Тани на нескольких судах была переправлена на Англси. Ему потребовался месяц, чтобы очистить остров от сторонников Ливелина. К середине октября он завершил строительство гигантской переправы через пролив Менаи, отделявший Англси от Уэльса. Понтонный мост покоился на сорока лодках, изготовленных по специальному заказу плотниками Честера. В решающий момент Люк де Тани должен был перейти через него и ударить в тыл врага — по городку Пенмайнмаур.

В Центральном Уэльсе дела также шли на лад. В том же октябре Генри де Лейси граф Линкольнский взял Денби, Реджиналд де Грей захватил Ратин, а Джон де Уоррен граф Саррейский привел под руку короля Бромфилд и коммот Йал. Армия Эдуарда I прошла вдоль северного побережья до Конви, куда король перенес из Ридлана свою резиденцию, желая быть поближе к Сноудонии. Туда к нему в конце октября прибыл архиепископ Джон Печем.

Почтенный прелат собирался выступить посредником между Эдуардом I и Ливелином ап Грифитом, чтобы прекратить войну и уладить дело миром, предоставив валлийцам почетные условия капитуляции. Однако ни Ливелин, ни его брат Давид не желали идти даже на малейшие уступки, возлагая всю вину за вооруженный конфликт исключительно на жестокость английского правления. Тогда разочарованный архиепископ Кентерберийский заявил, что раньше относился к валлийцам как к заблудшим овцам, но теперь видит — они произошли от троянцев, друзей прелюбодея Париса. Именно этим, по его мнению, объяснялась ущербность валлийских законов, особенно когда дело касалось

законнорожденности и брака. Высказавшись таким образом в адрес коренных жителей Уэльса, он отлучил от церкви персонально Ливелина и вернулся в свою епархию.

*

После отъезда архиепископа судьба нанесла Эдуарду I два тяжелых удара. В конце октября умер от болезни самый могущественный лорд Уэльской марки Роджер де Мортимер Уигморский. Король высоко ценил своего соратника, несмотря на то, что тот позволял себе непростительные вольности — частенько превышал свои полномочия, затевал политические интриги с валлийскими вождями и вел себя слишком независимо в управлении приграничными землями.

Второй бедой стало обидное поражение одной из английских армий. В ноябре 1282 года войско под командованием Люка де Тани, не дождавшись королевского приказа, в нетерпении переправилось из Англси по мосту через Менаи и на пути к Бангору было атаковано во фланг превосходящими силами валлийцев. Что там произошло, в точности неизвестно. По самой распространенной версии, беспорядочно отступавшие англичане бросились обратно на мост. Лодки не выдержали тяжести большого количества людей и затонули вместе с теми, кто успел забежать на понтоны. Погиб сам Люк де Тани, а с ним как минимум 16 рыцарей. Избежать гибели удалось только Уильяму Латимеру и Отто де Грандисону, коням которых хватило сил вынести их из воды.

Таких потерь было недостаточно, чтобы заставить английского короля отступить от цели, и Эдуард I был полон решимости продолжать кампанию до победы. Однако удар все-таки был ощутимым, и король перенес свою штаб-квартиру в Ридлан. Армия испытывала нехватку конницы и пехоты — срок обязательной феодальной службы у ополчения, составлявшего некоторую часть армии, закончился. Эдуард I приказал рекрутировать подкрепления по английским графствам, а также нанять пятнадцать сотен всадников и профессиональных арбалетчиков в Гаскони.

Острее всего чувствовалась стесненность в средствах — для продолжения войны требовались деньги. Король решил созвать две ассамблеи своих подданных, чтобы получить их согласие на введение дополнительных налогов. В ноябре он направил приказ Уильяму де Доинджу, шерифу Норфолка и Саффолка: «Поскольку Ливелин, сын Грифита, и его сообщники, прочие валлийцы, для нас враги и мятежники,

которые столь часто в наше время и во времена наших предшественников, королей Англии, нарушали мир в нашем королевстве... мы приказываем и строго предписываем вам собрать в Нортхемптоне на восьмой день после святого Илария^[84]... всех из вашего округа, кто годен и может держать оружие из владеющих землей стоимостью 20 фунтов, и кто не участвует с нами в нашей Уэльской экспедиции. Также по четыре рыцаря от каждого указанного графства, наделенных полной властью действовать от лица общин этих графств. Также от каждого города, боро или торгового городка двух человек, уполномоченных своими общинами — чтобы слушать и делать то, что мы со своей стороны считаем необходимым разъяснить им»^[81].

Точно такие же приказы, но только с местом встречи в Йорке, получили шерифы остальных английских графств. Оба собрания проголосовали за то, чтобы разрешить королю сбор налога в 13 процентов. От него освобождались только те, кто принимал личное и активное участие в боевых действиях. Благодаря налогу и собранным помощником казначея Джоном Кёрби средствам королевская казна пополнилась на 55 358 фунтов.

В отличие от мирян священнослужители отказались помочь Эдуарду I. Требование о выплате в течение трех лет податей в размере двадцатой части имущества не встретило понимания с их стороны. Кентерберийская епархия выдвинула встречное предложение, в котором настаивала на сокращении срока до двух лет, а Йоркская епархия заявила, что начнет выплаты только в 1286 году. Королю пришлось изыскивать другие источники дохода. От продажи Эдмунду графу Корнуоллскому опекунства над наследником Болдуина Уэйка он выручил семь тысяч марок, а сэр Джон де Бозн Мидхёрстский выложил еще 2500 марок за опекунство над наследником Джона Маршала, маршала Ирландии.

В марте 1283 года Эдуард I распорядился конфисковать хранившуюся в монастырях и церквях десятину, выделенную на планируемый крестовый поход. Это оказалась солидная сумма — около 40 тысяч фунтов. Впрочем, истратить ее король не успел. После яростного протеста прелатов ему пришлось вернуть почти все деньги, так и лежавшие в тех же мешках, в которых их реквизировали, с нетронутыми печатями.

*

Англичане продолжали сражаться, невзирая на наступившие холода.

Они сжимали кольцо вокруг Сноудонии все сильнее, и в декабре Ливелин, опасаясь голода и не желая умереть как крыса, загнанная в ловушку, сделал отчаянную попытку вырваться из окружения. У реки Ирфон, неподалеку от Билта в Центральном Уэльсе, он был остановлен английскими войсками под командованием сэра Роджера Лестрейнджа Эллсмерского, сэра Джона Гиффарда и сэра Эдмунда де Мортимера Уигморского. Ливелин занял удобную позицию на холме, а единственный Оревинский мост через реку приказал охранять сильному передовому отряду. Сам князь покинул армию и отправился на встречу с местными вождями в надежде усилить их отрядами свое войско.

11 декабря 1282 года сэр Эдмунд де Мортимер начал любовую атаку на мост, в то время как остальные войска переправились через реку по броду, указанному местным жителем Уолвином, и атаковали защитников моста с тыла. Несмотря на мужественное сопротивление, передовой заслон валлийцев был уничтожен. Затем лучники Гиффарда расстроили боевые порядки основных сил неприятеля, а кавалерия довершила разгром. Ливелин, услышав шум битвы, поспешил вернуться, но было уже поздно. Последний князь Уэльса пал, пронзенный копьем простого шропширца Стивена из Франктона.

Уже бездыханное тело было обезглавлено, а затем захоронено в цистерцианском аббатстве Кум-Хир. Голову гонец доставил Эдуарду I вместе с письмом от сэра Роджера Лестрейнджа: «Благороднейшему сеньору Эдуарду, божьей милостью королю Англии, сеньору Ирландии и герцогу Гиеньскому Роджер Лестрейндж шлет привет, выражает почтение и глубокое уважение. Да будет вам известно, сир, что ваши добрые люди, которых вы отдали под мою команду, сразились с Ливелином сыном Грифита в области Билт в пятницу после праздника святого Николая, и этот Ливелин сын Грифита был убит, а его люди разгромлены, цвет их войска мертв. Подробности вам расскажет гонец, доставивший это письмо»^[82].

Вспомнив пророчество Мерлина, воодушевлявшее Ливелина на борьбу с Англией, король приказал пронести по улицам столицы голову Ливелина, увенчанную серебряным обручем, подразумевающим диадему Брута, и затем выставить на стене лондонского Тауэра, насадив на копье. Смерть Ливелина стала решающим ударом по независимости Уэльса — он был последним князем, способным объединить страну и оказать достойное сопротивление англичанам. Потомки так и прозвали его — Ливелин Последний. Глубокая скорбь объяла всех валлийцев, мечтавших о величии своей страны. Бард Грифит аб ир Инад Кох в элегии, посвященной гибели Ливелина Последнего, написал горькие строки:

Сердце заледенело в груди от скорби
По королю — дубовой двери Аберфрау^{[85][83]}.

Некоторое время валлийцы продолжали безнадежное сопротивление под руководством Давида ап Грифита, скрываясь в горах. Давид отправил к Эдуарду I послом своего пленника Роджера де Клиффорда с запоздалым предложением мира, однако король отказался вести переговоры на эту тему, и Клиффорду пришлось вернуться в плен.

Король привел в Конви из Ридлана свежую армию, и 18 января англичане вошли в замок Долвиделан — важный стратегический пункт Сноудонии. Похоже было, что командир гарнизона сдал его англичанам без сопротивления, по ранее достигнутой договоренности. Затем войска двинулись к Харлеху. Отряды Роджера Лестрейнджа из Монтгомери и Гийома де Валанса из Аберистуита сошлись у единственного остававшегося в руках валлийцев замка. Это был Кагель-и-Бере, возведенный на скалистом холме над долиной Дисинни в 1220-х годах Ливелином Великим, дедом Ливелина Последнего. 25 апреля 1283 года после десятидневной осады крепость пала.

Давид пустился в бега, но долго скрываться ему не удалось. В июне он был предан соотечественниками и схвачен прямо в своем укрытии среди бесплодных холмов Кадайр-Идриса. Это название в переводе с валлийского означает «кресло Идриса» — по всей видимости, имеется в виду Идрис ап Гуитно, древний князь Мерионета. Но Давид не сумел усидеть в кресле великого предка. Он был доставлен сначала в Ридлан, а затем в Шрусбери на суд парламента.

Эдуард I отказался встречаться с человеком, который его предал, посмеявшись над королевским гостеприимством и покровительством. В октябре 1283 года парламент постановил, что Давид должен быть протасен лошадьми по улицам Шрусбери за измену королю, повешен за убийства, выпотрошен за пролитую на Страстной неделе кровь и четвертован за участие в заговоре против жизни короля. Жестокий приговор привел в исполнение палач по имени Джеффри из Шрусбери, который получил за свою работу ровно один фунт стерлингов. После казни голова валлийского князя была выставлена в лондонском Тауэре рядом с головой его брата Ливелина, а прочие части тела были отправлены в Нортхемптон, Честер, Уинчестер и Йорк, причем два последних города яростно оспаривали право завладеть правой рукой преступника.

Что касается потомства мятежных князей, то с ним было приказано обойтись так: «Эдуард, Божьей милостью король Англии и прочим возлюбленным во Христе приору и приорессе Элвинемским^[86], и всей общине вашей — привет. Если мы обратимся к прошедшим событиям и более внимательно рассмотрим измены некоторых персон, мы вряд ли будем обязаны оказывать помощь детям Ливелина сына Грифита, бывшего князя Уэльса, и его брата Давида, чье вероломство еще свежо в памяти всех. Тем не менее, имея страх перед Богом и сострадание к их полу и возрасту, чтобы невинные и неосознающие случайно не заплатили за преступления нечестивых — мы, из соображений милосердия, сочли, что стоит некоторым образом позаботиться о них. А посему, будучи убежденными в вашей преданности и особенно учитывая образ жизни, принятый в вашем ордене, мы просим вас принять в свой орден и впустить в свой дом одного или нескольких детей упомянутых Ливелина и его брата Давида, которых мы назовем вам. Подумайте, что вы можете сделать, и пришлите нам ответ до грядущего праздника Рождества Христова. Скреплено нашей личной печатью в Ладлоу, девятого дня ноября, в год нашего царствования 11-й»^[84].

Ответа, которого требовал от приора и приорессы король, до нас не дошло. Но, по всей вероятности, орден святого Гилберта, к которому принадлежало приорство, взял на себя заботу о сиротах. Гвенлиан, дочь Ливелина, в 1318 году была монахиней в Семпринеме, а Голадус, дочь Давида, умерла также монахиней в Сиксхиллзе в 1336 году. С сыновьями Давида обошлись гораздо строже. Они были приговорены к пожизненному заключению в Бристольском замке, где и скончались — старший, Ливелин в 1287 году, а младший, Оуэн — в 1325-м.

*

Поскольку король Эдуард принципиально не посещал заседания парламента, на которых обсуждалась судьба Давида ап Грифита, то он много времени проводил в шропширском маноре Роберта Бёрнелла, расположенном неподалеку от Шрусбери. Там король и его канцлер работали над очередным статутом «О торговцах», получившим также по имени манора название Актон-Бёрнеллского статута. Закон гласил: «Поскольку торговцы, до сего момента ссужавшие свои товары в долг разным лицам, разорвались, ибо не было скорого закона, обеспечивавшего

возможность вернуть долги в назначенный для их уплаты день, из-за чего многие торговцы отказывались ехать в наше королевство со своими товарами к ущербу как для купцов, так и всего королевства, — король и его совет предписали и постановили, что торговец, желающий быть уверенным в получении долга, должен заставить должника предстать перед мэром Лондона, Йорка или Бристоля, или перед мэром и клерком, специально назначенным для этой цели королем, для признания долга и срока его уплаты... И если должник не заплатит до дня, поставленного ему пределом... мэр должен немедленно приказать продать движимое имущество должника»^[85].

Если движимого имущества должника и арендуемой им собственности оказывалось недостаточно для уплаты долга, то ответчика следовало арестовать и посадить в городскую тюрьму, где держать на хлебе и воде, пока друзья не найдут способ освободить его. Согласно статуту, начальник тюрьмы нес полную ответственность за заключенного. А если по прошествии трех месяцев должнику не удавалось реализовать свое имущество для удовлетворения кредитора, то к последнему переходило право не только на все движимое имущество, но и на землю должника. 12 октября 1283 года Актон-Бёрнеллский статут был принят парламентом.

Эдуарду I пришлось отвлечься на решение насущного вопроса, прямо связанного со стимулированием торговли и, следовательно, с увеличением доходов казны, но подчинение Уэльса следовало безотлагательно оформить юридически. Перед королем стояла непростая дилемма. С одной стороны, он понимал, что жесткое навязывание горцам английской правовой системы с большой степенью вероятности вновь спровоцирует восстание — был бы повод, а вожди найдутся. С другой — как просвещенный монарх и христианин, Эдуард не мог оставить в действии старинные обычаи Гуинета.

В результате попыток примирить непримиримое вместе со своими советниками он создал некое смешанное англо-валлийское законодательство. Народу завоеванного княжества было сохранено ровно столько привычных порядков, сколько было необходимо для поддержания мира. А именно — по большей части валлийским осталось гражданское право с его неприемлемой для Англии особенностью наследования, при котором все сыновья получали равные доли имущества, с компургацией^[87] и с местной системой урегулирования вопросов по долгам и поручительствам. Но уголовное уложение, в сферу которого входили государственная измена и такие тяжелые преступления, как изнасилования

и убийства, вводилось англо-нормандское.

Эдуард I пересмотрел и политический статус Уэльса. Ранее эти земли были владениями местных князей, находившихся в вассальной зависимости от английского короля. Теперь же они включались в королевский домен^[88]. Эдуард I разделил оплот валлийской независимости Гуинет на три графства — Карнарвон, Англси и Мерионет. Еще одно графство — Флинтшир — он составил из Четырех кантревов. Остальные лены Ливелина были включены в Кармартеншир и Кардиганшир. Территориальное деление внутри графств осталось прежним: кантревы и коммоты. В каждом графстве вводились должности шерифов, коронеров и бейлифов, суды должны были собираться ежемесячно. Юридическую систему покоренного княжества возглавил юстициарий Северного Уэльса; на эту должность король назначил Отто де Грандисона. В неприкосновенности остались лишь владения лордов марки.

Все эти изменения были закреплены новым статутом, который Эдуард I подписал в марте 1284 года в замке Ридлан. В его вступительной части говорилось: «Согласно Божественной воле мы желаем, чтобы наше вышеупомянутое владение Сноудон и другие наши владения в этих землях, как и все те, что подчиняются нашей власти, управлялись должным образом, к чести и хвале Господа и Святой Церкви и торжеству правосудия. Люди и жители тех земель, которые полностью подчинились нашей воле и которых мы таким образом приняли, должны быть защищены нашим миром в соответствии с установленными законами и обычаями»^[86].

Статут, подобно большинству законов Эдуарда I, не был посвящен лишь одной проблеме, но касался и других насущных вопросов государственного управления. Помимо разрешения чисто валлийских дел, он декларировал создание особых списков, в которые вносились невозвратные долги короне. Кроме того, статут определял, как действовать в отношении тех, кто погасил свои долги, и у кого в подтверждение имелась расписка, по каким-либо причинам ранее не принятая казначейством. Такие расписки должны были передаваться шерифам для аннулирования задолженности. Все эти, казалось бы, разрозненные пункты стали ответом на наиболее частые жалобы в адрес королевских слуг, которые порой пытались взыскать один и тот же долг дважды.

Имея перед глазами печальный опыт двух войн за независимость Уэльса, Эдуард I хотел быть уверенным, что эта область больше не поднимется против английской короны. Четырех цитаделей оказалось недостаточно, чтобы сломить мятежный дух валлийцев. Поэтому король приказал замкнуть кольцо крепостей вокруг всего Гуинета, возведя еще три замка — Конви, Карнарвон и Харлех. Эта система укреплений получила название «Железное кольцо Эдуарда».

Строительство замков началось весьма споро, однако довести до конца его удалось только спустя много лет, а Карнарвон так вообще не был полностью закончен. Фантазия архитектора снова делала циклопические замки совершенно не похожими друг на друга. В Харлехе нестандартно располагались жилые комнаты — в сдвоенной надвратной башне. Первый этаж был занят помещениями, предназначенными для ведения боевых действий, а второй отведен под жилище коменданта и командира гарнизона. Комфортабельные апартаменты третьего этажа ожидали высоких гостей — в них незазорно было остановиться даже королю. Еще одна замечательная особенность замка — «путь от моря», представлявший собой защищенную стеной лестницу длиной почти 60 метров, ведущую к подножию скалы, на которой возвышался Харлех. По этой лестнице с судов, причаливших к морскому побережью, доставлялись припасы во время осады.

Величайшая крепость Европы — Конви — вознесла свои восемь массивных башен на высоту 22 метра. Ее стены имели толщину 4,6 метра и протяженность 1280 метров. В отличие от прочих замков в плане Конви представлял собой прямоугольник. Здесь мастер Джеймс из Сент-Джорджа спроектировал роскошные покои для Эдуарда I и Элеоноры Кастильской.

Но больше всех других своих грозных детищ король любил Карнарвон. Замок строился по примеру Константинополя с его стенами, смыкающимися под острым углом. Башни из разноцветных камней сделали не круглыми, как в других крепостях Уэльса, а восьмиугольными.

Карнарвон был возведен на месте римского форта Сегонций. Согласно местным легендам, древний форт основал император Магн Максим, которого валлийцы называли Максен Вледиг и считали родоначальником своих князей. Во время строительства замка здесь были найдены крест и чьи-то останки. Их незамедлительно объявили костями другого римского императора, Констанция I Хлора. По крайней мере, так говорят хроники: «Констанций, отец Констанция Великого; он тут умер, и его гробница, как это явствует из надписи на каменном надгробии, все еще видна около города под названием Каэр-Сегойнт. На дороге вышеупомянутого города он

посеял три семени — золотое, серебряное и медное, чтобы в нем никогда не было ни одного бедного человека. Город также называют Минмантон»^[87].

Хронист несколько слухавил. Констанций Хлор действительно умер в Британии, но произошло это в Йорке, очень далеко от устья реки Сейонт, над которой высится Карнарвон. Тем не менее найденные останки были с надлежащим почетом захоронены в городской церкви. Бытовало в то время и другое поверье — что кости, дескать, принадлежали вовсе не Констанцию, а самому Магну Максиму. Но этот император был убит в Италии, а вовсе не на Британских островах.

Хроники стали источником еще одного мифа, оказавшегося настолько живучим, что его по сию пору принимают за истину. Он гласит, что весной 1284 года в Карнарвон приехала королева Элеонора и в своих апартаментах, расположенных в Орлиной башне, родила пятнадцатого ребенка. Надо сказать, у королевской четы к тому времени уже было шесть выживших детей: мальчик Альфонсо, а также пять девочек — Элеонора, Джоан, Маргарет, Мэри и Элизабет. Восемь других детей, в том числе первый и второй сыновья короля, умерли. Мальчика, появившегося на свет 25 апреля в Орлиной башне, назвали Эдуардом, а прозвище он традиционно получил по месту рождения — Карнарвонский. Ребенок родился на пару дней позже праздника святого Георгия, но королю это не помешало увидеть в таком совпадении дат символичность. Сам Эдуард I находился тогда в Ридлане, и радостную весть ему принес некий валлиец по имени Грифит Лойд. Посвятив гонца в рыцари и наградив его земельными владениями, радостный король помчался в Карнарвон.

Именно так о рождении будущего короля Эдуарда II повествуют хроники. Правда, в этом рассказе многое вызывает сомнение. К чему, спрашивается, королеве Элеоноре на последних неделях беременности нужно было покидать комфортабельный замок Ридлан, где все было сделано для ее удобства и где находился сам король? И зачем ей приспичило ехать в недостроенный Карнарвон, где в самом разгаре были строительные работы с неизбежно сопровождающими их вонью, грохотом, пылью и грязью? Не вернее ли будет предположить, что она так и оставалась до родов в уютном Ридлане?

Так или иначе, но местом, где увидел свет Эдуард II, официально считается Карнарвон. С этим связана еще одна изящная, но исторически недостоверная легенда, которую с удовольствием пересказывают и в наши дни. Король якобы пообещал валлийским вождям в обмен на подчинение поставить над ними правителя, родившегося в их стране и не говорившего

ни слова по-английски. Он не обманул валлийцев, даровав титул принца Уэльского своему новорожденному наследнику, который появился на свет в Карнарвоне и не умел говорить на английском — как, впрочем, и на любом другом языке. Именно с тех пор наследник трона традиционно получает титул принца Уэльского и расстаётся с ним при коронации.

Жаль, что и эта история имеет мало общего с реальностью. Наследником трона Эдуард Карнарвонский стал не при рождении, а в четырехмесячном возрасте — после того, как в августе 1284 года в Виндзоре умер его старший брат, десятилетний Альфонсо. А титул принца Уэльского Эдуард-младший вообще получил только в 1301 году.

Однако оставим легенды и вернемся к действительности. Первую валлийскую войну Эдуард I провел сравнительно экономно — она обошлась ему в 23 тысячи фунтов. Зато вторая оказалась дорогой непомерно — общие расходы составили около 100 тысяч фунтов. В обеих кампаниях значительная часть средств пошла на строительство замков, но во второй войне эта статья оказалась куда весомее: один только грандиозный Карнарвон потребовал 25 тысяч фунтов, а Конви — около 15 тысяч.

Для того чтобы как-то свести концы с концами, король задумал устроить ревизию всей финансовой системы государства. Он назначил на должность лорд-казначея самого способного из всех окружавших его финансистов — Джона Кёрби, помощника канцлера Бёрнелла. Новое назначение не вызвало удивления — Кёрби хорошо знали при дворе. Его считали болтливым и задиристым, но при этом справедливым и честным человеком с огромными способностями. Именно ему Эдуард I поручил это сложнейшее дело.

*

Своих соратников в двух войнах король наградил щедро. Джону де Уоррену графу Саррейскому он пожаловал замок Динас-Бран, маноры Бромфилд и Йал. Реджиналд де Грей получил замок Ратин и Дифрин-Клуйд. Генри де Лейси графу Линкольнскому достались кантревы Рос и Ривониог с коммотом Динмаел, образовавшие лордство Денбийское. Роджеру де Мортимеру, младшему сыну умершего лорда марки, были отданы земли Ливелина Вихана, а также Чёрк. Джон Гиффард Бримпсфилдский получил коммот Искеннен. Новых титулов эти земли своим владельцам не принесли, так как жаловались на правах обычного

феодалного лена. Именно таким образом был оформлен дар Реджиналду де Грею: «Держать так же полностью и свободно, как прочие соседние кантревы, вместе с конфискованным у людей в упомянутых кантревах и землях; нести за это службу как с трех рыцарских ленов, включая все виды службы, налоги и правопритязания»^[88].

Валлийцы, не изменившие оммажу, принесенному королю Англии, также не остались внакладе. Рису ап Маредиту перешли владения, ранее принадлежавшие повстанцам, в том числе кантревы Мабинион и Гуинионет. Грифит ап Гвенвинвин приумножил свои владения в Поуисе, а его сын Оуэн ап Грифит стал лордом Поуисским в Англии и с тех пор именовался Оуэном де Ла Поулом Уэлшпулским.

От покоренных валлийцев Эдуард I получил еще один фрагмент Истинного креста, которым до этого владели князя Гуинета. Обедал теперь король на серебряной посуде, изготовленной из содержимого сокровищницы Ливелина ап Грифита Последнего. Похоже, что именно в этот набор входил позолоченный серебряный потир, найденный при раскопках в Долгеллау в 1890 году. Также, по сведениям некоторых источников, Эдуарду I преподнесли корону, принадлежавшую когда-то самому королю Артуру.

На праздник святого Петра в оковах, который отмечался 1 августа 1284 года, Эдуард I провел грандиозный турнир в Невине — валлийском городке, расположенном на берегу Ирландского моря в 30 километрах к юго-западу от Карнарвона. Он сопровождался пышными торжествами и собрал множество английских рыцарей и представителей лучших европейских семей.

Осенью 1284 года король со свитой медленно двинулся из Уэльса по его южным землям через Кардиганшир и Гламорганшир. Рождество он отметил в Бристоле, устроив там грандиозный пир. Затем Эдуард I отправился в паломничество в Бери-Сент-Эдмундс и в канун Вознесения появился в Вестминстере — впервые за три последних года. На следующий день, в пятницу Эдуард вместе с королевой Элеонорой, магнатами королевства и четырнадцатью епископами участвовал в торжественном шествии, во главе которого архиепископ Джон Печем нес найденный в Карнарвоне крест.

Войны в Уэльсе ожидаемо оказали большое влияние на Англию. Огромная цена завоеваний требовала сопоставимых усилий по сохранению спокойствия дома. Эдуард I рос во время Второй баронской войны и видел прямую связь финансовых проблем казны с бунтами и восстаниями подданных его отца. Естественно, ему не хотелось повторять сей

печальный опыт.

В 1285 году король приказал лорд-казначее Джону Кёрби провести очередное масштабное расследование относительно долгов короне, просроченных повинностей и неуплаченной ренты. Собиралась также информация по статусу деревень — независимо от того, находились они в королевских руках или частных. Выяснялось, какие лены держатся рыцарями непосредственно от короны. Расследование получило название «розыски Кёрби».

Результаты не обрадовали ни Кёрби, ни Эдуарда I. Все доходы от королевских ферм, от таможи, судебные сборы, вакантные должности в аббатствах и приорствах, опекунов, возврат долгов и прочие доходные статьи приносили казне ежегодно примерно 26 тысяч фунтов. В то же время расходы значительно превышали эту сумму. Предпринятые Кёрби меры по оптимизации финансовой системы королевства при полной поддержке его шагов Эдуардом I позволили добиться положительного баланса казны, пусть и в краткосрочной перспективе. А сам король наконец-то нашел подходящий случай прижать лондонцев, к которым по-прежнему не испытывал никаких добрых чувств.

Политика Эдуарда I по отношению к непокорной столице носила весьма агрессивный характер. Древние городские привилегии и право на самоуправление прямо противоречили представлениям короля о самой сути королевской власти и ее предназначении, поэтому он ущемлял горожан где и как мог. К примеру, дал разрешение каноникам собора Святого Павла оградить церковный двор, в результате чего был перекрыт подход к площади, где стояли крест и кафедра для проповедей под открытым небом и где собирались народные сходы.

Поддерживаемый королем мэром Генри Ле Уэйлис основал новую тюрьму Тан и ввел наказание для пекарей, осужденных за мошенничество, в виде волочения по улицам города. Он также организовал продовольственный рынок, получивший название Стокс, а на свободных участках возвел дома, арендная плата от которых шла на поддержание в порядке Лондонского моста.

Все это спровоцировало крайнее неудовольствие зажиточных лондонцев. Они выбрали мэром своего человека, Грегори де Роксле, и город потрясла серия бунтов. Пресечь их должен был все тот же Кёрби, возглавивший специально созданную судебную комиссию. Бунтовщики были арестованы, а должность мэра вообще ликвидирована. Столица перешла под прямое королевское управление, хранителем города был назначен Ральф де Сандвич, продолживший политику Генри Ле Уэйлиса.

Иноземные торговцы, чья деятельность в Лондоне была до этого весьма затруднена, получили равные права с местными купцами, а лондонская юридическая система приведена в полное соответствие с той, что действовала на остальной территории страны.

*

После Актон-Бёрнеллского и Ридланского статутов новые законы посыпались на англичан как из рога изобилия. На сессии парламента 29 июня 1285 года был принят Второй Вестминстерский статут. Подобно Первому Вестминстерскому, это был обширный законодательный акт, в пятидесяти статьях которого рассматривались следующие вопросы: наследование и отчуждение земли, выделение вдовьей части, ложные обвинения в убийствах, уклонение богатых людей от участия в жюри присяжных. Правовые реформы, которые отражал этот статут, не просто облегчали решение земельных споров и заключение торговых соглашений для знати. Они затрагивали множество аспектов жизни общества от самых его верхов до самых низов.

Статут, как и большинство английских законов, базировался на конкретных прецедентах. Например, пункт, рассматривавший затягивание дел с помощью юридического крючкотворства, прямо запрещал использование ложных аргументов со стороны ответчика. Он был основан на деле Хенгстема против Кириоле, где судебный пристав ссылаясь на фальшивые записи и не был за это наказан, поскольку закон такого наказания не предусматривал. Похищение двух монахинь Осбертом Гиффардом лежало в основе положений, устанавливавших за подобный проступок кару в три года заключения плюс возмещение ущерба, а также других пунктов статута, определявших наказание за различные виды похищений людей в принципе. Тюремным заключением также карались бейлифы, злоупотреблявшие служебным положением, виновные в растратах и мошенничествах.

Осеннюю сессию парламента король 8 октября 1285 года ознакомил с Уинчестерским статутом, который совершил настоящую революцию в провинциальном судопроизводстве. В городках и деревнях уголовные преступники нередко умудрялись избегать правосудия, поскольку присяжные не желали осуждать своих земляков и старались защитить их от законной кары, особенно в тех случаях, когда пострадавшими оказывались люди пришлые. Статут требовал, чтобы местные общины брали на себя

полную ответственность за выявление злоумышленников. Если было совершено преступление, а злодей не найден, то наказание коллективно несла вся сотня. Сама по себе идея была не нова — Генри III безуспешно пытался ввести такой порядок. Однако тогда имевшие большую силу магнаты не дали довести реформу до конца, поскольку считали, что ее инспирировали савояры с неизвестными, но явно сомнительными целями. В отличие от отца Эдуард I не боялся противодействия со стороны своих лордов и хотел так изменить систему правосудия, чтобы каждый подданный вынужден был хранить королевский мир.

Еще одним нововведением Уинчестерского статута стало обустройство дорог. Отныне каждый тракт, соединявший торговые города, подлежал расчистке таким образом, чтобы с обеих сторон от него не было ни рвов, ни подлеска, ни кустов на расстоянии в 60 метров. Это делалось для того, чтобы лишить грабителей и прочих злоумышленников естественных укрытий, где они могли бы поджидать в засаде путников.

Уинчестерский статут также реорганизовал народное ополчение. Если раньше военному набору подлежали только свободные люди, то теперь службу могли нести и вилланы. Каждому графству, сотне и приходу предписывалось подготовить списки всех мужчин, годных к службе. Из них королевские уполномоченные отбирали рекрутов в армию. Статут точно определял, какое вооружение должен иметь рекрут: «Имущество каждого человека от 15 до 60 лет должно быть оценено, а он сам приведен к присяге, что приобретет вооружение исходя из количества его земель и имущества. А именно, с земли [стоимостью] более 15 фунтов и движимого имущества на 40 марок — хауберк, шапель-де-фер^[89], меч, кинжал и коня. С земли в 10 фунтов и движимости в 20 марок — хауберк, шапель, меч и кинжал; с земли в пять фунтов — дублет, шапель-де-фер, меч и кинжал; с земли от 40 до 100 шиллингов — меч, лук со стрелами и кинжал. Тот, кто получает с земли доход менее 40 шиллингов в год, должен иметь гвизарму^[90], кинжал и другое простое оружие; а прочие, кто имеет имущества менее чем на 20 марок, должны приобрести меч и кинжал и другое простое оружие, и все, кто живет в лесах, должны иметь лук и стрелы»^[89].

Принять новые законы, пусть даже самые актуальные и необходимые, — только полдела. Нужно еще обеспечить их выполнение. Эдуард I коренным образом перестроил местное судопроизводство. Шерифов графств теперь назначали королевские суды и чиновники из Вестминстера, которые обладали властью и смещать их, если становилось известно, что

шерифы превращались в своего рода местных сатрапов, игнорирующих надобности короны ради удовлетворения собственных амбиций. Лорд-канцлер, старшие и младшие клерки канцелярии заверяли и выпускали королевские ордонансы и указы. Лорд-казначей и казначейство через шерифов контролировали сбор пошлин и налогов.

В местных судах графств и сотен шериф и бейлифы разбирали малозначительные тяжбы о долгах и проступках. Выездные сессии судов ассизов^[91] и *оие и термине* расследовали более тяжелые случаи — уголовные преступления и мятежи. Общему праву были подчинены все частные суды крупных лордов и деревенские манориальные суды. За пределами общего права остались только суды боро и морских портов, которые руководствовались международным торговым правом, специально разработанным для того, чтобы улаживать споры между купцами разных стран и принимать меры по взысканию с них долгов.

Эдуард I озаботился также сохранностью национальных архивов, находившихся в лондонском Тауэре. Для этого он учредил специальную должность, которой раньше не было. Первым известным нам хранителем архивов стал молодой, но подающий надежды клерк королевской канцелярии Джон Лэнгтон. Только благодаря такой предусмотрительности короля до нас дошло колоссальное количество различных документов, в том числе и весьма древних. В частности, сохранились составленные по приказу Эдуарда I географическое описание и карта королевства, на основе которой полвека спустя была сделана знаменитая карта Гоффа, хранящаяся ныне в Бодлианской библиотеке.

*

С момента своего возвращения из Франции в конце 1278 года Эдуард I не имел достаточно времени, чтобы вплотную заниматься большой политикой — он по горло был загружен проблемами умиротворения Уэльса и проведения законодательной реформы. Однако это совершенно не значило, что король совсем отшел от участия в континентальных делах. Во-первых, Эдуард I лелеял мечту возглавить еще один крестовый поход в Святую землю, а для воплощения ее в реальность требовалось, чтобы на континенте как минимум царил мир. Во-вторых, он носил титул не только короля Англии, но также герцога Аквитанского — то есть владел огромной французской провинцией, простиравшейся от Шаранты до Пиренеев, за которую был обязан, пусть в значительной степени

формально, феодальной службой королю Франции.

Именно этой службы требовал от него Филипп III, ввязавшийся в жесткое противоборство с Арагоном. Конфликт возник после так называемой «Сицилийской вечерни» — восстания сицилийцев 29 марта 1282 года. Взбешенные бесчинствами французских солдат короля Шарля I д'Анжу, правившего островом, его жители перерезали всех французов и предложили трон Педро III Арагонскому, женатому на наследнице сицилийских Хоэнштауфенов^[92]. Педро согласился, но в защиту Шарля выступили король Филипп III и папа Мартин IV. Между Францией и Арагоном завязалась затяжная война, которая похоронила все надежды Эдуарда I на новый крестовый поход.

Поначалу Шарль I и Педро III собрались разрешить спор в личном поединке, подобно древним паладинам. Практически все было готово для Божьего суда: выбраны судьи — по двенадцать от каждой из сторон, названо место поединка — Бордо, назначена дата — 1 июня 1283 года. Вот только вышла заминка с верховным арбитром, на роль которого поединщики жаждали пригласить Эдуарда I — признанного главу европейского рыцарства.

Король Англии действительно пользовался непререкаемым авторитетом как крестоносец, доблестный воин и талантливый полководец. Многие правители — от Италии до северных стран — просили его как о великой чести посвятить в рыцари их сыновей. Брабантский магнат Ян ван Куйк писал Эдуарду I с плохо скрываемым огорчением: «Как я узнал, о дражайший господин, вы сообщили господину моему герцогу Брабантскому, сыну вашему, что в настоящий момент вы слишком заняты подготовкой к грядущему празднику Всех Святых, чтобы посвятить в рыцари ваших скромных родственников — а именно, сыновей господина моего светлой памяти Эдмунда брата вашего и сыновей господина графа Фландрского»^[90].

Первому рыцарю христианского мира претило участвовать в подобного рода цирке и судить поединок двух королей. Эдуард I ничего не имел против Шарля д'Анжу, у которого гостил по пути домой из Палестины, но он также находился в весьма приятных отношениях с королем Арагона. А самое главное — в это время его отряды преследовали по всему Кадайр-Идрису предателя Давида ап Грифита, с поимкой которого должна была закончиться Вторая война за независимость Уэльса. Поэтому Эдуард I сделал всё, чтобы свести поединок к шутовству. Он объявил день дуэли, но не час, и сам в Бордо не явился. Оба соперника прибыли на место

вразнобой, и каждый провозгласил себя победителем из-за неявки противника. Конфликт вновь перешел в горячую фазу. Арагон обладал мощным флотом, и Педро III сумел отстоять остров от атак объединенных сил папства и анжуйцев. В морском сражении у Неаполя 5 июня 1284 года арагонцы разгромили врага. К ним в плен попал Шарль Хромой принц Салернский — сын Шарля д'Анжу.

Французский король требовал, чтобы Эдуард I выполнил свой вассальный долг и предоставил войска для кампании против Арагона. Однако английский король не торопился вступать в войну, хотя и делал вид, что активно собирает войска в Понтье и Бордо. Гасконцы резко протестовали против того, чтобы их заставляли воевать с арагонцами. Со своей стороны и Педро III просил Англию о помощи, но также ее не получил. Эдуард I мог увилывать от исполнения своих обязательств, симулировать активную деятельность, чтобы скрыть бездействие, но он слишком чтит законы феодальной верности, чтобы нарушать их в открытую. Поэтому английский король честно ответил испанцу, что не может нарушить свой оммаж Филиппу III.

Выступил против вступления в войну и английский парламент, который предложил создать особую англо-французскую комиссию для анализа всех договоров и соглашений между Англией и Францией. На время переговоров предполагалось запретить гасконским представителям во французском парламенте обсуждать любые вопросы в отношении земель, находившихся на континенте под властью англичан, а также соглашаться на какие-либо военные предприятия, независимо от их масштабов и направления.

Для Эдуарда I было бы очень неумно напрямую отказываться от службы французскому королю, но тут ему повезло. Кампания против Арагона быстро обернулась для французов катастрофой. Так и не сумев принудить противника к решающей битве, они вынуждены были отступить из-за нехватки продовольствия и болезней, поразивших французское войско. Сам Филипп III вскоре после возвращения с армией во Францию умер от дизентерии — это произошло 5 октября в Перпиньяне. На трон вззошел Филипп IV. В отличие от отца он не собирался предпринимать каких-то враждебных действий против Арагона и не предъявил претензий к Эдуарду I по поводу невыполнения тем своих феодальных обязанностей в качестве герцога Аквитанского. Опаснейший кризис в отношениях между Францией и Англией был предотвращен благодаря случайности, хотя немалую роль сыграли и дипломатические ухищрения Эдуарда I, умело тянувшего время.

К концу 1285 года этот свет покинул не только Филипп III. Умерли все основные действующие лица войны за Сицилию: Шарль д'Артуа, Педро III и даже папа Мартин IV. Но конфликт не утихал, его по инерции продолжали преемники отошедших в мир иной антагонистов — сидевший в арагонском плену Шарль II Хромой и Хайме II Сицилийский, младший сын Педро III Арагонского. Периодически масла в огонь подливали папы, которые, невзирая на реальный расклад сил, продолжали линию Мартина IV на поддержку претензий анжуйцев.

Теперь Эдуард I был не прочь исполнить роль посредника и потушить многолетнюю ссору, тем более что на континент его звали и более серьезные дела. Прежде всего, необходимо было принести оммаж Филиппу IV Красивому, новому королю Франции. Ну а затем следовало в очередной раз разобраться с тем, что творилось в Гаскони — дальней беспокойной провинции его королевства.

*

Эдуард I совсем было приготовился к отъезду. Он уже скакал в Дувр, чтобы сесть там на корабль, но в Кентербери его нагнал гонец с известием, что королева-мать Элеонора Прованская опасно заболела. После смерти короля Генри III она ушла в монастырь и сейчас лежала, прикованная к постели, в Эймсберийском приорстве. Эдуард, нежно любивший мать, не раздумывая приказал поворачивать коней и помчался в Уилтшир. Он оставался с матерью до тех пор, пока она не выздоровела. Убедившись, что здоровье Элеоноры полностью восстановилось, король совершил паломничество в Бери-Сент-Эдмундс, где вознес Господу хвалу за его милость.

Эдуард I покинул Англию 13 мая 1286 года вместе со своей неизменной спутницей — королевой Элеонорой Кастильской. Их сопровождали канцлер Роберт Бёрнелл и блестящая свита — для нее на континент переправили не менее тысячи лошадей. Целых восемь судов перевозили через Ла-Манш кухонное оборудование и другие бытовые вещи путешественников. Исполнять обязанности регента королевства остался кузен короля Эдмунд граф Корнуоллский. Отплыв из Дувра, флот пересек пролив и вошел в порт Кале. Оттуда Эдуард I во главе кортежа неторопливо двинулся через Понтье в Амьен, где состоялась его первая встреча с Филиппом IV Красивым, молодым королем Франции. Два монарха вместе прибыли в Париж в конце мая. Английский король обосновался в аббатстве

Сен-Жермен-де-Пре, откуда мог быстро добраться на лодке до Луврского дворца.

В весьма уклончивых формулировках он принес семнадцатилетнему Филиппу IV оммаж за Аквитанию: «Да будет известно, что в среду, на Пятидесятницу в год правления короля Эдуарда четырнадцатый, в год правления Филиппа короля Франции первый, в Париже в королевском дворце господин король Эдуард принес оммаж в следующих выражениях, которые были зачитаны от имени короля канцлером Англии епископом Батским и Уэллзским:

Сир король Франции, таковой оммаж был принесен королем Генри, отцом нашего господина короля Англии, Луи, прежнему королю Франции, вашему деду, и этот оммаж послужил установлению согласия между ними. И следуя этой договоренности, вышеупомянутый король Генри принес оммаж за земли своих предков, которые он держал за морем, и за земли, которые вышеупомянутый король обещал передать ему согласно договору. И было так, монсеньор, что после смерти своего отца подобный же оммаж за свои земли Эдуард принес вашему отцу королю Филиппу в форме такого же соглашения. И поскольку, сир монсеньор, на то есть причины, то он получил рекомендации своего совета оспорить тот оммаж на том основании, что вышеуказанное согласие не было достигнуто, ибо захваты земель, которые он держит, наносят ему великий ущерб. Тем не менее он готов не оспаривать ныне тот оммаж и принести его, если вами, добрый сеньор, всякое вмешательство будет прекращено и исправлено.

[Итак,] я становлюсь вашим человеком за те земли, которые я держу от вас, как было указано, согласно той форме договора, который был заключен нашими предками»^[91].

В этот многословный пролог к собственно краткому, невнятному и неконкретному оммажу Эдуард I умудрился вставить массу оговорок и одну весьма явную угрозу. Именно благодаря ей английскому королю удалось добиться от Филиппа IV твердого обещания, что апелляции гасконских подданных к французскому парламенту будут первым делом передаваться должностным лицам английского короля, а французский парламент сможет рассматривать их только три месяца спустя. Впрочем, Эдуарду также пришлось пойти на уступки — он отказался от претензий на Керси в обмен на компенсационные выплаты в размере трех тысяч ливров ежегодно.

Несмотря на эту дипломатическую пикировку и солидную разницу в возрасте, оба монарха почувствовали друг к другу дружеское расположение. Четыре дня спустя, на праздник Троицы, Эдуард I устроил

роскошный банкет, обошедшийся ему в 151 фунт. Приглашение на пир получили сам владыка Франции, а также знатнейшие вельможи Французского королевства. Пользуясь установившимися добрыми отношениями, Эдуард убедил Филиппа заключить с королем Арагона перемирие до марта 1287 года — это стало первым его шагом в улаживании анжуйско-арагонского конфликта вокруг Сицилии. Правда, Шарль Салернский по-прежнему оставался в арагонском плену, и король Альфонсо II был полон решимости сохранять этот козырь в своих руках как можно дольше.

*

Эдуард I покинул Париж в конце июля 1286 года и отправился в Бордо — где, говоря по чести, ему следовало бы появиться пораньше, да война в Уэльсе мешала. Однако он и сейчас не слишком торопился. По пути в Гасконь король сделал немалый крюк к востоку. Сначала он заехал в цистерцианское аббатство Понтины, где поклонился мощам святого Эдмунда Абингдонского архиепископа Кентерберийского — того самого, кто венчал его отца с матерью и умер здесь на пути в Рим. Эдуард I сделал щедрые пожертвования монастырю.

Из Понтины путь короля лежал в Осер, оттуда — в Сен-Фаржо. Там он воспользовался гостеприимством Тибо II графа де Бара — правителя фактически независимого графства, расположенного между французскими и имперскими землями. Эдуард I находился с ним в превосходных отношениях и впоследствии отдал за его сына Анри свою старшую дочь Элеонору. Интересно, что старший отпрыск от этого брака, унаследовав графский титул, также в честь деда стал именоваться Эдуардом I.

Потом королевский кортеж отправился в Орлеан, затем король посетил Фонтевро — аббатство близ Шинона в долине Луары, где покоились его предки — Генри II Короткая Мантия, Алиенора Аквитанская и их сын Ричард I Львиное Сердце. Только к концу сентября 1286 года Эдуард добрался до острова Олерон, лежащего у берегов Аквитании севернее эстуария Жиронда. Затянувшееся путешествие оказалось нелегким, поэтому до финальной точки добрались не все члены королевского эскорта — многие заболели по дороге и остались выздоравливать в разных городах, через которые пролегал длинный маршрут.

В Гаскони короля нагнали неприятные известия из Англии. Совет, управлявший королевством в его отсутствие, пошел на обострение

отношений с церковью, резко ограничив юрисдикцию церковных судов. Эдуарду вовсе не улыбалось, чтобы в его отсутствие неосторожные действия советников пробудили неумную энергию Джона Печема архиепископа Кентерберийского. Кроме того, король собирался поднять Европу на новый крестовый поход, и ему совсем не с руки было ссориться в этот момент с церковью. Поэтому он счел за благо успокоить ропот, поднявшийся среди прелатов, и осадить своих слишком ретивых слуг.

Директива, которую Эдуард I послал своим судьям, получила известность как *Circumspecte Agatis* по первым ее словам — «Действуйте осмотрительно»: «Эдуард, Божьей милостью король Англии и пр. Ричарду де Бойленду и его товарищам-судьям. Действуйте осмотрительно в отношении лорда-епископа Нориджского и его клириков, не привлекайте их к суду, если они ведут процессы по тем делам, которые являются чисто духовными, то есть касаются наказаний, которые прелаты налагают за смертный грех, а именно за блуд, прелюбодеяния и тому подобное... Что касается насилия над клириками, так же как и случаев клеветы, то уже было дано согласие ранее, чтобы иски по таким делам рассматривались в церковном суде при условии, что дело идет не о взыскании денег, но о наказании за грех»^[92].

Строго говоря, *Circumspecte Agatis* был не статутом, а всего-навсего личным распоряжением Эдуарда I своим судьям, но со временем английские суды стали рассматривать его как полноценный законодательный акт. Таким образом, король предпочел не возбуждать очередную ссору со священнослужителями, а пойти на разумный компромисс с церковью и конкретно с Джоном Печемом. Архиепископ Кентерберийский оценил этот шаг и тоже не стал вступать в конфронтацию. С этого момента и до возвращения короля церковные и светские власти в Англия уживались более-менее мирно.

*

После гибели Люка де Тани в битве у Понтонного моста в Уэльсе сенешалем Гаскони стал савояр Жан де Грайи — старый сподвижник короля, участник Девятого крестового похода, получивший за верную службу виконтство и замок Бенож. Должность сенешаля никогда не была синекурой, она требовала изрядных дипломатических и административных талантов. Поддерживать порядок в Гаскони даже в спокойные времена, случавшиеся нечасто и длившиеся недолго, было делом нелегким, а тут по

итогах Амьенского договора 1279 года к аквитанским землям добавились Ажене и Сентонж, непривычные к власти английского короля.

Одной этой головной боли сенешалю было бы вполне достаточно, так нет. В 1283 году умер Эскива де Шабанэ граф де Бигор, на титул которого обнаружилась масса претендентов, в том числе Констанс, дочь мятежного Гастона де Беарна. Собирался прибрать наследство Шабанэ к своим рукам и Эдуард I, так как тоже имел на него определенные права, и сенешалю вменялось в обязанность отстаивать именно их. В результате в Гаскони чуть было не разразилась очередная междоусобная война, предотвратить которую Жану де Грайи удалось с огромным трудом и не самыми законными методами. Что самое интересное, графство не досталось никому из претендентов и в конце концов было конфисковано королем Франции.

Но и проблемы с наследством, в общем-то, были не самым большим злом, ибо возникали периодически, но не часто. А вот лихоимство в Гаскони, как и в других отдаленных от центра провинциях, казалось неискоренимым. До ушей Эдуарда I в очередной раз дошло, что высшие должностные лица герцогства заботятся не столько об отправлении королевской службы, сколько о наполнении собственного кармана. Для расследования случаев присвоения ими королевских прав на правосудие и экспроприации в свою пользу налогов в Бордо был отряжен Боне де Сен-Контан — опытный юрист и представитель Эдуарда I в Парижском парламенте.

Явившись в Гасконь самолично, Эдуард немедленно ознакомился с результатами расследования, проведенного Сен-Контаном. Он не пытался изменять или модернизировать существовавшее гасконское право по примеру Англии, но сделал очень много для обобщения и систематизации административной практики герцогства. Король четко определил круг обязанностей своих высших должностных лиц. Так, коннетабль Бордо отвечал за финансы Гаскони, а сенешали — за судебные и военные дела.

Король разделил герцогство на четыре сенешальства — Сентонж, Перигор (включавший в себя также Лимузен, Руэрг и Керси), Ажене и Бигор. Все они подчинялись сенешалю Гаскони, который имел резиденцию в бордоском дворце Омбриер и получал ежегодное жалованье в размере двух тысяч ливров. Кроме того, в администрацию входили прокторы, представлявшие интересы сенешальств в Парижском парламенте, а также оружейники и мастера по надзору за состоянием замков.

В Гаскони, как и в Уэльсе, король дал старт грандиозной программе строительства. Правда, вместо величественных замков он распорядился возводить небольшие городки или бастиды. Долгое время считалось, что

расположенные на внутренних территориях герцогства бастиды должны были держать в повиновении местных сеньоров, а приграничные — защищать от французов. Однако такие представления вряд ли соответствуют действительности по одной простой причине — подавляющее большинство городков не имело практически никаких средств защиты. Опорные пункты, обнесенные стенами с башнями, сооружались здесь позже, во времена Эдуарда II и Эдуарда III.

Бастиды строились в долинах Гаронны и других рек. Король специально послал в Лондон за четырьмя мастерами, которые знали, как обустроить городки по тому образцу, который наиболее благоприятен для ведения торговли. Именно так и возводились эти *villes anglaises* (английские городки), как называли их местные: четырехугольные в плане, с узкими прямыми улицами, пересекавшимися под прямым углом, с обязательной рыночной площадью. Король предполагал, что они станут центрами торговли, сбора ренты и пошлин, а не бастиями войны. Как уже говорилось, в тот период отношения с Францией были на редкость дружественными.

Как правило, строительство Эдуард I поручал вести своим гасконским слугам. Так, бастиды Рокепин, Мольер и Монпазье возвел Бертран де Паниссо, который стал потом бальи этих местечек. Но многие городки были возведены англичанами. Свидетельством тому являются их названия — Либуρν был назван в честь Роджера де Лейборна, Ба — в честь Роберта Бёрнелла епископа Батского, Астанге — сэра Джона де Хестингса, Николь — Генри де Лейси графа Линкольнского, Валанс — в честь Гийома де Валанса.

Если бастиды не задумывались королем как военные объекты, то это вовсе не значит, что Эдуард I в принципе пренебрегал вопросами обороны герцогства. Он приказал укреплять существующие и возводить новые замки, хотя их масштаб сложно сравнить с громадными крепостями Уэльса. Коннетаблю Бордо было поручено отремонтировать замок в Санте. Новый замок был построен в Совтер-ла-Лемансе. За 1322 турецких ливра король купил замок Тальмон и за 3500 ливров — Тонтулон недалеко от Базаса.

*

Занимаясь делами Гаскони, король не забывал о той миссии, которую возложила на него знать Европы, — примирении анжуйцев и арагонцев.

Одинаково благожелательно относящийся к обоим противникам, Эдуард I ставил перед собой вполне достижимые цели. Он хотел добиться освобождения Шарля Салернского из плена и доставить Арагону корону Сицилии, поскольку надеялся на более тесный союз с пиренейским королевством. Так что лучшего арбитра для разрешения затянувшегося на многие годы конфликта действительно сложно было бы найти.

В мае 1287 года Эдуард I отправил к Альфонсо посольство во главе с Джоном де Весси, в задачу которого входило договориться о личной встрече королей Англии и Арагона. Она состоялась в беарнском городе Олорон-Сен-Мари в начале июля. Альфонсо III постарался с максимальной пользой для себя разыграть свой главный козырь — его противник Шарль Салернский находился у него в плену. Поэтому король Арагона настаивал на самых жестких условиях договора и требовал, чтобы Сицилия и некоторые калабрийские земли перешли к его младшему брату Хайме Справедливому. За освобождение Шарля Салернского он запросил 50 тысяч марок и заявил, что в качестве гарантии выплаты ему нужны заложники — три старших сына Шарля и 60 провансальских магнатов. Договор также включал в себя пункт, согласно которому под власть Арагона переходил Прованс в том случае, если условия мира не удастся окончательно согласовать в трехлетний срок. Этот пункт крайне тревожил короля Филиппа IV Французского, который чинил всевозможные препятствия подписанию договора, но не преуспел в этом. Вопреки его усилиям соглашение было заключено в октябре 1288 года.

Неожиданно в дело вмешался папа Николай IV, избранный в феврале 1288 года после почти годового периода безвластия. Новый понтифик был ярким противником сближения Англии и Арагона. Он аннулировал договор и вновь провозгласил Шарля Салернского королем Сицилии и Неаполя. Конфликт готов был вспыхнуть вновь, и ничего хорошего анжуйцам это не сулило. Затем Николай IV осознал, что, поспешно денонсировав соглашение, он поставил тем самым под угрозу будущность крестового похода, в который собирался отправиться Эдуард I. Папа решил улестить английского короля, предоставив ему право в течение шести лет получать церковную десятину. Верный себе, Эдуард нашел возможность использовать папский дар на благо законодательной реформы в стране. Под предлогом того, что ему требуется точное знание того, на какую сумму он может рассчитывать, король приказал провести строгую оценку английских бенефициев. Результаты этой переписи оказались столь ценными, что использовались потом без особенных корректив вплоть до правления Генри VIII.

Несмотря на опасения папы, Эдуард I не собирался отказываться от своего намерения вторично отправиться в Святую землю. Об этом он прямо заявлял несторианскому монаху Раббану Сауме, явившемуся к нему с посольством от Аргуна, сына Абаки-хана, ильхана государства Хулагуидов: «Мы, король этих городов, приняли крест, и мы не имеем других намерений помимо этого. И наши стремления обрели новую жизнь, когда мы услышали, что король Аргун обдумывает те же планы, что и мы»^[93].

Однако ставить папу в известность о своих намерениях Эдуард I не собирался, надеясь извлечь из тревог понтифика как можно больше выгод. Деньги он уже получил и теперь прилагал всю свою настойчивость и дипломатическое искусство для восстановления мира, причем стремился добиться для Шарля Салернского более легких условий освобождения по сравнению с аннулированными папой. Это ему удалось. Новый договор был подписан в конце октября 1288 года в арагонском Канфранке. Эдуард I вносил заимообразно выкуп в размере 30 тысяч марок и предоставлял 76 заложников на время, необходимое анжуйцам для сбора денег.

Шарль Салернский вышел на свободу, а в Арагон отправились английские и гасконские сеньоры, в числе которых были такие знаменитые люди, как Гастон де Беарн, Отто де Грандисон и Джон де Весси, а также рыцари королевского двора Уильям Латимер, Хью Одли и Джон де Сент-Джон. Им предстояло играть роль заложников до тех пор, пока их не заменят провансальцы. Условия содержания в Арагоне были отнюдь не строгими — заложникам позволялось днем разгуливать где угодно с единственным условием, что к вечеру они должны вернуться в свои резиденции.

23 тысячи марок было выплачено Уильямом Лаутским, хранителем королевского гардероба, а оставшиеся семь тысяч поступили из Гаскони. Заложников освободили довольно быстро — уже к марту 1289 года. Однако Шарль Салернский не оценил в должной мере усилий Эдуарда I по его вызволению из плена. Покинув пределы Арагона, он отправился напрямик в Рим, где принялся активно плести интриги с целью получить корону Сицилии и Неаполя.

Возмущенный подобной неблагодарностью английский король отправил к папе посольство во главе с Отто де Грандисоном, который не стеснялся в выражениях и прямо упрекнул понтифика в разжигании военного конфликта между анжуйцами и арагонцами вместо ожидаемых от святого отца усилий по примирению враждующих сторон. В конце концов, папа все-таки вернул корону Сицилии Хайме Арагонскому, вытянув из него обещание, что его брат — король Альфонсо — примет участие в крестовом

походе против мамлюкского султана Египта.

*

Эдуард I чувствовал, что пора возвращаться в Англию, хотя в Гаскони у него оставалось немало неоконченных дел. В первую очередь это касалось финансов. Местные деньги не имели такого же стабильного курса, как английский фунт, и не было никакой возможности установить сколь-нибудь эффективную систему регулярного налогообложения. Доход казне приносили только продажа должностей и судебных прав, а также таможенные пошлины на вино.

Проводимые королем реформы потребовали значительных средств. Поэтому вышло так, что с мая 1286 года по август 1289 года Эдуард I задолжал итальянским банкирам Риккарди из Лукки ни много ни мало 110 тысяч фунтов. И это не считая выкупа, который он выплатил за освобождение Шарля Салернского, пусть даже эта сумма представляла собой долгосрочный заем. Для стабилизации финансовой ситуации король вынужден был прибегнуть к крутым мерам, хотя для средневековых монархов они и представляли собой обычный способ пополнить казну. Эдуард приказал изгнать из Гаскони всех евреев, конфисковал их собственность и перевел на себя все невыплаченные изгнанникам долги. Акция оказалась весьма успешной, хотя точная сумма, полученная казначейством, осталась неизвестна. Одновременно король обложил тяжелым налогом и английских евреев, что принесло ему дополнительно четыре тысячи фунтов.

Только после этого Эдуард I начал собираться в Англию, где дела давно уже шли не лучшим образом. Пока король находился в Гаскони, вспыхнуло очередное восстание в Уэльсе. На этот раз мятежников возглавил Рис ап Маредит, который и в 1277-м, и в 1282 годах твердо хранил верность английской короне. Однако наступил момент, когда и он решил, что Эдуард недостаточно вознаграждает его за службу и за лояльность — точно так же, как несколько ранее поступил Давид ап Грифит. Нельзя сказать, что у Риса ап Маредита совсем не было к тому оснований, ибо замка Диневор он назад так и не получил, несмотря на данное королем обещание.

Валлийский князь отказался подчиняться распоряжениям представителей английской власти. Он игнорировал постановления Роберта Тиббота, юстициария Западного Уэльса, и не пожелал прибыть на суд в

Кармартен, куда был вызван по обвинению в том, что вступил во владение пожалованными ему землями до официального утверждения этого пожалования. Вместо этого Рис ап Маредит отправился в Гасконь, где лично подал петицию королю. Эдуард не стал принимать скоропалительных решений, но отписал Эдмунду графу Корнуоллскому, исполнявшему обязанности регента на время его отсутствия в стране, с просьбой рассмотреть претензии Риса и удовлетворить обиды, если таковые отыщутся. Однако в Англии мало кто сочувствовал сутягеваллийцу, над которым уже тогда тяготели подозрения в измене.

Потеряв надежду на королевское правосудие, 8 июня 1287 года Рис ап Маредит штурмом взял замок Ландовери. Оттуда он направился в Кармартеншир и захватил замки Диневор и Каррег-Кеннен. Войско регента Эдмунда графа Корнуоллского осадило Риса в замке Дрислойн, но ему самому, его жене и части гарнизона чудом удалось бежать. Замок пал 5 сентября, а вождь мятежников превратился в преследуемого беглеца, подобно тому же Давиду ап Грифиту. С небольшой бандой людей, сохранивших ему верность, он вынужден был скрываться от английских отрядов и добывать себе средства к жизни грабежами и разбоем. Жители глухих валлийских деревень давали ему приют и укрытие, поэтому в течение нескольких лет мятежнику удавалось избегать плена. Но в конце концов, он был выдан англичанам, доставлен в Йорк и там повешен по приговору суда.

Бунт в Уэльсе был подавлен с легкостью и малой кровью, но административная система Англии в отсутствие короля начала давать серьезные сбои. Эдуарду I поступали многочисленные жалобы на коррупцию, поразившую высших должностных лиц государства. В частности, обвинения выдвигались против двух самых высокопоставленных судей, возглавлявших Суд королевской скамьи и Суд общих тяжб. Всеобщее раздражение вызывала неприкрытая пристрастность правосудия, которое нарушало для достижения своих целей и установления Великой хартии вольностей, и параграфы многочисленных статутов. Бесцеремонные действия уполномоченных, расследовавших случаи ущемления королевских прав, разжигали в народе гнев и волнения.

Строптивные магнаты в отсутствие твердой руки Эдуарда I, смирявшей их своеволие, вновь стали вести себя дерзко. Когда король запросил у лордов финансовую помощь, то они, подстрекаемые Гилбертом де Клэром графом Глостерским, оспорили законность этого требования и отказались его выполнять. Их доводы были следующими: Эдуард находился за пределами Англии, требовал денег на решение неанглийских проблем, а

поэтому английские магнаты вовсе не обязаны финансировать его частные мероприятия в другой стране.

Да, пора было возвращаться в Англию.

*

В июне 1289 года Эдуард I покинул Гасконь, назначив наместником герцогства своего кузена Мориса де Краона. Морис был сыном Изабеллы де Лузиньян, единоутробной сестры короля Генри III. Он происходил из древнейшего бургундского рода и имел богатый административный опыт, поскольку являлся наследственным сенешалем Анжу, Турени и Мэна. Сенешалем Гаскони был назначен эсексский рыцарь сэра Джон де Хейверинг, подвизавшийся до этого в Англии в должности судьи.

Король проехал всю Гасконь и всю Францию — его путь лежал через Пуатье, Тур, Шартр, Париж, Амьен и Абвиль. Он нигде особо не задерживался и сел на корабль в Булони. На причал Дувра Эдуард ступил 12 августа 1289 года и первым делом совершил паломничество к могиле святого Томаса Бекета в Кентерберии. В столицу король не торопился, проведя некоторое время в Кенте — в основном, в замке Лидс. Затем он переправился через Темзу и оказался в Эссексе, где охотился в заповедных лесах вокруг города Рэйли. Оттуда Эдуард двинулся в Бери-Сент-Эдмундс, где поклонился мощам святого Эдмунда Мученика, посетил храмы в Уолсингеме, Или и Уолтеме. Таким долгим походом по святым местам он хотел отблагодарить Господа за выздоровление после тяжелой болезни, которая мучила его в Бордо несколько недель.

В Вестминстер королевский кортеж въехал в конце сентября 1289 года на Михайлов день. Эдуард приказал устроить пышный пир в честь праздника Архангелов и во время застолья, неожиданно для присутствовавших, приказал зачитать прокламацию. В ней провозглашалось, что любой подданный английского короля, пострадавший от вымогательства и волокиты или несправедливо брошенный в тюрьму, мог подать свою жалобу в особую комиссию, которая создавалась специально для рассмотрения подобных дел. В ее состав вошли ближайшие сподвижники короля — Генри де Лейси граф Линкольнский, Джон де Сент-Джон, Уильям Латимер, Уильям Лаутский епископ Илийский и Уильям Марч декан коллегиальной церкви Сент-Мартинс-Ле-Гранд. Председателем комиссии Эдуард I назначил своего друга лорда — верховного канцлера Роберта Бёрнелла.

В каждое английское графство поскакали гонцы с посланиями: «Король приказывает шерифу обеспечить, чтобы все и каждый, кто чувствует, что ему королевскими министрами был нанесен ущерб во время отсутствия короля, и кто хочет принести об этом жалобу, получил ясное и открытое уведомление в любом месте графства, что ему следует явиться в Вестминстер на следующий день после святого Мартина, предстать перед вышеупомянутыми подданными короля (членами комиссии. — В. У.), чтобы изложить свои обиды и предъявить иск»^[94].

Расследование велось комиссией в течение двух лет. По его результатам к ответу было призвано около семисот должностных лиц — от самого высшего до самого низшего ранга. Свои должности потеряли большинство членов Судов королевской скамьи и общих тяжб, а также пятеро судей ассизов. Сэр Томас Уэйленд, верховный судья Суда общих тяжб, стяжавший, да простится этот каламбур, огромные богатства и несколько маноров в Восточной Англии, был обвинен в подстрекательстве к убийству слуги графа Норфолкского. Не дожидаясь судебного процесса, он воспользовался церковным убежищем в аббатстве Бери-Сент-Эдмундс. Уэйленд продержался там два месяца, но не выдержал лишения и скудости питания, сдавшись в конце концов приставленной к аббатству страже. Его доставили в лондонский Тауэр, судили и приговорили к изгнанию из страны пожизненно.

Огромные штрафы были наложены на других судей. Судья королевской скамьи Уильям де Саэм был приговорен к штрафу в 2500 марок. Уильям де Бромптон, судья общих тяжб, обвиненный во взяточничестве, давлении на присяжных, неправомерном закрытии дел — всего по 28 пунктам, — «пострадал» на шесть тысяч марок. Его коллеге Джону де Лавтоту предъявили обвинение в сокрытии убийства и оштрафовали на две тысячи марок. Столько же взыскали с судьи Ричарда де Бойленда. Судья ассизов Соломон Рочестерский был приговорен к штрафу в четыре тысячи марок.

Камергер казначейства Адам де Страттон был обвинен в том, что приобрел по поддельным документам у Бермондсийского приорства пять маноров и затем требовал с бенедиктинцев еще шесть тысяч фунтов. Во время обыска в его доме нашли 12 666 фунтов наличными и отделанный шелком ларец, в котором хранились обрезки ногтей рук и ног, женские лобковые волосы, лапки жаб и кротов, а также прочие предметы, используемые для занятия магией. Страттон неминуемо был бы обвинен в колдовстве, но ему удалось выкрасть ларец и выбросить все его содержимое в выгребную яму. Поэтому камергер был «всего лишь»

отстранен от должности и заключен в тюрьму.

Не обошла кара и близких друзей короля. Хранителя архивов Джона Лэнгтона оштрафовали на тысячу марок. Лорд — верховный судья Ральф де Хенгем, один из величайших юристов своего времени, был обвинен по девяти пунктам и по четырем из них признан виновным. За этим последовали отставка и штраф на восемь тысяч марок, что в 100 раз превышало его годовое жалованье. Правда, Хенгем был человеком богатым и без особых проблем сумел выплатить требуемую сумму.

В общем, выявилось столько безобразий, что Эдуард I периодически впадал в ярость. А гнев его был страшен. Ходили слуги, что некий Генри де Брей, королевский уполномоченный по выморочному имуществу к югу от Трента, был обвинен в лихоимстве. Бедолага имел несчастье попасться королю под горячую руку и от страха сошел с ума. Сначала он пытался утопиться, когда его везли на лодке в лондонский Тауэр, а затем снова попытался покончить жизнь самоубийством, разбив голову о кирпичную стену в своей камере.

К счастью, гнев, наводивший на окружающих ужас, охватывал Эдуарда I крайне редко, и отходчивость короля была общеизвестна. Как-то раз он вспылил и за какую-то мнимую провинность отколотил слугу палкой. Однако спустя некоторое время он остыл и понял, что избил невинного. Тогда король приказал немедленно выдать потерпевшему 20 марок в качестве компенсации за побои. Деньги были должным образом заплачены из средств королевского гардероба — и таких историй об Эдуарде в народе ходило множество.

Большую часть времени король был человеком весьма спокойным и рассудительным, приятным в общении, с отменным чувством юмора. Рассказывали, что однажды стайка фрейлин королевы в игривом настроении вбежала в его апартаменты. Это был понедельник после Пасхи — день, традиционно отведенный в Англии для всяких веселых проделок. Фрейлины окружили кресло, в котором сидел король, и совершенно непочтительно подняли его на руках. От весело хихикающих дам Эдуард I освободился, уплатив каждой из них по 40 шиллингов согласно обычаю.

В другой раз король и его свита садились в седла, чтобы ехать на солончаки Фингрингхо^[93] для охоты на зверя. В это время он заметил среди толпившихся во дворе зевак придворную прачку Матильду из Уолтема. Эдуард I пребывал в веселом расположении духа и поспорил с Леонорой на коня, что простолюдника не сможет отправиться с ними верхом и удержаться в седле до конца охоты. Королева приняла пари, и король проиграл. Пришлось ему выкупать собственную лошадь у супруги

за 40 шиллингов.

*

Показная строгость приговоров в отношении виновных судей была в значительной степени нивелирована последующим смягчением ответственности. Конечно, на прежнюю должность из них не вернулся почти никто, кроме блестящего юриста Ральфа де Хенгема, отказаться от услуг которого Эдуард I просто не мог себе позволить. Но при этом мало кто из осужденных понес наказание в полной мере. Король удовлетворился получением части наложенных на них штрафов. Хронисты констатировали: «И так вмешательством беззаконной мамоны мир между ними и королем был восстановлен, но от службы себе он их отстранил»^[95]. Точно известно, что Николас де Стэплтон фактически заплатил 300 вместо двух тысяч марок. Адам Страттон внес за свое освобождение 500 марок.

В общей сложности Эдуарду I удалось собрать с неправедных судей порядка 30 тысяч фунтов. Их хватило на выплату шестой части долга итальянским банкирам. Правда, кое-какие деньги не пошли на исполнение финансовых обязательств казны, да и вообще в нее не попали. Так, на восемь тысяч марок от Ральфа де Хенгема король построил часовую башню с четырехтонным колоколом «Большой Том» у входа в Вестминстер-холл, где заседал суд. Сейчас на этом месте стоит знаменитый Биг-Бен.

В адрес Эдуарда I раздавались обвинения в стяжательстве — дескать, он затеял расследование исключительно с целью получить деньги с обвиняемых. При этом недоброжелатели умудрялись как-то не замечать, что главная цель короля состояла совсем в другом. Он желал навести элементарный порядок в жизни и деятельности судейского сословия. Самым важным итогом расследования и последовавших за ним репрессий стала полная реорганизация юридической системы Англии. Проводилась она под руководством вновь назначенного верховного судьи Суда общих тяжб Джона де Метингема, одного из немногих юристов с незапятнанной репутацией. С благословения короля он внедрил систему светского обучения общему праву в качестве альтернативы римскому праву, которое преподавалось в церковных учебных заведениях. Новая система была основана в первую очередь на судебной практике, предмет изучался не в библиотеках, а в залах суда, где профессионалы противостояли друг другу в очном соперничестве.

Что же касается финансовых выгод, извлеченных Эдуардом I в результате проведенного дознания, то отрицать их было бы глупо — просто они занимали далеко не первое место по значимости. Но в преддверии очередного крестового похода новый источник дохода помешать королю, конечно же, не мог. В Святую землю Эдуард I собирался вполне серьезно, и слухи об этом проникли далеко за пределы Европы. Вслед за первым посольством ильхана Аргуна, которое король принимал в Гаскони, в 1289 году в Европу прибыло второе монгольское посольство. Возглавлял его генуэзский авантюрист и путешественник Бускарелло де Гизольфи, поступивший на службу к монголам. Он привез письма от Аргуна Филиппу IV и Эдуарду I, в которых ильхан объявлял о своем намерении весной 1291 года осадить Дамаск и обещал снабдить конями крестоносцев, если те придут к нему на помощь. До Лондона посольство добралось только в канун Богоявления, 5 января 1290 года.

Эдуард I отписал в ответ ильхану следующее: «Славен превосходнейший Царь царей и Господь господствующих, заронивший в душу вашу столь похвальное намерение — а именно, подняться против султана Вавилонского, оказать Святой земле помощь и поддержать веру христианскую. И будете вы благословляемы всяким и каждым, в нынешних и будущих поколениях, если сие обещание твердо сдержите. Также не пустые благодарности вам повторно приносим за коней и другое необходимое для нашей армии, нам благородно предложенное, когда мы достигнем Святой земли, как поведал ваш посланник»^[96].

Эдуард I пообещал вести армию в Палестину сразу же после получения одобрения похода папой Николаем IV. Он приказал отправить в Тебриз, столицу империи Хулагуидов, представительное посольство, которое должно было доставить не только личное королевское послание, но также подарки — милых сердцу ильхана ирландских кречетов и некоторое количество драгоценных камней. Пока английские послы снаряжались в путь, от ильхана Аргуна прибыл монгол Заган, принявший в крещении имя Андрей. Он привез Эдуарду I письмо от папы Николая IV. Понтифик весьма скептически относился к тому, что христиане собираются воспользоваться поддержкой монголов. Не верил он и еретикам-несторианам, которые составляли значительную часть близкого окружения ильхана. Тем не менее папа понимал безальтернативность такого выбора и поручал командование крестовым походом английскому королю. Интересно, что французские прелаты также считали, что лучше всего эту миссию исполнит именно Эдуард I, в то время английская церковь возлагала большие надежды на императора, который должен был, по ее

мнению, возглавить христианские войска.

В отличие от Николая IV Эдуард считал монголов единственной силой, способной оказать крестоносцам реальную поддержку, и давно уже наладил с ними добрые отношения. Еще во время Девятого крестового похода он сражался в союзе с Абакой-ханом. Однако давать ильхану Аргуну конкретные обещания король не торопился. Он по собственному опыту знал, что с малыми силами в Святой земле делать нечего, а для набора сильного войска и его транспортировки в Акру требовались такие финансовые ресурсы, которыми он пока не располагал.

Конец лета — начало осени 1290 года Эдуард I провел в развлечениях. Особое предпочтение он отдавал охоте в лесах Уилтвуда, Рокингема и Шервуда, которые в те времена были куда обширнее и гуще, чем ныне. 12 сентября король собрал в своем любимом охотничьем замке под Ноттингемом всех магнатов королевства и посвятил их в планы, касавшиеся предприятия, которое он полагал вершиной и главным делом всей жизни. Эдуард I объявил, что крестовый поход по согласованию с папой назначен на осень 1293 года.

В конце декабря 1290 года в Англию прибыл еще один посланник ильхана — Саабеддин Архаон по прозвищу Христианин, который передал недоумение своего господина по поводу столь длительной задержки с ответом. Это заставило Эдуарда I поторопиться, и английское посольство в конце концов отправилось в путь. Его возглавлял Джеффри де Лэнгли, которого сопровождали Николас де Шартр, капеллан, клерк, трое сокольничих, чьим заботам были вверены кречеты, пять латников, трубач, повар с помощником, брадобрей, скульптор, двое слуг и пять пажей. Но когда послы прибыли в Тебриз, то выяснилось, что Аргун-хан умер, а на трон сел его брат Гайхату.

Объявив о своих твердых планах готовить крестовый поход, Эдуард I вплотную занялся поиском средств, не брезгуя никакими источниками. Вместо скончавшегося в марте 1290 года лорда верховного казначея Джона Кёрби он назначил на эту должность контролера королевского гардероба Уильяма Марча, декана свободной королевской церкви Сент-Мартинс-Ле-Гранд. Новый казначей первым делом изменил порядок финансового учета — все поступления от налогов вносились теперь в особый реестр казначейских расписок. Он также постарался максимально подчинить своему новому ведомству старое и добился того, чтобы львиная доля средств королевского гардероба — более 80 процентов — учитывалась казначейством.

Эдуард I приложил все усилия, чтобы закрыть как можно больше

известных лазеек для ухода от налогов. Он подписал статут, получивший название Третьего Вестминстерского или, по его первым словам, *Quia Emptores* — что по-латыни означает «Поскольку покупатели». Закон запрещал дробление феодальных ленов, в результате которого уменьшались повинности их владельцев. Согласно статуту, при передаче части лена другому лицу все взимаемые с этой земли повинности полностью переходили на нового владельца. Он становился таким образом не субарендатором, а таким же арендатором, как прежний хозяин этой части лена. В свою очередь, прежний владелец лишался всех доходов, которые раньше получал с этих земель.

Эдуард I выдал в 1290 году свою старшую дочь Джоанну Акрскую за Гилберта де Клэра графа Глостерского, что дало ему право согласно феодальным обычаям потребовать от своих вассалов финансовой помощи. Впрочем, денег это принесло не так много. Другая королевская дочь Маргарет летом того же года сочеталась браком с Яном II, наследным герцогом Брабантским, о помолвке с которым было объявлено уже несколько лет назад. Этот союз дал Эдуарду только политические дивиденды, ибо законным образом взимать деньги с вассалов он мог только по поводу свадьбы старшей дочери.

*

Даже с учетом церковной десятины в течение шести лет, пожалованной папой Николаем IV, средств на покрытие долгов и подготовку похода не хватало, поэтому мысли короля неизбежно возвращались к евреям-ростовщикам. Он помнил, насколько прибыльной оказалась операция по изгнанию их из Гаскони.

Еврейские финансисты обосновались в Англии во времена нормандского завоевания и с тех пор неуклонно улучшали свое благосостояние. Во времена Генри III они жили в роскоши, строили себе каменные дома и даже покупали землю. Однако основное их занятие — ростовничество — вызывало ненависть у англичан. Эта ненависть застилала людям глаза, и они охотно верили в страшные истории о жестоких ритуальных убийствах христианских младенцев. В народе существовали культы Хью Линкольнского и Уильяма Нориджского — детей, якобы ставших жертвами иудейских ритуалов, но официально так и не причисленных католической церковью к лику святых.

Самому Эдуарду I евреи, осевшие в его королевстве, приносили

немалую выгоду. Он получил от них шесть тысяч марок, которые потратил на организацию Девятого крестового похода. Между 1272 и 1278 годами они должны были внести в казну более 20 тысяч фунтов, и большая часть этой суммы действительно туда попала. Но в целом для королевства значение еврейских финансистов сильно упало с приходом итальянских банкиров, которые имели возможность проводить более масштабные операции. Проникая в Англию под видом папских агентов, они находили способы уклоняться от канонических запретов на ростовщичество. Прошло совсем немного времени, и итальянские банковские компании стали заимодавцами как королей, так и их подданных, создав развитую систему кредитования и располагая огромными суммами для финансирования самых дорогостоящих проектов.

Отношение к итальянцам в Англии было далеко не дружеским, но все-таки евреев англичане традиционно считали куда большим злом. Не только простолюдины, но также рыцари и аристократы страстно желали избавиться от них, поскольку личные долги тяготили куда больше, чем долги государственные. В течение 1270-х и 1280-х годов евреи подвергались массовым арестам. В 1282 году на них ополчился Джон Печем архиепископ Кентерберийский. Он писал в своем послании: «Ричарду епископу Лондонскому от брата Джона, и пр., привет. Из множества заслуживающих доверия сообщений не без удивления и гнева мы с несомненностью узнали, что все состоятельные евреи за оградами своих домов в городе Лондоне имеют собственные синагоги, к вящему обману и соблазну благочестивых христиан. Следовательно, в вашей юрисдикции находится то, что мы вам, брат, строго предписываем и поручаем. Поскольку тщательное расследование выяснило, что все это правда, вы должны заставить упомянутых евреев, используя все возможные инструменты церковного осуждения, чтобы они в течение короткого времени, вами определенного, уничтожили все такого рода синагоги. Не должно остаться таковых сооружений, за исключением единственного на целую общину, и только после получения канонического разрешения...»^[97]

В 1283 году евреев лишили защиты, предоставляемой купцам. Принять против них самые жесткие меры неустанно убеждала сына Элеонора Прованская. Наконец, в 1290 году на летней сессии в Вестминстере парламент недвусмысленно предложил компромисс. В обмен на право сбора специального налога Эдуард I должен был изгнать евреев из королевства. Соблазн был слишком велик, и 18 июля 1290 года король издал указ о высылке, в котором всем иудеям предписывалось покинуть Англию до 1 ноября под угрозой смерти. Копии указа распространялись по

всему королевству и зачитывались в синагогах. Естественно, что в качестве обоснования репрессивных мер финансовый интерес казны не упоминался. Главной причиной представлялось то, что евреи не выполнили условий статута 1275 года, предусматривавшего полный запрет на ростовщичество и взамен этого разрешавшего евреям заниматься торговлей и ремеслом, а также арендовать землю для ее обработки. Второй их виной объявлялась обрезка монет.

Численность всех еврейских общин в Англии была невелика — она составляла примерно три тысячи человек. Несчастные не оказали никакого сопротивления и уже летом начали покидать пределы королевства, а к осени в стране их практически не осталось. Эдуард I разрешил евреям забирать с собой движимое имущество, и его судьи строго наказывали моряков, которые пытались воспользоваться беспомощностью изгнанников и ограбить их.

Тем не менее порой происходили совершенно вопиющие случаи. Так, во вторник 10 октября 1290 года группа лондонских евреев погрузилась на судно, отправлявшееся вниз по Темзе. Они предъявили капитану королевские охранные грамоты, на их одежде были нашиты желтые значки в форме скрижали Завета. В тюках, которые они везли с собой, находилось все их имущество. Евреи направлялись к побережью Ла-Манша, чтобы оттуда перебраться на континент. Судно вышло из лондонского порта и вскоре миновало пригороды. Оно плыло вниз по течению. Русло реки постепенно расширялось, по правому борту потянулись кентские острова и песчаные отмели. Впереди лежало открытое море, приближалось время отлива. Капитан приказал изменить курс и идти на юг, к острову Шеппи. Уровень воды опускался все ниже, пока судно не легло на обнажившееся песчаное дно устья Темзы. Капитан заверил пассажиров, что не даст команды трогаться в путь, пока не начнется прилив, и они могут пока прогуляться по песчаной отмели, чтобы размять ноги.

Евреи воспользовались советом капитана и спустились на мокрый песок. Они не заметили начала прилива в отличие от капитана, который знал: уровень воды в Темзе поднимается не постепенно — воды моря устремляются в речное русло по песку, образуя огромную волну. Капитан издевательски крикнул евреям, которые забрели далеко по отмели и были отрезаны от безопасного убежища, чтобы они призвали Моисея: тот спас однажды свой народ, заставив море расступиться. В итоге все пассажиры утонули, а их имущество, оставшееся на борту, досталось команде. Когда о трагедии стало известно властям, капитан и все его люди были брошены в тюрьму.

Подобного рода преступлений происходило немного: в целом исход евреев из Англии проходил достаточно мирно. Но эти отдельные случаи явились страшной иллюстрацией того, насколько в XIII веке сильна была ненависть христиан Европы к иудеям. С тех пор евреи появлялись в Англии крайне редко, а официально вернуться в королевство им было разрешено только в XVII веке лорд-протектором Оливером Кромвеллом.

Изгнание евреев с финансовой точки зрения оказалось невероятно успешной операцией. Обрадованный парламент дополнительно предоставил Эдуарду I право собрать налог в размере одной пятнадцатой части от всего движимого имущества магнатов, рыцарей и жителей боро. Вместе с церковной десятиной это принесло казне огромный доход в 116 346 фунтов — такой суммы единовременно не удавалось собрать ни одному королю за всю историю средневековой Англии. Налог не сильно беспокоил магнатов, но зато лег тяжким грузом на плечи простолудинов. По словам монаха-августинца из оксфордширского монастыря, король обложил подданных «нестерпимой податью, поистине более тяжелой, чем кто-либо из его предшественников в прежние времена обычно устанавливал. Стенал народ безутешно, танталовыми муками терзаемый»^[98].

Когда евреи покинули Англию, всем казалось, что вслед за ними вот-вот отбудет в Утремер и сам Эдуард I. Король действительно всей душой стремился в Святую землю и собирался, подобно «новому Ричарду»^[94], искать славы за морями. Но судьба распорядилась иначе. Вписать славную главу в историю крестовых походов и в летопись побед европейского оружия над неверными Эдуарду I было не суждено. Этому помешали события, стремительно разворачивавшиеся гораздо ближе к дому — можно сказать, у самого порога королевства. И связаны они были с Шотландией.

Глава третья. «Великое дело»

В начале сентября 1290 года из Бергена, что на юго-западном побережье Норвегии, вышел корабль, который взял курс на Шотландию. Он вез драгоценный груз — семилетнюю принцессу Маргарету, прозванную Девой Норвегии, единственного ребенка короля Эйрика II Магнуссона. В самом ближайшем будущем ей предстояло стать королевой Шотландии — ведь по матери она приходилась внучкой Александру III и являлась единственной наследницей шотландской королевской династии Данкельдов, правившей страной в течение последних 250 лет.

Друг и зять Эдуарда I, король Александр III трагически погиб в 1286 году, упав с коня на скалы у побережья Файфа. Его сыновья Александр и Дэвид давно покоились в Данфермлинском аббатстве, а дочь Маргарет — в кафедральном соборе Бергена. После смерти короля Шотландией управлял совет хранителей, который пытался удержать страну от распада, пока не будет определен наследник трона. Претендентов же на корону северной страны объявилось великое множество — никак не менее тринадцати.

Выбор был нелегким, но в конце концов, не без нажима со стороны Эдуарда I, хранители остановились на Маргарете. Ее кандидатура долго согласовывалась на тройственных переговорах, в которых участвовали английский и норвежский дворы, а также шотландские магнаты, представленные четырьмя членами совета хранителей — Робертом Брюсом лордом Аннандейлским, Джоном Черным Комином Баденохским, Уильямом Фрейзером епископом Сент-Эндрюсским и Робертом Уишартом епископом Глазгоским.

Загвоздка состояла в том, что вступление на трон малолетней девочки само по себе не могло считаться верным средством предотвращения династического и властного кризиса. Поэтому разговор шел о том, чтобы доставить Маргарету на Британские острова и немедленно выдать замуж за наследника английского престола Эдуарда Карнарвонского, которому к тому моменту исполнилось шесть лет. Этот брак скреплял кровными узами английский, шотландский и норвежский королевские дома, но не объединял их королевства в одно.

В Бёргемском договоре, подписанном 18 июля 1290 года, четко проводилась мысль о том, что Шотландское королевство, несмотря на заключенный брачный союз, оставалось суверенным и отделенным от королевства Англия. Впрочем, уния — то есть объединение двух

независимых государств под властью одного монарха — могла стать реальностью уже тогда, задолго до 1603 года, когда она состоялась при Джеймсе I Стюарте^[95].

Договор гласил: «Мы согласились от имени и от лица нашего владыки короля [Эдуарда I] и его наследников, что права, законы, свободы и обычаи королевства Шотландия во всех отношениях должны быть полностью и в неприкосновенности сохранены на все времена по всему этому королевству и в его границах... Мы определенно желаем и соглашаемся именем вышеупомянутого владыки нашего короля и его наследников, а также от нашего имени, что если вышеупомянутые Эдуард и Маргарета, или любой из них, не произведут на свет ребенка, то в этом случае вышеуказанное королевство должно будет законно перейти к ближайшим наследникам, и оно будет им передано полностью, по чести, без какого-либо принуждения... Обещаем, однако, именем и от лица вышеупомянутого владыки нашего короля и его наследников, что королевство Шотландия останется обособленным и отделенным и действительно свободным, без подчинения королевству Англия, в своих законных границах и марках»^[99].

И вот Маргарета отправилась из Норвегии в Шотландию на корабле, присланном за ней Эдуардом I из Ярмута. Трюмы судна были заполнены вином, пивом, соленым мясом и рыбой. Чтобы скрасить девочке путешествие, корабль вез всевозможные яства: грецкие орехи, сахар, фиги, изюм, миндаль и имбирные пряники. Переход принцессе предстоял совершенно неопасный: между странами лежало неширокое Северное море, превосходно исследованное и пересеченное регулярными торговыми маршрутами.

В третью неделю сентября Маргарета высадилась на Оркнейских островах, лежащих в трех десятках километров от северной оконечности Шотландии, — там путешественники обычно делали остановку. Узнав о прибытии Девы Норвегии, английские послы под началом Энтони Бека князя-епископа Даремского отправились навстречу ей с дарами, состоявшими из драгоценных камней.

Однако передать подарки девочке им было не суждено, в пути они получили мрачную новость: Маргарета умерла в Керкуолле, проболев всего неделю. Причина ее смерти до сих пор остается загадкой, хотя, похоже, злого умысла в этом не было. Самым вероятным объяснением считается острое пищевое отравление, вызванное употреблением несвежих продуктов во время морского путешествия.

Впервые с начала тысячелетия Шотландское королевство оказалось

без правителя, даже номинального. Назревала кровавая распря между магнатами, поскольку совет хранителей в значительной степени потерял легитимность. Вновь подняли голову отвергнутые претенденты. В этой напряженной ситуации глава совета хранителей и убежденный сторонник союза с Англией Уильям Фрейзер епископ Сент-Эндрюсский единственную надежду на умиротворение страны видел в обращении за помощью к Эдуарду I. Он просил короля подвести английские войска к границе, что успокоило бы особо горячие головы. Епископ писал: «Ежели на самом деле случилось так, что наша госпожа покинула этот свет (что, может, и не так), то не соблаговолит ли ваша светлость подойти к границе для утешения шотландского народа и предотвращения кровопролития, чтобы верные королевству люди могли сохранить свои клятвы нерушимыми и избрать королем того, кто должен наследовать по закону и кто будет следовать вашим советам?»^[100] Уильям Фрейзер был искренне уверен, что гарантией легитимных и законных выборов нового короля могут стать только огромный авторитет и крепкая власть английского монарха.

*

Однако Эдуарду I в тот момент было совсем не до шотландских раздоров. Его постигло огромное горе, надолго заслонившее все прочие проблемы. Королева Элеонора, его обожаемая и преданная жена, слегла от рецидива лихорадки, которую она подхватила во время последнего пребывания в Гаскони. В ноябре 1290 года Элеонора по обыкновению сопровождала мужа в его путешествии по Англии. Проезжая через деревню Харби в Ноттингемшире, расположенную неподалеку от Линкольна, она неожиданно почувствовала себя крайне плохо. Эдуард немедленно прервал поездку и не отходил от постели жены с 20 по 28 ноября, пока она не испустила последний вздох. Леоноре исполнилось 49 лет, из них 36 лет она была замужем за Эдуардом. Она стала его неразлучной спутницей и родила ему 15 детей, из которых выжило шестеро — пять дочерей и сын, наследник трона.

Эдуард очень горевал по жене. Он писал Иву II де Шассану, аббату знаменитого бенедиктинского монастыря Ключи: «И вот нашу вышеупомянутую супругу, которую мы при жизни нежно любили, не можем разлюбить и в смерти»^[101]. Ни о каком возвращении к шотландским

проблемам пока не могло быть и речи — король забросил вообще любые государственные дела. В непритворной печали он ехал во главе похоронной процессии, которая медленно двигалась на юг через Линкольн, Грантэм, Стамфорд, Геддингтон, Хардингстоун, Стоуни-Стаффорд, Уоберн, Данстебл, Сент-Олбенс, Уолтем, Уэстчип и Чаринг.

В этих городах процессия делала остановку, и в каждом из них Эдуард приказывал установить большие каменные кресты, служившие зримыми символами того глубокого траура, в который погрузился король. В народе их прозвали «крестами Элеоноры». Мысль почтить память покойной супруги таким способом была рождена воспоминанием о крестах Монжуа, установленных по пути от Эг-Морта до Парижа, когда во Францию было доставлено тело умершего в Восьмом крестовом походе короля Луи IX. Три из двенадцати крестов Элеоноры сохранились до сих пор, удивляя взор венчающими их ажурными башенками, точеными статуями и прекрасным листовым орнаментом.

Десять дней занял путь от Харби до Вестминстера, где останки королевы Элеоноры были забальзамированы и захоронены по частям — такой странной привилегией обладали особы королевской крови. Внутренности упокоились в церкви Богоматери в Линкольне, сердце заключили в золотую раку, изготовленную ювелиром Адамом, и поместили в новой доминиканской церкви в Бридуэлле. Само тело за неделю до Рождества было захоронено в Вестминстерском аббатстве. Эдуард I нанял известного скульптора Уильяма Торрела, дабы тот увенчал могилу королевы позолоченной статуей. На расходы король не скупился — кресты Элеоноры и гробница обошлись казне в 2200 фунтов, а само изображение королевы — в 100 фунтов.

Не в силах расстаться со счастливыми воспоминаниями о годах, прожитых рядом с любимой, король удалился в Эшриджское приорство, основанное его кузеном Эдмундом Корнуоллским. Там, в уединении и молитвах, среди буковых лесов Эдуард I провел Рождество. Он щедро оплатил мессы, чтобы душа королевы не долго пребывала в чистилище: Джон Ле Ромейн архиепископ Йоркский через шесть месяцев после смерти Элеоноры писал королю, что по его покойной супруге отслужено 47 тысяч месс, хотя звучит это невероятно. Но что совершенно точно — в оплату заупокойных служб к церкви отошли королевские маноры Нолл, Арденс-Графтон и Лэнгдон в Уорикшире, Бидбрук в Эссексе, Уэстерхэм в Кенте и Тёрвестон в Бакингемшире.

В начале 1291 года король покинул Эшридж и направился в Эймсбери к матери, здоровье которой также вызывало у него большие опасения. Туда Эдуард I приказал доставить выдержки из древних хроник, которыми можно было бы подтвердить его сюзеренитет над шотландскими землями. Эту важную работу он по совету Энтони Бека князя-епископа Даремского приказал возглавить аббату Джону Брокхемптонскому, настоятелю древнейшего Ившемского аббатства — того самого, где покоилось тело Симона де Монфора графа Лестерского.

В помощь аббату было призвано еще 30 ученых монахов из всех областей страны. Тщательному исследованию подверглись не только монастырские регистры и хроники, но также королевские архивы. И действительно, труды этой комиссии увенчались частичным успехом — в анналах удалось отыскать кое-какую информацию, если не полностью отвечающую требованиям Эдуарда I, то по крайней мере очень близкую к ним. Выяснилось, например, что два последних короля Шотландии — Александр II и его сын Александр III — были женаты на английских принцессах и приносили королям Англии оммажи за свои английские владения. Эти весьма ограниченные клятвы верности при большом желании можно было истолковать шире, распространив их действие на все северное королевство.

Далее оказалось, что Уильям I Лев^[96] и тот же Александр II платили дань английской короне, а первый из них даже приносил в 1175 году формальный оммаж Генри II Короткой Мантии за Шотландию как за феодальный лен. Правда, от вассальной зависимости четырнадцатью годами позже его освободил Ричард Львиное Сердце в обмен на десять тысяч серебряных марок, крайне необходимых для участия в Третьем крестовом походе.

Ознакомившись с представленными ему документами, Эдуард I с головой погрузился в «Великое дело» — так назвали сложнейшее судебное разбирательство, в котором предстояло определить среди тринадцати претендентов на шотландский трон того, чьи права были бы самыми обоснованными. «Великое дело» не только имело огромное значение для Англии и Шотландии, поскольку надолго определяло отношения между двумя странами, но и служило королю отличным средством, чтобы отвлечься от грустных раздумий о жене, ушедшей в мир иной.

Эдуард I видел в «Великом деле» отличный шанс усилить свое

влияние на шотландскую политику. Более того, в случае благоприятного развития событий он намеревался вершить ее самостоятельно. Король Англии не собирался судить криво ради достижения своих целей — он на самом деле был твердо убежден, что Шотландия является его вассальным леном. В планы Эдуарда I входило стать бретвальдой — этот древний англосаксонский титул, обозначающий «правитель Британии», присваивался во времена гептархии^[97] тем королям, которые сумели распространить свою власть на сопредельные государства.

Еще до начала процесса по выбору короля Шотландии Эдуард I открыто продемонстрировал, что именно себя он считает господином и повелителем всех Британских островов. Хронист из цистерцианского аббатства Уэверли писал: «Эдуард, король Англии собрал магнатов королевства и тех, кто составлял его совет. Он заявил о своем намерении взять под свой контроль короля и королевство Шотландия, как недавно подчинил своей власти Уэльс, введя армию в ту землю. Так же вскоре он овладеет и упомянутым королем Шотландии»^[102].

Эдуард I пригласил всех претендентов на вакантный шотландский трон встретиться с ним в Норэмском замке, расположенном на северной границе Англии в графстве Нортумберленд. К началу мая 1291 года там собрались английские судьи, хронисты, папский нотариус и множество шотландцев — лордов, прелатов, рыцарей и представителей городов. Судья королевской скамьи сэра Роджер Брабазон 10 мая во всеуслышание объявил, что Эдуард I явился в Норэм как верховный властитель Шотландского королевства, чтобы согласно своей феодальной обязанности справедливо рассудить вассалов. Брабазон потребовал до начала разбирательства передать Эдуарду Шотландию как вакантный лен, судьба которого должна быть решена королем.

После этого судья зачитал более чем спорные и неполные доказательства, собранные английскими хронистами и монахами, особенно подробно останавливаясь на случаях принесения оммажа шотландцами вплоть до времени правления Генри II и старательно игнорируя всё, что произошло позднее.

*

Ошеломленные и совершенно неподготовленные к такому повороту дел шотландцы поначалу не смогли ничего противопоставить английским

аргументам. Однако Роберту Уишарту епископу Глазгоскому удалось быстро собраться с мыслями и решительно отвергнуть притязания английского короля. За ним в себя пришли и прочие шотландские представители. Они потребовали, чтобы им дали время ознакомиться с делом глубже и отложить процесс на три недели. Король согласился, назначив продолжение разбирательства на 2 июня 1291 года. Но при этом он поклялся именем святого Эдуарда Исповедника, что ни на йоту не отступится от своих претензий.

К указанному сроку шотландцы подготовили тщательно выверенное письменное заявление, в котором попытались оспорить правомочность претензий Эдуарда I на сюзеренитет над Шотландией. Они заявили, что шотландский народ не знает таких пунктов закона, согласно которым можно было бы обосновать вассальное подчинение английскому королю. Поэтому они никак не могут обязать своего будущего монарха признать себя вассалом короля Англии. Шотландцы заявили, что в отсутствие законного владыки им невозможно принять на себя ответственность за столь важное решение.

В ответ англичане резонно заметили, что именно при отсутствии в Шотландии короля как раз и следует признать верховную власть Эдуарда I — единственного, кто в состоянии дать им законного монарха. Как бы там ни было, но склонить чашу весов в споре на свою сторону шотландские представители не смогли. Реальной альтернативой вассального подчинения Эдуарду I были только гражданская война и вторжение иностранного войска, которого не пришлось бы долго ждать. Магнаты английского Севера держали свои дружины в полной боевой готовности, а за Святым островом, в каких-то десяти километрах от Берика курсировал английский флот. Поэтому шотландцам пришлось смириться с предложенными условиями. Они поклялись подчиниться суду Эдуарда I и принять его решение.

Воодушевленный одержанной победой английский король немедленно потребовал передачи под его контроль всех шотландских коронных замков. Он изменил состав совета хранителей, введя в него англичанина — йоркширского лорда Брайана Фицалана Бидейлского. Эдуард I дал возможность шотландцам избрать канцлера, но постановил, что тот должен все свои шаги согласовывать с клерками лорд-канцлера Англии. Затем король отправился в поездку по Шотландии. Он посетил крупнейшие и важнейшие города страны — Эдинбург, Стерлинг, Данфермлин, Сент-Эндрюс и Перт. В переданные ему 23 замка, разбросанные по всей стране и обеспечивавшие контроль над ней, король назначил новых констеблей.

Однако и это путешествие ему пришлось в срочном порядке прервать, ибо он получил еще одно трагическое известие. На этот раз гонец доставил письмо, в котором сообщалось о смерти второй обожаемой королем женщины. Его мать Элеонора Прованская скончалась в Эймсберийском приорстве в ночь на 25 июня 1291 года в возрасте 68 лет. Эдуард I приказал отложить похороны до его прибытия. Объявив о перерыве в работе английской и шотландской делегаций, он спешно выехал на юг. Элеонора была похоронена в день Вознесения Девы Марии, то есть 15 августа в том самом монастыре, где она провела последние месяцы своей жизни. Однако до наших дней ее могила не сохранилась, поэтому Элеонора — единственная английская королева, место захоронения которой точно не локализовано.

*

Слушания по «Великому делу» возобновились в Берике 2 сентября 1291 года. На них присутствовали 24 английских судьи и 80 шотландских юридических советников. Среди тех, кто метил на шотландский трон, были и владетельные особы — к примеру, Эйрик II Магнуссон, король Норвегии или Флорис V граф Голландский. Каждый претендент или представитель претендента зачитывал перед судьями в часовне Берикского замка свою родословную, начиная с того предка, который мог передать ему право на корону. Пятеро или шестеро участников не смогли придумать ничего лучше, как доказывать свое происхождение от королевских бастардов, которых особенно много было у Уильяма I Льва. Остальные оперировали более законными доводами.

Мужская линия, идущая от брата Уильяма Льва — Дэвида графа Хантингдонского — прервалась на Джоне Скотте, последнем независимом графе Честерском. Флорис Голландский претендовал на шотландский трон в качестве потомка старшей сестры Дэвида Хантингдонского. Он утверждал, что Дэвид был отстранен от наследования короны как мятежник и поэтому все права на нее перешли к его сестре. Джон Черный Комин Баденохский попытался проследить свое происхождение от короля Доналда III, но судей не убедил.

Порой юристам приходилось выслушивать удивительные истории, звучавшие как сказка. К примеру, один из претендентов поведал им о гибели некоего короля, не известного ни одному хронисту. Сын его также был убит жестоким дядей, а дочь тайно бежала в Ирландию, где вышла

замуж и передала права на трон своим детям, от одного из которых и произошел, по его собственным словам, автор занимательной фантазии.

Среди множества обладателей запутанных или невероятных родословных самые обоснованные претензии были у Джона Балиола из замка Барнард в Дареме и Роберта Брюса лорда Аннандейлского. Первый приходился внуком старшей дочери Дэвида графа Хантингдонского, а второй — сыном младшей дочери графа. Но чьи права предпочтительнее? Этот вопрос оказался не таким простым.

Шотландия в основном управлялась англо-нормандскими магнатами, так что в ней действовали примерно те же обычаи наследования, что и в Англии. Однако, как выяснилось, они не были строго кодифицированы и в кризисных ситуациях порождали возможность двоякого толкования. Пресечение династии Данкельдов вызвало, несомненно, глубокий кризис преемственности власти. В частности, возникли сомнения в том, насколько вообще законно наследование по женской линии. Но самой большой проблемой стал вопрос о том, что важнее — право первородства или кровное родство.

В первом случае несомненное преимущество имел Джон Балиол, так как наследовал старшей дочери. Во втором — Роберт Брюс, поскольку его отделяло от графа Хантингдонского всего два поколения, а не три, как у соперника. Сторонников обоих правил было в достатке, и разрешить эту коллизию исключительно юридическим путем оказалось затруднительно, хотя старые прецеденты говорили в пользу Балиола. Именно так считала, к примеру, «История Уильяма Маршала»:

Да, сир, твердит нам здравый смысл,
Что истинна такая мысль:
Наследник должен быть один,
Но не племянник — только сын [\[103\]](#).

Интересный, хотя абсолютно не приемлемый ни для кого выход предложил еще один претендент на корону — Джон лорд Хестингс, потомок третьей дочери все того же графа Хантингдонского. Он предложил разделить Шотландию между отпрысками трех сонаследниц на Лотиан, Олбан и Стратклайд. Никаких обоснований в истории страны такому принципу наследования не было. Кроме того, Эдуард I не желал дробления Шотландии, владение которой он считал своим неотъемлемым правом.

Сбор доказательств от многочисленных претендентов занял десять дней, после чего все документы поместили в запечатанный мешок. Судьи приступили к анализу претензий, и, судя по всему, эта работа грозила затянуться надолго. Пользуясь случаем, Эдуард I отбыл на юг, ибо проблемы, требующие королевского внимания, возникали постоянно в разных концах его обширного королевства.

На этот раз он был обеспокоен продолжавшимися междоусобицами, которым с упоением предавались заносчивые и гордящиеся своей независимостью лорды Уэльской марки. Победить это зло не удавалось пока ни одному английскому монарху. Вот уже двести лет они устанавливали на приграничных территориях свои законы, ведя по собственному усмотрению частные феодальные войны. Королю не оставалось ничего другого, кроме как вынужденно мириться с подобной вольницей, поскольку лорды марки прикрывали западные границы страны и отражали набеги валлийцев. Теперь, после двух дорогостоящих кампаний, Уэльс был приведен в подчинение и приграничные лорды из защитников королевства превратились в простых смутьянов, которые своим эгоистичным поведением способны были в одночасье разрушить то здание законности и порядка, которое Эдуард I так кропотливо возводил. С его вступлением на трон они вроде бы притихли, но во время длительной поездки короля в Гасконь междоусобицы вновь вспыхнули в Уэльской марке.

Конкретным поводом для вмешательства короля стала распря между самым богатым и могущественным магнатом Гилбертом де Клэром графом Глостерским и лордом — верховным констеблем Хамфри де Боэном графом Херефордским и Эссекским, не утихавшая уже как минимум в течение двух лет. Началась она с того, что граф Глостерский задумал построить замок в Морле — на земле, которую граф Херефордский считал своей. Договориться миром графам не удалось, а посему им пришлось прибегнуть ко второму традиционному для приграничья способу решения конфликта — частной войне. Полилась кровь, пылали дома, гибли посевы.

Позиции у Хамфри де Боэна были значительно слабее, чем у Гилберта де Клэра, который приходился зятем самому королю. Кроме того, граф Херефордский не сумел приобрести в марке верных союзников. Напротив, он враждовал, и тоже по территориальному вопросу, еще и с другим могущественным соседом — Джоном Гиффардом. Поэтому Хамфри де

Боэн решил пренебречь воинственными обычаями пограничья и направил жалобу непосредственно королю. Эдуард I приказал обоим графам немедленно прекратить междоусобицу. Хамфри де Боэн повинился, однако Гилберт де Клэр, надеясь на родство с королем, проигнорировал его волю.

Спорить с Эдуардом I было себе дороже. В октябре 1291 года король созвал парламент в Абергевенни — городе на реке Аск, в самом сердце Уэльской марки. Оба магната были признаны виновными в похищениях скота и убийствах людей. Приговор звучал сурово — заключение и конфискация имущества. Впрочем, смутьяны могли облегчить свою участь, выразив покорность королю и искупив свое бесчестье. Как и следовало ожидать, они согласились заплатить за освобождение: строптивый граф Глостерский выложил десять тысяч марок, а смилившийся граф Херефордский — тысячу. Затем король нанес им основной удар. Земли Гилберта де Клэра в Гламоргане и Хамфри де Боэна в Брекноке были переданы королю и только потом возвращены прежним владельцам, но уже не по древним хартиям, а по королевскому пожалованию как ленные владения.

Случай с графами Глостерским и Херефордским был не единственным. Королевский бейлиф в Монтгомери Бого де Новилл принес жалобу на Эдмунда де Мортимера Уигморского, который своей властью схватил человека, подозреваемого в совершении уголовного преступления, заточил его в тюрьму, судил своим судом и приговорил к казни, вопреки требованиям Новилла выдать обвиняемого. Эдуард вызвал учинившего самоуправство лорда на свой суд. Эдмунд де Мортимер не стал противиться воле короля, поэтому отделался сравнительно легким штрафом в 100 марок. Однако его владения в Уигморе также были лишены всех древних свобод и привилегий, превратившись в простые феодальные лены. Особенно унижительным для лорда оказалось требование передать-таки Бого де Новиллу тело казненного преступника, с тем чтобы оно было повешено, но уже согласно королевскому закону.

Ни финансовые убытки, ни территориальные потери, ни угроза тюрьмы не были бы для лордов марки столь же тяжелы, как уязвленная гордость — их всевластие в собственных наследственных владениях ушло в прошлое, полуавтономность пограничных земель была фактически упразднена. Борьба за полное уравнивание статуса лордов марки и прочих английских лордов велась еще долго, но первый, самый решительный шаг был сделан Эдуардом I. Король не посягал на юрисдикцию магнатов пограничья, если они не выходили за те рамки, которые он считал

приемлемыми. Однако его судьи жестко утверждали превалирование королевских законов над местными обычаями и старыми привилегиями, которыми так долго кичились лорды марки.

Эдуард I также призвал на суд еще одного приграничного феодального барона — Теобальда де Вердана, враждовавшего с Николасом приором Лантонийским. Когда королевский шериф начал расследование этой междоусобицы в Эвиас-Лейси, Вердан воспрепятствовал отправлению судопроизводства, явившись на вызов с вооруженным отрядом в 600 человек. Но с королем такие фокусы не проходили, и Теобальду пришлось отправиться за решетку. Свободу себе он добыл, только уплатив штраф в размере 500 фунтов.

Поставив на место лордов марки, Эдуард I вновь обратился мыслями к крестовому походу. Хотя он и приостановил подготовку, но формально от него не отказывался и не забывал о нем ни на минуту. К тому времени ситуация в Святой земле стала совершенно безнадежной, поскольку 30 мая 1291 года мамлюки захватили последний оплот крестоносцев — Акру. Весть о падении крепости привела в шок весь христианский мир.

В конце мая 1292 года Эдуард I вернулся на Север и в канун праздника Иоанна Крестителя, то есть 23 июня 1292 года, написал королю Венгрии Андрашу III Венецианцу из Берика-апон-Туида: «Что касается того, что ваша светлость благородно предложила нам для служения Господу и для чести и величия веры христианской, то за щедрость вашу мы приносим вам благодарность, провидя в этом великое и трепетное желание служить Ему (ибо несчастная Святая земля была освящена Его кровью). Поскольку перед тем, как мы приняли вашего посланника, мы приказали и твердо объявили о подготовке нашего перехода через море, от сего нашего ордонанса отступить мы не можем. Однако касательно тысячи рыцарей и конных лучников, которых за свой счет на один год для помощи в указанной Святой земле вы предложили нам предоставить при переходе по суше, мы повторно приносим вам свою благодарность»^[104].

*

«Великое дело» медленно, но верно шло к завершению. Судьи довольно быстро отклонили кандидатуры всех несостоятельных соискателей трона, им требовалось сделать выбор между двумя оставшимися претендентами. Первым был чрезвычайно уважаемый среди шотландских лордов 76-летний Роберт Брюс лорд Аннандейлский. Вторым

— 42-летний Джон Балиол, чей отец сражался на стороне Эдуарда I в битве при Луисе и впоследствии основал колледж в Оксфорде для бедных студентов с севера, получивший его имя. Оба были шотландцами по происхождению, оба имели обширные владения в Англии, оба выказывали свою лояльность по отношению к английскому королю. Выбор между ними действительно был весьма затруднительным.

Для решения этого вопроса Эдуард I приказал назначить еще одну комиссию. В нее вошло 80 шотландских советников, половину из которых назначил Брюс, а половину — Балиол. Еще 24 члена комиссии были английскими судьями. После долгих совещаний и многочисленных заседаний шотландцы признали, что не могут прийти к согласию. Тогда сделать окончательные выводы было поручено англичанам.

Английские судьи решили придерживаться привычной им традиции, которая отдавала безусловное предпочтение старшей линии и отвергала наследование по принципу кровного родства. Таким образом, их симпатии склонились на сторону Джона Балиола. Кандидатура Роберта Брюса помимо этой главной причины была отклонена еще и потому, что лорд Аннандейлский неосмотрительно выступил в поддержку предложения лорда Хестингса по разделу Шотландии на три части, а это было категорически неприемлемо для Эдуарда I.

17 ноября 1292 года в большом зале замка Берик состоялся финальный акт «Великого дела». Честь объявить Джона Балиола законно избранным королем Шотландии выпала судье сэру Роджеру Брабазону, с самого начала возглавлявшему английских юристов, вовлеченных в «Великое дело». Церемония коронации состоялась в Скуне, древней столице Шотландского королевства, 30 ноября, в день святого Андрея. Новый законный король Джон I воссел на коронационном Камне судьбы. Обряд проводили англичане Энтони Бек князь-епископ Даремский и Джон де Сент-Джон, который выступал в качестве официального представителя малолетнего Доннахога (или, по-простому, Дункана) мормэра^[98] Файфа, обладавшего наследственным правом проведения коронации. В тот же день печать, использовавшаяся хранителями королевства во время междуцарствия, была разбита, а ее осколки отправлены в Англию.

Эдуард I был полностью удовлетворен. Но его торжество омрачала смерть преданного друга и мудрого советника — лорда — верховного канцлера Роберта Бёрнелла, который не дожидаясь этого момента всего месяц и скончался здесь, в Берике, 25 октября 1292 года. Не все любили Бёрнелла так же сильно, как король, которому тот служил беззаветно. «И был он в общении с людьми приветлив, но, как говорят, преисполнен

коварства сверх меры», — писал о покойном монахе Данстемблского приорства августинцев^[105]. На вакантную должность лорда — верховного канцлера Эдуард I назначил хранителя архивов Джона Лэнгтона, который не обладал столь же блестящими талантами, как его предшественник, но был способным, исполнительным и верным слугой. А главное — пользовался полным доверием короля, несмотря на то, что был однажды обвинен в превышении полномочий и оштрафован.

26 декабря Джон Балиол в сопровождении двадцати трех шотландских магнатов прибыл в Ньюкасл, где принес Эдуарду I оммаж по всей форме, признав, что держит Шотландию от английской короны: «Монсеньор сир Эдуард, король Англии, суверенный сеньор королевства Шотландия! Я, Джон де Балиол, король Шотландии, становлюсь вашим вассалом в отношении королевства Шотландия и всех прилежащих и зависимых территорий; каковое королевство я держу и должен держать по праву и по притязанию, согласно наследованию как сам, так и мои наследники, короли Шотландии, от вас и от ваших наследников, королей Англии. Я клянусь быть верным и лояльным вам и вашим наследникам, королям Англии, жизнью, и членами, и мирской честью...»^[106]

*

Оба короля задержались в Ньюкасле и вместе отпраздновали там Рождество. Казалось, между ними установилось полное взаимопонимание, однако Эдуард I при всем внешне дружеском расположении к Балиолу не упускал из виду собственные интересы. Его планы относительно Шотландии еще не были исполнены до конца. Используя свои незаурядные дипломатические способности, он стремился установить полное господство над северным соседом и действовал в этом направлении исключительно последовательно.

Поначалу, когда только создавалась комиссия по выборам, Эдуард I отдал решающий голос именно шотландцам, ничем серьезно при этом не рискуя. Он прекрасно осознавал, что сторонники разных кандидатов не смогут договориться между собой. Так и получилось — все без исключения решения, принятые комиссией, в конечном счете были инспирированы королем Англии. Эдуард I на корню пресек попытку раздробить страну на три части, а затем спас ее от введения туманного «естественного права», за которое ратовал Роберт Брюс. Исполнительно, не

прибегая к насильственным методам, он подвел членов комиссии к выбору того претендента, который был ему выгоден.

До поры до времени его действия казались шотландцам не просто справедливыми и законными, но в некотором роде даже комплементарными. Сам Балиол поначалу искренне заблуждался, думая, что королевский титул поставит его на одну ступеньку с южным «другом и соседом». Однако он сильно просчитался. Эдуард I организовал выборы вассала, а не равного себе властелина. Прошло совсем немного времени, и король Англии обнаружил свои истинные намерения.

Когда Генри II Короткая Мантия или Джон Безземельный требовали оммажа от шотландских королей, они не стремились подчинить их своей власти фактически, на практике. Всё ограничивалось формальным изъявлением покорности, и такая политика устраивала обе стороны. На протяжении многих поколений шотландские короли находились в превосходных отношениях с английскими и имели обширные владения в Англии — в частности, им принадлежало графство Хантингдонское.

В отличие от предшественников Эдуарда I подобное положение вещей категорически не устраивало. Он добивался полного, реального и публично подтвержденного подчинения Шотландии. Недаром по его приказу к простой формуле оммажа был добавлен пункт о праве короля Англии в качестве сюзерена выслушивать апелляции шотландцев на решения короля Шотландии. Этот юридический нюанс прямо противоречил Бёргемскому договору 1290 года, в котором четко говорилось, что никто из подданных шотландского трона не обязан держать ответ за пределами своего королевства за те деяния, которые были совершены в пределах этого королевства. Однако Эдуард I заявил, что не считает себя связанным обязательствами Бёргемского договора, поскольку брак его сына Эдуарда Карнарвонского и Маргареты Девы Норвегии не состоялся.

Вместе со своими советниками он демонстративно заслушал дело некоего Роджера Бартоломью, горожанина из Берика и шотландского подданного, который подал апелляцию на три приговора, вынесенных ему судом хранителей Шотландии. Один из этих приговоров был аннулирован королем Англии.

Дальше — больше. Эдуард I принял к рассмотрению жалобу на самого Джона Балиола. Ее принесли опекуны несовершеннолетнего Дункана МакДаффа мормэра Файфа. Они утверждали, что сначала их подопечному было отказано в праве наследования части земель в северном Файфе, а затем и сам юный мормэр был несправедливо брошен в тюрьму по приказу короля Шотландии. Эдуард I потребовал от Балиола предстать по этому

делу перед английским парламентом весной 1293 года, но тот приезжать отказался и заявил, ссылаясь все на тот же Бёргемский договор, что не признает за парламентом права принимать и рассматривать апелляции из Шотландии. Тогда Эдуард I прибег к угрозам, пообещав в случае неподчинения отобрать три самых важных королевских замка. Балиол вынужден был отступить, и на Михайлов день письменно признал свой отказ от каждой из статей Бёргемского договора.

Вся Шотландия перенесла это как серьезное унижение, которого соотечественники Джону Балиолу так никогда и не простили. Это был момент истины, когда король-вассал и его подданные с негодованием осознали, что Эдуард I превратил шотландскую монархию в фикцию. Сил для сопротивления у самих шотландцев не было, но своим бесцеремонным вмешательством в дела соседей английский король буквально толкал их на поиск могучих союзников. Таким образом, взоры шотландских лордов и прелатов все чаще обращались к Франции — тем более что у Англии отношения с этой страной постепенно становились все менее и менее дружескими.

*

В XIII веке основные торговые морские пути шли через Ла-Манш и вдоль атлантического побережья Франции. Купцы доставляли свои товары в многочисленные портовые города — от Фландрии до Пиренейского полуострова. Конкуренция между торговцами была весьма острой. Особенно яростно ненавидели друг друга моряки из Нормандии и из Пяти Портов. На сторону последних в постоянно возникавших конфликтах всегда становились гасконцы из Бордо и Байонны. Непримириемые противники обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Имела хождение, в частности, такая история: «Однажды [нормандцы] встретили шесть английских кораблей и тут же атаковали два из них. Они немедленно убили там людей и собак, повесив их на реях своих кораблей, и так плавали по морю, не делая различия между собакой и англичанином»^[107].

В 1292 году вспыхнула массовая драка в одном из портов Нормандии, когда экипажи английских и гасконских судов сошли на берег и как следует потрепали агрессивно настроенных хозяев, причем один нормандец был тяжело ранен. В ответ нормандцы провели рейд в эстуарий Жиронда, где в чисто пиратском стиле атаковали английские и ирландские суда. Наконец, 15 мая 1293 года произошло настоящее морское сражение. Возле мыса

Пуэнт-Сен-Матье встретились англо-гасконский и нормандский торговые флоты. Несмотря на то, что англичане уступали в численности, они наголову разбили противника. Затем победители разграбили Ла-Рошель и вернулись в Портсмут с богатой добычей.

Эдуард I ничуть не осуждал своих моряков, полностью возлагая ответственность за все конфликты на подданных французского короля. В то же время он совершенно не желал раздувать международный скандал и портить отношения с сильным соседом из-за пиратских действий торговцев, к какой бы нации они ни принадлежали. Эдуард I писал, скрывая свое одобрение под маской напускной суровости: «Приказываем простым морякам всего флота Англии и Байонны под страхом конфискации имущества и товаров соблюдать нынешний мир с королем Франции и, поскольку Господь уже даровал им победу над злобой их врагов, воздерживаться от причинения вреда нормандцам или прочим во французских владениях»^[108].

Филипп IV также поначалу делал вид, что не желает осложнений в отношениях между странами. Он даже послал в Бордо своего рыцаря, который торжественно объявил, что французским подданным строжайше запрещается атаковать английские суда. Однако Филипп IV не считал Эдуарда I равным себе и смотрел на него свысока — подобно тому, как сам английский король смотрел на короля шотландского. И точно так же, как владыка Англии, французский монарх имел четкие планы относительно политики своей страны и последовательно претворял их в жизнь. Филипп IV был холодным, расчетливым и жестоким правителем, тяжесть его руки чувствовали не только другие государи, но и собственные подданные. Недаром Данте Алигьери в «Божественной комедии» назвал короля «болью Франции». Правда, в русском переводе эта нелестная характеристика почему-то звучала как «французский злодей»^[99].

Филипп IV не собирался упускать возможность, которую подарила ему судьба. Предлог для того, чтобы заставить кузена предстать перед парижскими судьями, был просто идеальным. Король Франции потребовал от английского наместника Джона де Сент-Джона немедленно взять под стражу должностных лиц Гаскони и ее жителей, которые были причастны к стычкам с нормандцами, и держать их в заключении до суда. Наместник ожидаемо не повиновался, и тогда Филипп IV призвал английского короля предстать в январе 1294 года перед Парижским парламентом в качестве пэра Франции, а следовательно, вассала французской короны, и ответить за пиратские действия, совершенные его подданными.

Не желая ссориться с могущественным монархом, но и не собираясь потакать его необоснованным притязаниям, Эдуард I отправил вместо себя представительное посольство во главе со своим братом Эдмундом графом Ланкастерским и Генри де Лейси графом Линкольнским. Чуть позже в Париж прибыли опытные советники, в число которых вошли Ричард Грейвзэнд епископ Лондонский, судья Роджер де Брабазон и Уильям Гринфилд декан Чичестерский.

Филипп IV предложил английским послам заключить секретную сделку, которая якобы могла сохранить его лицо. Она заключалась в следующем: Эдуард I публично заявлял об отказе от Гаскони и передавал шесть ее крепостей королю Франции. Затем он вступал в брак с сестрой Филиппа IV, одиннадцатилетней Маргаритой. В свою очередь, король Франции давал обязательство немедленно вернуть Гасконь на правах вассального владения Эдуарду и его детям от второго брака, не занимать аквитанских земель вооруженной силой, не менять там должностных лиц, а также не настаивать больше на личном присутствии английского короля на разбирательствах в Парижском парламенте. Таким образом, честь Филиппа IV оказывалась спасенной, а Эдуард I ничего не терял.

Однако король Франции вел переговоры лицемерно, с напускной добротой, держа камень за пазухой. Почему опытные английские дипломаты да и сам король Эдуард I, далеко не глупый человек, клюнули на эту нелепейшую ловушку — непонятно не только нам, отдаленным потомкам. Современники также терялись в догадках. Возник даже слух, что король Англии потерял голову, очарованный прелестями юной красавицы, которую ему предлагалось взять в жены. Однако эта сплетня действительности явно не соответствовала по нескольким причинам. Во-первых, Эдуард I всегда ставил государственные интересы выше личных. Во-вторых, он совершенно точно не был похотливым сатиром. А в третьих, ему гораздо больше нравилась старшая сестра предполагаемой невесты — Бланка.

Вероятнее всего, Эдуард I ошибочно счел Филиппа IV рыцарем и человеком чести. Сама же комбинация у него не вызвала никаких подозрений, потому что была совершенно обычной для феодальной системы отношений. За примерами далеко ходить не надо — стоит лишь вспомнить временную передачу Шотландии самому Эдуарду на время королевских выборов.

Так или иначе, но в результате затеянной французским королем комбинации англичане оказались в дураках. После того как 3 февраля 1294 года Эдуард I отдал приказ впустить в замки Гаскони французских уполномоченных, армия Филиппа IV вторглась в герцогство и заняла его столицу Бордо. Некоторое время спустя глава английского посольства Эдмунд Ланкастерский поинтересовался, когда же французский король собирается выполнить свою часть сделки. В ответ Филипп, откровенно нарушая соглашение, послал 28 апреля Эдуарду I вызов в Парижский суд, а затем 5 мая — повторный вызов. 19 мая 1294 года в Парижском парламенте было объявлено, что французский король ничего никому возвращать не собирается, а герцог Аквитанский лишается своего лена за оскорбление сюзерена и неподчинение его законным требованиям.

Эдуард I был возмутительным образом обманут, поскольку все переговоры оказались лишь уловкой, чтобы захватить Гасконь. В руках английского короля осталась только область вокруг Байонны, а также небольшие города Бур и Блай на Жиронде. Его гневу не было предела. Ко всему прочему, Эдуарда угнетало понимание того, что придется на некоторое время распрощаться с мыслью о крестовом походе. Он повелел закрыть английские порты для французских судов и таким же образом приказал действовать шотландскому королю, своему фактическому вассалу. Предвидя немалые траты, Эдуард сыграл на опережение и отдал распоряжение шерифам графств начать конфискацию шерсти по всей стране — якобы для предотвращения ее экспорта во Францию. На самом деле продажа этого ценного сырья становилась королевской монополией, от чего казна должна была получить ощутимый доход.

Производителям Эдуард I твердо пообещал, что впоследствии компенсирует все убытки, и они смирились с неизбежным. Но конфискация вызвала яростное сопротивление со стороны торговцев. Они предложили королю альтернативный вариант, согласно которому каждый мешок с шерстью должен облагаться высоким налогом в пять марок. Такая подать, в отличие от конфискации, не приводила к вытеснению торговцев из дела, поскольку они имели возможность переложить возросшие затраты на плечи производителей и покупателей, предлагая первым заниженные закупочные цены, а вторым — высокие продажные. Проект передал королю богатейший торговец шерстью Лоуренс из Ладлоу. Эдуард I согласился с этим предложением, и конфискация была остановлена. Поначалу король приказал таможенникам взимать по пять марок с мешка высококачественной шерсти и по три марки с обычной. Но поскольку точно дифференцировать качество шерсти было нелегко, скоро стали взимать по

три марки с мешка, независимо от того, какое сырье находилось внутри. Налог был отменен в 1297 году, и за время его действия в казну поступило более 110 тысяч фунтов — в среднем по 36 тысяч ежегодно.

Введение новых таможенных правил совпало с полным разрывом между королем и банкирским домом Риккарди из Лукки, который долгое время был основой созданной Эдуардом кредитно-финансовой системы. Похоже, итальянцы не вовремя оказались в кризисе и не смогли отвечать по своим обязательствам. Компания одновременно лишилась доступа к таможенным доходам, а вслед за этим ее активы в Ирландии и в Англии были конфискованы по королевскому приказу.

Эдуард I потребовал введения особого налога на землевладельцев, торговцев и прелатов. Однако получить их согласие оказалось непросто, так как англичане традиционно считали защиту заморских владений короля его личным делом и не горели желанием нести убытки ради возвращения гасконских земель. Но на сей раз король отступить не собирался и в конце концов добился разрешения на сбор налога в размере десятой части с имущества магнатов и рыцарей графств, а также шестой части с имущества лондонских торговцев. За счет этого в течение полугода казна пополнилась почти на 45 тысяч фунтов.

Сломить сопротивление церкви оказалось делом куда более сложным, но Эдуард настоял на своем и тут. Под предлогом изъятия из обращения порченных монет он приказал «проверить» деньги, собранные для крестового похода. Сундуки, от которых не были выданы ключи, просто взламывались. В общей сложности королевские слуги изъяли в церковных закромах 32 480 фунтов, после чего начался торг. В результате долгих и жарких препирательств на церковном соборе, состоявшемся в капитульной палате Вестминстера, прелаты неохотно выразили готовность отдать пятую часть своих доходов. Эдуард I потребовал половину и опять добился своего, ибо велик был трепет перед ним, когда он пребывал в сильном гневе. Дебаты шли напряженно, и король в конце концов впал в такую ярость от упорства служителей церкви, что декан собора Святого Павла от испуга упал у его ног замертво. Общая сумма поступлений в казну была оценена в 100 тысяч фунтов.

*

Решив неотложные финансовые вопросы, Эдуард I обратился к своим гасконским подданным и попросил у них прощения за роковой сговор с

Филиппом IV, обернувшийся такими непредвиденными осложнениями. Он пообещал как можно скорее вернуть утраченные земли и назначил наместником Гаскони своего племянника Жана де Дрё, второго сына герцога Бретонского. Прежний наместник герцогства Джон де Сент-Джон получил должность сенешаля Гаскони.

Затем король послал четырех монахов к Филиппу IV с объявлением о денонсации принесенного им французскому королю оммажа. Он заявил, что вынужден пойти на такой шаг, ибо вассал имеет право разорвать феодальный договор в случае нарушения сюзереном своих обязательств. И, поскольку Эдуард отказался унижаться перед Филиппом так, как это сделал Джон Балиол, две страны-соперницы — Англия и Франция — оказались на грани войны. Доблестный Энтони Бек князь-епископ Даремский позволил себе дать королю недвусмысленный совет не искать мирного пути урегулирования конфликта:

Восстань, приободришь, не спи ты как монах,
Одевшись в хауберк, низринь мерзавца в прах!
На боевом коне скачи с копьем в руках,
Друзей отыщет щедрость — сила есть в деньгах... [\[109\]](#)

Эдуард I извлек на свет божий старые военные планы, предусматривавшие первым этапом создание союзов и коалиций с владетельными князьями, чьи земли располагались к северу и востоку от Франции, а вторым — прямое вторжение английской армии на континент. Его послы под руководством Энтони Бека князя-епископа Даремского работали не покладая рук. Выходец из знатной линкольнширской семьи, полновластный хозяин в своем графстве и в своей епархии, этот прелат поразительным образом умел сочетать совершенно несовместимые вещи — преданность королю и приверженность клерикальным и аристократическим традициям.

Большинство северных и восточных соседей Франции были встревожены захватнической политикой ее правителя, особенно германский король Адольф Нассауский, который в обмен на субсидию в 100 тысяч марок согласился объявить войну Филиппу IV. Подобным же образом поступили зятья Эдуарда — Ян II герцог Брабантский и Генрих II граф Барский. Первый вступил в союз за 160 тысяч турецких ливров, второй — за 30 тысяч марок. Архиепископ Кёльнский Зигфрид фон Вестербург обещал за десять тысяч марок выставить тысячу кавалеристов. Райнальд I

граф Гельдернский встал на сторону англичан за 100 тысяч турецких ливров.

Флорис V граф Голландский поначалу согласился принять участие в антифранцузской кампании за 80 тысяч турецких ливров, однако вскоре пересмотрел свое отношение к экспедиции и переметнулся к французам. Точно так же поступил и тот, на кого особенно рассчитывал Эдуард I и кто мог бы действительно усилить коалицию, — Ги де Дампьер граф Фландрский, который слишком боялся своего французского сюзерена, чтобы выступить против него. Графа не соблазнило даже предложение Эдуарда обвенчать наследника английского престола с его дочерью. Фламандские ремесленники и торговцы были практически разорены из-за введенного Англией эмбарго на поставку шерсти через французские порты. Однако Ги де Дампьер вынужден был отказаться от союза с Эдуардом и пренебречь интересами своих подданных. По правде говоря, у него не было особого выбора: Филипп IV взял в заложницы его дочь, и графу ничего не оставалось, кроме как встать на сторону Франции.

Эдуард I планировал переброску войск в Гасконь в три этапа. Небольшой, но хорошо экипированный авангард под командованием наместника Жана де Дрё и сенешаля Джона де Сент-Джона готовился отплыть из Портсмута в июле. Более крупные армии Эдмунда графа Ланкастерского и Генри де Лейси графа Линкольнского должны были выступить осенью, а сам он с основным войском собирался покинуть Англию в канун Рождества.

В помощь флоту Пяти Портов король приказал построить еще 200 кораблей, для которых спешно начали заготавливать лес. Командовать флотом он назначил Уильяма де Лейборна, сына своего старого слуги. Король пожаловал ему титул *Amiral de la Mer du Roy d'Angleterre* — адмирала моря короля Англии, первый адмиральский титул в английской истории. Чуть позже в Ярмуте был сформирован еще один флот, получивший название флота Севера. Командовать им Эдуард получил Джону Ботетуру — человеку не слишком знатному, но обладавшему несомненными военными талантами.

Можно считать, что именно в этот 1294 год зародилась практика помилования преступников в обмен на службу в армии во время боевых действий. Король приказал своим судьям сэру Роджеру Брабазону и Уильяму Берефорду предлагать осужденным участвовать в Гасконской кампании. Согласившихся на это набралось немало — по меньшей мере 300 человек. Однако палка была о двух концах. Ведь легкость, с которой завербованные в армию получали помилование, не способствовала возвращению заблудших в лоно закона, а напротив, частенько

провоцировала их на новые преступления.

Король провел лето 1294 года в Хемпшире, наблюдая за подготовкой армии и флота. Но его планам в очередной раз не суждено было воплотиться в жизнь. Флот, перевозящий авангард, действительно отчалил в запланированные сроки. Однако суда были прибиты штормом назад к берегам Англии и смогли добраться до берегов Франции лишь в октябре. Небольшая экспедиция поначалу достигла большего, нежели от нее можно было ожидать. По пути на юг она разграбила поселения на мысе Пуэнт-Сен-Матье и острове Ре. Когда флот прибыл в Жиронду, англичане взяли Кастийон и Мако, затем Бург-сюр-Мер и Блей. Правда, атака на Бордо была отбита, и один корабль получил серьезные повреждения от камня, выпущенного защитниками города из осадного орудия.

Из Жиронды суда двинулись вверх по реке Гаронна. Не доходя до Кадийяка, солдаты сошли на берег. Англичанам сдались Подансак, Вирелад и Рион, где к ним присоединились отряды местных гасконских сеньоров. Жан Бретонский и Уильям Латимер остались с частью армии в Рионе. Джон де Сент-Джон отправился в Байонну, жители которой, верные королю Англии, с радостью открыли перед ним ворота. На большее сил у авангарда не хватало, а отправление остальных войск задерживалось.

*

Если даже сами англичане не горели желанием участвовать в заморской войне, то новые подданные — валлийцы и шотландцы — испытывали по этому поводу еще меньше энтузиазма. В конце сентября 1294 года из Уэльса стали поступать тревожные вести. Возможности валлийцев поднять восстание были весьма ограниченными. Им запрещалось проводить собрания без королевского разрешения и в отсутствие королевских чиновников. Они не могли владеть землями во вновь основанных городах. Им не разрешалось носить оружие в городах и предоставлять ночлег незнакомцам более чем на одну ночь. Свои товары они должны были продавать исключительно на городских рынках.

Но одобренный парламентом налог в одну пятнадцатую имущества тяжелым грузом лег на плечи и без того бедных жителей Уэльса. Именно он послужил искрой, от которой вспыхнуло восстание. На день святого Михаила взбунтовался Мадог ап Ливелин, дальний родственник Ливелина ап Грифита, объявивший себя единственным законным наследником древних князей Уэльса. Валлийские рекруты, которые явились на сбор в

Шрусбери и уже получили оружие, тут же переметнулись на его сторону. Повстанцы спустились с холмов Сноудонии и осадили Карнарвон. В окрестностях замка восставшие схватили сэра Роберта де Пулсдона, шерифа Англси, и тут же на месте предали его казни.

Мадога поддержали остатки практически уничтоженной местной знати. Одновременно вспыхнули Кармартен и Пемброкшир, где во главе бунтовщиков встал Малгоин ап Рис, потомок князей Дехейбарта. На юге Морган ап Маредит и Кинан ап Маредит опустошали земли графа Глостерского. Началась Третья война за независимость Уэльса.

Английские гарнизоны Флинта, Ридлана, Конви, Харлеха, Билта и Кардигана, редко насчитывавшие более тридцати-сорока вооруженных воинов, с трудом отбивались от осаждавших. Генри де Лейси граф Линкольнский собрал сильный отряд и двинулся снимать осаду с принадлежавшего ему замка Денби. Однако по пути он нарвался на засаду и потерпел разгромное поражение. Пало несколько замков, принадлежавших лордам марки, — Ратин, Молд и Харден. Казалось, Уэльс вот-вот будет вновь потерян. Но огромные крепости Железного кольца устояли, и Эдуард I успел перебросить войска, готовившиеся отплыть во Францию, к границам мятежных земель. Отложив свой французский проект, он полностью сконцентрировался на подготовке зимней кампании в Уэльсе. Король приказал лордам из внутренних английских графств явиться с вооруженными отрядами к 21 ноября в Вустер. Взялись за оружие лорды марки. Сам Эдуард I привел сильную армию в Честер. В прибрежные замки Уэльса корабли начали доставлять припасы и подкрепления. В общем на севере собралось около 21 тысячи воинов, в центральных марках — еще десять тысяч, и на юге — около четырех тысяч солдат.

Придерживаясь отработанной тактики нанесения главного удара, король из Честера вторгся в Денбишир, а затем вдоль реки Клайд вышел к морскому побережью у Ридлана. К Рождеству он уже стоял в Конви, а в начале января дошел до Бангора и Карнарвона. Однако его обоз попал в засаду в одном из заросших лесом ущелий и был захвачен валлийцами. Это произошло недалеко от того места, где двенадцатью годами ранее погибла армия Люка де Тани.

Король с небольшой свитой оказался отрезанным от главных сил мощным наводнением, и ему пришлось вернуться в Конви, который подвергся всем тяготам осады. Защитники замка страдали от недостатка еды, из которой у них был небольшой запас хлеба и солонины. На весь гарнизон нашелся лишь один маленький бочонок вина. Естественно, его

принесли королю, но Эдуард I решил делить со своими людьми скудный паек: «Нет, в дни нужды всё должно быть общим, и все мы будем жить одинаково. А тот, кто стал причиной лишений, не должен питаться лучше других»^[110]. В результате король, как и все остальные, пил воду, слегка подслащенную медом. Две недели небольшой гарнизон держал оборону. В конце января уровень воды спал и осада замка была снята подоспевшими английскими войсками. В апреле король захватил Англси, переправившись через пролив Менаи, а затем двинулся на юг.

Армия под командованием Уильяма Бошана графа Уорикского 5 марта 1295 года перехватила войско Мадога, совершавшего набег на Поуис. Мятёжники заняли сильную позицию на поле Майдог (по-валлийски Майс-Майдог), их фланги прикрывали два леса. Они укрепили концы копий в земле, чтобы легче было противостоять кавалерийской атаке. Вспомнив опыт сражения на Оревинском мосту, в котором погиб Ливелин ап Грифит, граф Уорикский использовал его, несколько модифицировав тактику применительно к другим условиям боя. Он разместил отряды лучников и арбалетчиков между группами латников. От града стрел валлийцы понесли настолько тяжелые потери, что английская кавалерия смогла практически беспрепятственно прорваться через заграждения. Сам Мадог чудом спасся, но его армия была полностью уничтожена.

*

Битва при Майс-Майдоге имела огромное значение не только как решающее сражение Третьей войны за независимость Уэльса, но и как важный этап в разработке тактики взаимодействия пехоты и латников, который в будущем открыл путь к громким победам английских воинов над французами при Креси и Пуатье, где умелое взаимодействие разных видов войск, вооружение, дисциплина и выдержка позволили им нивелировать подавляющее численное превосходство врага.

После разгрома армии Мадога ап Ливелина удача окончательно отвернулась от валлийцев. Все подходы к долинам были блокированы англичанами, мятежники голодали, а их враги регулярно получали провизию по морю из Бристоля, Дублина и Уэксфорда. Хамфри де Боэн граф Херефордский заманил в ловушку и разгромил еще один сильный отряд валлийцев. Сэр Реджиналд де Грей Уилтонский, двигаясь из Ридлана на юго-запад, методично выбивал валлийцев из лесов, где те искали укрытия. К лету 1295 года Эдуард I пересек всю страну, дошел по

побережью от Мерионета до Кардигана, заставил капитулировать Моргана, затем повернул на восток в Гламорган и, наконец, вернулся через Поуис к Карнарвону и Англси.

В конце июля сдался сам Мадог. Как ни странно, король не стал приговаривать бунтовщика к казни, а просто заточил его пожизненно в лондонский Тауэр. Также он пощадил Моргана ап Маредита, который был вообще отпущен на волю. Казнены были только Кинан ап Маредит и двое его соратников.

Эдуард I вернулся в Вустер и вознес там благодарность господу на алтаре святого Вульфстана епископа Вустерского в Великом Молвенском приорстве. Он приказал начать расследование причин восстания и создать для этого комиссию: «Джону де Хейверингу, судье Северного Уэльса, и Уильяму Сикону, констеблю замка Конви, по жалобе людей Северного Уэльса, касающейся посягательств, ущемления прав, вымогательств, притеснений и тяжких потерь, причиненных им шерифами, бейлифами и другими служителями короля в этих краях с тех пор, как эта земля перешла в руки короля»^[111]. На деле расследование не принесло никаких существенных плодов, поскольку самый главный раздражающий фактор так и остался без изменений — наложенное на Уэльс финансовое бремя облегчено не было. Однако излишней жестокости Эдуард I также не проявлял, так как был твердо уверен — с мятежами непокорных валлийцев отныне покончено навсегда.

Потомки, не способные простить ушедшим героям их величия, сочинили легенду о том, что Эдуард I якобы в своем бессилии перед гордым духом горцев приказал уничтожить всех валлийских бардов. Английский поэт XVIII века Томас Грей, купившийся на эту ложь, написал пронзительную оду «Бард»:

О смерть, расправься с королем!
Недвижны стяги от смущенья —
Победы вихрь их тряс крылом,
Теперь же нет ни дуновенья,
Кольчуга, шлем, спасающий от ран,
И доблесть не помогут, о Тиран,
Не скроешь страх под королевским платьем
Пред скорбью Камбрии, пред Камбрии проклятьем!^{100}

Между тем «истребленные» барды продолжали творить как ни в чем

не бывало с удвоенным рвением. Их произведения с момента ухода Эдуарда I из Уэльса и в течение последующего века заняли в знаменитой коллекции антиквара и собирателя валлийской средневековой литературы Оуэна Джонса больше четверти объема тома, посвященного поэзии и охватывавшего период с VI по XIV века.

Победа обошлась Англии весьма дорого. Современники не без оснований полагали, что если бы король в качестве платы своим магнатам пообещал отдать часть захваченных у врага земель, то война закончилась бы куда быстрее и стоила казне куда меньше. Однако Эдуард I решил по-другому. Во-первых, он не желал усиления лордов марки, и без того отличавшихся крайней независимостью в поведении и кичившихся собственной силой, с которыми король вел тяжелую борьбу за сокращение их привилегий. Во-вторых, он не собирался на этот раз менять структуру землевладения в Уэльсе. Местная знать была практически уничтожена, и ему казалось правильным позволить наследникам мелких землевладельцев, пусть даже сражавшихся против него, сохранить свои земли, но держать их непосредственно от короля или его наследника. Гарантией от очередного восстания Эдуард I считал угрозу конфискации этих владений в случае нелояльного поведения собственников. Поэтому лордам пришлось довольствоваться денежным вознаграждением, которое вряд ли покрыло их реальные расходы.

Помимо 54 тысяч фунтов, потраченных на саму кампанию, еще в 11 300 фунтов обошлось возведение замка Бомарис на севере острова Англси. Его строительство началось в 1295 году, но так никогда и не было закончено. Бомарис стал последней крепостью Железного кольца, предназначенной для полного контроля над проливом Менаи и островом — житницей Гуинета. Всего на создание Железного кольца казна выложила около 80 тысяч фунтов стерлингов — правда, в эту сумму следует включить также затраты на возведение стен городков, которые закладывались одновременно с замками.

Часть третья. Молот шотландцев

Глава первая. Конец шотландской независимости

Несмотря на то, что Третья война за независимость Уэльса окончилась победой, Эдуард I не мог позволить себе почивать на лаврах. Войска, только что с успехом подавившие последние очаги сопротивления валлийцев, как воздух нужны были в Гаскони. После первых успехов английской армии положение там становилось катастрофическим.

На Пасху 1295 года Шарль граф де Валуа, брат короля Франции, вторгся в Гасконь с большой армией и осадил Подансак, заперев в городе гарнизон, которым командовал Джон Гиффард. Английский командир, не видя возможности долго сопротивляться превосходящим силам противника, согласился сдать город в обмен на свободу всех англичан, включая его самого. Поступок Гиффарда разгневал гасконцев, их не успокоило даже то, что он немедленно был обвинен в измене и отдан под суд. В английской армии начались беспорядки, пехотинцы взбунтовались. Жан Бретонский с большинством своих рыцарей едва спасся. Они спешно погрузились на судно и бежали, бросив на произвол судьбы Рион.

Филипп IV прекрасно понимал, что лучший способ укрепить власть над Гасконью — это утвердить господство своего флота в Ла-Манше и Бискайском заливе. Он даже нанял кораблестроителей в Генуе и заложил на верфях Нормандии новые галеры. Но похвастаться какими-то серьезными достижениями в морской войне король Франции так и не смог. Высадка французских войск возле Уинчелси была сорвана подошедшим из Ярмута английским флотом. Галера, попытавшаяся атаковать Хайт, была захвачена англичанами. Единственным успехом стало разграбление и сожжение Дувра отрядом Матье IV де Монморанси. Никакого военного значения эта «победа» не имела, поскольку более всего от рук нападавших пострадал монастырь, который французы ограбили, убив двух монахов.

Тогда Филипп IV решил прибегнуть к диверсиям. Во время бегства англичан из Риона в плен к Шарлю де Валуа попал гламорганширский рыцарь из королевской свиты — сэр Томас Тёрбервилл. В обмен на свободу он согласился стать французским шпионом. Сэр Томас вернулся в Англию, где рассказал наспех выдуманную историю о своем героическом побеге из тюрьмы. Его задачей была подготовка капитуляции перед французскими войсками одного из портов на Ла-Манше. Параллельно он безуспешно пытался убедить Моргана ап Маредита поднять новое восстание в Гламоргане.

Измену Тёрбервилла вскоре помогло раскрыть перехваченное письмо, адресатом которого значился прево Парижа. В нем предатель сообщал о численности войск, которые планируется отправить в Гасконь, подробно перечислял дипломатические усилия английского короля по созданию антифранцузской коалиции, а также доносил, что остров Уайт фактически беззащитен перед вооруженным нападением. В сентябре 1295 года сэр Томас Тёрбервилл был схвачен и приговорен к смертной казни. Это разрушило все надежды Филиппа IV на организацию масштабной диверсии. Вслед за этим ярмутский флот под командованием Джона Ботетура отомстил за нападение на Дувр — англичане предали огню Шербур и разграбили богатое аббатство Нотр-Дам-дю-Вё.

Получив решительный отпор, Филипп IV отказался от своих планов по установлению своего рода континентальной блокады (оказывается, Наполеон был не первым французским владыкой, лелеявшим такие мечты) и вторжению в Англию. Однако гасконские владения Эдуарда I практически полностью оставались во власти французского короля.

Профинансировать возврат Гаскони из доходов самого герцогства король Англии не мог. Хотя ему удалось получить кредит у флорентийской банкирской компании Фрескобальди в размере 200 тысяч флоринов, этих средств явно не хватало. Эдуард I был уверен, что при поддержке лорда — верховного канцлера Джона Лэнгтона и его однофамильца лорда — верховного казначея Уолтера Лэнгтона сможет убедить своих подданных в необходимости введения очередного специального налога. Он рассчитывал заручиться поддержкой лордов в деле организации экспедиции во Францию, поскольку атаки французов на порты Ла-Манша и предательство Тёрбервилла вызвали настоящую панику среди населения — ходили даже слухи, что полномасштабное французское вторжение в Англию уже началось.

Король собрал магнатов и произнес перед ними одну из тех блестящих речей, на которые он был мастер: «Поистине весьма широко известно — мы даже убеждены, что во всех уголках мира — каким образом король Франции землю нашу Гасконь у нас коварно захватил и как подло ее удерживает. А ныне, не удовлетворившись вышеуказанными коварством и подлостью, для захвата уже нашего королевства флот великий и многочисленную армию солдат собрал, с которыми королевство наше и королевства сего население враждебным образом задумал присвоить, а народ английский, если хватит сил добиться задуманного ужасного беззакония (да сохранит нас от этого Господь!), полностью с лица земли стереть»^[112].

Однако собравшиеся в Вестминстере лорды повели себя как обычно — почти четверть из них во главе с Ричардом Фицаланом графом Эранделским, убежденным противником заморских экспедиций, отказалась служить королю на континенте. Они вновь заявили, что Гасконь — забота исключительно Эдуарда I и никоим образом не Англии. Тогда король пригрозил тем, кто уклонялся от участия в Гасконской кампании, что потребует немедленного погашения всех их долгов перед казной. А долги эти у многих были немалыми — так, вождю недовольных графу Эранделскому пришлось бы в кратчайшие сроки выплатить 5232 фунта. Соппротивление магнатов было сломлено.

Король распорядился построить галерный флот из тридцати 120-весельных судов на верфях в Лондоне, Ньюкасле-апон-Тайне, Саутхемптоне, Лайм-Риджисе, Гримсби, Кингс-Линне и Йорке. К этим галерам присоединились нанятые для военной службы торговые суда. Эскадры патрулировали прибрежные воды. По всему южному побережью от Кента до Корнуолла были расставлены наблюдатели. Помимо этого местные энтузиасты — как мужчины, так и женщины — внимательно обследовали горизонт в поиске флагов или парусов французского флота. Остров Уайт, к которому предатель Тёрбервилл хотел привлечь особое внимание Филиппа IV, обороняли 76 латников.

*

Опасность со стороны Франции была, к сожалению, не единственной. Эдуарду I, как правило, не доставляла хлопот Ирландия, но в период усиления напряженности между Англией и Францией дела пошли не лучшим образом и там. Юстициарий Уильям де Весси, унаследовавший феодальное лордство Килдэр, стал вести себя крайне высокомерно и авторитарно. Это вызвало негодование могущественного Джона Фицтомаса лорда Оффали и главы влиятельной семьи Джералдинов. В Лондон полетело донесение, что Весси пытается организовать заговор против короля и стремится добиться независимости Ирландии от Англии. Весси всё отрицал, и Джон Фицтомас предложил доказать свою правоту в судебном поединке.

Эдуард I не дал состояться бою и отстранил Весси от должности юстициария. Он приказал провести расследование, однако дело выглядело слишком щекотливым, чтобы принимать какие-то жесткие решения. Король предпочел затянуть процесс, сославшись на множество других неотложных

и действительно важных проблем.

Франция, Ирландия... Этих двух угроз было вполне достаточно, чтобы держать Эдуарда в напряжении. Но существовала еще и третья проблема, постепенно становившаяся все более и более значимой. Посаженный Эдуардом I на шотландский трон Джон Балиол оказался правителем слабым и недалеким. С одной стороны, он не мог сопротивляться власти английского короля, но с другой — точно так же не мог противостоять давлению собственной знати, часть которой была крайне недовольна подчиненным положением своей страны, выглядевшим со всех сторон крайне унижительным.

Наслаждался властью Балиол недолго. Группа национально ориентированных шотландских баронов вскоре отстранила короля от управления государством. При ее активном участии парламент страны избрал комитет из четырех епископов, четырех графов и четырех лордов, получивший название Совета двенадцати. Этот орган сосредоточил в своих руках всю полноту власти, а король Джон стал всего лишь послушной марионеткой, не способной ни на какие самостоятельные действия.

Первым делом Совет двенадцати постарался максимально испортить отношения с южным соседом. Он отказался признавать законной любую апелляцию к английскому суду по внутришотландским вопросам и приложил все силы, чтобы изгнать из Шотландии и лишить собственности тех магнатов, которые, на взгляд его членов, относились к Англии слишком лояльно. Таких «изменников» набралось немало, ибо, как правило, шотландская знать исторически имела владения в обеих странах. Среди изгнанников оказался и Роберт Брюс — сын главного соперника Балиола в борьбе за корону, унаследовавший после недавней смерти отца титул лорда Аннандейлского.

Совет двенадцати взял за правило демонстративно не исполнять приказы, приходящие из Лондона и Вестминстера. Вопреки требованию Эдуарда I торговля с Францией не была прервана. Вызов, направленный Джону Балиолу как вассалу английской короны, а также восьми шотландским графам и двенадцати баронам явиться в Портсмут с воинскими отрядами для отправки в Гасконь, был проигнорирован.

Вместо этого Джон Балиол, понуждаемый советниками, согласился на заключение союзного договора с Францией, который был подписан 22 октября 1295 года в Париже. По его условиям Балиол давал обязательство начать войну против Эдуарда I всеми своими силами, чтобы лишить его возможности вторжения на континент. Со своей стороны Филипп IV обещал отвлечь внимание английского короля, если тот решит отомстить

Шотландии за неповиновение. Скрепить этот договор должен был брак сына Балиола и племянницы Филиппа IV.

Вот так родился долгосрочный союз, впоследствии получивший название «Старый альянс», который угрожал Англии в течение долгих 265 лет — до 1560 года! И самым неприятным для Эдуарда I было то, что он сам фактически спровоцировал его создание своими действиями по превращению Шотландии в вассальное государство. Более того, только благодаря неустанной борьбе английского короля за единство и целостность Шотландии альянс стал возможен, ибо разделенная на три части страна не представляла бы никакого политического интереса для Франции.

Настроенные против Англии магнаты не позволили Джону Балиолу отложить исполнение обязательств в долгий ящик. Они постарались максимально осложнить жизнь английским торговцам в Берике. Шотландские отряды переходили границу, грабили близлежащие города и деревни, убивали их жителей.

*

Эдуарду I в очередной раз пришлось спешно переписывать сценарий. При такой опасности с севера гасконские проблемы, к сожалению, вновь отступали на второй план. Простить или проигнорировать измену ближайшего соседа было никак не возможно. В конце ноября 1295 года король созвал очередной парламент. Королевская канцелярия разослала приглашения восьми графам и сорока одному лорду. Их содержание не сильно отличалось от того, что было написано в послании к двоюродному брату Эдуарда I: «Король своему возлюбленному и верному родственнику Эдмунду графу Корнуоллскому — привет. Поскольку мы желаем встретиться и обсудить с вами и с другими магнатами нашего королевства способы противостояния опасностям, которые в эти дни угрожают всему нашему королевству, то мы приказываем и строго предписываем вам, полагаясь на преданность и любовь, которыми вы нам обязаны, лично присутствовать предстоящей зимой в Вестминстере в воскресенье, следующее за праздником святого Мартина^[101], чтобы обсудить, предписать и решить вместе с нами, с прелатами, с прочими магнатами и с другими жителями нашего королевства, как следует устранить подобные угрозы»^[113].

Этот парламент получил название Образцового, поскольку считалось, что именно он послужил моделью для всех последующих английских и британских парламентов вплоть до наших дней. Помимо светских лордов для участия в нем были приглашены епископы и аббаты, а также рыцари-представители от графств и лучшие горожане.

До Эдуарда I английские короли вполне обходились Великими советами — совещаниями, на которые приглашались военачальники, светские и духовные магнаты. Никому и в голову не приходила идея сословного представительного собрания — кроме разве что Генри III, который пытался двигаться в этом направлении, но крайне робко. Эдуард первым осознал, что после одобрения важнейших государственных решений всеми сословиями королевства эти решения будут исполняться более добросовестно. При созыве Образцового парламента он ввел схему, ставшую классической: в Вестминстер прибыли лорды, по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от каждого боро. Духовенство было представлено епископами, архидиаконами и деканами, а также прокторами от каждого собора.

Эдуард I произнес перед собравшимися речь, в которой пообещал, что никто не окажется внакладе, если окажет ему финансовую помощь. Он просил проявить национальную солидарность перед лицом общей опасности. К своему удовлетворению король обнаружил, что его подданные дают деньги на шотландскую кампанию куда охотнее, чем на французскую. Если Гасконь была где-то очень далеко от Англии как в прямом, так и в переносном смысле, то Шотландия находилась совсем рядом, можно сказать, под боком.

Король сравнительно легко получил согласие парламента на сбор налога в размере одиннадцатой части имущества магнатов и седьмой части — горожан. Казна пополнилась таким образом на 46 тысяч фунтов. Но духовенство оказалось не столь покладистым, и подстрекал прелатов к сопротивлению новый архиепископ Кентерберийский. С каждым последующим примасом Эдуарду I везло все меньше. Его коронацию проводил Роберт Килуордби, с которым отношения сложились очень хорошие. С Джоном Печемом, сменившим Килуордби, у короля постоянно возникали весьма серьезные разногласия. Однако Печем проявил себя мудрым государственным деятелем и дельным советником, что позволяло им каждый раз находить разумные компромиссы и не доводить дело до открытого противостояния светской и духовной властей. Но в 1292 году отошел в мир иной и Джон Печем. На его место папа Целестин V прислал Роберта Уинчелси — архидиакона Эссекса и канцлера Оксфордского

университета. Уинчелси был крупным ученым-теологом, обладавшим твердым характером и острым умом. К сожалению, по принятии сана архиепископа Кентерберийского все свои таланты он сразу же направил на противостояние королю буквально во всем.

Именно благодаря влиянию Роберта Уинчелси духовенство не согласилось выделить Эдуарду I больше, чем десятину. Король настаивал на повышении налога, но поколебать прелатов ему не удалось. Впрочем, он и так получил достаточно средств для снаряжения двух армий, которые весной 1296 года должны были действовать и против французов, и против шотландцев.

*

Оставить страну и отплыть за море лично Эдуард I не мог из-за шотландской угрозы. Поэтому флот из 354 судов, на борту которых разместилось около семи тысяч воинов, отправился в конце января 1296 года под командованием младшего брата короля Эдмунда графа Ланкастерского, едва оправившегося после тяжелой болезни, и Генри де Лейси графа Линкольнского.

К началу марта англичане без особых проблем добрались до Жиронды и высадились на берег возле Бура и Блая. Эта область все еще находилась под контролем Джона де Сент-Джона и стала местом сбора гасконских отрядов. Если двумя годами ранее Жану де Дрё и упомянутому Джону де Сент-Джону какой-то успех на начальном этапе все же сопутствовал, то графы Ланкастерский и Линкольнский столкнулись с хорошо организованным противодействием: французы успели подготовиться к их прибытию. 28 марта англо-гасконская армия попробовала внезапным штурмом захватить Бордо, однако гарнизон был настороже и отбил атаку. Для долговременной и методичной осады у англичан не было осадных машин. Попытка подкупить нескольких видных горожан, чтобы они открыли городские ворота, провалилась. Ни силой, ни хитростью Бордо отвоевать не удалось.

Тогда армия двинулась на Сен-Макер, расположенный в 50 километрах от столицы Гаскони вверх по течению Гаронны. Город взять удалось достаточно легко, но гарнизон отступил в замок Тард и продолжал доблестно сопротивляться. Англичане оказались в очень невыгодной ситуации, поскольку вынуждены были задержаться на одном месте — защитники замка лишили их возможности маневра. Неожиданно графом

Линкольнским овладело предчувствие опасности. Он приказал провести розыск, в результате которого были выявлены три французских шпиона, затесавшиеся в ряды осаждавших. Двоих тут же казнили, а третий перед лицом неминуемой смерти признался — к Сен-Макеру подходит сильная армия под командованием Робера II графа д'Артуа.

Если бы не тревога, так кстати охватившая Генри де Лейси, французы застали бы англо-гасконское войско врасплох и наголову разгромили его, имея значительное численное превосходство и эффект внезапности. Но благодаря полученной от раскрытого шпиона информации командиры успели организованно отвести войско от стен непокоренного замка.

Англичане отступили на юго-запад к Байонне. Черода неудач, преследовавшая их, не способствовала поднятию боевого духа. Кроме того, у них заканчивались деньги. А 5 июня 1296 года экспедиция получила еще один удар — в Байонне скончался Эдмунд Ланкастерский, так и не оправившийся до конца от своей болезни. Воинственный принц приходился прапрадедом Генри Болингброку, свергнувшему в конце XIV века законного короля Ричарда II и севшему на трон под именем Генри IV. Этот акт узурпации стал причиной столетней смуты, включавшей в себя знаменитые Войны Роз, и привел к сходу с исторической сцены Анжуйской династии, прекратившей свое существование.

После смерти графа Ланкастерского командование англо-гасконской армией единолично принял на себя Генри де Лейси граф Линкольнский. Но в лучшую сторону ход кампании это не изменило. Предпринятая им затяжная осада Дакса не увенчалась успехом, да и в дальнейшем практически ничего не было достигнуто.

*

Оставшийся в Англии Эдуард I, напротив, действовал быстро, решительно и эффективно. Прежде всего, в ответ на недружественные действия Совета двенадцати он предпринял зеркальные шаги, приказав захватить все земли и все имущество, которыми владели в его стране шотландцы. Исключение составили изгнанники, пострадавшие за свои проанглийские симпатии. Король приказал Джону Балиолу в качестве превентивной меры передать ему три приграничных замка, в том числе Берик. Балиол сделал вид, что согласен с требованиями своего формального сюзерена, но открывать перед англичанами ворота крепостей не собирался — он лишь надеялся выиграть время. Однако Эдуард не был

расположен медлить в ожидании ответных действий человека, которого он однозначно считал теперь противником.

В начале 1296 года в северных портах Саут-Шилдс и Тайнмут собрался внушительный флот. У границ Шотландии сосредоточилась огромная армия, разбившая лагерь под Ньюкасл-апон-Тайн. Половину из десяти тысяч пехотинцев составили ополченцы северных графств, половину — валлийцы. Командовали ими *servientes Regis ad arma* — профессиональные воины на королевской службе, каждый со своим конем и оружием, получавшие круглогодичное жалованье в один шиллинг. Это была неплохая плата, поскольку рыцарям тогда король платил два шиллинга, но только во время военных действий. Конницу составляли свиты лордов и рыцарей. Авангард вел старый вояка Джон де Уоррен граф Саррейский, а все войско возглавлял Энтони Бек князь-епископ Даремский — могущественный прелат, чьи светские владения простирались от Тиса до Тайна. Армия до поры до времени не трогалась с места, поскольку Эдуард I дождался окончания пасхальных гуляний.

Первая стычка произошла в городке Уарк-апон-Туид. Его владелец Роберт лорд Рос Уаркский, получивший свой титул от Эдуарда I и служивший ему в войнах за независимость Уэльса, решил на этот раз выступить на стороне шотландцев. Поговаривали, что причиной такого безрассудного поступка была его страстная любовь к некоей прекрасной даме-шотландке. Роберт отказался слушать увещевания своего младшего брата Уильяма, сохранившего верность Эдуарду, и изгнал его из города. Затем он атаковал из засады английский отряд, посланный на усмирение Уарка. 17 марта город и замок были осаждены подошедшей королевской армией. Более недели Роберт де Рос со своими людьми сопротивлялся, но в конце концов бежал в свой шотландский замок Сэнкар.

Эдуарду I этот инцидент пришелся как нельзя кстати. Тот факт, что именно шотландцы первыми начали военные действия, давал англичанам определенные преимущества и оправдывал практически любые их ответные шаги. Еще больше сыграло на руку королю вторжение на английскую территорию шотландских войск в пасхальный понедельник, 26 марта. Люди Аннандейла под командованием своего нового господина Джона Комина мормэра Бахэна, которому были переданы владения «изменника» Роберта Брюса, совершили набег на Карлайл. Города они взять не смогли и вскоре удалились восвояси, разграбив и предав огню близлежащие деревни.

В Уарке-апон-Туид к английской армии присоединился сильный отряд англо-шотландской знати, в который входили свиты Гилберта де

Амфревилла графа Ангусского, Патрика де Данбара графа Марчского^{102}, а также обоих Брюсов. Старый претендент на шотландский трон Роберт Брюс, соперник Балиола, умер годом ранее в восьмидесятилетнем возрасте, но его сын Роберт лорд Аннандейлский и внук Роберт граф Каррикский^{103} сочли за благо вступить в ряды английской армии. Терять им было нечего, так как их имущество в Шотландии уже было конфисковано. Все четверо принесли Эдуарду I оммаж и клятву верности как за свои английские, так и шотландские земли.

*

В тот же самый день, когда Эдмунд граф Ланкастерский осадил Бордо — а именно в среду 28 марта, — армия Эдуарда I форсировала Туид в районе Колдстрима. Оттуда по левому берегу реки она двинулась на Берик-апон-Туид — пограничный город на северо-востоке Англии, который всегда являлся яблоком раздора между двумя королевствами. Это был важный коммерческий центр, где шла бойкая торговля лососем, сельдью, шкурами, винами и специями. Кроме того, неплохо укрепленный город и мощный замок представляли собой отличную базу для нападения на соседа.

Эдуард I предложил защитникам Берика сдаться, но в ответ услышал одни насмешки и издевательства. Шотландцы оскорбляли англичан, обзывали их «хвостатыми собаками». Это было не просто ругательством: у северян действительно бытовало поверье, что все англичане имели хвосты, которые прятали под одеждой.

Располагая превосходящими силами, Эдуард I решил не осаждать город, а взять его штурмом. В преддверии битвы 30 марта 1296 года король посвятил в рыцари нескольких молодых отпрысков знатных родов — согласно старой традиции. В их числе был 22-летний Генри де Перси, сын покойного северного магната, старого соратника короля. Он также приходился внуком другому королевскому приближенному — Джону де Уоррену графу Саррейскому. Церемонию посвящения, посмотреть на которую собралась вся армия, на кораблях флота ошибочно приняли за начало штурма. Неожиданно море затянулось густым дымом: это заговорили пушки трех английских судов, которые преждевременно вступили в битву. Корабли двинулись к гавани, но один из них наскочил на мель недалеко от города и был сожжен ликующими шотландцами.

Эдуард I бросил войско на Берик. Первым пошел в атаку под громкие звуки труб отряд Роберта де Клиффорда. Обе стороны сражались яростно, но шотландцы могли противопоставить мощному напору врага только собственную отчаянную храбрость. Улицы и стены домов покрылись кровью. Солдаты Эдуарда I убивали шотландцев тысячами, не жалея ни детей, ни женщин — по крайней мере, так заявляли хронисты из числа тех, кто не испытывал теплых чувств к англичанам.

Город пал еще до вечера, а на следующий день сдался и замок. Сколь-либо серьезное сопротивление смогли оказать только 30 фламандских торговцев, забаррикадировавшихся в своей огромной фактории, носившей название Красного дома, и мужественно отбивавших все штурмы. После множества бесплодных попыток захватить Красный дом англичане подожгли его со всех сторон, и он сгорел дотла вместе со своими защитниками. Шотландское войско было уничтожено. Торжествующие победители бросали трупы в колодцы и выкидывали в море. Их потери были невелики, хотя Эдуарда I крайне огорчила гибель кузена Ричарда Корнуоллского, незаконнорожденного сына его дяди Ричарда графа Корнуоллского, который был убит стрелой в разгар сражения.

В отместку за резню в Берике шотландские отряды совершили несколько набегов на Нортумбрию, отличавшихся крайней жестокостью. Они опустошили Тайндейл и Ридсдейл, дойдя почти до самого Хексама. Среди перепуганных жителей английского Севера ходили слухи, что в одной из церквей ими было заживо сожжено 200 человек.

Эдуард I приказал укрепить захваченный город, и английские землекопы начали рыть вокруг него гигантский оборонительный ров в 25 метров шириной и 12 метров глубиной. Король любил символические жесты, поэтому первую тачку земли вывез лично сам. Окрыленные недавней победой строители подбадривали себя песней, сочиненной тут же, в поверженном Берике:

Скотты дали деру,
Спрятались по норам,
Счастья им не будет.
Вот что шепчут люди —
Мертвыми телами
Был весь Туид завален^[114].

Эдуард I задержался в Берике еще на месяц, наблюдая за работами по

ремонту оборонительных сооружений и готовя армию к походу вглубь Шотландии. 5 апреля он получил письмо от Джона Балиола, в котором шотландский король заявлял о денонсации принесенного ранее оммажа. На этот демарш Эдуард I отреагировал скорее с презрением, чем с гневом: «О безрассудный мошенник! Какую глупость он совершает. Что ж, если он не явится к нам, то мы отправимся к нему»^[115].

*

Следующей целью кампании стал замок Данбар, стоявший ровно на середине пути между Бериком и Эдинбургом. Это была старинная каменная крепость, построенная на скальном выступе, глубоко врезавшемся в Северное море. Несмотря на то, что владелец замка Патрик граф Марчский сражался под английскими знаменами, его жена Марджори отворила ворота шотландским рейдерам, искавшим себе прибежища после кровавых набегов на английские поселения.

Отвоевывать замок Эдуард I послал Джона де Уоррена графа Саррейского с частью войска. Когда англичане подошли к замку, они увидели, что с противоположной стороны приближается сильная шотландская армия. Ее вел на выручку крепости родной брат Марджори — Джон Комин мормэр Бахэна, всего месяц назад предпринявший набег на окрестности Карлайла.

Битва произошла 27 апреля недалеко от замка у ручья Спотт. Шотландцы заняли удобную позицию на возвышенности, но, приняв маневры противника за колебания и неуверенность, оставили ее и бросились на врага, ибо за столетие мирной жизни забыли о всякой воинской дисциплине. Их беспорядочные толпы разбились о железные ряды войска, выстроенного в строгом боевом порядке. Несмотря на чудеса проявленной храбрости и мужество, шотландцы были разбиты наголову. Остатки их армии отступили к Селкёркскому лесу или укрылись в замке.

На следующий день к Данбару со всем войском подошел Эдуард I, и гарнизон замка сдался, не видя никакой возможности противостоят столь многочисленному неприятелю. В плен к англичанам попал сам мормэр Бахэна, а также три других графа — Уильям II мормэр Росса, Джон Стратбогийский граф Атоллский и Александр Стюарт граф Ментитский. Сдались на милость короля сопровождавшие их лорды и рыцари числом более ста человек. Эдуард I приказал отправить графов в лондонский Тауэр, а других пленников разослать по разным замкам Англии, не особо

заботясь о том, чтобы оказывать им должное уважение. Кого-то везли, посадив по двое на одну лошадь, а кого-то просто бросали со связанными ногами в повозки.

После падения Данбара и разгрома армии Джона Комина сопротивление шотландцев практически прекратилось. Десять дней спустя, 8 мая Джеймс Стюарт, наследственный стюард Шотландии, сдал Эдуарду замок Роксборо и принес ему по всей форме оммаж. Открыли ворота перед английскими войсками замки Дамбартон и Джедборо. А 6 июня Эдуард I остановился в Холирудском аббатстве, откуда наблюдал, как английские осадные орудия рушат укрепления Эдинбургского замка. Твердыня шотландской столицы продержалась восемь дней, после чего прекратила сопротивление. 13 июня англичане вошли в Линлитгоу, а уже на следующий день Эдуард I принял капитуляцию мощнейшего Стерлингского замка. Затем пал Перт, который местные жители в те времена чаще именовали городом Святого Иоанна. Эдуард не отказал себе в удовольствии именно тут отметить 24 июня — праздник святого Иоанна Крестителя, считавшегося небесным покровителем города. Оттуда он торжественно повел свои войска на север через все покоренное им королевство.

Джону Балиолу ничего не оставалось, кроме как покориться и публично пойти на попятный. Находясь в деревеньке Клуни, Эдуард получил от него покаянное письмо: «Джон, милостью Божьей король Шотландии, шлет привет всем, кто увидит или услышит это послание. По злumu и лживому совету, как и по собственной глупости мы сильно обидели и прогневали многими делами нашего господина Эдуарда, милостью Божьей короля Англии, господина Ирландии и герцога Аквитанского. Так же как мы, будучи обязанными ему верностью и оммажем, заключили против него союз с королем Франции, который был тогда и до сих пор остается его врагом, согласившись вести переговоры о браке с дочерью Шарля, брата французского короля, и беспокоить нашего господина, и помогать королю Франции всеми нашими силами в войне и другими способами. И по тому же злumu совету мы бросили вызов нашему господину королю Англии и отказались от оммажа и верности, объявив оммаж недействительным, а также отправили наших людей в его страну Англию, чтобы жечь, грабить, убивать и совершать много других злодеяний, и укрепили против него Шотландию, которая является его леном, путем размещения и содержания вооруженных людей в городах, замках и в других местах для защиты земли от него и для отчуждения его феодальных владений. По всем этим причинам, из-за многих наших

ошибок наш господин король Англии вступил в королевство Шотландия, и захватил его, и победил его силой, несмотря на армию, которую мы послали против него. И он имел право сделать это как господин в своих владениях, ибо мы отказались от нашего оммажа и сделали то, что было описано выше. Посему мы, действуя без какого-либо принуждения и по своей собственной воле, отдали ему страну Шотландию и всех ее людей с оммажем от всех них»^[116].

*

Прежде, чем тронуться дальше, Эдуард I приказал перевезти в Лондон весь государственный архив из Эдинбурга, а также все регалии шотландских королей. Он отправил в свою столицу даже Черный крест Шотландии — часть Животворящего креста, на котором был распят Спаситель. Эту реликвию из далекой Венгрии привезла святая Маргарет Уэссексская, вышедшая в 1070 году замуж за шотландского короля Малколма III Кэнмора.

Поменяла свое пристанище и самая главная шотландская святыня — Скунский камень, который также называли Камнем судьбы или Коронационным камнем. Он представлял собой продолговатый блок красного песчаника массой 152 килограмма и использовался в качестве сиденья во время коронации шотландских монархов. Одна из распространенных легенд относит появление этого камня еще к библейским временам и утверждает, что именно его Иаков нашел в Ханаане: «И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его»^[104]. Вот эту святыню торжествующий Эдуард I приказал доставить в Вестминстерское аббатство, где она была вмонтирована в коронационный трон.

Затем король продолжил свой путь по Шотландии, из Скуна направившись в Монтроз. В это время, 10 июля, присмиривший Балиол сдался Энтони Беку епископу Даремскому и вместе с ним прибыл на аудиенцию к своему сюзерену, завершив церемонию полного подчинения: «Упомянутый король Джон по собственной воле передал свое королевство, свой королевский сан, свои земли и имущество, оммажи и все права, за исключением тюремного заключения, в руки короля Англии вместе со своей королевской печатью в мешочке, запечатанном малой

государственной печатью»^[117].

Оставив Монтроз, Эдуард I продолжил свое триумфальное шествие вдоль восточного побережья. Вступление в каждый город, который лежал у него на пути, обставлялось весьма торжественно. Во главе кортежа ехал князь-епископ Даремский возглавлявший отряд рыцарей палатината святого Катберта^{105}, следом брел Джон Балиол в простой мантии без каких-либо знаков различия. Его родовой герб, представлявший собой серебряную внутреннюю кайму на червленом поле, был торжественно с нее сорван, за что незадачливый король получил у шотландцев прозвище «Пустой Табард»^{106}. Публичному унижению он подвергся по всему пути следования — в Стракатро, Кинкардине^{107} и Абердине.

Из Абердина Балиола отправили под конвоем в Лондон, где он составил компанию остальным пленникам в Тауэре. Эдуард I же задержался в городе с 14 по 20 июля. Оттуда вдоль реки Дон он дошел до северных городов Элгин и Банф и вышел к берегам Морейского залива. Ни один правитель Англии никогда не проникал так далеко вглубь шотландской территории. Обратный путь короля лежал через Арброт, Данди, Перт и Эдинбург. В Берик-апон-Туид он прибыл 22 августа и приказал явиться туда всем землевладельцам, которые по тем или иным причинам не принесли оммажа во время похода английской армии через Шотландию. В их числе были епископы, аббаты, приоры, графы, лорды и горожане. Все клятвы верности числом около двух тысяч были записаны и скреплены их личными печатями. Собрание этих документов получило название «Рагманские свитки»^{108}.

Вместо того чтобы дать Шотландии нового короля, Эдуард I решил править напрямую, как в Уэльсе. Он освободил Джона Балиола из лондонского Тауэра, предоставил ему кров в Англии и назначил пенсион. Шотландия для него перестала существовать в качестве независимой державы, поскольку рассматривалась теперь исключительно как часть королевства. Эдуард I даже не позаботился включить ее в официальный перечень своих титулов, который остался без изменений — «король Англии, лорд Ирландии и герцог Аквитанский». Да и его подданные не именовали больше Шотландию королевством, а называли ее просто Шотландской землей.

Затем Эдуард I отбыл на юг, по пути приказав заселить опустевший Берик английскими торговцами. Управлять Шотландией он поручил Джону Уоррену графу Саррейскому. Передавая наместнику печать Шотландии, король грубо пошутил: «Правильно поступает тот, кто избавляется от

дерьма!»^[118] Канцлером был назначен Уолтер де Амерш, казначеем — крайне непопулярный в народе толстяк Хью де Крессингем, юстициарием — Уильям де Ормсби. Администрация Шотландии обосновалась в Берике, который англичане сочли более удобным для этой цели, чем Эдинбург.

Англия ликовала. Народ повсюду распевал незамысловатые песенки собственного сочинения, в которых высмеивались шотландцы:

Простой солдат
Заголил шотландцам зад
И в грязь пинком отправил ловко.
Но кто из нас
Видал хотя бы раз,
Что кто-нибудь с такой сноровкой,
Как скотт,
Не в жаркий бой идет,
Но обирает павших трупы^[119].

*

Одержав безоговорочную победу над Шотландией, Эдуард I снова вернулся к войне с Францией. Проблема англо-французских отношений была по большому счету неразрешимой. Суверенный король Англии считался пэром Франции и вассалом французского короля в качестве герцога Гиеньского, и этот факт не давал покоя обоим монархам. Филипп IV проводил четкую политику по утверждению своего безусловного суверенитета над всеми французскими ленами без каких-либо исключений. Поэтому он настаивал, что имеет полное право выслушивать в Париже апелляции гасконцев против решений Эдуарда I, а также требовать от английского короля военной службы. В довершение всего, на нынешний момент большая часть Гаскони была фактически оккупирована французскими войсками.

Генри де Лейси граф Линкольнский некоторое время умудрялся поддерживать в герцогстве *status quo*, но 30 января 1297 года англо-гасконские войска под его командованием попали в засаду недалеко от бастиды Бельгард и были разгромлены армией Робера II графа д'Артуа. Во время боя опытнейший английский командир Джон де Сент-Джон попал в плен вместе с несколькими рыцарями, а обоз был полностью потерян.

Лишь наступившая ночь и расположенный неподалеку лес спасли англичан от полного уничтожения. «После того как враги короля Франции потерпели поражение в Гаскони, — хвастался Гийом де Нанжис, бенедиктинский монах из аббатства Сен-Дени, — у них не осталось никого, кто осмелился бы вести войну против графа д'Артуа и французов»^[120].

Когда французское войско покинуло пределы Гаскони, графу Линкольнскому удалось вновь собрать армию и даже провести успешный рейд на Тулузу, сжигая и грабя всё, что попадалось ему на пути. Однако эта акция не имела большого военного значения. На Пасху 1297 года было заключено крайне невыгодное для англичан перемирие, в результате которого почти вся Гасконь осталась в руках французов.

Эдуард I собирался атаковать противника одновременно из Гаскони и из Фландрии, чей правитель Ги де Дампьер набрался, наконец, мужества присоединиться к союзу против Филиппа IV. Сделал он это, уступая все возраставшему давлению торговых городов Лилля, Брюгге, Довая и Ипра, крайне недовольных английским эмбарго на экспорт шерсти.

Граф Фландрский был не единственным союзником, которого приобрел Эдуард I. Воюя с шотландцами, король не забывал об активной дипломатической работе по созданию антифранцузской коалиции, поскольку рано или поздно рассчитывал вернуться к гасконскому вопросу. В январе 1297 года он выдал свою пятнадцатилетнюю дочь Элизабет Ридланскую замуж за двенадцатилетнего Яна I графа Голландского, куда более расположенного к англичанам, чем его отец Флорис V (кстати говоря, убитый именно из-за своих профранцузских симпатий).

Эдуарду I удалось склонить на свою сторону также группу знатных бургундцев из Франш-Конте во главе с Жаном де Шалоном-Арле виконтом де Безансоном, которые за 60 тысяч турецких ливров обязались выставить 500 кавалеристов. Англичане могли надеяться и на помощь Амедео V графа Савойского. Таким образом, в союзе состояли теперь Голландия, Германия, часть бургундских сеньоров, Гельдерн и Фландрия. Территориально владения участников коалиции простирались от побережья Ла-Манша до Рейна.

Деньги, деньги, деньги... Как всегда, судьба военной кампании оказалась в прямой зависимости от способности короля обеспечить ее финансами. Англичане не торопились раскошелиться на очередную заморскую затею Эдуарда I. Англия и так страдала от обременительных налогов, собираемых для покрытия прежних долгов. Даже без учета шотландского похода военные расходы казны составили около 250 тысяч фунтов.

Последние десятилетия формально чрезвычайные налоги стали в реальности на удивление регулярными и очень тяжелыми. Они часто сопровождалась принудительным изъятием продовольствия и военного снаряжения. Таможенные пошлины на шерсть, известные в народе как *maltôte* («злая пошлина»), вынуждали торговцев снижать закупочные цены, по которым они платили за сырье фермерам. И все равно денег не хватало.

Король созвал очередной парламент 3 ноября в Бери-Сент-Эдмундсе. Сам он к открытию не успел и явился на заседание лишь несколько дней спустя. Лорды, рыцари графств и представители городов скрепя сердце согласились предоставить ему очередную субсидию на гасконскую экспедицию. Ее размер был определен в одну двенадцатую от имущества землевладельцев и одну восьмую от имущества горожан.

В отличие от светской части парламента с его духовной частью на этот раз договориться не удалось. Прелаты и представители низшего духовенства наотрез отказались поддержать предложение Эдуарда I о выделении ими на покрытие предстоящих военных расходов пятой части имущества. Во многом отказ был спровоцирован жесткой позицией Роберта Уинчелси архиепископа Кентерберийского, по своему обыкновению выступившего против инициатив короля.

Архиепископ был вынужден признать очевидное — война с Францией справедлива. Но при этом он сослался на изданную в апреле 1296 года папой Бонифацием VIII буллу *Clericis laicos* (лат. «Клирикам мирян»). Она запрещала священнослужителям платить любые налоги светской власти без разрешения Святого престола. Таким образом папа хотел прекратить практику постоянного обращения к церковной казне персонально королей Франции и Англии. Апеллируя к авторитету наместника Петра, Роберт Уинчелси убедил клириков не предоставлять Эдуарду I никакой финансовой помощи: «Вам хорошо известно, господа мои, и об этом невозможно умолчать, что под Господом всемогущим у нас есть еще два владыки — а именно, духовный и светский; духовный владыка — папа, а светский — наш владыка король. И хотя мы обязаны послушанием им обоим, однако в большей степени — духовному, а не светскому»^[121].

Но миновали те времена, когда папы могли заставить земных владык стоять босыми на снегу, вымаливая прощение. Эдуард I знал, что в его силах подавить церковный бунт в своей стране, и не преминул это сделать. Со свойственной ему проницательностью он выбрал наиболее эффективный способ для борьбы с противодействием церкви. Те, кто отказывается нести свою долю бремени по поддержанию государства, не имеют права обращаться к государству за защитой, — резонно рассудил он.

Об этом спокойно, но твердо 30 января 1297 года заявил представителям священнослужителей верховный судья Суда общих тяжб Джон де Метингем: «Вы, господа поверенные архиепископов, епископов, аббатов и приоров, а также других представителей духовенства! Передайте вашим господам, что отныне в суде господина нашего [короля] ни по какому делу не будет вершиться для них правосудие, даже если им был бы причинен ужаснейший ущерб. Однако же правосудие будет оказано всем, кто принесет жалобу на них и пожелает того»^[122].

Другими словами, Эдуард I объявил всех английских священников вне гражданского закона. Он послал своих уполномоченных по стране, чтобы реквизировать их светскую собственность. Каждый клирик, который не мог представить подтверждение уплаты налога, так и не одобренного церковью, подлежал судебному преследованию. Более того, светские арендаторы церковных земель получили право не платить ренту и не исполнять следуемых с них повинностей. Часть священнослужителей решила не вступать в спор с королевской властью и в частном порядке внесла в казну требуемые деньги, после чего персонально в их отношении было восстановлено право на защиту королевским законом.

Архиепископ Кентерберийский попытался нанести ответный удар. Он провозгласил, что все нарушители папской буллы будут немедленно отлучены от церкви. Но это не произвело должного впечатления ни на клириков, ни на королевских уполномоченных.

*

Ни один из взбунтовавшихся прелатов не получил приглашения на великопостный парламент, который Эдуард I собрал 24 февраля 1297 года в Солсбери. Оказавшиеся вне действия королевского закона не могли претендовать на право участвовать в обсуждении государственных дел. Королю предстояло решить очень сложную задачу — заставить своих лордов воевать в Гаскони, пока сам он будет вести боевые действия на севере Франции. Как показывала практика, добиться этого было почти невозможно. Рыцарство готово было сражаться где угодно, но только под непосредственным командованием короля. Самостоятельно воевать на чужбине оно не было обязано ни по закону, ни согласно обычаю, ни по зову долга.

Для большинства магнатов далекая провинция не представляла никакого интереса, однако король совершенно не желал терять ее, как это

случилось, в частности, с графством Анжу. Об этой утрате он помнил постоянно, и она наполняла его гневом: там, близ Шинона, в аббатстве Фонтевро покоились останки его предков. В герцогстве же Аквитанском началось приобщение Эдуарда I к реальной власти, именно здесь он начал постигать науку государственного управления. Поэтому король был полон решимости настоять на своем и сломить упрямство магнатов. Прежде всего он обратился к высшим сановникам, начав с лорд-маршала Роджера Бигода графа Норфолкского.

«Он повторно потребовал от граф-маршала идти. Тот заявил:

— Я с удовольствием пойду впереди, о король, впереди тебя, в первых рядах войска, как положено мне по унаследованному праву.

— Ты пойдешь и без меня, вместе с остальными, — ответил король.

— Я не обязан и не желаю, о король, идти без тебя, — сказал он.

Король, разъяренный этими словами, провозгласил:

— Клянусь Господом^[109], граф, ты или пойдешь, или будешь повешен!

— Клянусь им же, я не пойду и не буду повешен, — ответил он.

Требование не было принято, его отклонили, присутствовавшие на заседании не пришли к согласию. Так закончился этот день»^[123].

Двое самых влиятельных вельмож — лорд-маршал Роджер Бигод граф Норфолкский и лорд верховный констебль Хамфри де Боэн граф Херефордский — наотрез отказались менять свою позицию и участвовать в заморском походе. Для этого у них было сразу несколько веских оснований, помимо уже перечисленных выше. Во-первых, предыдущий год был неблагоприятен к высшей знати: скончались Эдмунд граф Ланкастерский, Гилберт де Клэр Рыжий граф Глостерский и Гийом де Валанс. Джон Уоррен граф Саррейский находился в Шотландии, а Генри де Лейси граф Линкольнский — в Гаскони. Естественно, что влияние Бигода и Боэна достигло своего пика, а их долгое отсутствие в Англии его значительно поколебало бы.

Во-вторых, они были против идеи короля, призвавшего свободных держателей с годовым доходом более 20 фунтов служить латниками в его войске — такой порядок напрямую угрожал их феодальной власти. И в-третьих — каждый из них имел свои счета с королем. Граф Херефордский не мог простить унижения, связанного с его частной войной в Уэльской марке против графа Глостерского. Граф Норфолкский был обижен на то, что во время последней уэльской кампании Эдуард I не назначил его маршалом войска, как ему было положено по наследственному праву.

Возможно, при других обстоятельствах они могли бы найти взаимоприемлемый компромисс, но в данном случае король был настроен крайне решительно. Он был абсолютно уверен в том, что действует на благо страны, и требовал от всех сословий полного подчинения:

Я — замок ваш, я стены ваши, я ваш дом,
Вам — барбаканом быть, воротами, шатром.
Гасконь несправедно отобрана врагом,
Вернуть ее должны мы или пропадем.
Клянусь туда отплыть я для борьбы со злом,
Ваш долг — идти со мной в порядке боевом.
Отказ наказан будет в случае любом^[124].

Не сумев договориться с графами по-хорошему, Эдуард I лишил их должностей. Он назначил лордом констеблем Томаса лорда Баркли, а маршалом — Джеффри де Дженевила.

*

Что касается прелатов, то их король поставил действительно в крайне тяжелое положение, и все они понимали, что рано или поздно, но подчиниться придется. Знал это и Эдуард I — он намеренно облегчил им пути к отступлению, приостановив в марте действие указа о конфискации церковных сборов. Первым с просьбой о примирении обратился Генри Ньюаркский, недавно избранный архиепископом Йоркским, но еще не утвержденный папой. Сей достойный прелат давно уже пользовался доверием Эдуарда I, поскольку долгое время верно служил в различных дипломатических посольствах. Затем согласился заплатить налог еще один соратник короля — богатейший землевладелец Энтони Бек князь-епископ Даремский. К ним присоединился Джон де Холтон епископ Карлайлский, чья епархия регулярно страдала от набегов шотландцев и кому защита короля была необходима как воздух. За северными прелатами запросили мира епископы Линкольнский, Нориджский, Илийский и Вустерский.

При виде такого массового отступничества английских священнослужителей самого высокого ранга вынужден был пойти на уступки и Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский — постоянный оппонент короля и ярый противник налога. Желая сохранить лицо и хотя

бы формально не противоречить папской булле, он предпочел рассматривать выплату пятой части не как налог, а как штраф за владение собственностью. 24 марта примас всей Англии разрешил своим подчиненным действовать по их усмотрению — дескать, пусть затем каждый спасает свою душу как может.

Сам упрямый архиепископ не сдавался до последнего. Его владения в течение пяти месяцев находились в руках короля, и он был вынужден, подобно святому Франциску Ассизскому, жить за счет приношений верующих. Но бесконечно противостоять королю Роберт Уинчелси не мог, и 14 июля 1297 года, в день открытия парламента, он публично примирился с Эдуардом I у дверей Вестминстерского зала. После этого акта все его владения были незамедлительно переданы ему обратно.

Впрочем, у архиепископа Кентерберийского было формальное оправдание. Даже папа Бонифаций VIII не смог противостоять одновременно двум могущественным королям христианского мира — английскому и французскому. В первую очередь, конечно, пойти на попятный его вынудили действия Филиппа IV, который ввел эмбарго на торговлю с Италией и запретил вывоз денег из страны. Но немалую роль в изменении папой линии своего поведения сыграл и поразительно вовремя вспыхнувший бунт могущественной семьи Колонна. Ее представители обвинили Бонифация VIII в том, что он был избран незаконно, а также в смерти его предшественника Целестина V. Под давлением обстоятельств папа фактически аннулировал свою буллу *Clericis laicos*, издав в июле 1297 года другую буллу *Etsi de statu* (лат. «Хотя о положении»), разрешавшую светским властям облагать налогом священнослужителей в экстренных случаях.

После примирения с архиепископом Эдуард I, не входя в большой королевский зал Вестминстера, произнес перед собравшимися со специально возведенного для него деревянного помоста прочувственную речь. Он покался в своих грехах, заявив, что правил своим народом, возможно, не так справедливо, как следовало бы, что его слуги подчас без его ведома брали у подданных больше, чем положено. Однако это были по большей части нежелательные перегибы и недоразумения. В целом же все его помыслы всегда были направлены на достижение победы над многочисленными грозными врагами, жаждущими английской крови. «Вот, смотрите! — говорил Эдуард I с помоста. — Я готов подвергнуть себя опасности ради вас. И я молю вас, если я вернусь, принять меня так, как вы ныне принимаете меня, а я возмещу вам всё, что я взял у вас. Если же я не вернусь, то молю вас — коронуйте моего сына вашим королем»^[125].

Все, кто слышал эту речь, были глубоко тронуты. Даже убежденный противник короля Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский не смог в этот момент сдержать слез. Лорды, прелаты, рыцари и горожане поклялись в верности Эдуарду I и вставшему рядом с ним на помост тринадцатилетнему принцу Эдуарду Карнарвонскому.

Воспользовавшись атмосферой всеобщего воодушевления и единения, король заручился согласием рыцарей графств на дополнительную субсидию в размере восьмой части движимого имущества в обмен на подтверждение Великой хартии вольностей, Лесной хартии и отказ от принуждения свободных держателей к службе в армии за пределами королевства. Он также добился права собрать еще один налог со священнослужителей. Помимо этого Эдуард I разослал по всей стране своих уполномоченных с приказами изъять шерсть на общую сумму в 50 тысяч фунтов. Король утверждал, что эти меры были одобрены парламентом.

Однако мятежные лорды не торопились разделить энтузиазм рыцарей и горожан. Они подвергли сомнению правомочность «парламента», насмешливо заявив, что в нем присутствовало людей не более, чем поместилось бы в королевской трапезной. В первых рядах скептиков, конечно же, опять оказались отстраненные от своих высоких должностей графы Норфолкский и Херефордский, упорно отказывавшиеся идти на компромисс с королем.

Недовольные магнаты в пику парламенту собрали сторонников и составили список своих обид, получивший известность как «Ремонстрации»^[110]: «Здесь изложены претензии архиепископов, епископов, аббатов, приоров, графов и баронов, и всех людей страны нашему владыке королю. Мы смиренно молим его, нашего владыку, чтобы он пожелал исправить и изменить это как для его собственной чести, так и для защиты людей. Ведь всему населению страны кажется, что оповещение, сделанное в приказе нашего владыки короля, недостаточно, поскольку в нем не указано определенное место, куда следует отправляться. А от места зависят те меры, которые необходимо предпринять. Тогда они смогут решить, обязаны они ему службой или нет. Ибо обычно говорится, что наш владыка король желает переправиться во Фландрию; всем же людям страны кажется, что там они не обязаны ему какой-либо службой, так как ни они сами, ни их предки, ни их прародители никогда не служили в этой земле»^[126].

Магнаты также опротестовали законность введения не освященных

традициями налогов, в особенности злой пошлины — *maltôte*. Они возмущались нарушением старых обычаев и свобод. Однако по горло занятый подготовкой фландрской экспедиции Эдуард I игнорировал все их выпады, так как не имел возможности отвлекаться на бессмысленные препирательства с новоявленной баронской оппозицией.

Глава вторая. Мятежный Уоллес

Пока Англия готовилась к возвращению незаконно отторгнутых территорий во Франции, взбунтовалась только недавно усмиренная Шотландия. Поначалу волнения начались в отдаленных областях страны и совершенно не затронули шотландскую знать. Недовольство возникло в среде мелких фермеров и крестьян, безжалостно притесняемых английскими шерифами, судьями, бейлифами и другими лицами, облеченными властью. В полном соответствии с практикой того времени они вовсю пользовались своим положением в целях незаконного обогащения. Постепенно мятежи охватили довольно обширную территорию, включавшую в себя Галлоуэй, Клайдсдейл, Росс, Мари и Абердиншир, но Эдуард I все еще не видел в них никакой опасности, несмотря на то, что время от времени шотландцы преподносили ему пренеприятные сюрпризы.

В мае 1297 года в Ланарке был убит шериф Уильям Хезлриг и вырезан английский гарнизон. Это произошло во время неожиданного ночного нападения на город отряда во главе с неким Уильямом Уоллесом, человеком весьма темного происхождения. Согласно некоторым источникам, он был сыном королевского арендатора из небольшого городка Элдерсли в Ренфрьюшире, что в 15 километрах к западу от Глазго. Отца его звали то ли Малколм, то ли Алан — второе более вероятно. По материнской линии Уоллес приходился племянником сэру Реджиналду Кроуфорду, шерифу Эра. Но все эти сведения лишь предположительны и не очень достоверны.

В самом начале шотландской кампании Эдуарда I этот Уоллес вместе с дядей принес клятву верности английскому королю и даже сражался какое-то время на его стороне. Однако весной 1296 года он дезертировал. Говорят, что на него произвели неизгладимое впечатление самоотверженность и храбрость, проявленные Марджори, женой графа Марчского при защите замка Данбар. Кроме того, его глубоко ранило неслыханное унижение, которому подверглась шотландская корона. Он с ужасом смотрел на разорение, чинимое по всей стране англичанами.

Шотландские магнаты, каждый из которых опасался в открытую выступать против английского суверена, с охотой переложили ответственность за судьбу страны на худородного соратника, позволив ему сделать первый, самый опасный шаг к организации восстания. Уильям Уоллес повел свой отряд через всю Шотландию к восточному побережью.

Соединившись с отрядом сэра Уильяма Дугласа Смелого, он внезапно спустился с холмов и захватил королевского юстициария Уильяма де Ормсби, когда тот творил суд в Скуне.

Шотландские священнослужители были возмущены чрезвычайным налогообложением еще больше, чем английские прелаты. Поэтому в поддержку мятежников незамедлительно выступил Роберт Уишарт епископ Глазгоский. На сторону повстанцев перешли также Джеймс Стюарт наследственный стюард Шотландии и молодой Роберт Брюс граф Каррикский — внук отвергнутого претендента на шотландский трон. Измена Брюса стала, пожалуй, самым тяжелым разочарованием для Эдуарда I — ведь его отец Роберт лорд Аннандейлский был одним из стойких приверженцев английского короля, поэтому граф Каррикский получил ответственное задание — организацию обороны Карлайла. Теперь этот важный стратегический пункт остался без защиты.

Существует легенда, что возмущенный изменой лорда, которому он так доверял, Эдуард I приказал убить Брюса, но об этом приказе прослышал находившийся в плену у англичан Джон Балиол. Пленник пользовался относительной свободой, поэтому смог послать к графу Каррикскому гонца — по всей вероятности, Уолтера Джонстона, вождя аннандейлского клана Джонстонов и наследственного вассала Брюсов. Опасаясь, что письмо может быть перехвачено англичанами, Балиол пошел на хитрость и отправил адресату шпору, к которой привязал крыло птицы. Роберт Брюс понял намек и перебрался в безопасное место. Когда он стал королем Шотландии, то даровал клану Джонстонов бейдж с изображением крылатой шпоры^{111}.

Эдуард I послал на подавление восстания войска, набранные в северных английских графствах, под командованием двух могущественных магнатов — Роберта де Клиффорда, наследственного шерифа Уэстморленда и выездного судьи территорий к северу от Трента, а также Генри де Перси, хранителя Галлоуэя и Эршира. Они без труда привели к повиновению мятежных шотландских лордов, не способных договориться между собой и сдавшихся, как только англичане нагнали их у Эрвина и прижали к побережью Клайдского залива. Единственным условием своей капитуляции лорды поставили, чтобы их не посылали сражаться во Францию.

Генри де Перси доносил королю, что все шотландцы южнее Форты приведены им к покорности. И только Уильям Уоллес со своими людьми скрылся в нехоженных лесах Селкёрка.

Шотландские повстанцы прятались по лесам. Непокорные магнаты выжидали момента, чтобы заставить короля принять их требования. Прелаты надеялись на реванш. Отплывать в такой момент во Францию было очень рискованно. Однако Эдуард I не мог дольше ждать, ибо Гасконь была готова ускользнуть из его рук. Он считал, что шотландцы — по крайней мере, на некоторое время — лишились инициативы, а оппозиционные бароны и священнослужители в Англии не имеют реальной силы для того, чтобы ввергнуть страну в смуту.

Отряды лордов, решивших сопровождать Эдуарда I, прибыли в Лондон. Юный Эдуард Карнарвонский, старший сын и наследник трона, был объявлен регентом на время отсутствия отца. Король назначил регентский совет, призванный помогать королевскому сыну управлять государством. Единственным, кто отказался принимать в нем участие, стал Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский. Вместо несгибаемого прелата совет возглавил Реджиналд де Грей Уилтонский.

Покинув Лондон, Эдуард I направился к побережью Ла-Манша. 12 августа он остановился в Юдиморе, не дойдя нескольких километров до порта Уинчелси, где армия грузилась на суда. Там король обратился с призывом к своим подданным, опубликовав пространнейший манифест, в котором объяснял все свои непопулярные действия и подчеркивал крайнюю необходимость, их вызвавшую: «Король всегда желает мира, спокойствия и благосостояния всем людям в своем королевстве. В особенности он желает, чтобы после его похода — который он предпринимает во славу Божью, для восстановления своих наследственных прав, утраченных им из-за мошенничества короля Франции, и во имя чести и благополучия его королевства — всё, что нарушает мир и спокойствие его королевства, было бы полностью устранено... Среди статей [„Ремонстраций“] есть перечень обид, которые король нанес своему королевству, о чем он хорошо осведомлен — как, например, о дополнительной помощи, которую он просил у своего народа. Но ему пришлось идти на это из-за войны, которая была развязана против него в Гаскони, Уэльсе и Шотландии, и он не смог бы защитить ни себя, ни свое королевство без помощи своих добрых людей. Он глубоко огорчен тем, что столь их обременил и истощил, потому он умоляет простить его, ибо он ввел налоги не для того, чтобы покупать земли, держания, замки или города, но единственно для того, чтобы защитить себя, их и все

королевство. И если Господь позволит ему вернуться из похода, в который он ныне отбывает, то он хотел бы, чтобы все знали: у него есть воля и великое желание исправить это в соответствии с волей Господней и чаяниями его людей так, как должно»^[127].

Когда король прибыл в Уинчелси, он получил от баронов казначейства^[112] письмо с подробным описанием происшедшего 22 августа вопиющего инцидента. Не дождавшись прямого ответа на свои «Ремонстрации», мятежные графы Норфолкский и Херефордский в сопровождении группы баннеретов и рыцарей в девять часов утра ворвались в казначейство, где выразили свое возмущение по поводу реквизиции шерсти и очередного налога. От имени всех сословий граф Херефордский заявил: «Ничто не ввергает быстрее человека в рабство, чем необходимость платить выкуп за свое собственное имущество или налог, произвольно установленный. И если восьмая часть будет таким порядком собрана, то это может привести к потере наследственных владений нами или нашими наследниками»^[128].

Эдуард I отписал 23 августа 1297 года баронам казначейства, что им вменяется в обязанность, невзирая ни на что, продолжать сбор налога и реквизиции шерсти. Что касается высказанных графом Херефордским опасений превратиться в смерда, то королевский ответ на это был весьма ехиден, хотя и имел форму официального документа: «Поскольку они заявили, что сбор [налога] приведет к ограничению прав и потере наследства ими и их наследниками, мы решительно желаем, чтобы вы сообщили всем (и это должно быть объявлено во всех графствах, обложенных налогом в одну восьмую), что если кто-то опасается такого ограничения прав или такой потери наследства, то король с радостью успокоит его своей патентной грамотой, где будет разъяснено, что налогообложение или взимание восьмой части не может привести к ограничению прав или обращению в рабство кого-либо, а также не будет возведено в ранг обычая в будущем»^[129].

Несколько дней спустя с Эдуардом I произошел неприятный случай, который некоторые склонны были рассматривать, как знак Божий, ниспосланный в предостережение против похода. Король ехал верхом вдоль крепостных валов нового порта Уинчелси, и вдруг его конь, испугавшись шума быстро вращавшихся крыльев ветряной мельницы, шарахнулся в сторону и прыгнул с четырехметровой насыпи. Эдуард I чудом избежал смерти.

Однако король не придавал ни этому случаю, ни демаршу магнатов

большого значения. Он был уверен, что ангел-хранитель берег его до сих пор и будет оказывать ему свое покровительство и дальше. Менять свои планы он не собирался. 24 августа ког «Сент-Эдуард», на котором плыл Эдуард I, отчалил от берегов Англии и направился в сопровождении остального флота во Фландрию.

*

Король был настолько поглощен идеей отвоевания Гаскони, что не уделил должного внимания шотландскому вопросу, необоснованно считая, что его-то уж он решил окончательно. На самом деле деятельность назначенной им местной администрации была далека от совершенства. Джон Уоррен граф Саррейский, наместник Шотландии, был опытным и отважным воином, но ему исполнилось уже 66 лет. Он часто впадал в апатию, ненавидел суровый северный климат и большую часть времени старался проводить в своих йоркширских владениях. В его отсутствие делами заправляли нечистый на руку казначей Хью де Крессингем и педантичный, бесчувственный до жестокости судья Уильям де Ормбси.

Они не принимали никаких мер ни к розыску скрывшихся в лесах Селкёрка мятежников под предводительством Уильяма Уоллеса, ни к поимке хозяйничавших на севере в Стратспее повстанцев Эндрю Морея. Шотландские лорды, повторно признавшие сюзеренитет английского короля в Эрвине, тем не менее практически в открытую поддерживали тесные контакты с Уоллесом, Мореем и сэром Уильямом Дугласом Смелым. К осени 1297 года мятежники установили контроль над Абердином, Инвернессом и Уркартом.

Тут уж нерадивым правителям пришлось перейти к более решительным действиям. Армия, наспех собранная Джоном Уорреном и Хью де Крессингемом, торопилась пересечь залив Ферг-оф-Форт. Оба предводителя не сомневались, что легко разгромят плохо вооруженное и недисциплинированное шотландское войско. Крессингем писал королю, крайне обеспокоенному ухудшением ситуации на севере, обнадеживающие письма: «Сир, спокойно ли на другой стороне Шотландского моря^{113}, до сих пор неясно, так же как неизвестны действия графов, которые там находятся. Но во всяком случае, если наша сделка, назначенная на день святого Лаврентия, с епископом Глазгоским и прочими, а также с людьми на другой стороне Шотландского моря увенчается успехом, то мы надеемся, что скоро они (мятежники. — В. У.) будут с Божьей помощью в

нашей власти»^[130].

Уильям Уоллес в это время осаждал замок Данди без каких-либо осадных машин, надеясь уморить противника голодом. Узнав о приближении английской армии, двигавшейся на Стерлинг, он поспешил соединиться с отрядами Эндрю Морей. Шотландское войско заняло позицию на южном склоне Охилских холмов, преградив дорогу от Стерлингского замка на север. Единственный мост пересекал реку Форт, в этом месте глубокую и бурную, прямо напротив центра армии Уоллеса. Шотландский командующий отверг все попытки предложивших себя в посредники Джеймса Стюарта и Малколма I мормэра Леннокса не допустить кровопролития. Он готов был скорее погибнуть, чем сдаться или отступить.

Королевские войска были гораздо лучше вооружены и более дисциплинированы. Их преимущество заключалось также в тяжелой коннице, содержание которой небогатым шотландцам было не по карману. Однако английские полководцы совершили роковую ошибку, критически недооценив своего врага. Опытные солдаты настаивали, что позиции Уоллеса следует обойти с флангов, направив часть кавалерии в охват по отдаленным бродам, и ни в коем случае не атаковать в лоб. Граф Саррейский, как опытный военный, понимал резонность их доводов, но не мог отстоять своего мнения в споре с напористым казначеем, для которого имели значение лишь финансовые соображения. А любая задержка в кампании оборачивалась, на взгляд Хью де Крессингема, лишней тратой денег.

Апатичность Джона де Уоррена привела к тому, что 11 сентября армия двинулась вперед по узкому деревянному мосту, где с трудом могли проехать бок о бок два всадника. Это было настоящим безумием. Уильям Уоллес приказал своим воинам не покидать позиций на холмах, пока не протрубит рог. Дождавшись, когда реку перешло столько врагов, со сколькими его войско могло без труда справиться, он дал сигнал к атаке.

Нападение шотландцев привело англичан в замешательство. Копьеносцы Уоллеса пробились к мосту, отрезав отряд, переправившийся на другой берег, от товарищей по оружию. В течение следующего часа граф Саррейский в бессилии наблюдал за уничтожением своей конницы, которая не могла отступить, поскольку река была слишком глубока для переправы, а вход на единственный мост удерживали шотландцы. Отряды, перешедшие Форт, были полностью уничтожены. В рядах английской армии началась паника, и оставшиеся в живых солдаты бежали, не останавливаясь, пока не достигли Берика. Шотландцы, служившие Эдуарду

I, по большей части присоединились к своим победоносным соотечественникам.

Крессингем был убит в бою. С трупа ненавистного шотландцам казначея содрали кожу, из которой Уильям Уоллес, как уверяет автор Лейнеркостской хроники, сделал себе перевязь для меча^[131]. Джон де Уоррен граф Саррейский бежал в Йорк. В один день вся Шотландия была потеряна для Эдуарда I из-за единственного безграмотно проведенного сражения. После битвы на Стерлингском мосту мятежникам сдались Данди и Стерлинг, а к концу сентября только замки Эдинбурга, Данбара, Роксборо и Берика, удерживались английскими гарнизонами.

Уильям Уоллес, одержавший свою первую (и, как впоследствии выяснится, единственную) победу в открытом сражении, захватил город Берик и перебил всех английских купцов, которые имели глупость там оставаться после поражения армии графа Саррейского. Террором он очищал страну от англичан, которые либо искали защиты в хорошо укрепленных местах, либо спасались бегством в Англию. Уоллес смог на краткое время объединить Шотландское королевство идеей борьбы за независимость и уничтожения власти Эдуарда I. Он был посвящен в рыцари и объявлен хранителем Шотландии на время пребывания короля Джона Балиола в плену.

Шотландские рейдеры невозбранно переходили границу и опустошали Нортумберленд и Камберленд. Богослужения прекратились во всех церквях и во всех монастырях от Ньюкасла до Карлайла. Форсировать Тайн мятежникам помешали только снежная буря и мужество Энтони Бека князя-епископа Даремского, вставшего со своими людьми на пути врага.

*

Страшные вести, полученные из Шотландии, помогли восстановить единство страны. 10 октября юный регент, окруженный своими советниками, встретился с мятежными магнатами и согласился удовлетворить самые умеренные из их многочисленных требований — а именно даровать прощение тем, кто отказался служить королю за границей, восстановить в должностях Хамфри де Боэна графа Херефордского и Роджера Бигода графа Норфолкского, отменить *maltôte* — «злую пошлину» на шерсть. Немедленно были отряжены курьеры на континент к Эдуарду I, который находился в то время в Генте. Приняв во внимание все обстоятельства, сопутствовавшие капитуляции регентского совета, король

утвердил решение сына.

Удовлетворенные магнаты согласились выплатить на Шотландскую войну девятую часть от своих доходов. Даже духовенство предложило пятую часть от находящихся под угрозой северных провинций и десятую — от более спокойных южных. С восемнадцатитысячной армией Роберт де Клиффорд предпринял накануне Рождества успешный налет на Аннандейл. В начале 1298 года он безо всякого труда снял осаду с Роксборо и Берика. Однако дальнейшие операции пришлось остановить, поскольку из Фландрии от Эдуарда I был получен строжайший приказ — не предпринимать в его отсутствие никаких решительных действий. С одной стороны, может показаться, что это был неразумный шаг, поскольку он давал шотландцам возможность передохнуть и набраться сил. Кроме того, пропадали втуне все затраты на сбор и содержание армии, уже начавшей боевые действия. А с другой стороны, решающую победу над целой страной вряд ли получилось бы одержать без короля, да еще и в условиях ведения войны на два фронта.

Эдуард I это понимал и готовился к возвращению в Англию. Его кампания на континенте оказалась на удивление бесплодной. Спустя несколько дней после отплытия из Уинчелси, то есть в самом конце августа, английская армия высадилась в Слейсе. В ее состав входило более 900 латников и, по некоторым данным, около восьми тысяч пехотинцев — в основном валлийцев и ирландцев.

Два с лишним столетия спустя примерно такая же по численности английская армия под командованием короля Генри V Монмутского одержала знаменитую победу при Азенкуре над французами, имевшими значительное численное превосходство. Но воины XV века были намного лучше экипированы, в особенности лучники, которые сыграли решающую роль в победе. Армия же Эдуарда I оказалась недостаточно сильной, да и прибыла слишком поздно. Французское войско под командованием Робера II графа д'Артуа, срочно отозванное из Гаскони, успело вторгнуться во Фландрию и 20 августа разгромить фламандцев в битве при Вёрне (по-французски Фурне). Это произошло за неделю до прибытия англичан.

Таким образом, Эдуард I явился на войну, уже наполовину проигранную. Первая вооруженная стычка не принесла английскому оружию никакой славы. Флот стоял в устье ныне исчезнувшего канала Звин, неподалеку от городка Кадзан. Из 273 кораблей 73 были снаряжены в Пяти Портах, а 59 — в Ярмуте. Вот между ними-то и завязалось сражение, в результате которого было потеряно по меньшей мере 17 судов. Едва не утонула значительная часть снаряжения, принадлежавшего королевскому

гардеробу и хранившегося на ярмутском корабле «Баярд». Лишь благодаря находчивости солдата по имени Филипп Хейлз, перерезавшего швартовы судна и отправившего его в дрейф подальше от места схватки, деньги и вещи уцелели.

Поначалу Эдуарду I удалось обмануть врага и внушить ему, что английская армия намного сильнее, чем она была на самом деле. Король приказал выслать вперед валлийских копейщиков, издалека выглядевших как кавалерия. Французы не отважились атаковать, и англичане беспрепятственно завершили 20-километровый марш из Слейса в Брюгге. Там Эдуарда встретил Ги де Дампьер граф Фландрский. Обдумав положение, они пришли к выводу, что город укреплен неважно, и в первых числах сентября перебрались вглубь страны, в Гент. Вопреки ожиданиям, там английский король не почувствовал себя в безопасности. Его армия постоянно находилась под угрозой атаки, а Гент — под угрозой осады. Кроме того, роптало местное население. Возмущение горожан было вызвано безудержным мародерством, учиненным валлийскими пехотинцами, которые вели себя в дружественной Фландрии как в завоеванной стране.

*

От прочих союзников пользы вообще не было никакой — по большей части, они оказались совершенно не готовы к войне, даже получив обещанное вознаграждение. В сентябре рухнули последние надежды на помощь со стороны немцев. Король Германии Адольф Нассауский обещал выступить со дня на день, но выполнять свои обещания не спешил. Кроме того, и войск он смог собрать не так много. Грозная с виду коалиция немедленно распалась, как только настало время от слов переходить к делам.

Французы заняли города Брюгге и Дамме, отрезав таким образом англичан от побережья. У англо-фламандской армии не хватало сил, чтобы бросить неприятелю вызов в открытом сражении. Филипп IV, в свою очередь, с опаской взирал на мощные укрепления Гента и не решался идти на приступ, познав на собственном опыте меткость стрельбы валлийских и чеширских лучников. Оба короля избегали ввязываться в бой и лишь наблюдали друг за другом, бесцельно расходуя время и деньги.

Единственным разумным выходом из сложившейся патовой ситуации были переговоры. Филипп IV воспользовался тем, что в Париже проездом

остановился его старый знакомый Уильям де Хоутон, который обучался здесь в знаменитом доминиканском монастыре Куван-Сен-Жак, а затем читал тут же блестящие проповеди. Хоутон был избран архиепископом Дублинским и ныне направлялся через Францию в Рим для утверждения в сане. Архиепископ согласился стать посредником на переговорах Эдуарда I и Филиппа IV. 9 октября 1297 года в местечке Синт-Бафс-Веде, которое французы именуют Вив-Сен-Бавон, было подписано временное перемирие, а 31 января 1298 года в Турнэ стороны заключили мир до 6 января 1300 года.

Три года потребовалось Эдуарду I, чтобы привести армию на континент для возврата своих гасконских владений, но единственными результатами этой долгой эпопеи стали потеря Шотландии и раздоры в собственной стране. Деньги, с таким трудом собранные с подданных, не помогли сохранить коалицию. Даже союз с Фландрией, на который король возлагал большие надежды, не принес ничего, кроме катастрофы для фламандцев, чьи города захватил Филипп IV Красивый. Пожалуй, французская экспедиция 1297 года стала одним из самых неудачных предприятий английского короля, знавшего до сих пор единственное поражение в те времена, когда он был еще принцем.

Свой отъезд из Франции Эдуард I стремился ускорить максимально, поскольку во Фландрии его жизни угрожала смертельная опасность. В начале февраля 1298 года в Генте составил заговор с целью захвата английского короля и выдачи его французам. Заговорщики из числа горожан, возмущенных разнузданным поведением иноземцев, тщательно подготовились и назначили день, когда их план должен был осуществиться. На рассвете они заперли городские ворота, так что войска, расквартированные в укрепленном лагере около города, не могли прийти на помощь Эдуарду I. На счастье короля, внутри городских стен оказалось достаточно англичан. Они сплотились вокруг своего повелителя и, неся большие потери, отбивали атаки до тех пор, пока остальные воины не взломали ворота и не разогнали мятежников.

5 февраля король отправил Уильяма Гейнсборо и Джона Ловела Тичмаршского в Англию с приказом немедленно выслать деньги для выплат бургундцам, а также прислать в Слейс флот из ста кораблей для перевозки армии. В начале марта основная часть финансовых обязательств была погашена, хотя окончательного расчета бургундцам пришлось ждать до 1306 года.

Эдуард I сошел с корабля на английскую землю в Сандвиче 14 марта 1298 года. Рано утром следующего дня состоялась церемония возвращения ему малой печати, которой пользовался его сын во время регентства. Одновременно большая королевская печать, путешествовавшая с Эдуардом во Фландрию, перешла в руки лорд-канцлера Джона Лэнгтона, официально исполнявшего функции ее хранителя.

Король немедленно направился в Йорк, горя желанием отомстить за разгром на Стерлингском мосту. Туда же он приказал в срочном порядке переехать двору, казначейству и Суду королевской скамьи. Все они должны были оставаться в Йорке до полной победы над шотландцами. Не успели приближенные Эдуарда I как следует обустроиться на новом месте, как получили приказ прибыть на совет. Король желал обсудить стратегию предстоящей кампании. Он хотел принудить шотландцев к решающему сражению и разгромить их основные силы. Эдуард объявил, что земли его врагов в Шотландии будут конфискованы и пожалованы тем лордам, которые отличатся на войне.

На майский парламент, который собрался на Троицу 25 мая в том же Йорке, Эдуард I призвал всех шотландских лордов как своих вассалов. Королевская канцелярия отправила всем им приглашения, составленные по всей форме. Они ожидаемо не явились сами и не прислали своих представителей. Это было расценено как очередное свидетельство их измены и нарушение ими оммажа. Король приказал собрать к 25 июня армию в Роксборо.

Пока войска стекались к месту сбора, Эдуард I постарался максимально укрепить лояльность своих подданных. Он сумел помириться с констеблем Хамфри де Боэном и маршалом Роджером Бигодом, не уступив им в самых важных для себя пунктах, но пойдя навстречу в вопросах, которые они считали первостепенными. Мятежные графы пошли на компромисс далеко не сразу и потребовали гарантий, что король впоследствии не забудет о сделанных им уступках. Они согласились принять участие в кампании только тогда, когда Эдуард поклялся в этом, а его клятву засвидетельствовали Энтони Бек князь-епископ Даремский, а также графы Саррейский и Глостерский.

Король обещал формально утвердить новую редакцию Великой хартии вольностей, которую прошедшей осенью одобрили его сын принц Эдуард Карнарвонский и регентский совет. В нее были добавлены положения об

отмене высокой пошлины на шерсть и о запрете на введение новых налогов без общего на то согласия подданных.

Эдуард I также пообещал расследовать злоупотребления своих слуг за время его отсутствия в стране. Решение провести очередное расследование в преддверии крупной военной операции диктовалось тем, что народ всегда радовалось выявлению и предание суду высокопоставленных преступников: вымогательство продолжало оставаться бичом общества. До королевских ушей дошла жалоба на то, что Роджер де Суиннертон, уполномоченный по сбору налога в одну десятую, прикарманил кругленькую сумму, пользуясь хитрым приемом. В качестве меры при определении полновесности денег он использовал собственные, очень тяжелые монеты и таким образом наживал без хлопот и проблем по два шиллинга с каждого фунта, отправленного в казну. Норфолкский бейлиф Томас из Эстона забрал две с половиной четверти пшеницы у викария Бёрли, но в казну передал только две, оставив полчетверти себе. Другой бейлиф Джон Эверард взял четыре четверти солода у Генри из Уичфорда и отказался дать ему расписку. И подобных случаев было предостаточно.

Казначейство выделило средства, достаточные для оплаты самой большой армии, которая когда-либо вступала на территорию Шотландии с времен римского владычества. К назначенному сроку в Роксборо прибыли графы и лорды со своими свитами, составив конное войско в 1100 латников, еще 1300 латников поступили на службу под знамена короля за плату. Хотя Гасконь все еще находилась в руках Филиппа IV, заключенный между Англией и Францией мир позволил набрать на той территории, которая оставалась под контролем Эдуарда, сильный воинский отряд. Командовали им представители самых знатных аквитанских родов — Аманье VII сир д'Альбре и Пьер-Аманье де Бордо капталь де Бюш. Пехота численностью 12 тысяч человек состояла почти полностью из валлийцев и жителей Уэльской марки.

В конце июня, когда все приготовления к кампании были завершены, Эдуард I отправился в паломничество к мощам святого Иоанна Беверлейского — особо почитаемого им святого, могила которого находилась в соборе города Беверли в 50 километрах к востоку от Йорка. Заступничество высших сил было не лишним для похода, в который он отправлялся.

6 июля 1298 года армия покинула Роксборо и пересекла границу Шотландии. Ее сопровождали многочисленные ремесленники, а также огромный обоз из телег с продовольствием и снаряжением. Вразумлять шотландских изменников с королем шли восемь графов: лорд верховный констебль Хамфри де Бозн граф Херефордский, лорд маршал Роджер Бигод граф Норфолкский, наместник Шотландии Джон де Уоррен граф Саррейский, сэръ Ральф де Монтермер, именованный графом Глостерским^{114}, Ричард Фицалан граф Эранделский, а также недавно вступившие в права наследования Гай де Бошан граф Уорикский и двадцатилетний королевский племянник Томас граф Ланкастерский. В армии также находился один шотландский лорд — Гилберт де Амфревилл граф Ангусский.

Своих рыцарей вели на врага воинственный Энтони Бек князь-епископ Даремский, Генри де Перси, Эмер де Валанс, Реджиналд лорд Грей Уилтонский, Уильям Фелтон. Тысячи баннеров и пеннонов трепетали на ветру, сверкали на солнце кольчуги и оружие. Посредине всего этого варварского великолепия ехал в окружении своих полководцев и рыцарей седовласый король, на голову возвышавшийся над своими спутниками и даже в свои 60 лет сохранявший молодецкую статью.

Эдуард I не очень высоко ставил мятежных шотландских лордов, каждый из которых заботился больше о собственном благе, чем о нуждах страны. А вот к Уильяму Уоллесу он относился серьезно, как к опасному врагу, несмотря на низкое происхождение победителя в битве на Стерлингском мосту. Уоллес занимал высокий пост хранителя Шотландии, был несомненным патриотом и располагал определенными ресурсами для организации сопротивления, хотя большинство аристократов по своему обыкновению держались осторожно и не принимали открыто его сторону.

Уоллес использовал тактику выжженной земли — отступая вглубь страны, он уничтожал посеы, амбары и запасы продовольствия. Сначала армия Эдуарда I двигалась по полностью опустошенной местности. Затем две недели она стояла в десяти километрах к западу от Эдинбурга в деревушке Темпл-Листон (которая ныне зовется Кёрклистон) — король был вынужден дожидаться, пока епископ Даремский возьмет Дирлтон и еще два замка в Восточном Лотиане, чтобы не оставлять вражеских опорных пунктов в тылу.

Однако вместо гонца с известием о победе к королю прибыл даремский рыцарь сэръ Джон Фицмармадюк, женатый, между прочим, на Изабелли — сестре Роберта Брюса лорда Аннандейлского и тетке графа Каррикского. Он сообщил, что епископ Даремский испытывает крайнюю

нужду в припасах и поэтому никак не может выполнить приказ и взять указанные замки. Бессмысленно проводящий время в ожидании Эдуард I разгневался, забыв свое обычное расположение к верному Энтони Беку. Он заявил гонцу: «Возвращайся и передай епископу, что епископ — слишком уж набожный человек. Но, однако, при всей его набожности дело это делать необходимо». И добавил, обращаясь непосредственно к сэру Джону Фицмармадюку с явным одобрением: «Ты человек жестокий, и за чрезмерную жестокость твою не раз тебя я корил, ибо ты наслаждаешься смертью твоих врагов. Ныне же отправляйся и прояви все свое тиранство, никоим образом не порицаю тебя, но хвалю тебя. И опасайся предстать пред нашим взором, покуда он [епископ] не предаст огню эти три замка»^[132].

Помимо этого напутствия король не дал Фицмармадюку ничего — ни еды, ни питья. Того спасло чудесное стечение обстоятельств — три корабля отбились от флота снабжения и вышли напрямиком к расположению войск епископа Даремского. Получив припасы, солдаты взбодрились и взяли, наконец, замки.

Когда королевское войско смогло выступить на Линлитгоу, то выяснилось, что даже огромного обоза не хватает для снабжения армии, идущей по разоренной стране. Между тем основная часть флота с провиантом задерживалась в Берике из-за неблагоприятных ветров. Констебль Эдинбурга получил 24 июля только 100 четвертей пшеницы, десять бочонков вина и три — соли. В начале августа в армию прибыли лишь 200 бочек вина. Таким образом, у солдат Эдуарда I оказалось вина больше, чем еды. Это чуть было не привело к катастрофе. Валлийские лучники, боевой дух которых и так был не на высоте, как-то перебрали вина, начали бунтовать и угрожали дезертировать. Пришлось задействовать английскую кавалерию, чтобы подавить мятеж. Латники действовали крайне жестко, так что погибло около 80 валлийцев.

*

Эдуард I всерьез подумывал о возвращении в Эдинбург, когда разведчики донесли, что Уоллес разбил лагерь в Каллендарском лесу, недалеко от Фолкёрка. Период вынужденного безделья закончился, и в армии быстро восстановилась дисциплина. Король немедленно поднял войско и повел его быстрым маршем навстречу неприятелю. В ту ночь англичане устроились на ночлег около Линлитгоу. Как писал хронист: «И

расположились они на отдых прямо на земле, и служили щиты им подушками, а постелью — доспехи»^[133]. Эдуард делил со своими солдатами все тяготы похода, за что и поплатился. Королевский конь случайно наступил на хозяина, лежавшего на земле, и сломал ему два ребра.

Неприятная травма причиняла королю сильную боль, однако не заставила его поменять планы. Ранним утром 22 июля, в праздник святой Марии Магдалины, первые лучи солнца пробились, наконец, сквозь окутывавший место ночлега туман. Эдуард I прослушал мессу, которую отслужил князь-епископ Даремский. Затем он проехал во главе своих войск по улицам Линлитгоу, направляясь к Фолкёрку. Шотландцы уже приготовились к обороне и поджидали англичан за небольшим болотом, имея в тылу Каллендарский лес. У Уоллеса было много копейщиков, но всего лишь горстка латников. Он расположил свою пехоту четырьмя шилтронами — плотными круговыми построениями, которые оцетинились четырехметровыми копьями и могли выстоять против страшного удара тяжелой кавалерии. Между шилтронами заняли позиции лучники из Эттрикского леса, а латники выстроились в тылу пехоты. Битва обещала быть жестокой и кровавой.

Эдуард I предполагал атаковать шотландцев с двух сторон, обойдя болото. Однако валлийские лучники, в задачу которых входило засыпать стрелами позиции оборонявшихся, отказались идти вперед. Пока граф Норфолкский, граф Херефордский и граф Линкольнский искали путь в обход болота с запада, князь-епископ Даремский, не дождавшись их, нанес удар с востока. В результате его баталия понесла ощутимые потери, но не отступила и продолжала сражаться.

Наконец, графы нашли путь к врагу и вступили в бой. Подтянулась и валлийская пехота. Шотландская кавалерия бежала с поля боя, даже не попытавшись оказать сопротивление. Эттрикские лучники, оказавшиеся вне защитного строя, были уничтожены латниками. Шилтроны мужественно держались, но в конце концов валлийские лучники, гасконские арбалетчики и метательные машины пробили в их рядах бреши, куда ворвалась кавалерия. Началась резня. Уоллес с горсткой уцелевших воинов отступил в Каллендарский лес. Англичане потеряли в бою некоторое количество пехоты и всего одного рыцаря — Брайана Ле Джея, магистра английского ордена тамплиеров. Потери шотландцев были намного тяжелее.

Исход сражения нанес сильнейший удар по военной репутации Уоллеса, хотя в поражении прежде всего была виновата трусливо бежавшая

с поля боя шотландская знать. Но именно ее представители громче всех начали выкрикивать обвинения в адрес хранителя Шотландии. Магнаты, недовольные тем, что высший пост в королевстве захватил человек низкого происхождения, получили удобный повод его сместить и не замедлили им воспользоваться. Обязанности хранителя были поделены между двумя представителями знатнейших родов. Первым стал Роберт Брюс граф Каррикский. Вторым — Джон Рыжий Комин Баденохский, сын Джона Черного Комина, также бывшего среди претендентов на шотландскую корону во время «Великого дела». Джон Рыжий приходился к тому же племянником Джону Балиолу Пустому Табарду. Уильяма Уоллеса, которым еще недавно все так восхищались, бесцеремонно отодвинули в тень, и он вынужден был подчиняться приказам новых хранителей.

Блестящая победа, одержанная Эдуардом I в битве при Фолкёрке, к сожалению, оказалась единственной в этой кампании. Английская армия подошла к Стерлингу, но вся округа вокруг замка была опустошена. Король приказал отойти в Эдинбург, поскольку войско по-прежнему страдало от недостатка провизии, а суда с продовольствием из Ирландии, на которые он надеялся, так и не прибыли. Английские отряды в поисках главарей мятежа прочесали всю низинную Шотландию и предгорья, доходили до Перта и Сент-Эндрюса, но без каких-либо результатов. И Уильям Уоллес, и Роберт Брюс как сквозь землю провалились.

Спустя некоторое время до Эдуарда I дошли слухи, что граф Каррикский поднял восстание на юго-западе страны. Король приказал немедленно выступить, прошел через весь Селкёркский лес и к концу августа вышел в Эр и Галлоуэй, но никого не нашел. Роберт Брюс отступил, не рискуя вступать в открытый бой, и вновь скрылся в неизвестном направлении. Эдуард I занял замок графа-изменника Лохмабен и 8 сентября отошел в Карлайл. Он понимал, что для закрепления победы нужно обязательно продолжать кампанию, но люди были измотаны, начался падеж лошадей. Оправдываясь полным истощением своих солдат, графы Норфолкский и Херефордский попросили освободить их от дальнейшей службы. На самом деле они были возмущены тем, что король нарушил обещание советоваться с ними по всем важным вопросам и единолично распорядился отдать антримскому магнату Томасу Биссету остров Арран.

Король не только разрешил смутьянам отбыть восвояси, но и распустил все остальное войско. Сам же он остался на севере до конца года и отметил Рождество в своих холдернесских владениях. Эти земли, расположенные в Восточном райдинге Йоркшира, перешли к нему, когда в возрасте всего 16 лет скончался бездетный Томас де Форс, последний лорд

Холдернесский. Пользуясь случаем, король внимательно осмотрел владения и приказал заново отстроить гавань Уайк на реке Халл.

Только недостаточная лояльность баронов помешала добиться полного триумфа в Шотландской кампании, — считал Эдуард I. Тем не менее верный своим обещаниям, он занялся раздачей шотландских маноров своим вассалам. Богатые угодья были пожалованы Гаю де Бошану графу Уорикскому и сэру Роберту де Тони. Роберт де Клиффорд получил замок Карлаверок. Генри де Лейси граф Линкольнский стал обладателем земель Джеймса Стюарта, включая любимую стюартовскую резиденцию замок Ренфру. Но с определенной долей мстительности в число даров Эдуард включал маноры, по-прежнему находящиеся во власти шотландских лордов. Таким образом, новым хозяевам для вступления в права собственности требовалось сначала выгнать оттуда хозяев старых.

*

В самом начале 1299 года Эдуард I вернулся в столицу. Практически сразу графы Херефордский и Норфолкский стали одолевать его требованиями подтвердить новые пункты хартий, как было договорено. Король, не желая открыто нарушать данное им слово, прибег к весьма неуклюжей уловке. Он заявил, что даст ответ на следующий день, а сам тут же тайно покинул Лондон. Подобный маневр, естественно, не улучшил его отношений с магнатами. Негодующие графы последовали за своим монархом и вновь напомнили о необходимости выполнять условия соглашения. На это Эдуард I хладнокровно ответил, что покинул Лондон только потому, что того требовало его здоровье, пострадавшее от испорченного городского воздуха. Он велел им вернуться в столицу и обратиться в королевский совет, где их ждет готовый ответ. Графы повиновались, но их негодование перешло в ярость, когда они обнаружили в хартиях помимо оговоренных пунктов еще один, фактически аннулирующий внесенные поправки и сохраняющий все королевские привилегии.

Возмущение лордов с готовностью разделили вечно недовольные лондонцы, и для успокоения умов Эдуарду I пришлось созвать парламент, который собрался в Вестминстере 6 февраля. Король принял почти все пункты новой редакции Лесной хартии, за вычетом тех, которые касались установления границ лесов. Насколько этот шаг был для него болезненным, понять нетрудно. Королевские леса традиционно являлись частью

коронных владений и не подпадали под юрисдикцию общих судов — гражданских или церковных. Они предназначались исключительно для отдыха и развлечения короля, а Эдуард I больше всего любил именно такое времяпровождение. Порой он устраивал совершенно грандиозные по масштабам травли. Однажды во время охоты, получившей название Великой, в лесу Инглвуд было загнано и убито двести оленей. Естественно, страстно любя охоту, король всеми силами старался не допустить сокращения площади лесов. Он боролся до последнего, но в конце концов ему пришлось уступить. Эдуард назначил комиссию по установке новых границ лесов, фактически признав законными те расчистки участков под пашню, которые были самовольно сделаны крупными землевладельцами.

После этого конфликт Эдуарда с его баронами вроде бы утих. Насущной проблемой стали переговоры с Францией. Одно дело — заключить перемирие, и совсем другое — договориться об окончательном и прочном мире. На счастье Эдуарда, его континентальный противник также испытывал немалые трудности. Затянувшаяся война с Германией и Нидерландами, пусть и вялотекущая, тяжким бременем ложилась на налоговую систему. Удерживать Гасконь, стремившуюся вернуться под руку английского короля, Филиппу IV становилось с каждым годом все труднее.

В противостояние двух могущественных монархов вмешалась церковь, считавшая своей главной миссией объединение христианского мира. Папа Бонифаций VIII предложил свое посредничество в улаживании конфликта, на что оба короля согласились. Им предстояло разрешить ряд запутанных проблем, среди которых на первом месте стоял вопрос о сущности и границах вассальных обязательств Эдуарда I в качестве герцога Аквитанского по отношению к Филиппу IV. Предметами обсуждения также служили территориальные рубежи Гаскони и ее юрисдикция. Помимо всего прочего, нужно было договориться о компенсации ущерба торговцам и другим гражданским лицам с обеих сторон.

Английские и французские уполномоченные собрались в городе Монтрей-сюр-Мер, который перешел к принцу Эдуарду Карнарвонскому по наследству от его покойной матери Элеоноры, носившей титул графини де Понтье. Переговоры шли под наблюдением папского легата, обо всем докладывавшего в Рим.

Выступавший от лица английского короля опытный гасконский юрист и представитель английского короля в Парижском парламенте Рамон де Ферьере представил весьма интересные аргументы по поводу статуса Гаскони. Он заявил, что герцогство являлось вовсе не феодалом, как было

принято считать, а аллодом. Другими словами, это был не феодально зависимый лен, а свободное держание, над которым его владелец имел полную и неограниченную власть. Но даже если бы Гасконь являлась феодом, продолжал Ферьере, то откровенное пренебрежение обязанностями сеньора лишило Филиппа IV права требовать вассального подчинения от Эдуарда I. Юрист предлагал три варианта решения гасконского вопроса: признание Гаскони свободным и независимым держанием английского короля, лишение французских королей права принимать апелляции от гасконских подданных, передача герцогства Аквитанского римскому папе с последующим получением его Эдуардом I в качестве вассального держания от Святого престола.

Все эти пути были абсолютно неприемлемы для Филиппа IV. В самом деле, ему предлагалось идти на серьезные уступки в то время, когда герцогство фактически находилось у него в руках. На это обратил внимание соперников и сам Бонифаций VIII, не удержавшийся от соблазна едко прокомментировать явную глупость, допущенную англичанами в 1294 году. Папа заявил, что Эдуард I сам виноват в сложившейся ситуации: «Тот, кто однажды владел чем-то и не хочет это потерять, должен быть очень осторожен, если имеет дело с французами. Ибо тот, кто имеет дело с французами, имеет дело с дьяволом»^[134].

Финальный вердикт, вынесенный Бонифацием, гласил: в территориальном отношении должно быть восстановлено довоенное статус-кво, а мир между Англией и Францией надлежало скрепить двумя брачными союзами. Первый заключался между Эдуардом I и сестрой Филиппа IV Маргаритой. Второй — между наследником английского трона Эдуардом Карнарвонским и дочерью французского короля Изабеллой. В папском декрете ни словом не упоминалось о союзниках обеих сторон в этом конфликте — Фландрии и Шотландии. Подразумевалось, что Святой престол не заботит их судьба и у обоих королей в отношении их северных соседей руки развязаны. Впрочем, Филипп IV все-таки настоял на том, чтобы пленного Джона Балиола англичане передали папе.

*

19 июня 1299 года английские и французские уполномоченные подписали соглашение, которое чуть позже было подтверждено Эдуардом I и Филиппом IV. Корабль с принцессой Маргаритой Французской на борту 8 сентября 1299 года вошел в порт Дувра. Эдуард I выехал навстречу невесте,

и на следующий день они прибыли в Кентербери. Архиепископ Роберт Уинчелси обвенчал шестидесятилетнего английского короля с двадцатилетней французской принцессой.

Некий священник Лёдвек ван Вельтем оставил рассказ о пире, который последовал за свадебной церемонией. К сожалению, он был только современником этого события, но не очевидцем, поэтому его повествование временами путано, во многом неточно, однако в целом достоверно. И вне всякого сомнения, оно совершенно однозначно свидетельствует, что у Эдуарда I с годами не угасло преклонение перед культом Круглого стола короля Артура. Именно в таком духе король решил провести торжество в Кентербери.

«Во время пира рыцари и оруженосцы воссели за Круглый стол. Согласно обычаю, перед ними была разыграна пьеса о короле Артуре... Из них были избраны лучшие и поименованы в честь тех древних рыцарей, которых называли рыцарями Круглого стола... Король поручил своим оруженосцам ввести в пьесу вставки, отсутствовавшие в тексте, о нанесенных ему некоторыми городами обидах, чтобы взять с избранных рыцарей клятву отомстить им. Составились партии Ланселота, Гавейна, Персиваля, Агравейна, Богорта, Гарета, Лионеля, Мордред и Кея. О турнире было объявлено по всей Англии, учинилось великое собрание, в том числе присутствовало много дам. На рассвете Круглый стол начался, и вышеупомянутые рыцари одержали верх над своими противниками, за исключением Кея, на которого напали двадцать юношей. Его подпруги были подрезаны — веселия ради, конечно, — и сам он был повержен на землю. Он не пострадал серьезно, и зрители смеялись, видя, что он исполняет свою традиционную роль.

Заявив, что все произошло именно так, как во времена Артура, король отправился с турнирного поля в пиршественный зал и усадил рыцарей, принявших артурианские имена, за стол рядом с собой. После первой перемены блюд паж постучал в окно, призывая к тишине. Король объявил, что перед тем, как внесут следующее блюдо, он должен выслушать важные известия. Оруженосец, весь в крови, въехал в зал, обозвал короля и его придворных трусами и просил Господа уничтожить их, если они не отомстят валлийцам за все то, что он от них вынес. Король и рыцари Круглого стола поклялись сделать так.

После второй перемены блюд воцарилось подобное же ожидание и вновь въехал оруженосец на муле, со связанными руками и ногами. Он осыпал рыцарей насмешками и умолял Ланселота освободить его. Когда его руки были развязаны, он передал Ланселоту письмо от короля

Ирландии, в котором Ланселот объявлялся предателем и ему предлагалось встретиться для поединка на побережье Уэльса. Герой был весьма ошеломлен подобным вызовом, но Гавейн и король пообещали свою помощь.

После третьей перемены блюд и такой же паузы появилась Отвратительная Дама^[115] с носом длиной в целый фут и шириной в три дюйма, с ослиными ушами, грязными косами до пояса, зобом на длинной красной шее, двумя зубами с палец длиной, торчащими из кривого рта. Она въехала на тощей хромой кобыле и, конечно же, обратилась к Персивалю, приказав ему отправляться в Лестер и отвоевать замок у его лорда, который постоянно совершал нападения на своих соседей. Она велела Гавейну ехать в Корнуэльж и положить конец раздорам между простолюдинами и лордами. Оба рыцаря согласились на эти приключения, и Отвратительная Дама (которая, как мы знаем, была оруженосцем, загримированным по королевскому приказу) удалилась и избавилась от своего грима.

Затем король провозгласил то, чего его рыцари и не подозревали. Хотя посланники и были частью праздника, но король потребовал от рыцарей исполнить данные ими клятвы. Таким образом, была объявлена реальная кампания против „Корнуэльжа, Уэльса и Ирланта“ и назначена дата ее начала»^[135].

Глава третья. Победа над врагами

До поры до времени Эдуард I удовлетворился формальной клятвой французского короля вернуть Англии ее континентальные владения. Впрочем, он знал, что Филипп IV Красивый по обыкновению своему не будет торопиться с выполнением взятых на себя обязательств. Но у Эдуарда была проблема, требовавшая более срочного решения, — незавершенная кампания в Шотландии, которую требовалось незамедлительно возобновить.

Дела у англичан в покоренной было стране шли из рук вон плохо. После отстранения от власти незнатного Уильяма Уоллеса шотландские лорды более охотно стали демонстрировать патриотические настроения, поскольку это теперь не грозило им подчинением худородному выскочке. Их отряды осадили замки, в которых затворились небольшие английские гарнизоны. Карлаверок пал, Лохмабен постоянно подвергался атакам. Около девяноста солдат было блокировано в Стерлинге. Они так страдали от голода, что латники съели своих коней, но в результате все-таки вынуждены были сдаться. На этот раз шотландцы повели себя весьма достойно и отпустили капитулировавший гарнизон на все четыре стороны.

Желание покарать изменников было настолько сильным, что Эдуард I всерьез думал о зимней кампании. Он даже приказал явиться в Йорк баронам с их отрядами, а также объявил сбор феодального ополчения. Советники всячески отговаривали короля от столь опрометчивого шага. Магнаты откровенно саботировали приказ, а из намеченных 16 тысяч пехотинцев в Берик прибыло только 2500 человек, да и те в скором времени дезертировали. Волей-неволей королю пришлось сдерживать нетерпение и отложить поход до следующего года.

В марте 1300 года на очередном парламенте в Вестминстере Эдуард I потребовал утверждения налога в одну двадцатую. Лорды, прелаты и рыцари согласились, но взамен королю пришлось даровать им долгожданный новый статут, получивший название *Articuli super Cartas* (лат. «Дополнительные статьи к хартиям»). Он содержал 20 дополнений к Великой хартии вольностей и Лесной хартии на основании заключения, вынесенного комиссией, годом ранее отправленной на обследование границ лесов.

Сразу же после закрытия парламента Эдуард I в очередной раз начал готовить армию для экспедиции в Шотландию. На этот раз отбывать

феодалную службу явились 40 рыцарей и 366 сержантов. Отряды, присланные представителями высшей знати, по весьма приблизительным подсчетам включали более шестидесяти баннеретов. Значительную часть кавалерии обеспечили королевские арендаторы — около 850 латников. Кроме того, в армию входили и наемные войска, получавшие плату за участие в кампании, — феодальная служба, как мы помним, уже не была безальтернативной, хотя и не стала еще анахронизмом.

Латников Эдуард I разделил на четыре больших отряда. Первым командовал Генри де Лейси граф Линкольнский, вторым — Джон Уоррен граф Саррейский, третьим — сам король, а четвертый номинально подчинялся наследнику трона Эдуарду Карнарвонскому, фактически же — Джону де Сент-Джону. Отряды состояли из 15–20 баннеретов, каждый из которых вел за собой 10–15 рыцарей, оруженосцев и сержантов.

Пехота была завербована специальными уполномоченными в Ноттингемшире, Дербишире и четырех северных графствах. Всего пеших воинов собралось около девяти тысяч человек, причем все они являлись исключительно англичанами. Валлийцев на этот раз Эдуард I решил к походу не привлекать, памятуя об их недисциплинированности и пьянстве во время прошлой кампании. Пехотинцы были разделены на двадцатки и сотни, которыми командовали конные сержанты. Заранее позаботился Эдуард и о продовольствии. В Берик должны были поступить 7000 четвертей^[116] пшеницы, 8000 четвертей овса, 4300 четвертей солода и 1000 четвертей бобов и гороха. В Карлайл планировалось поставить 3000 четвертей пшеницы, 2000 четвертей овса и 300 больших бочек вина.

Направляясь к армии, которая сосредотачивалась в Карлайле, Эдуард I по пути остановился в Бери-Сент-Эдмундсе, где вознес молитвы за успех экспедиции и оделил монахов богатыми дарами. Там к королю присоединился его старший сын Эдуард Карнарвонский, до сих пор не участвовавший ни в одном из военных походов.

*

В свои 16 лет наследник трона Эдуард Карнарвонский производил впечатление человека легкомысленного и эмоционально неуравновешенного. Он испытывал отвращение к любым походным трудностям, предпочитая подолгу нежиться в постели. Отец с детства безуспешно пытался привить принцу тягу к военному делу. Король даже игрушки маленькому Эдуарду дарил со смыслом — в частности,

игрушечный замок и миниатюрные осадные орудия в наборе к нему. Эдуард I приставлял к сыну воспитателей, искусных в государственных и военных делах, и требовал от него максимального прилежания в учебе.

Но все усилия короля пропадали втуне. Наследник трона получал удовольствие исключительно от сугубо мирных занятий, недостойных правителя государства, — по крайней мере, так считал его отец. Увлечение спортивными состязаниями — скачками, греблей, плаванием или борьбой — еще куда ни шло. Однако принц Эдуард много времени посвящал кровельному и кузнечному делу, и это не на шутку раздражало короля.

В отличие от отца, который вел в быту себя весьма скромно, сын носил роскошные одежды и повсюду возил с собой генуэзских скрипачей и ручного льва. Эдуард Карнарвонский обожал участвовать в театральных представлениях и играть на барабанах. Он пристрастился к азартным играм и порой проигрывал больше, чем мог заплатить, занимая деньги у собственных слуг, чтобы вернуть долги.

Златовласый юный гигант совершенно не интересовался вопросами государственного управления. Его товарищами были садовники, конюхи, ремесленники, кузнецы, лодочники, шуты, фокусники, актеры и певцы. По представлениям того времени подобное поведение представителя высшей знати не могло считаться нормальным, и Эдуард I попытался подобрать сыну более приличное общество.

В самом начале 1300 года в Англию приехал гасконский сеньор Арно де Гавестон со своим сыном Пьером. Когда-то богатый землевладелец, он разорился на тяжбе за наследство покойной супруги и прибыл к английскому двору, чтобы поправить свои дела. Пьер де Гавестон (или Пирс, как его называли англичане) получил хорошее воспитание, обладал приятными манерами, был изящен и умен, храбр, прекрасно владел оружием. Однако положительные качества в нем перевешивались неутолимой жадностью, амбициозностью, хвастливостью и неосмотрительностью.

К сожалению, этих негативных качеств не разглядел в юноше Эдуард I, когда определял его в свиту своего непутевого отпрыска. Он надеялся, что дружба с таким блестящим молодым человеком благотворно скажется на характере наследника трона. Но здесь король жестоко просчитался. Был Пьер Гавестон любовником Эдуарда Карнарвонского или же это досужие домыслы более поздних времен — сказать сложно. Но не подлежит никакому сомнению, что гасконец быстро приобрел неограниченное влияние на принца, чья чрезмерная привязанность к его особе вскружила ему голову. Гавестон видел в Эдуарде неиссякаемый источник

всевозможных благ и надежную защиту от тех, кому Пьер успел досадить своей наглостью и дерзостью.

*

Эдуард I вместе с сыном выехали в Карлайл к месту сбора армии. Вместе с ними отправилась и юная королева Маргарита. Она сопровождала мужа до самого Северного Йоркшира, но там ее путешествию пришел конец. В маноре Бразертон 1 июня 1300 года, ровно через девять месяцев после свадьбы она родила сына, которого назвали Томасом в честь святого Томаса Бекета. Этому святому Маргарита постоянно молилась о счастливом разрешении от бремени. Королева обожала драгоценности, внимательно следила за малейшими изменениями моды. Поэтому и Томаса Бразертонского буквально с пеленок одевали в шикарные наряды. Он спал в колыбельке, задрапированной алыми и синими шелками. К нему был приставлен целый штат слуг — несколько десятков человек.

Оставив Маргариту с младенцем в Бразертоне, два Эдуарда продолжили свой путь в Карлайл, куда прибыли 25 июня 1300 года. Армия была расквартирована в самом городе, а в 25 километрах от него, в заливе Солуэй стоял наготове флот из пятидесяти восьми судов.

Войско двинулось в поход 4 июля. Его целью король избрал Галлоуэй, где сосредоточились основные силы мятежников. Погода была отвратительной — дождь лил не переставая. Местные жители, едва завидев на горизонте армию Эдуарда I, покидали свои дома и угоняли скот в горы. Тем не менее даже лишенные возможности «кормиться с земли» англичане без особого труда захватили Экклфехан и Лохмабен. Затем они повернули в Дамфрис, дошли до устья реки Нит и обложили замок Карлаверок. Осада затянулась на неделю лишь потому, что король не желал зря губить жизни своих солдат и ждал прибытия осадных орудий. Как только они были пущены в действие, крепость пала. Это случилось 15 июля.

События вокруг взятия города легли в основу известной поэмы «Осада Карлаверока», написанной безымянным очевидцем на французском языке. В ней скрупулезно перечислены все рыцари, принявшие участие в осаде, описаны их роскошные наряды из богато расшитых тканей, великолепные баннеры и пенноны на копьях. В поэме дана детальная картина английского лагеря, в котором было разбито множество великолепных шатров — и белых, и цветных. Земляные полы в них устилались свежими, только что сорванными цветами. Те, кто не мог себе позволить такое дорогое

удовольствие, как шатер, наспех возводили временные хижины, для постройки которых были вырублены все окрестные деревья.

Как поступил Эдуард I с пленниками, достоверно неизвестно. По этому поводу существуют две полярные точки зрения современных ему хронистов. Монах-августинец из Ланеркостского приорства, что расположено в каких-то 60 километрах от места действия, писал следующее: «Также взял он замок Карлаверок, который отдал сэру Роберту де Клиффорду, и приказал он многих из тех, кто находился в замке, повесить»^[136]. А вот автор упоминавшейся уже поэмы «Осада Карлаверока» свидетельствовал о прямо противоположном: «И вот число тех, кто вышел из него (замка. — В. У.) — разного достоинства и ранга шестьдесят человек. И на них взирали с удивлением, но все они были взяты под охрану и защиту, пока король не приказал сохранить им члены и жизнь и одарил каждого из них новой одеждой»^[137]. Впрочем, в финансовых отчетах королевского гардероба следов такой щедрости отыскать не удалось.

Из Карлаверока армия двинулась на запад. Неожиданно в расположение войска прибыло шотландское посольство, которое совершенно несообразно с текущей ситуацией потребовало от Эдуарда I не только освободить Джона Балиола, но и вернуть отобранные у шотландских лордов земли. Естественно, король даже не соизволил дать ответ на столь дерзкие претензии. У Туайнема передовой английский отряд неожиданно наткнулся на шотландцев. Преодолев первоначальное замешательство, англичане вскоре перешли в контр-атаку, обратили врага в бегство и даже захватили в плен сэра Роберта Кейта, наследственного маршала Шотландии.

К эстуарию реки Кри армия Эдуарда I вышла 8 августа. На другом берегу стояло шотландское войско под командованием Джона Комина мормэра Бахэна и его двоюродного брата Джона Рыжего Комина Баденохского. Во время отлива часть английских лучников переправилась на противоположный берег и атаковала врага. За лучниками реку форсировали баталии Эдуарда I и графа Саррейского. Шотландцы, выстроившись в боевые порядки, некоторое время успешно сопротивлялись напору англичан. Однако удержать позиции им не удалось, и они в беспорядке побежали с поля боя. Армия Коминов была загнана во мхи и болота, но большого урона неприятель не понес — победителям достались главным образом провиант и кое-какая экипировка.

Под непрекращающимся дождем англичане дошли до Уигтона, но

этим все их успехи ограничились. Эдуард I принял решение свернуть кампанию и к концу августа вернулся в Карлайл. Он был крайне разочарован результатами экспедиции, поэтому в октябре еще раз попытал счастья в Дамфрисе с сильным мобильным отрядом. Но и от этого предприятия толку было чуть. Приняв очередных шотландских парламентариев, настроенных в этот раз куда более реалистично, король согласился на перемирие до Троицы 1301 года. В ноябре он опять отошел в Карлайл.

*

Шотландцы, брошенные Францией на произвол судьбы, активно искали союзников по всей Европе. Судьба им улыбнулась — они нашли покровителя гораздо более могущественного, чем могли надеяться. Им стал папа Бонифаций VIII, одержимый идеей установить верховную власть Святого престола над светскими правителями. В то время когда Эдуард I возвращался из Галлоуэя, в расположенное под Дамфрисом цистерцианское Свитхартское аббатство прибыл не кто иной, как Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский. С собой он вез буллу из Рима, которую принято именовать *Scimus fili* (лат. «Знаем, сыне»).

В этой булле Шотландия объявлялась папским леном. Папа писал: «Возможно, до сведения Вашего королевского высочества было доведено, что с древних времен королевство Шотландия по праву принадлежало и, как известно, поныне принадлежит Римской церкви и не подчиняется феодально ни королям Английского королевства, ни вам»^[138]. С полным сознанием собственной непогрешимости Бонифаций VIII предписывал Эдуарду I немедленно освободить Джона Балиола и других плененных, заключить с Шотландией мир и покинуть ее территорию.

Архиепископ Кентерберийский, с видимым удовольствием исполнявший папское поручение, произнес перед королем цветистую речь, обильно уснащенную цитатами из Священного Писания, и заклинал его подчиниться папе «во имя горы Сион и Иерусалима». На это Эдуард I с гневом ответил: «Клянусь кровью Господней, ради Сиона я не успокоюсь, а ради Иерусалима не смолчу, но буду защищать свое право до тех пор, пока есть сила в членах и дыхание жизни в груди, а также отражать врагов моих, ненавистных скоттов, вот уже в четвертый раз тревожащих меня, своего господина»^[139]. Горячий по натуре, Эдуард I не мог простить архиепископу

столь несвоевременного и бесцеремонного вмешательства. С этого момента он отбросил всякую дипломатию и стал вести себя откровенно враждебно по отношению к примасу.

Конечно же, папе король отписал в более дипломатичных, хотя и весьма ехидных местах выражениях. Он не преминул снабдить свое послание длиннейшим и подробнейшим перечнем аргументов, подготовленных его юристами еще десять лет назад: «Всевышнему, читающему в сердцах, ведомо, что это записано нестираемым пером на табличке вашей памяти. Наши предшественники и прародители, короли Англии с древнейших времен, насколько только можно заглянуть в прошлое, были владыками королевства Шотландия и всех его королей по праву высшей и непосредственной суверенной власти. И они получали от тех королей, а также от знатных людей этой земли, от которых желали получить, законный оммаж и надлежащие клятвы в верности за королевство Шотландия. Именно поэтому мы, продолжая владеть этим правом и властью в нынешнее время, получили таковые же клятвы как от короля Шотландии, так и от знати королевства... Исходя из вышеупомянутых свидетельств, становится ясно и общепонятно, что указанное Шотландское королевство, равно как и все, что к нему прилежит, принадлежит нам по полному праву. И поскольку мы никогда не совершали ничего, что могло бы каким-либо образом аннулировать наши права в отношении этого, то мы смиренно умоляем Ваше Святейшество взвесить вышеизложенные аргументы и соизволить принять по ним то решение, каковое подсказывает ваш разум. Никоим образом не придавайте веры противным доводам тех, кто нам в этом завидует, но сохраните и одобрите наши вышеуказанные государственные и королевские права, если это будет вам благоугодно, с отеческой благосклонностью»^[140].

Открытый разрыв с Бонифацием VIII Эдуарду I был нежелателен. В переговорах с Францией о мире все еще было рано ставить точку, а у папы, как у посредника, на руках имелись сильные козыри, розыгрыш которых мог сильно осложнить позицию Англии. Поэтому король предусмотрительно запросил оба университета и известных ученых-теологов представить ему копии документов, которые могли бы пролить свет на проблему правомерности папских требований.

Рождество 1300 года Эдуард I провел с молодой королевой в Нортхемптоне, а в начале нового года отправился в Линкольн на сессию парламента, куда были вызваны юристы из Кембриджа и Оксфорда, подготовившие свое заключение по поводу папской буллы *Scimus fili*. Парламент с большой неохотой одобрил субсидии в пятнадцатую часть

имущества на военные цели, но после выступления юристов единодушно поддержал короля, отвергнувшего притязания Бонифация VIII. В декларации, скрепленной личными печатями семи графов королевства, девяносто семи лордов и рыцарей, заявлялось:

«Вышеуказанное королевство Шотландия с древних времен находилось в феодальном подчинении как у королей Англии, прародителей нашего вышеупомянутого короля, так и у него самого. Никогда короли или королевство Шотландия не подчинялись и не являлись вассалами каких-либо других суверенов помимо королей Англии. Никогда английские короли не отвечали, и никогда они не были обязаны отвечать, уважая свои права в отношении вышеуказанного королевства или любых других своих владений, перед каким бы то ни было церковным или светским судьей по причине превосходства их королевского достоинства и обычая, нерушимо соблюдавшегося во все века. А потому, обсудив и обдумав содержание вашего послания, мы все единодушно решили следующее, и милостью Божией таковым наше решение останется и на будущие времена. В отношении прав на королевство Шотландия или других светских прав, наш вышеупомянутый господин король не отвечает перед вами и никоим образом не подчиняется вашему суду. И эти его права никоим образом не могут быть поставлены под сомнение ни по чьему требованию. И вы не можете посылать с этой целью своих дознавателей или нунциев, ибо подобное разбирательство будет означать открытое нарушение прав короны Англии и королевского достоинства, открытое несоблюдение порядков королевства, а также ущемление свобод, обычаев и законов, которые мы унаследовали от наших отцов, которые мы клялись соблюдать и отстаивать и которые мы будем поддерживать в меру наших сил и с Божьей помощью защищать. Мы также не позволяем и ни в каком случае не позволим в дальнейшем нашему господину королю (ибо мы действительно имеем такие намерения и возможности) подчиняться вышеуказанным требованиям, поскольку они странны, неправомерны, вредны и в целом беспрецедентны. И мы не позволили бы этого, даже если бы он сам был склонен поступить так или хотя бы попытаться это сделать»^[141].

*

Чувствуя, что его влияние тает, а духовные и светские лорды все больше склоняются на сторону короля, Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский сделал последнюю попытку взять реванш. Он пошел по

самому предсказуемому пути, вступив в сговор с двумя традиционно мятежными графами — Норфолкским и Херефордским. Не учел упорный прелат лишь одного — в графском тандеме произошли серьезные изменения. Роджер Бигод граф Норфолкский оставался все тем же старым волком, всегда готовым выступить против короля в защиту вольностей магнатов. Но вот его компаньон, Хамфри де Боэн граф Херефордский год назад скончался, передав все титулы и должности сыну, также носившему имя Хамфри. Боэн-младший не был так уж сильно привержен идеям своего отца, и мысль об искреннем примирении с королем не вызывала у него отторжения.

Тем не менее на сей раз Роджеру Бигоду и Роберту Уинчелси удалось уговорить графа Херефордского поддержать выдвинутое ими требование — передать в ведение парламента назначение лорда верховного канцлера, лорда верховного судьи и лорда верховного казначея. Эдуард I, естественно, воспротивился такому откровенному посягательству на свои права. Он обратился к прочим лордам с гневной речью:

«Вы желали вашими решениями, принятыми малым числом, вашего короля ослабить, поставить его в положение слуги, ибо в том, что положено каждому из вас, ему было отказано. Почему же тогда вы не потребовали корону, чтобы каждый из вас ее носил, а мы лишь именовались словом „король“? Ведь каждому главе дома разрешено кого угодно в доме своем, того или другого слугу, возвышать, принижать или выгонять. В то время как вашему несомненному господину, королю вы задумали безрассудно в этом отказать. Поэтому если ни канцлера, ни юстициария, ни казначея по своему благоусмотрению король не сможет назначить или поставить, то он не будет королем»^[142].

Красноречие Эдуарда I не пропало втуне — январская сессия парламента 1301 года отказалась поддержать мятежных лордов и архиепископа Кентерберийского в этом вопросе. Не удалась смутьянам и другая их затея — заставить короля отправить в отставку и предать суду лорда верховного казначея Уолтера Лэнгтона, которого яростно ненавидел Роберт Уинчелси и который не пользовался популярностью у баронов.

Естественно, архиепископ не был столь глуп, чтобы лично выступить против любимца и главного советника короля. Эту роль он поручил некоему Джону де Лавтоту, обвинившему епископа Ковентрийского и Личфилдского в колдовстве, убийстве его, Лавтота, отца и прелюбодейном сожителстве с его же, Лавтота, матерью. Дело дошло до папы Бонифация VIII, который после долгих проволочек и под неослабным давлением Эдуарда I вынужден был признать недостаточность улик против Лэнгтона и

передать дальнейшее разбирательство под английскую юрисдикцию. Таким образом, окончательное решение в конце концов пришлось выносить все тому же архиепископу Кентерберийскому.

Король к тому времени уже с трудом сдерживал свою ненависть по отношению к Роберту Уинчелси, и тот не желал прочувствовать на собственной шкуре всю тяжесть страшного королевского гнева. Он вынужденно признал полную невиновность своего врага по всем пунктам.

Эдуард I пожаловал своему старшему сыну Эдуарду Карнарвонскому титулы принца Уэльского, графа Честерского и графа де Понтье, после чего распустил парламент. Король, вероятно, надеялся на то, что наследник трона, вынужденный озаботиться управлением полученными землями, остепенится и оставит свои юношеские чудачества. Однако он просчитался — своими новыми владениями Эдуард Карнарвонский интересовался мало. Принц взял с собой Пьера де Гавестона, возведенного им в ранг оруженосца, свою бесшабашную свиту и отбыл в Уэльс, чтобы продолжить там развлекаться, а заодно получить от вассалов полагающиеся клятвы верности.

*

Летом 1301 года истек срок перемирия с Шотландией и Эдуард I возобновил кампанию по покорению мятежной северной страны. Король Англии бросил на врага две армии. Первой номинально командовал вернувшийся из Уэльса Эдуард Карнарвонский, а фактически — ветеран Генри де Лейси граф Линкольнский. Она насчитывала около восьми тысяч пехотинцев, включая сильный контингент валлийцев и ирландский отряд, приведенный юстициарием Ирландии Джоном Уоганом. Армия вышла из Карлайла, пересекла границу и двинулась на северо-запад.

Второе войско численностью 7500 человек под командованием самого короля собралось в Берике, откуда двинулось вдоль Туида и 21 июля переправилось у Колдстрима на северный берег реки. Оттуда через Селкёркский лес мимо Келсо и Тракейра Эдуард I дошел до Пиблза. Там он разделил армию. Меньшая часть отправилась к Эдинбургу, а основные силы совершили марш до Глазго, куда прибыли 23 августа. Их целью был мощный замок Босуэлл, подготовка к осаде которого началась немедленно.

Босуэлл считался одной из сильнейших шотландских крепостей. Его отличительной чертой был высокий круглый донжон — по всей вероятности, образцом для него служил французский замок Куси. Босуэлл

стоял в 15 километрах к юго-востоку от Глазго на высоком крутом берегу в излучине Клайда. Он занимал стратегически важное место, охраняя переправу через реку. Английские плотники построили большую деревянную осадную башню на колесах, покрытую толстыми шкурами для защиты от стрел. «Колокольня», как прозвали это сооружение солдаты, на тридцати телегах в разобранном виде была доставлена к стенам замка. С ее помощью англичане 24 сентября прорвались через стены, и сопротивление гарнизона было сломлено.

Покончив с осадой, Эдуард I повел свою армию в Линлитгоу — старинный манор на берегу одноименного озера, с XII века принадлежавший шотландским королям. Здесь он провел зиму со своей женой Маргаритой, которая приехала к мужу с трехмесячным сыном. Это был уже второй мальчик, родившийся у короля и французской принцессы, его назвали Эдмундом.

Тем временем войско Эдуарда принца Уэльского, а точнее, Генри графа Линкольнского напрямик через Нитсдейл вышло к побережью Ферт-оф-Клайда у города Эр. Шотландцы хорошо усвоили урок Фолкёрка и всеми силами избегали генеральных сражений. Они использовали выработанную недавно тактику — отступали в горы, унося с собой и угоняя всё, что могло бы послужить пищей врагу. От Эра англичане повернули к югу и осадили замок Тёрнберри, который вскоре был успешно взят. Затем армия Эдуарда Карнарвонского присоединилась к королевской в Линлитгоу.

Эдуард I не собирался менять принципы управления Шотландией. Отвоеванные им территории южнее реки Форт он считал северными английскими землями. Поэтому король назначил там шерифов и наместников, укрепил замки английскими гарнизонами, пообещав солдатам землю за службу.

На Рождество Эдуард закатил в Фолкёрке, находившемся всего в 12 километрах от его временной резиденции, очередной пир по образу и подобию артуровского Круглого стола. Этот символический жест должен был в очередной раз подчеркнуть его власть над всей Британией. Затем король вернулся в Линлитгоу и, оценив выгодное стратегическое положение манора на пути от Эдинбурга до Стерлингского замка, приказал возвести здесь укрепление — мощную квадратную каменную башню, получившую впоследствии название «Пил». Ее сооружение он поручил давнему знакомому — знаменитому архитектору Джеймсу из Сент-Джорджа, руководившему в свое время строительством Железного кольца в Уэльсе.

Эдуард I был чрезвычайно расстроен тем, что не успел до наступления зимы занять все стратегически важные места. В частности, он не взял Стерлингский замок — на это не хватило ни времени, ни денег. Падеж лошадей, случившийся из-за бескормицы, и остро вставшая проблема дезертирства вынудили его согласиться 26 января 1302 года на заключение перемирия с шотландцами до ноября того же года. Во время размышлений о проведенной кампании у короля родился грандиозный план — построить мост через Шотландское море, как англичане называли залив Ферт-оф-Форт. Эдуард I писал: «Мы уверены — если бы мы пересекли его в этот сезон, то мы бы совершили такой подвиг против наших врагов, что наши дела здесь быстро пришли бы к удовлетворительному и почетному завершению»^[143].

Надо заметить, что до воплощения в жизнь смелой мечты короля прошло 600 лет! Лишь в 1890 году через залив был построен первый консольный железнодорожный мост Форт-Бридж. В 1964 году открылось движение по 2,5-километровому висячему автомобильному мосту Форт-Роуд-Бридж, а в 2017 году — по вантовому мосту Куинсферри-Кроссинг.

Наступила весна. Эдуард I со всем своим семейством вернулся в южные графства, полный решимости окончательно разобраться с баронской оппозицией. Одного из своих заклятых врагов, 56-летнего бездетного Роджера Бигода графа Норфолкского, он вызвал 12 апреля 1302 года в старинное колчестерское аббатство бенедиктинцев святого Иоанна Крестителя. Там король вынудил Бигода передать все владения и должность маршала короне, а затем вернул их графу обратно, но уже на других условиях. И условия эти были показательно жестокие: «На правах наследования от его плоти». Стандартная формулировка сразу же безжалостно исключила из числа претендентов на титул и состояние младшего брата Джона. А поскольку детей у Роджера Бигода не было и вряд ли стоило их ожидать, то с его смертью род пресекался, а всё движимое и недвижимое имущество отходило королю.

Что касается второго вождя недовольных, Хамфри де Боэна графа Херефордского, то он не очень-то разделял, как уже было сказано, оппозиционные устремления отца. При отсутствии твердых убеждений его тем более не прельщала судьба соратника. Поэтому в том же году Хамфри взял в жены дочь короля Джоанну Ридланскую и больше не помышлял ни о каких комплотах. Более того, примирившись с монархом, он передал ему кое-какие документы, уличавшие архиепископа Кентерберийского в подстрекательстве лордов к мятежу. Несколько позже король умело использовал попавший к нему в руки компромат против последнего

серьезного внутреннего противника.

*

«Судьба и благоприятный случай всегда приходят на помощь тому, кто преисполнен решимости и борется до конца»^[117]. Эдуард I, подобно опытному фехтовальщику, неутомимо отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары, не сдавался и не опускал меча. И фортуна наконец повернулась к нему лицом.

Король Филипп IV Красивый получил одну за другой три весьма горькие пилюли. В ночь на 18 мая 1302 года во время «Брюггской заутрени» горожане Брюгге вырезали французский гарнизон. А спустя два месяца, 11 июля французское рыцарство потерпело неожиданное и позорное поражение от простолюдинов-фламандцев в «Битве золотых шпор». Ополчение городов Брюгге и Гента — вооруженные копьями, луками и арбалетами пешие ткачи и представители других гильдий — разгромило при Куртрэ гордую рыцарскую конницу, а сам командующий французской армией, знаменитый военачальник Робер II д'Артуа пал в бою.

Вся Англия радовалась поражению врага и торжеству союзников. Несмотря на то, что тут напрашивалась явная аналогия с поражением англичан от шотландцев Уильяма Уоллеса в битве на Стерлингском мосту и гибелью Хью де Крессингема, народ повсюду распевал веселые песенки, высмеивавшие унижение французов:

Французы в Фландру зайцами неслись, легки.
Но в полночь воевать им стало не с руки;
Как птицы, были пойманы они в силки —
Кто пеший, кто с конем.
Фламандцы шлемы сбрасывали с их голов,
Не тратили на разговор про выкуп слов,
И сыпались на землю головы врагов.
Им кара поделом^[144].

Третий удар Филиппу IV нанес папа Бонифаций VIII. Воодушевленный тем, что Французское королевство оказалось в сложном положении, он решил воспользоваться ситуацией и обнарудовал буллу

Unam Sanctam (лат. «Единую святую»), в которой недвусмысленно проводилась мысль о том, что светская власть должна быть подчинена власти духовной и это есть необходимое условие спасения души: «Несомненно, что отрицающий власть Петра над светским мечом плохо слышал слово Господа, повелевшего: „Вложи меч в ножны“^[118]. Следовательно, оба находятся во власти церкви — и духовный, и светский мечи; только последний используется для церкви, а первый — церковью... Для спасения совершенно необходимо, чтобы каждое человеческое существо подчинялось римскому понтифику»^[145]. Таким образом, Филипп, не желавший даже формально признавать свое подчинение папе, оказался перед лицом прямой угрозы отлучения от церкви.

В этой нелегкой ситуации королю Франции не оставалось ничего другого, кроме как уладить тлеющий конфликт в Гаскони, отнимавший у него значительные ресурсы, необходимые для других, более важных политических предприятий. Все его мысли занимали теперь Фландрия и папа. Поэтому он счел за благо восстановить герцогство Аквитанское и во всеуслышание заявить, что отказывает Шотландии в какой бы то ни было поддержке. Так шотландцы поняли (как в свое время Эдуард I), что доверять словам и обещаниям Филиппа IV — весьма опасное дело.

К Рождеству 1302 года жители Бордо сами сбросили с себя иго французского правления и обратились к англичанам с просьбой принять их под свою руку. Французскому королю показалось, что лучший способ сохранить достоинство — это пойти на своевременные уступки. И вот 20 мая 1303 года был подписан окончательный Парижский договор, согласно которому между Англией и Францией устанавливались вечный мир и дружба. Эдуард I принес оммаж по доверенности за свой возвращенный гасконский лен. И с тех пор страны — извечные соперники действительно долгое время жили в согласии. Но это случилось, естественно, не потому, что короли прониклись неожиданно друг к другу искренними добрыми чувствами — просто ни у того, ни у другого не хватало сил на продолжение борьбы.

Безучастно наблюдать за сближением королей Англии и Франции в планы Бонифация VIII не входило. Чтобы как-то компенсировать улучшение отношений между прежними врагами, ему также срочно потребовалось наладить контакт с Эдуардом I. Папа последовал примеру Филиппа IV и отрекся от шотландцев. Он лишил своего заступничества Роберта Уишарта епископа Глазгоского, преданного борца за независимость страны и неизменного покровителя Уильяма Уоллеса. Более того,

Бонифаций приказал шотландским прелатам прекратить смуту и примириться с Эдуардом I, а также в проповедях порицать паству за мятеж против английского короля!

Эдуард I с готовностью подыграл дипломатическим авансам папы, ибо римская церковь была могучей силой. Но отношения с Парижем при этом оставались для него гораздо важнее, чем с Римом. Это ясно видно из состава посольств: к Бонифацию VIII он отправил малоизвестных рыцарей сэра Томаса Уэйла и сэра Томаса Делайла, а к Филиппу IV — своих ближайших соратников: графов Саррейского и Уорикского, Эмера де Валанса, Джона де Сент-Джона и Хью де Вера.

*

В ноябре 1302 года окончилось очередное перемирие с Шотландией. Поскольку все помехи на пути к объединению острова под властью Эдуарда I были устранены, король начал планировать новую кампанию, без которой все его прежние труды пошли бы прахом. Впрочем, он и раньше не особенно придерживался условий перемирия, время от времени организуя рейды вглубь неподконтрольной шотландской территории — прежде всего, с разведывательными целями. Так, 29 сентября наместник Шотландии Джон лорд Сегрейв и казначей королевского гардероба Ральф Мантон, ответственный за выплату вознаграждения пограничным отрядам, дошли до Стерлинга, а затем свернули к Кёркинтиллоху, откуда вернулись назад в Англию.

По итогам прошлогодней экспедиции англичане укрепили свое присутствие в низинной Шотландии — так называемом Лоуленде. Их сильные гарнизоны стояли в Берике, Роксборо, Джедборо, Эдинбурге, Линлитгоу, Дамфрисе и Лохмабене. В общей сложности они насчитывали более тысячи солдат. К сожалению, король не был в состоянии профинансировать столь же масштабный проект по строительству мощных опорных пунктов в Шотландии, как он сделал это в Уэльсе. Поэтому ему пришлось ограничиться возведением более дешевых деревянных крепостей.

В январе 1303 года разведчики сообщили Эдуарду I, что шотландцы собираются вторгнуться в Англию. Стало понятно, что медлить с началом новой кампании по меньшей мере опасно. А на войну, как всегда, нужны были деньги. 1 февраля король собрал в Виндзоре представителей иностранных торговых компаний и обсудил с ними так называемую *Carta*

Mercatoria — Купеческую хартию. Хартия освобождала их от причального сбора, платы за проезд через мосты и выпас свиней, а также наделяла иммунитетом от правил лондонского Сити, направленных против заморских купцов. Торговцы получали собственный суд и право на назначение половины судей почти во всех процессах, затрагивающих их интересы. За дарованные привилегии иностранные компании должны были платить увеличенные пошлины на импорт вина, а также на экспорт шерсти, кожи и других товаров. Впоследствии эти налоги стали известны как корабельный сбор и пошлина с веса. Так как новые сборы не касались английских торговцев и не вызывали снижения цен на английскую шерсть, они были восприняты населением гораздо спокойнее, чем *maltôte* — пресловутая «злая пошлина».

Пока Эдуард I разрабатывал план кампании, наместник Джон Сегрейв со своим всегдашним компаньоном казначеем Ральфом Мантоном организовал еще один небольшой рейд по территории, находившейся под контролем шотландских магнатов. Этот набег окончился полным провалом. У деревни Рослин недалеко от Эдинбурга 24 февраля 1303 года отряд попал в засаду, устроенную Джоном Рыжим Комином Баденохским и сэром Саймоном Фрейзером. Англичане были разбиты, их командиры попали в плен. Их судьба была разной — Мантона шотландцы убили, а Сегрейва вскоре отпустили на все четыре стороны. Наместник оказался единственным из его людей, кто избежал жестокой смерти.

Эдуард I назначил местом сбора армии Роксборо и на этот раз был готов вести войну до тех пор, пока ему не удастся окончательно сломить сопротивление упрямых шотландцев. В июне 1303 года войско, насчитывавшее около 1000 латников и 7500 пехотинцев, перешло границу Шотландии. Пока оно двигалось по Лотиану, шотландцы не предпринимали никаких попыток его остановить или как-то помешать наступлению. Их армия под предводительством Джона Рыжего Комина Баденохского стояла за рекой Форт, чтобы воспрепятствовать переправе. Однако Эдуард I избежал той ловушки, в которую со всего маха влетели Хью Крессингем и граф Саррейский, поскольку не стал переправляться по узкому Стерлингскому мосту. Он приказал форсировать Форт по трем сборным плавучим мостам, пригнанным морем из Линна, — благо у королевских мастеров был опыт подобного строительства, полученный при сооружении переправы через Менаи в Уэльсе.

Миновав замок Стерлинг, который находился в руках врага, в середине июня войско подошло к Перту. Оттуда Эдуард I двинулся на замок Брихин и осадил его. Во время этой осады впервые на территории Англии был

применен порох в военных целях. Об этом свидетельствуют отчеты, в которых фигурирует плата за серу, использованную для поджога замка и для создания взрывчатой смеси. В осаде принимал участие и принц Уэльский, который установил под стенами свою осадную машину. Гарнизон стойко держался в течение двадцати дней — ровно до тех пор, пока констебль замка сэра Томас Мол не был убит камнем, выпущенным из метательного орудия. Умирая, он заявил своему преемнику, что тот будет проклят, если окажется трусом и сдастся. Тем не менее напутствие отважного командира пропало втуне, и после его гибели шотландцы сложили оружие.

Английская армия двигалась медленно, не пропуская ни одного крупного поселения или города. Любой населенный пункт, оказавший малейшее сопротивление, сжигался дотла. Вдоль побережья за войском следовал флот с продовольствием. В сентябре Эдуард I был у Морейского залива, в Кинлоссе. Оттуда он направился на юг к Лохиндорбу и потом к Боут-оф-Гартену. Затем армия прошла на северо-восток вдоль берега реки Спей, пока не свернула к Килдрамми.

Одновременно с королевским войском в Шотландии действовали более мелкие отряды. Эмер де Валанс лорд Валанс и сеньор де Монтиньяк, единственный выживший сын Гийома де Валанса, был назначен наместником Шотландии к югу от Форта. Из своей резиденции в замке Босуэлл он и провел несколько локальных операций. С армией в 3457 человек из Ирландии на 173 кораблях приплыл Ричард Молодой де Бург граф Ольстерский. Его войско действовало в основном на западе страны. Граф захватил замки Ротси на острове Бьют и Инверкип. Джон лорд Сегрейв с Робертом лордом Клиффордом и Уильямом Латимером прошел рейдом по Лотиану.

*

К 5 ноября Эдуард I добрался до Данфермлина, где обосновался в старинном аббатстве, основанном почти 200 лет назад королем Давидом I Святым. Здесь он отпраздновал Рождество вместе с прибывшей к нему женой и детьми. В Данфермлине стекались мятежные магнаты, надеясь на то, что повинную голову меч не сечет. О своих вассальных обязанностях вспомнил Роберт Брюс граф Каррикский и поспешил присоединиться к отцу Роберту лорду Аннандейлскому, хранившему все это время верность Эдуарду I. Его примеру последовали Роберт Уишарт епископ Глазгоский и

Уильям де Ламбертон епископ Сент-Эндрюсский. Явился в Данфермлин и сэр Джон де Соулз, назначенный мятежными магнатами хранителем Шотландии.

Джон Рыжий Комин также согласился подчиниться, но только на определенных условиях. Он потребовал от Эдуарда I исполнения шотландских законов и обычаев в том виде, в каком они существовали при Александре III. Изменять их, по мнению Комина, можно было только с общего согласия шотландцев. Но в конце концов, ему пришлось принести оммаж, так и не добившись того, чего он хотел.

Король-победитель обещал сохранить жизнь и свободу всем, кто добровольно сложит оружие, за исключением Уильяма Уоллеса — ему было приказано прибыть к Эдуарду I безо всяких гарантий и предварительных условий. Естественно, Уоллес отказался от подобной чести и продолжал скрываться со своими немногочисленными последователями в лесах и вересковых зарослях. Тогда Эдуард I заявил, что великий стюард Шотландии Джеймс Стюарт, хранитель Шотландии сэр Джон де Соулз и сэр Ингрэм де Амфревилл не получают охранных грамот до тех пор, пока Уоллес не будет схвачен, и что все прочие шотландские магнаты обязаны приложить максимум усилий для поимки мятежника.

Относительное великодушие, проявленное королем к тем, кто сдался по собственному желанию, в отличие от тех, кто сражался до победного конца, было проверенной политикой Эдуарда I. Точно так же он вел себя и после победы над Симоном де Монфором при Ившеме в 1265 году.

Процесс восстановления вассальных отношений шел полным ходом, хотя его несколько затрудняла проблема возврата реквизированной собственности: значительная часть земель у примкнувших к движению за независимость Шотландии была конфискована и формально передана англичанам. Эдуард I предоставил прежним владельцам возможность выкупа своих маноров — условия варьировались в зависимости от степени вовлеченности каждого конкретного просителя в акции сопротивления англичанам. Сама схема выкупа земель также была поразительно похожа на процедуру, прописанную в Кенилуортском диктуме 1266 года.

Пока король восстанавливал в Данфермлине систему вассальных отношений, военные действия в Шотландии приостановились, но об их окончании говорить было еще рано. Последней шотландской цитаделью, не перешедшей в руки англичан, оставался Стерлингский замок. Его гарнизон в 50 человек под командованием сэра Уильяма Олифанта продолжал отважное, но безнадежное сопротивление.

Весной 1304 года Эдуард I оставил Данфермлинское аббатство и отправился в Сент-Эндрюс, где собрался королевский совет. При всеобщем одобрении Уильям Уоллес, сэр Саймон Фрейзер и защитники Стерлинга были объявлены вне закона, о чем король поставил в известность всех должностных лиц Шотландии. Он писал хранителю земель от Форта до Грампианских гор: «Король сэру Александру де Абернети. Мы весьма рады слышать, что вы внимательно наблюдаете за бродами на Форте. Ни в коем случае не оставляйте свой пост и не принимайте Уильяма ле Уоллеса и его людей в мир до тех пор, пока они не сдадутся безоговорочно»^[146].

Из Сент-Эндрюса Эдуард I во главе армии двинулся на непокоренный замок Стерлинг и в апреле осадил его. По традиции сначала противники вступили в переговоры. Король указывал на значительное превосходство своей армии и требовал сдачи. Олифант, как было заведено, просил разрешения проконсультироваться о возможности капитуляции с главой страны — формальным хранителем Шотландии сэром Джоном де Соулзом. Всё бы ничего, да только Соулз в это время находился во Франции, и оперативно снестись с ним не представлялось возможным. Да и сам институт хранителей к тому времени фактически прекратил свое существование, поскольку Эдуард I взял всю полноту власти в свои руки. Когда король поставил констебля замка перед сим непреложным фактом, тот заявил, что без приказа свыше его гарнизон будет сопротивляться — тем более что лично он, Олифант, не приносил оммажа Эдуарду I и не обязан ему подчиняться.

На этом формальности закончились и начались боевые действия. Англичане подтянули к замку впечатляющее количество военных машин. Главный королевский инженер Реджиналд по прозвищу Механик привел из Берика целый осадный обоз, еще две осадные машины были переброшены ночью из-под Брихина, одна — из Абердина. Принц Уэльский получил приказ ободрать свинец с крыш всех церквей в окрестностях Перта и Данблейна: тяжелый металл использовался при изготовлении противовесов для больших требюше. Роберт Брюс граф Каррикский, переметнувшийся на сторону англичан, также отправил свои осадные машины под Стерлинг, помогая добивать недавних союзников. Огромное количество арбалетов, луков и стрел было поставлено шерифами Лондона, Линкольншира и Нортумберленда, а также мэром Ньюкасла-апон-Тайна.

К злополучному замку свезли немалый запас хлопковых нитей, серы и

селитры — ингредиентов, крайне необходимых, как известно, для создания «греческого огня». Из Брихина спешно приехал бургундец Жан де Ламуйи, заведовавший там осадными орудиями. Он изготовил некоторое количество пороховой смеси, которую осаждающие в глиняных горшках швыряли за замковые стены.

Шотландцы предприняли отчаянную попытку снять осаду, собрав по всей стране те отряды, которые только смогли. Они были разбиты и отброшены от замка солдатами Хамфри де Боэна графа Херефордского. Но даже при отсутствии каких бы то ни было надежд на помощь извне гарнизон отважно сопротивлялся, несмотря на то, что громадные осадные машины «Сегрейв», «Форстер», «Робинет», а также требюше «Парсон», «Белфри» и «Уорвульф» методично обстреливали укрепления замка. Правда, живой силе ущерба нанести они не смогли — защитники Стерлинга прятались от летящих снарядов в глубоких пещерах, пронизывавших скалу, на которой стоял замок.

Эдуард I превратил осаду в увлекательное зрелище. К одному из городских домов, выходящих фасадом на замок, специально для этой цели пристроили балкон. Оттуда королева со свитой наблюдала за тем, как ее отважный муж штурмует вражескую крепость. А король действительно не прятался за спинами своих солдат. Однажды в него попал дротик, пущенный защитниками замка. По счастью, он не ранил Эдуарда I, а застрял между пластинами доспехов. В другой раз его конь был сбит с ног камнем из катапульты, установленной на стене.

Наконец, 20 июля 1304 года последний островок шотландской независимости капитулировал. К удивлению многих, Эдуард I обошелся с пленными не так жестоко, как ожидалось. Защитники вышли из замковых ворот, демонстрируя крайнюю степень покорности: босые, с посыпанными пеплом головами, они просили его о милосердии. Король поначалу ответил достаточно резко: «Никоим образом вы не получите моей милости, поскольку вы ее не заслуживаете. Вас приму, но на своей воле»^[147]. Однако в конце концов он снизошел к их мольбам и даровал защитникам замка пощаду. Падение Стерлинга фактически завершило завоевание Шотландии.

Полагая, что теперь-то поставленных целей он добился, Эдуард I в августе 1304 года отправился в Англию. Перед отбытием король приказал, чтобы к Рождеству любым способом изловили и доставили к нему Уильяма Уоллеса. Казначейству и суду также было приказано оставить Йорк, где они пребывали с 1298 года, и вернуться в Вестминстер.

Освободившись от тяготивших его мыслей о Шотландской кампании, Эдуард I немедленно вернулся к вопросу, который крайне его заботил, — к очередному всплеску преступности. Как всегда, он совпал с тем временем, когда король и его лорды были заняты войной. Насилие проникло во все области жизни, уже не ограничиваясь бесчинствами, которые учинялись множеством организованных банд. Ареной преступлений, направленных частенько и против королевских слуг, стали даже ярмарки и рынки.

К примеру, некий Томас де Эстон и двое его братьев публично избили королевского бейлифа на рынке в Стаффорде. В Линкольншире некий Ральф Токел ворвался в дом Адама Суонсона, сломал его сыну руки и три ребра и отрубил ему самому мечом ступни ног. Джон Бранскот в Стаффордшире неоднократно обвинялся в избиении людей, а однажды даже сломал свой меч об очередную жертву, причем имел наглость потребовать с несчастного два шиллинга, в которые оценил стоимость ремонта оружия.

В ноябре 1304 года Эдуард I приказал создать новую судебную комиссию помимо уже существовавших *ойе* и *термине* и комиссии по очистке тюрем. Она получила название *трейлбастон*. Считается, что это слово произошло от *бастона* — палки или посоха, которое служило оружием для банд грабителей. Впрочем, хронист Ившемского аббатства придерживался иного взгляда на этимологию этого слова: «Трейлбастон — инструмент сапожников, часто использовавшийся для избиения воров, от него и пошло это слово»^[148].

Уполномоченные вновь созданной комиссии в поисках вооруженных злоумышленников порой демонстрировали излишний энтузиазм, который приводил к задержанию невинных. Так, некий Джон из Лондона подозревался ими в тяжких преступлениях лишь на том основании, что часто покидал город на две-три недели, хорошо одевался и щедро тратил деньги, хотя не занимался ремеслом или торговлей. А Уолтеру Фойлу было предъявлено обвинение из-за того, что он уходил за городские стены с оружием и своей борзой во время вечерни, а возвращался только утром.

Неудивительно, что *трейлбастон* не пользовался популярностью в народе. Среди простых людей гуляла поэма, известная как «Песнь преступника о трейлбастоне». В ней рассказывалась история о солдате, верно служившем в войнах и строго наказанном за то, что дал всего-навсего пару оплеух своему слуге. В «Песни» были такие слова:

Трейлбастона суд беспощадный таков.
Пусть проклят тот будет во веки веков,
Кто выступить в нем комиссаром готов —
В защиту его не найти добрых слов^[149].

Автор «Песни» возмущался тем, что любой простолюдин, который знал, как пользоваться луком, только за одно это рисковал подвергнуться аресту по обвинению в принадлежности к банде. Каждому, кто хоть немного разобрался в законах, могло быть предъявлено обвинение в планировании заговора жестокими судьями, с которыми у автора существовали свои счеты:

В трейлбастон игре обучил бы их вмиг —
Сломал им хребет как засохший тростник,
Потом раздробил руки, ноги, кадык,
Отрезал бы губы им, нос и язык^[150].

И все же, несмотря на явные утеснения, чинимые судебскими чиновниками простому люду, благодаря трейлбастону в стране удалось за короткое время навести относительный порядок. Сократилось число случаев посягательства магнатов на наследство бедняков, банды мародеров не разгуливали уже по полям и лесам столь же вольготно, как по собственному дому. Бандиты не терроризировали ни население, ни местных судей в графствах, боявшихся применять к ним положенное наказание в полной мере. Этот закон показался современникам настолько важным и действенным, что автор «Хроники мэров и шерифов Лондона» даже обозначил его названием год: «Уильям Косин и Реджиналд Тандерли, шерифы. В год трейлбастона»^[151].

*

В начале декабря Эдуард I пересек Хамбер, отметил со своим двором Рождество в Линкольне, а в феврале 1305 года торжественно вступил в Лондон. Аккурат к его прибытию в Вестминстере собрался парламент, куда были призваны в том числе и представители Шотландии, чтобы совместно с ними обсудить, как будет управляться их страна. В число этих

представителей вошли сэры Джон де Моубрей^[119], Роберт Уишарт епископ Глазгоский, а также Роберт Брюс граф Каррикский и лорд Аннандейлский — его отец, сохранивший верность данной английскому королю присяге, умер годом ранее.

Было решено, что десять представителей от всех сословий Шотландии — два графа, два епископа, два аббата, два барона и два человека от горожан и арендаторов — будут заседать в английском парламенте. Они также войдут вместе с двадцатью англичанами в Совет Севера, которому поручалось управлять страной, пока не будут изданы исчерпывающие законы по функционированию в Шотландии королевской власти.

Собравшиеся в Вестминстере вспомнили и о тех, кто все еще продолжал активно противодействовать английскому господству и сражаться за независимость страны. Главным героем сопротивления был Уильям Уоллес, который вновь выступил на первый план после принесения подавляющим большинством шотландских лордов оммажа Эдуарду I. За голову мятежника было назначено денежное вознаграждение в 300 марок. Его искали не только англичане, но и шотландцы. Уоллес был схвачен полгода спустя, 5 августа 1305 года недалеко от Глазго благодаря предательству одного из своих друзей — шерифа Дамбартона сэра Джона де Ментита. Стража застала лидера сопротивления спящим в объятиях любовницы. Под сильным конвоем Уоллес был отправлен в Лондон. Все, кто имел отношение к его поимке, получили обещанные награды. Человек, который первым заметил и опознал мятежника, получил 40 марок. Те, кто в этот момент находились рядом с ним, разделили между собой еще 60 марок. Сэру Джону де Ментиту король пожаловал земельные владения стоимостью в 100 фунтов.

Суд над Уильямом Уоллесом состоялся 23 августа 1305 года в Вестминстер-холле. В нем заседали Джон лорд Сегрейв, Питер Мэлор, Ральф де Сандвич, Джон Бэйкуэлл и мэр Лондона Джон Ле Бланд. Вопрос о том, чтобы преступник предстал перед парламентом, не ставился в принципе, поскольку обвиняемый не являлся лордом и не имел права на «суд равных». Уильям Уоллес стоял перед судьями в венке из лавровых листьев — таким образом ему напоминали его похвальбу, что он будет-де ходить по Вестминстеру в короне.

Список обвинений был длинным, и открывался он перечнем зверств, которые творились в Нортумберленде и Камберленде — там Уоллес и его люди грабили и вырезали всех, кто говорил по-английски, не щадя ни монахов, ни женщин, ни детей. Доходило до курьезов: подсудимому поставили в вину слух о том, что он якобы собрал хор из обнаженных

англичан и англичанок, которые были подвергнуты жестоким пыткам после того, как усладили его слух пением. Правда, в суде это дело не рассматривалось. Дальше шли убийства королевских слуг — шерифа Ланарка Уильяма Хезлрига и казначея Хью де Крессингема.

Но главным и самым тяжелым обвинением стала, конечно же, измена. Восстание против феодального лорда и нарушение принесенного оммажа карались весьма сурово. Уоллес полностью отрицал свою вину по этому пункту. Он заявлял, что никогда не клялся в верности английскому королю и, таким образом, его поступки не могут квалифицироваться как измена. Однако же суд не принял во внимание никаких оправданий. Судьи заявили, что все обвиняемые в государственной измене, как правило, избирают точно такую же линию защиты. Их совсем не интересовало, что многие из этих несчастных, вероятно, говорили истинную правду.

Ожидать от Эдуарда I смягчения участи Уоллеса не стоило: король не испытывал к нему ни сострадания, ни уважения. Он считал шотландца не борцом за независимость и свободу своего народа, а бандитом и разбойником. Эдуард смотрел на обвиняемого безусловно как на изменника, вполне заслуживавшего жестокой казни. Король не признавал за поверженным врагом особенных полководческих талантов. Напротив, он был возмущен тем, что на войне Уоллес даже близко не придерживался принципов рыцарства, принятых в те времена.

Приговор был ожидаемо суров — повесить, выпотрошить и четвертовать. Уильяма Уоллеса протащили из Вестминстера за повозкой до лондонского Тауэра, а оттуда через Олдгейт в Смитфилд — к месту, именовавшемуся «У вязов»^{120}. Там стояла виселица, на которой несчастного повесили, но затем вынули из петли полуживым. Отрезав половые органы и вырвав внутренности, палачи швырнули их в огонь, а затем обезглавили и четвертовали тело. Голова была насажена на кол на Лондонском мосту, а части тела выставлены на всеобщее обозрение в главных городах Севера — Ньюкасле, Берике, Стерлинге и Перте. За доставку останков Уоллеса к местам их демонстрации Джон лорд Сегрейв получил 15 шиллингов в качестве компенсации понесенных расходов.

Преданный своими знатными соратниками — лордами и рыцарями — в народной памяти Уоллес остался героем. И пусть слава пришла к шотландскому мятежнику много позже его смерти, но именно он стал тем символом, который на протяжении многих веков воодушевлял шотландцев в борьбе за независимость их родины. Роберт Бёрнс написал стихи на шотландском языке^{121}, которые были затем положены на музыку и стали

неофициальным гимном Шотландии — *Scots, wha hae*:

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, —
Вы врага ценой любой
Отразить готовы ^{122}.

Казнь Уильяма Уоллеса стала полным триумфом Эдуарда I. Уничтожив последнего своего врага, король погрузился в работу над государственным устройством Шотландии. Для помощи в этом вопросе в Лондон прибыли десять шотландских представителей. Правда, верный соратник короля Патрик де Данбар граф Марчский присутствовать не смог, и вместо него в комиссию вошел Джон де Ментит — тот самый шериф, усилиями которого был схвачен Уильям Уоллес. Шотландцам не отводилась роль статистов — их мнение действительно интересовало Эдуарда I, который внимательно прислушивался ко всем поправкам и предложениям своих новых подданных. Вместе с двадцатью английскими советниками они подготовили проект ордонанса, который был одобрен на очередном парламенте в конце лета 1305 года.

Править Шотландией поручалось наместнику, получавшему приказы непосредственно от короля или от высших должностных лиц Англии — лорда — верховного канцлера и лорда — великого камергера. При наместнике создавался совет, в состав которого входило восемь прелатов и 14 магнатов, включая Роберта Брюса графа Каррикского и обоих Коминов — Джона Рыжего Баденохского и Джона мормэра Бахэна. Судьи, коронеры и шерифы назначались по английской системе. В целом сохранялось шотландское гражданское право. Отмене подлежали только некоторые особо одиозные законы и обычаи кельтских высокогорий, которые противоречили божественным заповедям и здравому смыслу.

Первым наместником и хранителем Шотландской земли (все по-прежнему тщательно избегали называть Шотландию королевством как в речах, так и в документах) стал Жан де Дрё Бретонский. Пост канцлера был доверен Уильяму де Биверкоту, камергера — Джону Сандейлу. Парламент назначил четыре пары судей, в каждую из которых входили один англичанин и один шотландец. Должности шерифов оставались исключительно за англичанами, их резиденции располагались в Эдинбурге, Джедборо, Линлитгоу и Пиблзе. Замки Роксборо и Джедборо отходили под власть королевского наместника, а Стерлинг и Дамбартон возвращались

шотландцам.

Глава четвертая. Последний поход

Эдуард I разгромил всех своих врагов — как внешних, так и внутренних. Правда, в результате его кипучей деятельности страна оказалась опасно близка к банкротству. Он перенапряг финансовую систему королевства, но зато присоединил Уэльс и Шотландию, уничтожил деструктивное влияние магнатов, заставил прелатов умерить амбиции и сохранил при этом в целостности заморские территории, чуть было неутраченные.

Однако к большому сожалению и неудовольствию короля во всех этих великих трудах он не мог опереться на того, кто самым положением своим обязан был находиться рядом. И будущее его завоеваний — как во внешней политике, так и во внутривластной жизни — повисало в неопределенности. Помощи от старшего сына, Эдуарда Карнарвонского отец практически не видел, да и продолжателем своего дела, по совести говоря, считать не мог. Если даже наследник трона и участвовал в каких-то предприятиях короля, то исключительно по принуждению и без всякой заинтересованности. Принц Уэльский стремился только к одному — жить так, как ему хочется. Другими словами, проводить время в компании со своим ближайшим другом гасконцем Пьером де Гавестоном и предаваться удовольствиям и развлечениям, многие из которых считались в те времена низменными.

Поведение наследника Эдуарда I раздражало. Если бы не правило первородства, он с большей готовностью оставил бы трон кому-нибудь из младших сыновей — Томасу или Эдмунду. Все попытки короля вернуть сына на правильную стезю оборачивались неудачей — может быть, потому, что у Эдуарда I, постоянно занятого делами, оставалось слишком мало времени на общение со старшим отпрыском.

По возвращении из шотландской экспедиции король всеми силами пытался привести в порядок расстроенные финансы. Между тем Эдуард Карнарвонский продолжал жить со своим двором на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Он посылал в Ломбардию за конями и во Францию за борзыми. Принц Уэльский затеял перестройку любимого манора Лэнгли, который затем превратил в свою резиденцию и весело проводил там время с Пьером де Гавестоном и другими собутыльниками.

В очередной раз растранив все деньги, принц явился к Уолтеру Лэнгтону епископу Ковентрийскому и Личфилдскому, занимавшему

должность верховного казначея, и потребовал от него увеличения своего содержания. Тот, повинуюсь строжайшему королевскому приказу рачительно обращаться с казной, отказал. Высокородный шалопаи «остроумно», как ему показалось, отомстил. Со своими дружками он ворвался в парк Лэнгтона и устроил там охоту на оленей.

Эдуард I вызвал сына к себе в Мидхёрст. Епископ Ковентрийский и Личфилдский перед всем королевским двором обвинил принца в браконьерстве. Вместо того чтобы признать вину, Эдуард Карнарвонский вспылал и осыпал Лэнгтона отборной бранью. Дело едва не дошло до рукоприкладства. Король встал на сторону своего верного слуги и давнего соратника. Он запретил сыну показываться себе на глаза и резко ограничил выплаты казначейства на его нужды.

Удар по карману стал тяжелым наказанием для принца, привыкшего вести разгульный образ жизни. Он умолял отца отменить приказ, но тщетно. Несколько месяцев Эдуард Карнарвонский следовал по стране за королевским двором, держась от него на некотором расстоянии, в надежде вымолить прощение. В конце концов, Эдуард I примирился с наследником, но только после того, как принц принес извинения Лэнгтону и полностью удовлетворил все требования епископа. Однако трещина в отношениях отца и сына осталась.

*

Говоря о том, что Эдуард I сокрушил всех своих противников, мы забыли об одном из них — непримиримом, упорном, умном. Роберт Уинчелси архиепископ Кентерберийский практически сразу после своего рукоположения в 1294 году стал в оппозицию к любым планам короля и вставлял ему палки в колеса где только мог. Больше всего выводило из себя Эдуарда то, что примас был ярким противником налогообложения церкви и приверженцем папской буллы *Unam Sanctam*. Он всемерно пытался ослабить королевскую власть, интригуя против доверенных советников короля и поддерживая магнатов в их стремлении навязать королю новые ограничения посредством дополнений в Великую хартию вольностей и Лесную хартию.

С предшественниками Роберта Уинчелси — Джоном Печемом и Робертом Килуордби — Эдуарду I удалось выстроить достаточно эффективное сотрудничество, несмотря на существовавшие разногласия. Но Уинчелси не шел ни на какие компромиссы и не желал мира с королем

иначе как на своих условиях. Естественно, Эдуард I не испытывал, да и не мог испытывать к нему никаких добрых чувств. Удобный случай расправиться с упрямым недоброжелателем появился в 1305 году, когда папская тиара досталась гасконцу Раймону Бертрану де Го, короновавшемуся под именем Климента V. До своего избрания он был архиепископом Бордоским и являлся, следовательно, подданным Эдуарда I. Хотя по сути Бертран де Го был ставленником Филиппа IV, с английским королем его также связывали хорошие отношения.

На коронации нового папы Англию представляли Уолтер Лэнгтон епископ Ковентрийский и Личфилдский и Генри де Лейси граф Линкольнский. Первым результатом их визита в Лион, где проходила церемония, стала булла *Regalis devotionis* (лат. «Преданность королю»), которой папа аннулировал все дополнения, внесенные за последние годы в хартии настоянием английских баронов, а также освободил Эдуарда I от обещания их соблюдать на том основании, что это противоречило его коронационной клятве.

Король воспользовался своей дружбой с Климентом V, чтобы раз и навсегда избавиться от Роберта Уинчелси. Используя бумаги, переданные ему Хамфри де Боэном графом Херефордским, Эдуард I обвинил архиепископа Кентерберийского в организации заговора против короля. К этому он присовокупил все те обвинения, которые в свое время предъявлялись лорду казначею Уолтеру Лэнгтону — а именно, сношение с дьяволом, убийство и прелюбодеяние.

12 февраля 1306 года примас всей Англии был призван в папскую курию в Бордо, чтобы ответить на обвинения. Прелат обратился к Эдуарду I за разрешением отбыть на континент. На это король ответил: «Разрешение пересечь море, о котором вы просите нас, мы дадим вам охотно. Но разрешения вернуться назад мы вам не дадим и не предоставим, помня о вероломстве, лживости и предательстве, которые вы замыслили на парламенте в Линкольне с нашими баронами против королевского величества. Тому свидетельством — письмо, запечатанное вашей печатью, а также показания, ясно свидетельствующие против вас»^[152].

И действительно, во Францию архиепископ Кентерберийский отбыл как положено и без каких-либо затруднений. А вот вернуться назад в Англию он смог только после смерти Эдуарда I. Полтора года архиепископ оставался в Гаскони в фактическом изгнании, хотя с формальной точки зрения все это время он находился в английских владениях.

Воспользовавшись папской буллой, освободившей его от клятвы соблюдать ненавистную Лесную хартию, Эдуард I первым делом

обнародовал новую редакцию хартии. Интересна преамбула к ней, поскольку там нет никаких слов о проблеме заповедников или еще о чем-то подобном. Король писал о том тяжелом грузе забот, который лежал на его плечах, и о своей ответственности перед Господом за вверенное ему королевство. Образность мысли и изящество стиля — вот что явило собственноручно написанное им обращение к подданным.

«Пока мы наблюдаем несовершенство человеческой слабой природы и взвешиваем с пристальным вниманием всеохватное бремя, лежащее на наших плечах, нас мучают различные мысли, накатывающие как волны, — часто беспокоящие, заставляющие проводить бессонные ночи. В самой глубине нашего сердца рождаются сомнения относительно того, что должно быть сделано, что должно быть сдержано, а что должно быть наказано. Однако, пребывая под Тем, Кто управляет небесной империей, что превыше всего на свете, Кто есть первопричина существования каждой вещи, Кто раздает свои благодатные дары как Ему благоугодно в то время, как сознание людей не может вместить в себя все величие Его мудрости, мы вновь обретаем нашу власть. Мы верим, что Он придаст совершенство нашим деяниям в честь Его и по снисходительности доброй воли Его милостиво взглянет на наши недостатки и исправит их. А мы, полагаясь на Его защиту, сможем следовать по пути, заповеданному Господом. Поистине, среди всего того, что требует наших забот и внимания и чем непрерывно занят наш ум, главное — это то, что мы можем дать радость покоя и спокойствия нашим подданным, живущим в нашем королевстве. В их покое мы обретаем отдохновение, а их спокойствие внутренне воодушевляет нас благоуханием удовлетворенности, исходящим от цветов желанного мира»^[153].

Те немалые услуги, которые папа Климент V оказал Эдуарду I, были сделаны не только из искреннего расположения, но и в надежде на ответную благодарность. Поэтому английскому королю пришлось согласиться на выплату Святому престолу аннатов^{123}. В качестве сборщика папских налогов в Англию был отправлен гасконец Гийом де Теста архидиакон Коменжский. Помимо прочего, Эдуард I передал ему управление собственностью архиепископа Кентерберийского. Энергия, с которой Теста взялся за сбор денег для папы, вызвала возмущение у всех английских священнослужителей. Однако на этот раз Эдуард I не поддержал клириков, так как ему было совсем не с руки ссориться с Климентом V — в Шотландии опять начал зреть мятеж.

Спустя всего шесть месяцев после казни Уильяма Уоллеса, 10 февраля 1306 года в мужском францисканском монастыре Дамфриса вспыхнула ссора. Трижды изменник Роберт Брюс граф Каррикский затеял ее со своим сотоварищем по совету и главным соперником по влиянию на умы шотландцев Джоном Рыжим Комином Баденохским. Они обменялись взаимными оскорблениями, а затем Брюс выхватил меч и ранил Комина. Джон Рыжий нашел убежище в монастырской церкви, но несколько приспешников графа Каррикского ворвались туда и добились его на ступеньках алтаря. Несомненно, по любым меркам это была подлость — нападение нескольких вооруженных людей на одного безоружного. Кроме того, Брюс и его люди совершили святотатство, не посчитавшись со святостью церковного убежища.

Единожды нарушив королевский мир, граф Каррикский уже не собирался останавливаться. Он бросил в тюрьму судей ассизов, находившихся в городе на выездном заседании. Затем Роберт Брюс провозгласил себя защитником национальной независимости и объявил о своих претензиях на корону Шотландии. Роберт Уишарт епископ Глазгоский с готовностью отпустил своему любимцу все грехи, достал из укромного места знамя Шотландии и поехал с ним в Скун — традиционное место коронации шотландских королей. Там их уже ждали Уильям де Ламбертон епископ Сент-Эндрюсский и сотня недовольных английским правлением лордов и рыцарей, в большинстве своем прибывших с севера и запада страны. В их числе оказались весьма знатные персоны — Малколм II мормэр Леннокса, Джон Стратбогийский граф Атоллский, сэр Джеймс Черный Дуглас и сэр Томас Рэндолф.

В Вербное воскресенье Брюс был коронован под именем Роберта I золотым венцом, который специально для этого случая изготовил местный золотых дел мастер. Обряд совершала Изабель, жена Джона Комина мормэра Бахэна и сестра Дункана Макдаффа, последнего кельтского мормэра Файфа. Если принять во внимание, что именно шестнадцатилетний мормэр Файфа, находившийся в тот момент в Англии, обладал наследственным правом проведения коронации, то слишком вольная трактовка древних обычаев не могла не вызвать сомнений в их правомерности.

Роберт Брюс действовал энергично — он поспешил захватить королевские замки Дамфрис и Эр, Долсвинтон и Тибберс (впрочем,

Дамфрис скоро был отбит англичанами назад). В Галлоуэе новоявленный король не получил поддержки, зато на его сторону встали Глазго и Ратерглен. Затем он с шестьюдесятью латниками пересек Форт, но английские гарнизоны главных английских замков держались крепко, имея достаточный запас продовольствия.

Что побудило Роберта Брюса выступить против Эдуарда I — не очень ясно. Хотя, если говорить откровенно, этот шотландский лорд не отличался строгими принципами и не зарекомендовал себя верным вассалом, что наглядно демонстрировал своими неоднократными переходами из одного лагеря в другой. Возможно, Брюса оскорбило нарочитое невнимание английского короля к его персоне. Но стоит заметить, что у Эдуарда не было особых поводов отличать графа Каррикского, который ничем особенным не проявил себя на его службе. Более того, король откровенно продемонстрировал Брюсу свое неудовольствие его действиями, отказавшись возместить в полном объеме расходы, понесенные шотландским магнатом во время умиротворения военной силой Эршира и Ланаркшира. Эдуард I также не подтвердил в полном объеме прав Брюса на Аннандейл, которые тот предъявлял после смерти отца.

Весть о мятеже достигла ушей Эдуарда I в Хемпшире, где он поправлял пошатнувшееся в последние годы здоровье в своих охотничьих угодьях. Король отправил гонцов со строгим приказом усилить пограничные гарнизоны в Берике и Карлайле. Он объявил сбор ополчения северных графств и созвал парламент в Вестминстере. Покойный Джон Рыжий Комин отнюдь не был другом или даже соратником Эдуарда I. Напротив, на протяжении долгого времени он действовал как его враг, но открытый и честный, чем заслужил королевское уважение. Циничное убийство на священной монастырской территории заставило набожного Эдуарда I вспомнить слова Писания: «Ты знаешь, что сделал мне Иоав, сын Саруин, как поступил он с двумя вождями войска Израильского... как он умертвил их, и пролил кровь бранную во время мира, обагрив кровию бранною пояс на чреслах своих и обувь на ногах своих. Поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить седины его мирно в преисподнюю»^{124}.

Роберт Брюс и все причастные к смерти Джона Рыжего были заочно приговорены королевским судом к обычной каре за государственную измену — повешению, потрошению и четвертованию, а их помощники — к простому повешению. Климент V отлучил графа Каррикского от церкви, а также лишил «нечестивых епископов» Ламбертона и Уишарта их епархий.

Эдуард I требовал от своих слуг активных действий. Он писал Эмеру де Валансу, наместнику Шотландии к югу от Форта: «Так как мы не получили от сэра Майкла Уимисса ни доброго слова, ни службы и на деле он оказался предателем и нашим врагом, мы приказываем тебе сжечь его манор, где он жил, и все остальные маноры, уничтожить его земли и имущество, дочиста разорить его сады так, чтобы ничего не осталось — в назидание другим, подобным ему. Что касается сэра Гилберта де Ла Хэя^{125}, то мы вели с ним себя весьма учтиво, когда недавно встречались в Лондоне, и нам казалось, что мы могли ему доверять. Но так как теперь он стал предателем и нашим врагом, то приказываем тебе сжечь все его маноры и дома, уничтожить его земли и имущество, дочиста разорить его сады так, чтобы ничего не осталось, и, если возможно, поступить с ним еще хуже, чем с сэром Майклом Уимиссом»^[154].

Шестидесятишестилетний король был нездоров и не мог сесть на коня, поэтому в Вестминстер его доставили в паланкине. Со всей страны туда съехались юноши, желавшие стать рыцарями, ибо таков был приказ Эдуарда I. Они приехали со своими свитами, и размещение такого количества прибывших стало серьезной проблемой. Для строительства временного жилья пришлось нанять 50 плотников, многие приезжие нашли пристанище в Новом Храме рыцарей-тамплиеров, который стоял на берегу Темзы у дороги из Ладгейта в Вестминстер. Пшеница, овес, овцы, волы и свиньи закупались по пяти графствам.

По обычаю все юноши провели ночь в бдении и молитве, а утром 22 мая началась грандиозная церемония, подобной которой Англия еще не видела. Король собственноручно посвятил в рыцари принца Уэльского в часовне Вестминстерского дворца. Он коснулся плеча сына своим мечом, опоясал его, а Генри де Лейси граф Линкольнский и Хамфри де Боэн граф Херефордский пристегнули к ногам Эдуарда Карнарвонского золотые шпоры.

В свою очередь, принц посвятил в рыцари остальных юношей числом 266 человек. Среди них были те, кому впоследствии предстояло сыграть большую роль в истории Англии, — Хью Ле Деспенсер-младший, Джон де Уоррен граф Саррейский (внук умершего два года назад королевского соратника), Роджер лорд Мортимер Уигморский и его дядя Роджер лорд Мортимер Чёркский. Получил золотые шпоры и задушевный друг принца Пьер де Гавестон. Пройдет совсем немного лет, и эти юноши, сейчас

радостные и гордые выпавшей на их долю честью, вцепятся друг другу в глотку в безжалостной схватке за власть и жизнь.

Наплыв зевак был так велик, что двоих человек толпа задавила насмерть. За церемонией посвящения последовал великолепный пир в Вестминстер-холле, который очевидцы называли самым роскошным со времен легендарного короля Артура. Гостей развлекали 80 менестрелей, обошедшихся казне в немалую сумму — 130 фунтов.

Кульминацией стал торжественный момент, из-за которого этот день навсегда остался в памяти как Праздник лебедей. Под звуки труб два герольда внесли на огромном блюде двух лебедей, накрытых золотой парчой и с золотыми кольцами на шеях. Птицы были поставлены перед королем, который дал обет перед Богом и лебедями не знать отдыха и покоя до тех пор, пока Господь не дарует ему победу над коронованным предателем Робертом Брюсом и нарушившим клятву народом. А победив шотландцев, продолжал Эдуард I, он никогда более не обнажит меч против христиан, но отправится освобождать Святую землю, откуда уже не вернется, ибо его бранные останки будут похоронены там. Вслед за королем произнес свою клятву принц Эдуард. Он дал обет не спать двух ночей подряд в одном месте, пока не поможет отцу отомстить шотландцам. Произнесли свои обеты и присутствовавшие на пиру рыцари.

Это было действие совершенно в духе двора короля Артура, чего и добивался Эдуард I. Клятва принять участие в опасном предприятии, сопровождаемая рыцарским обетом, выглядела торжественно и романтично. Так некогда отвечал на призыв Отвратительной Дамы сам Персиваль:

А Персиваль иное рек:
Что двух ночей подряд вовек
Не проведет в едином месте,
Что ринется по зову чести
В бой при опасности любой,
Что с рыцарем сильнейшим в бой
Он вступит, пред двумя такими
Не дрогнет, состязаясь с ними^{126}.

Для усиления эффекта Эдуард I добавил к сцене кое-что от себя. Он поклялся одновременно перед лебедями и Господом, соединив воедино древнюю рыцарскую традицию с благочестием и верностью установлениям

феодалного права. Но если король надеялся таким способом направить сына на путь истинный и обрести хоть какую-то уверенность в том, что наследник продолжит его дело, то в этом он и на сей раз не преуспел.

*

Для финансирования очередной кампании Эдуард I первым делом на законном основании потребовал феодальную помощь у всех своих вассалов — согласно обычаю, он имел на нее право по случаю посвящения старшего сына в рыцари. Традиционно уже для поднятия боевого духа у английских баронов он пообещал раздать им конфискованные владения Роберта Брюса и его последователей.

Однако сам король чувствовал себя все хуже. Он не мог сидеть на коне, быстро уставал. Поэтому кампанию начала небольшая армия под командованием Эмера де Валанса, насчитывавшая 30 латников, 300 кавалеристов и 1300 пехотинцев. Англичане переправились через Форт и 19 июня у Метвина недалеко от Перта застигли врасплох войско Роберта Брюса. Неопытный шотландский полководец не принял надлежащих мер по боевому охранению, и его армия была разгромлена. Шотландцы настолько растерялись и перепугались перед лицом внезапной атаки, что не придумали ничего лучшего, как закрыть геральдические знаки на своих щитах белой тканью, чтобы не быть узнанными.

Беспорядочно отступавшие на запад остатки армии Брюса были настигнуты преследователями у южной оконечности озера Лох-Тей, где еще раз потерпели поражение. Затем они были перехвачены около Тайндрама воинами клана Макдугалов под командованием сына вождя Джона Аргайлского и на этот раз полностью уничтожены. Сам новоявленный король Роберт I сумел, подобно Уильяму Уоллесу после битвы при Фолкёрке, спастись — он бежал, скрываясь в вересковых зарослях. Джон Ботетур и Джон де Ментит в поисках Брюса обыскали весь полуостров Кинтайр вплоть до самых его южных границ, где осадили и взяли замок Данэверти, но безуспешно. Роберту Брюсу удалось ускользнуть от них, тайком переправиться на лодке через Ирландское море и высадиться на острове Ратлин у северного побережья Ирландии. Там он некоторое время и скрывался от своих врагов.

В остальном англичанам сопутствовала удача. Они схватили недалеко от Стерлинга сэра Саймона Фрейзера. Непрístupный замок Лох-Дун — последняя цитадель Брюса на юго-западе страны была расположена на

маленьком островке посреди одноименного озера — сдался без боя. Его констебль сэра Гилберта де Каррик решил не испытывать судьбу и открыл ворота неприятелю. Так в плен к англичанам попал зять Роберта Брюса сэра Кристофера Ситона, нашедший здесь убежище после разгрома при Метвине.

Основная армия, которой командовал принц Уэльский, выступила из Карлайла в июле и заставила капитулировать Лохмабен. Затем она двинулась в Перт, разоряя все окрестности на своем пути. Пройдя через Перт и еще более северный Абердиншир, англичане осадили замок Килдрамми. Туда, на дальний север Роберт Брюс отправил свою семью, надеясь, что это вполне безопасное место. Замок был родовым гнездом мормэров Мара, и сейчас им владел очередной носитель этого титула, несовершеннолетний Доналд II. Его мать была сестрой Роберта Брюса, а небольшим гарнизоном командовал младший брат шотландского короля Нил. В цитадели также находился Джон Стратбогийский граф Атоллский, женатый на тетке юного мормэра.

Замок сопротивлялся англичанам достаточно долго для того, чтобы дать графу Атоллскому время тайно вывести за стены и увести подальше от опасного места дам — жену шотландского короля Элизабет, сестер Кристину и Мэри, дочь Марджери, а также Изабель Макдафф, которая незаконно провела коронационный обряд. Вскоре после побега женщин твердыня пала, гарнизон был захвачен в плен. Несовершеннолетнего мормэра и Нила Брюса отправили в Берик-апон-Туид, где судьи приговорили королевского брата к повешению, потрошению и четвертованию. Приговор был без промедления приведен в исполнение. Доналду мормэру Мара повезло больше — приняв во внимание юный возраст мятежника, судьи отослали его к английскому двору в Лондон. Несмотря на самоотверженность защитников Килдрамми, графу Атоллскому со спутницами далеко уйти не удалось. Довольно быстро их выследили и схватили.

*

Эдуард I боролся с тяжелой болезнью, приковавшей его к постели, все лето. Выздоровливал он медленно. К сентябрю 1306 года король, наконец, смог подняться с ложа и медленно, делая короткие переезды, отправился на север. Свежий воздух и радость путешествия сказались на нем благотворно. Один из членов королевской свиты писал своему приятелю: «Король будет в Лейнеркосте, что с этой стороны (с востока. — В. У.) от

Карлайла, к 25 сентября и останется там с королевой, как он сам говорит, пока не минет святой Мартин. Он вполне здоров и крепок, если принять во внимание его возраст»^[155].

В отличие от оптимистично настроенного слуги, Эдуард I не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы лично возглавить армию, как во всех своих прошлых военных предприятиях. На этот раз ведение кампании было доверено нескольким полководцам, действовавшим самостоятельно, но в постоянной координации с королем и друг с другом. А сам он, как и планировал, в начале октября остановился в Лейнеркостском приорстве, расположенном в 20 километрах к северо-востоку от Карлайла.

Англичане и сохранившие им верность шотландцы прочесали всю страну. В плен попали почти все знатные лорды — сторонники человека, которого теперь именовали Робертом I Шотландским. Пленники побрели в Англию, закованные в кандалы, а за ними в английские лагеря вновь потянулась колонна дезертиров — зрелище, столь характерное для войн за независимость Шотландии.

На этот раз Эдуард I не стал демонстрировать милосердие победителя к побежденным. Он издал ордонанс, который предусматривал суровое наказание за мятеж против законного короля. К повешению, потрошению и четвертованию приговаривались те представители знати, которые активно поддерживали Роберта I Брюса в его королевских претензиях. Участникам военных действий против англичан грозило либо повешение, либо обезглавливание. Добровольно сдавшиеся в плен отправлялись в заточение до особого распоряжения короля. Что касается простолюдинов, втянутых в войну, то на них налагался штраф пропорционально тому вреду, который они успели причинить англичанам.

Сэр Саймон Фрейзер, Херберт де Морэм и Джон Стратбогийский граф Атоллский были повешены, выпотрошены и четвертованы в Лондоне, а их головы выставлены на всеобщее обозрение. Особенно сильна была ненависть короля к Фрейзеру и Морэму — до начала мятежа они были его придворными рыцарями, пользовались полным доверием и королевскими милостями. Особым приказом Эдуард I распорядился сжечь не только тело Фрейзера, но и виселицу, на которой тот был повешен.

Магнаты, правда, пытались уговорить повелителя не предавать столь жуткой казни Джона Стратбогийского графа Атоллского. Несчастный имел высокое происхождение — его прадедом по материнской линии был Джон Фицрой, незаконнорожденный сын Джона Безземельного. Английские лорды выступали против пролития королевской крови. Однако Эдуард I оставался непреклонен. Он гневно ответил, что заботиться надо не по

поводу кровного родства, а об отправлении правосудия: «Как известно, чем выше положение, тем тяжелее падение. И прочие предатели благородной крови за свои преступления должны быть повешены выше других»^[156].

Сэр Томас Брюс, второй брат Роберта I, подвергся такой же жестокой казни, но только в Карлайле. Третий брат Александр вместе с сэром Реджиналдом Кроуфордом и сэром Брайсом Блэром был повешен и обезглавлен. Кристофер Ситон, непосредственный участник убийства Джона Рыжего Комина, распрощался с жизнью в Дамфрисе, а его брат Джон, также замешанный в этом малопочтенном деянии, — в Ньюкасле-апон-Тайне.

Женщинам Эдуард I сохранил жизнь. Мэри, сестра Брюса, и Изабель Макдафф были посажены в деревянные клетки, установленные на стенах замков Роксборо и Берик. Правда, их вдоволь обеспечивали едой, напитками и всем необходимым, а клетки были даже оборудованы уборными. Сверх того, узилище Изабелы венчала корона в напоминание о том, что она присвоила себе право коронации. Обслуживали пленниц исключительно англичанки — лицам шотландского происхождения приближаться к ним было запрещено под страхом смерти.

Элизабет, супруге Роберта Брюса, повезло несколько больше, чем ее подругам по несчастью. Она была дочерью влиятельного ирландского магната Ричарда де Бурга графа Ольстерского, который являлся другом Эдуарда I и участником многих его военных кампаний. Поэтому король удовольствовался тем, что отправил ее под строгий домашний арест в Бёртсвик — деревеньку недалеко от Халла. Он даже приказал выделить ей штат слуг. Марджери, двенадцатилетняя дочь Брюса, была приговорена к заточению в лондонском Тауэре, но Эдуард I настоял на смягчении приговора, учитывая ее возраст. Она, как и ее тетка Кристина, отправилась замаливать грехи в монастырь.

Современники отнюдь не считали, что король чересчур жестоко обошелся с высокородными дамами. Напротив, им казалось, что он проявил определенный гуманизм. На их взгляд, смертной казни заслуживала как минимум одна из пленниц — а именно, Изабель Макдафф, однозначно повинная в государственной измене. Раз она возмутительным образом присвоила себе право на исполнение сугубо мужской роли, то и наказание должна была понести такое, какое полагалось мужчине, считали английские лорды.

Что касается Роберта Брюса, то такие мелочи, как судьбы доверившихся ему людей, не лишили его душевного равновесия — к гибели своих сторонников он всегда относился на удивление легко.

Очередной триумф Эдуарда I был омрачен безответственным поведением сына. Принц Уэльский не соизволил остаться в Шотландии, а вместе с ним без разрешения покинули армию Пьер де Гавестон и 21 рыцарь свиты. Все они решили отправиться за границу для участия в турнире, не испросив предварительно разрешения короля и понадеявшись на защиту, которую им гарантировал Эдуард Карнарвонский.

Возмущенный король приказал конфисковать земли дезертиров — по-другому сложно назвать воинов, покидающих место боевых действий, — а их самих арестовать. Лишь заступничество королевы Маргариты смягчило его сердце. Он простил сына и его свиту, а также отменил наложенные на них наказания. Более того, Эдуард I распорядился даже начать подготовку к собственному турниру, который планировалось провести в Уарке-апон-Туиде на шотландской границе. Впрочем, по зрелому размышлению король решил отложить это мероприятие, поскольку у него имелись и более серьезные дела.

Предполагалось, что зимовать он будет в цистерцианском аббатстве Холмкалтрем, но болезнь не позволила ему совершить запланированный переезд. Эдуард I остался до весны в Лейнеркосте. Чтобы сделать пребывание короля в монастыре более комфортным, над палатами, занимаемыми им и его супругой, потрудились плотники, вставившие стеклянные окна, а каменщики сложили камин. Для королевской свиты в окрестных деревнях были закуплены волы и свиньи. Из Ньюкасла-апон-Тайна пришел обоз с вином, из Йорка — со специями и воском.

Эдуарда I продолжала мучить болезнь, от которой он принимал множество лекарств, в том числе и весьма экзотических. В списке препаратов, составленном его лекарями, был то ли электуарий, то ли кордиал, для изготовления которого требовались янтарь, камень гиацинт, мускус, жемчуг, золото и серебро. Также в этом списке находились сахарные розетки из жемчуга и кораллов. Король пил дамасскую розовую воду и гранатовое вино, регулярно принимал травяные ванны.

Установить точный характер болезни Эдуарда I не представляется возможным, но у него явно были серьезные проблемы с ногами, поскольку лекари регулярно изготавливали для них специальную мазь и заставляли его носить кожаные лосины. Шея у короля также временами сильно болела, и на нее даже приходилось накладывать гипс. В общем, от чего бы ни

страдал Эдуард I, это был затяжной и выматывающий недуг.

С приходом весны здоровье короля несколько улучшилось. Он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы перебраться в Карлайл и присутствовать на сессии парламента, который с учетом недомогания Эдуарда I решено было собрать тут. Слишком активная деятельность легата Гийома де Теста по сбору средств в папскую казну переполнила чашу терпения лордов, рыцарей и горожан. Они принесли королю жалобу на притеснения, учиняемые Святым престолом всем добрым людям королевства, ведущие к упадку веры, обнищанию народа и нарушению законов страны. Эдуард I согласился с ними и одобрил антипапский по духу закон, получивший название Карлайлского статута. Английским церковным организациям отныне запрещалось отправлять любые налоги или сборы за пределы королевства, в том числе и вышестоящим духовным чинам.

Эдуард Карнарвонский попытался воспользоваться сессией парламента в своих личных интересах, а точнее, в интересах своего фаворита. Он заявил отцу, что хотел бы передать Пьеру де Гавестону полученное по наследству от матери графство Понтье, и потребовал от короля вынести этот вопрос на суд парламента, чтобы получить одобрение лордов королевства. Но разъяренный Эдуард I, несмотря на болезненную слабость, вышвырнул наглеца из своих покоев, при этом выдрал у сына изрядный клочок волос. Гавестону он приказал до 30 апреля покинуть английскую землю и отбыть в Гасконь. Расстроенный принц проводил своего любимца до корабля, одарив его напоследок конями, роскошными одеждами и передав 260 фунтов на дорожные расходы.

*

Избежать плена и казни удалось лишь жалкому числу вождей шотландских мятежников. Напуганные близким присутствием страшного и безжалостного врага, они все-таки пытались огрызаться. В марте Джеймс Черный Дуглас, скрывавшийся в лесах Селкёрка, неожиданно отбил у англичан свой собственный замок Дуглас. Некий Томас Диксон, бывший арендатор его отца, укрыл сэра Джеймса с небольшим отрядом неподалеку от местной церкви. Утром 19 марта, в Вербное воскресенье, когда гарнизон вышел из замка, чтобы отстоять мессу, Черный Дуглас неожиданно атаковал из засады ничего не подозревавших англичан. Часть солдат была убита на месте, часть попала в плен. Захваченных врагов сэра Джеймс

приказал отвести в погреб замка и там обезглавить. Пустые винные бочки послужили топливом для костра, в который шотландцы бросали тела врагов. Местные жители с тех пор называли замок не иначе как «Кладовая Дугласа».

Роберт Брюс перебрался с острова Ратлин в Шотландию и по мере сил пытался досаждать англичанам. Впрочем, это получалось у него не очень удачно. Эдуард I с нетерпением ожидал вестей о поимке шотландского короля. В апреле английская армия действительно окружила войско Брюса в Галлоуэе, заперев его в горной долине Глен-Трол. Казалось, Роберт попал в ловушку, откуда ему не суждено было выбраться. Однако он каким-то чудом сумел с небольшим отрядом прорвать кольцо окружения и вновь исчезнуть, оставив врагам в качестве трофея свой личный баннер.

Месяц спустя, 10 мая Брюс атаковал небольшое войско наместника Эмера де Валанса у Лаудона, что в Эршире. Он одержал победу, выстроив свое войско в хорошо знакомый ему боевой порядок — шилтронами. Три дня спустя шотландский король напал на отряд сэра Ральфа де Монтермера, именовавшегося графом Глостерским, и вынудил его отступить в Эрский замок. Однако вовремя подоспевшие из Карлайла подкрепления вынудили Брюса вновь бежать в леса и болота.

Все эти малозначительные стычки не имели никакого значения ни в тактическом, ни в стратегическом плане. Однако они порядком нервировали Эдуарда I и в то же время вызывали неумеренный восторг среди сторонников независимости Шотландии, которые готовы были считать их полноценными победами и возносить неоправданно высоко полководческий талант Роберта Брюса. Один из шотландских лордов, сохранявших преданность Эдуарду I — по всей видимости, Александр де Абернети, — подробно докладывал в своем письме от 15 мая 1307 года из Форфара английскому королю о слухах, получивших распространение в некоторых областях страны: «Я слышал, что... он (Брюс. — В. У.) имеет право, что Господь открыто за него, поскольку он уничтожил власть короля как над англичанами, так и над шотландцами, и английская армия отступает в свою страну, чтобы уже не вернуться»^[157].

Фальшивые проповедники, во множестве объявившиеся в Шотландии, подделывались под священнослужителей и объявляли сопротивление Эдуарду I чуть ли не христианским долгом каждого, одновременно апеллируя к авторитету Мерлина, что Абернети также отразил в своем письме: «И эти проповедники говорили людям, что они нашли пророчество Мерлина о том, как после того, как умрет *Le Roi Coueytous*^[127], шотландцы

и бритты объединятся, и получают полную власть, и будут жить в мире до скончания веков»^[158].

Эдуард I готов был доказать сторонникам Брюса, что они сильно заблуждаются насчет «прав» шотландского короля, равно как и развеять их иллюзии по поводу бегства английской армии. На Троицу он устроил смотр своим войскам в Карлайле. Однако болезнь не желала отступить, и королевский врач Питер по прозвищу Хирург был отряжен в Йорк для пополнения запаса лекарств.

Тем не менее, вопреки обострению болезни, Эдуард I по-прежнему намеревался лично вести свои войска против ненавистного Брюса. Он даже заставил себя сесть на коня и покинуть Карлайл 3 июля во главе своих полков. Но железная воля короля ему не помогла — боль стала нестерпимой. Три дня он боролся с ней, но больше трех-четырех километров в день преодолеть ему никак не удавалось. С трудом добрался Эдуард I до Браф-бай-Сэндс — деревушки, расположенной в десяти километрах к северо-западу от Карлайла в Камбрии. Утром пятницы 7 июля 1307 года король попытался как обычно подняться при помощи слуг с кровати, чтобы позавтракать, но упал замертво.

*

Эдуард I скончался в возрасте 68 лет, из которых 34 года он правил Англией. Он не смог закончить свои дни в Святой земле, что было его заветной мечтой, и буквально нескольких дней ему не хватило, чтобы в последний раз увидеть шотландскую границу. Однако пересечь ее он хотел во что бы то ни стало, пусть и после смерти. Предсмертный приказ короля гласил, что его тело следует нести перед армией до тех пор, пока не будут разгромлены и покорены все шотландцы. А после разгрома мятежников и казни самозванного короля Роберта I его сын Эдуард Карнарвонский должен был отправиться в крестовый поход и доставить сердце отца в Святую землю, тем самым выполнив данную им клятву.

Почти век спустя знаменитый хронист Жан Фруассар дополнил этот эпизод, подкорректировав его по своему разумению. Он писал, что король завещал сварить свое тело после смерти в котле, чтобы плоть отделилась от костей. Захоронить нужно было только плоть, а кости каждый раз нести перед войском во время походов на Шотландию. Естественно, этот пассаж следует отнести к категории недостоверных преданий.

Перед смертью Эдуарду I явно было не до выдумывания варварских

обрядов. Он был озабочен судьбой своего королевства, а поэтому поручил Генри де Лейси графу Линкольнскому, Ги де Бошану графу Уорикскому, Эмеру де Валансу и Роберту де Клиффорду заботиться о своем сыне, который вот-вот должен был стать королем Эдуардом II. Он приказал им любыми способами не допустить возвращения из ссылки Пьера де Гавестона, влияние которого на молодого короля могло оказаться роковым для страны.

Проживи Эдуард I хотя бы еще год, Роберт Брюс был бы обречен на тяжкое поражение. Убийством Джона Рыжего Комина он противопоставил себя одновременно и Англии, и половине Шотландии, и папству. Брюс испортил отношения не только с теми аристократами, которые сохранили верность Эдуарду I, но также и с магнатами, поддерживавшими Джона Балиола. Шотландскому королю чрезвычайно повезло, что меч из рук величайшего воина той эпохи перешел к его сыну, неумелому полководцу, посредственному правителю, потакавшему только своим желаниям и капризам, коих у него было предостаточно.

Смерть Эдуарда I, долго и тяжело болевшего, вроде бы не должна была стать неожиданностью для его окружения, но тем не менее застала придворных врасплох. Первым их побуждением стало стремление сохранить в тайне печальную новость, чтобы она не воодушевила шотландцев. На следующий же день после кончины короля гонцы повезли письма королеве Маргарите, Эдуарду Карнарвонскому и графу Линкольнскому. Однако канцелярия продолжала отправлять приказы от имени покойного уже монарха, и только с 18 августа распоряжения стали подписываться именем Эдуарда II и скрепляться его большой печатью.

Естественно, что такие детские уловки не могли долго сберечь тайну. Англичане быстро узнали о трагедии. При жизни Эдуарда I они могли выражать свое недовольство тяжелым налоговым бременем или заграничными экспедициями. Но при этом все они прекрасно осознавали все величие своего повелителя. Песни, которые пел народ в эти дни, были невеселыми и совсем не похожими на грубовато-острые или едко-сатирические тексты, обыкновенно имевшие хождение в стране:

Иерусалим, ты потерял
Рыцарственности цветков [\[159\]](#).

Отношение к королю у английского хрониста и монаха-августинца Питера из Лэнгтофта, современника Эдуарда I, на протяжении жизни

менялось, подчиняясь прихотливым перипетиям придворной политической борьбы — от восторженного до осуждающего. Но тем не менее, завершая его жизнеописание, хронист согласился с народом, что Эдуард I был воплощением рыцарских идеалов и самым славным королем со времен Артура:

Артуру рыцарственностью был равен он,
При жизни цветом христианства наречен.
Так статен, так могуч и так в бою силен,
Что помнить его будут до конца времен^[160].

В конце июля известия о кончине Эдуарда I достигли континента. Скорбь охватила Европу, потерявшую монарха, вплотную приблизившегося к средневековому идеалу христианского правителя: «В год 1307-й победоносный король Эдуард, сын короля Генри III, цвет и гордость всего рыцарства, скончался 7 июля... О его смерти Великий понтифик, короли и принцы, герцоги и графы, прелаты других стран, с их народами горестно скорбели, потрясенные внезапной кончиной столь великого государя»^[161].

Папа Климент V торжественно отпел Эдуарда I в соборе Пуатье — это был первый в истории случай, чтобы короля отпевали в папской курии. В своей поминальной речи понтифик говорил о величии его правления, о его справедливости, о милосердии. Он вспоминал Девятый крестовый поход и победы в битвах с неверными. Климент V сравнил Эдуарда I с библейским полководцем Иудой Маккавеем: «Он уподоблялся льву в делах своих и был как скимен, рыкающий на добычу»^[128]. Вольно или невольно, но папа провел в своей речи интересную параллель: ведь некоторые толкования не исключают происхождения прозвища «Маккавей» от арамейского «маккаба» — что означает «молот». В то же время известно, что одним из прозвищ Эдуарда I было «Молот шотландцев».

Имя английского короля гремело по всей Европе и после смерти. Его деяния были хорошо известны не только современникам, но и потомкам. Итальянский поэт XIV века Фацио дельи Уберти посвятил ему восторженные строки:

Телом красивый, но сердцем ничтожный
После него сел Арриго на троне.
Много плохого сказать о нем можно,
Но похвалы, признаю, он достоин

За Одоардо, за славного сына,
Коего доблесть известна бесспорно.
Кто в поединке убил ассасина,
Что был подослан к нему Старцем Горным —

Лжец заслужил за предательство кару.
С войском кто отбыл в заморские страны,
Дерзостно атаковал Малекдара^[129],
Земли святыя вернул христианам^[162].

*

Как бы ни завещал король распорядиться после смерти своим телом, оно не было ни сварено в котле, ни вынесено перед армией, шествующей к шотландской границе. Прах Эдуарда I отправился в прямо противоположном направлении — на юг, где и нашел себе временное пристанище. Королевские останки были помещены в Уолтемское аббатство, расположенное в 25 километрах к северу от Лондона. Монахи проводили у гроба ночные бдения и служили мессы. Только 18 октября 1307 года тело Эдуарда I привезли в Лондон. Сначала местом его пребывания стал монастырь Святой Троицы, а затем — собор Святого Павла.

В конце концов прах был перенесен в Вестминстерское аббатство, где 27 октября старый друг великого короля Энтони Бек князь-епископ Даремский, годом ранее получивший также титул патриарха Иерусалимского^[130], отслужил по нему панихиду. В надгробной речи епископ сравнил Эдуарда I с величайшими героями прошлого — начиная от Брута и заканчивая Ричардом I Львиное Сердце. Он перечислил все подвиги покойного короля, живо обрисовал неутешное горе, охватившее английский народ.

Эту пространную и образную речь использовал в качестве основы для своего панегирика другой современник короля — хронист Джон из Лондона, монах Вестминстерского аббатства: «Эдуард, король великий, в войнах непобедимый и в мире славный. Он более всех желал править своими людьми в мире. Но враг рода человеческого, сеятель раздоров

развязал войну. И не было ему покоя, как мог бы сказать пророк: „Ждем мира — и ничего доброго нет; ждем времени исцеления — и вот, ужасы“^[131]. Чтобы добиться мира для христиан, он принял крест Христов против сарацинов и агарян»^[163].

Затем, спустившись с горних высей, монах перешел к прославлению дел земных: «Но кто может сравниться с тобой и уподобиться тебе, славнейший среди земных государей? Если только царь Соломон в отправлении судебных дел и правосудия равновелик — в желании сердца разумного, чтобы различать, что добро и что зло, но не убийства врагов и не долгих дней жизни^[132]... Соломон сочинял притчи и песни, в которых прославлял церковь. А Эдуард издавал законы и статуты, и были они как солнце и луна, умиротворяющие священничество, а также королевство»^[164].

Тело Эдуарда I обрядили в красную шелковую тунику и богато отделанную столу. Поверх всего набросили мантию из красного атласа, а ниже пояса прикрыли еще и золотой парчой. В правую руку покойного короля был вложен скипетр с крестом, в левую — такой же скипетр, но увенчанный изображением голубя. На голову надета открытая корона.

Король упокоился в роскошной гробнице, сделанной из полированного пёрбекского мрамора^[133], но без каких-либо украшений кроме временной деревянной скульптуры, лежавшей на усыпальнице в продолжение похоронной мессы. Предполагалось, что чуть позже ее заменит мраморное изваяние Эдуарда I, которое будет по богатству и изяществу соответствовать изображениям Генри III и Элеоноры Кастильской на соседних гробницах.

Однако, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Каменная статуя так и не была установлена вместо деревянной. Лишь в XVI веке на строгом надгробии появилась надпись: «Здесь лежит Эдуард Первый, Молот шотландцев. Соблюдай договор».

Основные даты жизни Эдуарда I Длинного

1239, 17/18 июня — рождение Эдуарда, сына Генри III короля Англии и Элеоноры Прованской, в замке Вестминстер.

22 июня — крещение Эдуарда.

1242, лето — назначение Эдуарду воспитателей — Уильяма Брана и Хью Гиффарда Бойтонского.

1246 — смерть Хью Гиффарда Бойтонского, назначение нового наставника Эдуарда — сэра Бартоломью де Пеша.

Июнь — путешествие в аббатство Бьюли, первая тяжелая болезнь.

1247, 29 сентября — вторая тяжелая болезнь Эдуарда.

1249, 30 сентября — подписание королевского ордонанса о передаче Эдуарду в управление Аквитании и острова Олерон.

1251, 1 июня — третья тяжелая болезнь Эдуарда.

1254, 5 августа — прибытие в Бургос для женитьбы на Леоноре Кастильской.

1 ноября — бракосочетание Эдуарда и Элеоноры в аббатстве Санта-Мария-ла-Реаль-де-лас-Уэльгас. Генри III передает сыну в управление Ирландию и графство Честерское. Альфонсо X, король Кастилии посвящает Эдуарда в рыцари.

Конец ноября — прибытие в Гасконь для умиротворения местной знати.

1255, июль — осада замка Грамон.

Ноябрь — возвращение в Англию.

1256, 4 июня — участие в рыцарском турнире в Блайте.

9 сентября — заключение договора с семейством Солеров по контролю над Бордо.

1257, июнь — отправка в Кармартен войска против Ливелина ап Грифита князя Гуинета.

Август — участие в королевской экспедиции в Уэльс.

1258 — сближение с фракцией лузиньянов.

30 апреля — вынужденное согласие на удаление лузиньянов от двора.

Июль — завтрак с Ричардом и Уильямом де Клэрами, после которого первый сильно отравился, а второй умер.

Октябрь — клятва соблюдать Оксфордские провизии.

1259, 14 марта — заключение союза с Ричардом де Клэром графом Глостерским.

Октябрь — встреча с делегацией «Сообщества бакалавров Англии», согласие соблюдать Вестминстерские провизии, союз с Симоном де Монфором графом Лестерским, ссора с Ричардом де Клэром графом Глостерским.

1260, апрель — разлад с Генри III, примирение с Ричардом де Клэром графом Глостерским.

Лето — отбытие на континент, возобновление союза с лузиньянами.

8 октября — фактическое примирение с Генри III.

1261, апрель — возвращение в Англию.

Октябрь — отплытие в Гасконь.

1262, февраль — возвращение в Англию.

Июль — отплытие во Францию на переговоры о заключении мира.

1263, 24 февраля — возвращение в Англию для борьбы с восставшим Ливелином ап Грифитом князем Гуинета, не увенчавшейся успехом.

Июль — признание Эдуарда главой роялистской партии.

19 сентября — отплытие во Францию на третейский суд короля Луи IX.

7 октября — возвращение в Англию.

Октябрь — участие в первых вооруженных стычках с баронской оппозицией.

Декабрь — отплытие во Францию на второй суд короля Луи IX, итогом которого стала Амьенская миза.

1264, март — попытка удержания Глостерского замка.

Апрель — соединение с войсками короля для борьбы с баронской оппозицией. Начало Второй баронской войны.

5 апреля — взятие Нортхемптона.

14 мая — поражение в битве при Луисе.

28 мая — побег из плена.

1 августа — победа в битве у Кенилуорта.

4 августа — победа в битве при Ившеме.

26 октября — взятие Дувра.

1266, 14 июля — рождение сына Джона.

1267, 18 ноября — обнародование Малбороского статута.

1268, 6 мая — рождение второго сына Генри.

1270, 20 августа — начало крестового похода.

10 ноября — прибытие в Тунис.

1271, 9 мая — прибытие в Сен-Жан-д'Акр.

3 августа — смерть сына Джона.
Ноябрь — победа в битве при Какуне.
1272, 17 июня — попытка убийства Эдуарда ассасином.
22 сентября — конец крестового похода, отправление на Сицилию.
16 ноября — смерть короля Генри III Уинчестерского, начало правления Эдуарда I.
1273, лето — участие в турнире, получившем название «Маленькая битва при Шалоне».
26 июля — прибытие в Париж для принесения оммажа Филиппу III за гасконские владения.
Ноябрь — вторжение с войском в Беарн.
24 ноября — рождение третьего сына Альфонсо.
1274, 28 июля — заключение договора между Англией и Фландрией.
2 августа — прибытие в Дувр.
19 августа — коронация в Вестминстере.
14 октября — смерть сына Генри.
Конец октября — отбытие в королевское путешествие по стране.
1275, апрель — первый парламент короля Эдуарда I, принятие Первого Вестминстерского статута.
Октябрь — принятие Еврейского статута.
1276, 12 ноября — начало Первой войны за независимость Уэльса.
1277, 9 ноября — окончание Первой войны за независимость Уэльса, начало строительства Железного кольца Эдуарда.
1278, август — принятие Глостерского статута.
1279, март — подписание во Франции Амьенского договора.
Ноябрь — принятие статута «О мертвой руке».
1282, март — начало Второй войны за независимость Уэльса.
1283, 25 апреля — конец Второй войны за независимость Уэльса.
12 октября — принятие статута «О торговцах».
1284, март — подписание Ридланского статута.
25 апреля — рождение сына Эдуарда, принца Уэльского и будущего короля Эдуарда II.
19 августа — смерть сына Альфонсо.
1285, 29 июня — принятие Второго Вестминстерского статута.
8 октября — принятие Уинчестерского статута.
1286, 13 мая — поездка во Францию для принесения оммажа королю Филиппу IV Красивому.
Сентябрь — прибытие в Гасконь, проведение административной реформы.

1289, 12 августа — возвращение в Англию, начало расследования по коррупции среди королевских слуг.

1290 — принятие Третьего Вестминстерского статута или «Quia Emptores».

18 июля — издание указа о высылке евреев, подписание Бёргемского договора с Шотландией.

28 ноября — смерть жены королевы Леоноры.

1291, зима — начало работы над Великим делом.

1292, 17 ноября — завершение Великого дела.

26 декабря — принятие оммажа за Шотландию от короля Джона Балиола.

1294, 19 мая — постановление Парижского парламента о конфискации Аквитании.

Лето — подготовка армии и флота к войне с Францией.

29 сентября — начало Третьей войны за независимость Уэльса.

1295, июль — окончание Третьей войны за независимость Уэльса.

1296, зима — начало Первой Шотландской кампании.

22 августа — окончание Первой Шотландской кампании.

1297, 24 августа — начало Фландрской кампании.

1298, 31 января — подписание временного мира с Францией.

6 июля — начало Второй Шотландской кампании.

8 сентября — окончание Второй Шотландской кампании.

1299, 9 сентября — бракосочетание с Маргаритой, сестрой Филиппа IV короля Франции.

1300, 1 июня — рождение сына Томаса.

25 июня — начало Третьей Шотландской кампании.

Октябрь — заключение перемирия с Шотландией.

1301, лето — возобновление Третьей Шотландской кампании.

1302, 26 января — перемирие с Шотландией.

1303, 20 мая — подписание Парижского договора о мире с Францией, возвращение Гаскони.

Июнь — возобновление Третьей Шотландской кампании.

1304, 20 июля — окончание Третьей Шотландской кампании.

Ноябрь — создание судебной комиссии трейлбастон.

1305, 23 августа — казнь Уильяма Уоллеса.

1306, 12 февраля — высылка из Англии Роберта Уинчелси архиепископа Кентерберийского.

22 мая — начало Четвертой Шотландской кампании по подавлению мятежа Роберта Брюса графа Каррикского.

1307, 7 июля — смерть короля Эдуарда I.

Краткая библиография

A Continuation of William of Newburgh's History to AD 1298 // Chronicles of the Reigns Stephen, Henry II, and Richard I / Ed. R. Howlett. Vol. II. L., 1885.

Adami de Domerham. Historia de rebus gestis Glastoniensibus. Vol. II. Oxford, 1727.

Anglo-Scottish Relations, 1174–1328: Some Selected Documents / Ed. E. L. G. Stones. L., 1965.

Annales Monasterii de Oseneia. Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomae Wykes Ed. H. R. Luard Annales Monastici. Vol. IV. L., 1869.

Annales Monasterii de Waverleia Ed. H. R. Luard Annales Monastici. Vol. II. L., 1865.

Annales Prioratus de Dunstaplia Ed. H. R. Luard Annales Monastici. Vol. III. L., 1866.

Annales Prioratus de Wigornia Ed. H. R. Luard Annales Monastici. Vol. IV. L., 1869.

Barrow G. W. S. Robert Bruce. L.-A., 1965.

Bartholomaei de Cotton. Historia Anglicana (A. D. 449–1298) / Ed. H. R. Luard. L., 1859.

Bennett A. The Windmill Psalter: The Historiated Letter E of Psalm One // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 43. The Warburg Institute of the University of London, 1980.

Black J. G. Edward I and Gascony in 1300 / English Historical Review. Vol. XVII (1902).

Bracton H. De legibus et consuetudinibus Angliae / Ed. G. E. Woodbine. Vol. II. L., 1922.

Bridbury A. R. Thirteenth-Century Prices and the Money Supply // The Agricultural History. Vol. 33. Part I. 1985. P. 1–22.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II. Edinburgh, 1884.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. G. G. Simpson, J. D. Galbraith. Vol. V. Edinburgh, 1881.

Calendar of the Close Rolls 1272–1279. L., 1900.

Calendar of the Close Rolls 1288–1296. Vol. III. L., 1904.

Calendar of the Liberate Rolls, 1251–1260. Vol. IV. L., 1959.

Calendar of the Patent Rolls, 1258–1266. L., 1910.

- Calendar of the Patent Rolls, 1292–1301. L., 1895.
- Calendar of Various Chancery Rolls, 1277–1326. L., 1912.
- Carpenter D. A.* The Reign of Henry III. L., 1996.
- Chancellor J.* The life and times of Edward I. L., 1981.
- Chronica de Mailros. Edinburgh, 1835.
- Chronicles of the Mayors and Sheriffs of London / Tr. H. T. Riley. L., 1863.
- Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. Vol. II. L., 1882.
- Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. I–II. L., 1848–49.
- Chronique de Guillaume de Nangis // Collection des Mémoires Relatifs a l’Histoire de France / Ed. M. Guizot. Paris, 1825.
- Close Rolls of the Reign of Henry III, 1237–1242. Nendeln, 1970.
- Close Rolls of the Reign of Henry III, 1247–1251. Nendeln, 1970.
- Close Rolls of the Reign of Henry III, 1259–1261. Nendeln, 1970.
- Close Rolls of the Reign of Henry III, 1261–1264. Nendeln, 1970.
- Cobbett’s Parliamentary History of England from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. I. L., 1806.
- Cronica maiorum et vicecomitum Londoniarum / Ed. T. Stapleton. L., 1846.
- De Antiquis Legibus Liber. Cronica Maiorum et Vicecomitum Londoniarum / Ed. T. Stapleton. L., 1846.
- Denton J. H.* Robert Winchelsey and the Crown 1294–1313. Cambridge, 1980.
- Documents Illustrating the Crisis of 1297–98 in England / Ed. M. Prestwich. L., 1980.
- Documents Illustrative of the History of Scotland / Ed. J. Stevenson. Vol. I–II. Edinburgh, 1870.
- Dubois P.* De recuperatione Terre Sancte. Paris., 1891.
- Ecclesiastical and Civil History, Philosophically Considered / Ed. G. Townsend. Vol. II. L., 1847.
- English Historical Documents / Ed. H. Rothwell. Vol. III. L., 1975.
- Flores historiarum / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1890.
- Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc) *Comp. T. Rymer* Vol. I. Pars II. L., 1816.
- Fratis Rogeri Bacon, Ordinis Minorum, Opus Majus ad Clementem Quartum, Pontificem Romanum. L., 1733.
- Geoffrey of Monmouth’s British History / Tr. A. Thompson, Ed. J. A. Giles. L., 1842.
- Giraldi Cambrensis.* Itinerarium Kambriae et descripto Kambriae / Ed. J. F.

Dimock. L., 1868.

Gray T. Scalacronica of Sir Thomas Gray. Glasgow, 1907.

Historia Rerum Anglicarum Willelmi Parvi. Vol.1. L., 1856.

Jones G. The Oxford Book of Welsh Verse in English. Oxford University Press, 1977.

Jones D. The Plantagenets. The Kings Who Made England. L., 2012.

L'Historie de Guillaume le Maréchal / Ed. P. Meyer. Tome II. Paris, 1894.

Le Strange H. Le Strange Records. A Chronicle of the Early Le Stranges of Norfolk and the March of Wales A. D. 1110–1310. L., 1916.

Leland T. The History of Ireland from the Invasion of Henry II. Vol. I. Dublin, 1814.

Loomis R. Sh. Edward I, Arthurian Enthusiast // *Speculum. A Journal of Medieval Studies.* Vol. 28. № 1. The University of Chicago Press, 1953.

Maddicott J. R. Simon de Montfort. Cambridge University Press, 1995.

Majus Chronicon Lemovicense // *Recueil des historiens des Gaules et de la France.* Tome XXI. Paris, 1855.

Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876.

Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. IV. L., 1877.

Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. V. L., 1880.

Matthew Paris's English History / Tr. J. A. Giles. Vol. III. L., 1854.

McLean N. An Eastern Embassy to Europe in the years 1287–88 / *English Historical Review.* Vol. XIV (1899).

Monsaticon Anglicanum / Ed. by W. Dugdale. Vol. VI. Part II. L., 1846.

Morris J. E. The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1901.

Nennii Historia Britonum / Ed. J. Stevenson. L., 1838.

Oakes F. P. W. The Nature of War and its Impact on Society during the Barons' War, 1264–67. Glasgow, 2014.

Prestwich M. Edward I. Berkeley (CA), 1988.

Registrum de Dunfermelyn. Edinburgh, 1842.

Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi Cantuariensis / Ed. Ch. T. Martin. Vol. I–II. L., 1882–84.

Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III / Ed. W. W. Shirley. Vol. II. L., 1866.

Sanders I. J. English baronies: a study of their origin and descent, 1086–1327. Oxford, 1960.

Seeley R. B. The Life and Reign of Edward I. L., 1872.

- Sinclair R.* Sinclairs of Scotland. AuthorHouse UK, 2013.
- Sources of English Constitutional History *Ed. C. Stephenson & F. G. Marcham* NY., 1937.
- Stones E. L. G.* Edward I. Oxford, 1968.
- Stuart Ch.* Havelok the Dane and Edward I in the 1290s // Studies in Philology. Vol. 93. № 4. University of North Carolina. Chapel Hill, 1996.
- Stubbs W.* Select charters and other illustrations of English constitutional history, from the earliest times to the reign of Edward the First / *Ed. H. W. C. Davis.* Oxford, 1913.
- Stubbs W.* The Constitutional History of England. Vol. II. Oxford, 1896.
- The Chronicle of Bury St Edmunds, 1212–1301 / *Ed. A. Gransden.* Edinburgh — London, 1964.
- The Chronicle of Florence of Worcester / *Tr. T. Forester.* L., 1854.
- The Chronicle of Lanercost, 1272–1346 / *Tr. H. Maxwell.* Glasgow, 1913.
- The Chronicle of Pierre de Langtoft / *Ed. T. Wright.* Vol. II. L., 1868.
- The Chronicle of William de Rishanger, of the Barons' Wars / *Ed. J. O. Halliwell.* L., 1840.
- The Historical Works of Gervase of Canterbury / *Ed. W. Stubbs.* Vol. II. L., 1880.
- The Metrical chronicle of Robert of Gloucester / *Ed. W. A. Wright.* Part II. L., 1887.
- The Political Songs of England from the Reign of John to That of Edward II / *Ed. T. Wright.* L., 1839.
- The Siege of Carlaverock / *Ed. N. H. Nicolas.* L., 1828.
- The Song of Lewes / *Ed. C. L. Kingsford.* Oxford, 1890.
- The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963.
- The Templar of Tyre: Part III of the Deeds of the Cypriots / *Ed. P. Crawford.* Routledge, 2017.
- Trivet N.* Annales sex regum Angliae / *Ed. T. Hog.* L., 1845.
- Turner T. H.* Unpublished Notices of the Times of Edward I / *The Archaeological Journal.* Vol. VIII (1851). P. 48–49.
- Uberti F.* Il dittamondo. Lib. IV. Cap. XXV. Milano, 1826.
- Walteri Hemingford.* Historia de rebus gestis Edwardi I, Edwardi II & Edwardi III. Oxford, 1731.
- Willemi Rishanger.* Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio et Edwardo Primo / *Ed. H. T. Riley.* L., 1865.
- William Thorne's Chronicle of Saint Augustine's Abbey, Canterbury / *Tr. A. H. Davis.* Oxford, 1934.
- Wolff R. L., Hazard H. W.* The later Crusades, 1189–1311 // History of the

Crusades. Vol. II. Madison (WI), 1969.

Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001.

Над книгой работали

16+

Редактор *В. В. Эрлихман*

Художественный редактор *Н. С. Штефан*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. V. L., 1880. P. 598.

The Chronicle of Pierre de Langtoft / Ed. T. Wright. Vol. II. L., 1868. P. 326–27.

Stubbs W. The Constitutional History of England. Vol. II. Oxford, 1896. P. 109.

Stuart Ch. Havelok the Dane and Edward I in the 1290s // *Studies in Philology*. Vol. 93. № 4. University of North Carolina. Chapel Hill, 1996. P. 352.

Bennett A. The Windmill Psalter: The Historiated Letter E of Psalm One // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 43. L., 1980. P. 64.

The Chronicle of Bury St Edmunds, 1212–1301 / Ed. A. Gransden.
Edinburgh — London, 1964. P. 117.

Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. Vol. II. L., 1882. P. 13.

The Chronicle of Pierre de Langtoft *Ed. T. Wright* Vol. II. L., 1868. P. 134–35.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876. P. 336–37.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876. P. 540.

The Chronicle of Florence of Worcester / Tr. T. Forester. L., 1854. P. 321–22.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1237–1242. Nendeln, 1970. P. 442.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1237–1242. Nendeln, 1970. P. 476.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. IV. L., 1877. P. 639.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1247–1251. Nendeln, 1970. P. 452.

Calendar of the Liberate Rolls, 1251–1260. Vol. IV. L., 1959. P. 23.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876. P. 383.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. V. L., 1880. P. 450.

Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III /
Ed. W. W. Shirley. Vol. II. L., 1866. P. 119.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 554.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876. P. 539.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1876. P. 614.

Historia Rerum Anglicarum Willelmi Parvi. Vol.1. L., 1856. P. 60–61.

Carpenter D. A. The Reign of Henry III. L., 1996. P. 251.

The Song of Lewes / Ed. by C. L. Kingsford / Oxford, 1890. P. 14–15.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1259–1261. Nendeln, 1970. P. 467.

Calendar of the Patent Rolls, 1258–1266. L., 1910. P. 156.

Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III /
Ed. W. W. Shirley. Vol. II. L., 1866. P. 163.

The Historical Works of Gervase of Canterbury / Ed. W. Stubbs. Vol. II. L., 1880. P. 221.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1261–1264. Nendeln, 1970. P. 377.

Close Rolls of the Reign of Henry III, 1261–1264. Nendeln, 1970. P. 379.

Fratis Rogeri Bacon, Ordinis Minorum, Opus Majus ad Clementem Quartum, Pontificem Romanum. L., 1733. P. 243.

The Song of Lewes / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1890. P. 9.

Matthew Paris's English History / Translated J. A. Giles. Vol. III. L., 1854.
P. 345–46.

Chronica de Mailros. Edinburgh, 1835. P. 196.

The Metrical chronicle of Robert of Gloucester / Ed. W. A. Wright. Part II.
L., 1887. P. 752.

The Metrical chronicle of Robert of Gloucester / Ed. W. A. Wright. Part II.
L., 1887. P. 757.

The Chronicle of William de Rishanger, of the Barons' Wars / Ed. J. O. Halliwell. L., 1840. P. 45.

A Continuation of William of Newburgh's History to AD 1298 // Chronicles of the Reigns Stephen, Henry II, and Richard I / Ed. R. Howlett. Vol. II. L., 1885. P. 547.

Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III /
Ed. W. W. Shirley. Vol. II. L., 1866. P. 291.

Royal and Other Historical Letters Illustrative of the Reign of Henry III /
Ed. W. W. Shirley. Vol. II. L., 1866. P. 289.

Calendar of the Patent Rolls, 1258–1266. L., 1910. P. 530.

Chronicles of the Mayors and Sheriffs of London / Tr. H. T. Riley. L., 1863.
P. 92.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 19.

Willemi Rishanger. Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio et Edwardo Primo / Ed. H. T. Riley. L., 1865. P. 68.

Cronica maiorum et vicecomitum Londoniarum / Ed. T. Stapleton. L., 1846.
P. 131.

The Templar of Tyre: Part III of the Deeds of the Cypriots / Ed. P. Crawford. Routledge, 2017. P. 382.

Dubois P. De recuperatione Terre Sancte. Paris., 1891. P. 1.

Willemi Rishanger. Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio et Edwardo Primo / Ed. H. T. Riley. L., 1865. P. 78.

Cronica maiorum et vicecomitum Londoniarum / Ed. T. Stapleton. L., 1846.
P. 158.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. I. L.,
1848. P. 338–339.

Flores historiarum / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1890. P. 31.

Majus Chronicon Lemovicense // Recueil des historiens des Gaules et de la France. Tome XXI. Paris, 1855. P. 784.

Trivet N. Annales sex regum Angliae / Ed. T. Hog. L., 1845. P. 281–282.

Trivet N. Annales sex regum Angliae / Ed. T. Hog. L., 1845. P. 282–283.

Stubbs W. Select charters and other illustrations of English constitutional history, from the earliest times to the reign of Edward the First / Ed. H. W. C. Davis. Oxford, 1913. P. 441–42.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 26.

Annales Monasterii de Oseneia. Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomae Wykes *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. IV. L., 1869. P. 264.

Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. I. L., 1806. Col. 34–35.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 528.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 221–22.

Calendar of the Close Rolls 1272–1279. L., 1900. P. 292.

Geoffrey of Monmouth's *British History* / Transl. by A. Thompson, Ed. J. A. Giles. L., 1842. P. 136.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 554.

Adami de Domerham. Historia de rebus gestis Glastoniensibus. Vol. II.
Oxford, 1727. P. 588–89.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. by H. Hamilton. Vol. II.
L., 1849. P. 6–7.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. by H. Hamilton. Vol. II.
L., 1849. P. 6.

Registrum de Dunfermelyn. Edinburgh, 1842. № 321. P. 217.

Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi Cantuariensis / Ed. Ch. T. Martin. Vol. I. L., 1882. P. 46–47.

Annales Prioratus de Wigornia *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. IV.
L., 1869. P. 517.

Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae / Ed. G. E. Woodbine. Vol. II. L., 1922. P. 33.

Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001. С. 81;
Select Cases in the Court of Kings Bench under Edward I. Vol. 1. Selden
Society, 1936. P. 133–34.

Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001. С. 58;
Select Cases in the Court of Kings Bench under Edward I. Vol. 1. Selden
Society, 1936. P. LXX.

Matthaei Parisiensis. Monachi Sancti Albani, Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. Vol. V. L., 1880. P. 15.

Annales Monasterii de Oseneia. Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomae Wykes *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. IV. L., 1869. P. 278.

Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi Cantuariensis / Ed. Ch. T. Martin. Vol. I. L., 1882. P. 112.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 586.

Leland T. The History of Ireland from the Invasion of Henry II. Vol. I. Dublin, 1814. P. 243 — 45.

Sources of English Constitutional History / Ed. C. Stephenson & F. G. Marcham. N. Y., 1937. P. 155.

Giraldi Cambrensis. Itinerarium Kambriae et descriptio Kambriae / Ed. J. F. Dimock. L., 1868. P. 170.

Sources of English Constitutional History *Ed. C. Stephenson & F. G. Marcham* NY., 1937. P. 155 — 56.

Le Strange H. *Le Strange Records. A Chronicle of the Early Le Stranges of Norfolk and the March of Wales A. D. 1110–1310.* L., 1916. P. 197.

Jones G. The Oxford Book of Welsh Verse in English. Oxford: University Press, 1977. P. 31.

Monsaticon Anglicanum / Ed. W. Dugdale. Vol. VI. Part II. L., 1846. P. 959.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 53.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 55.

Nennii Historia Britonum / Ed. J. Stevenson. L., 1838. P. 20.

Calendar of Various Chancery Rolls, 1277–1326. L., 1912. P. 243.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 97–98.

Documents Illustrating the Crisis of 1297 — 98 in England / Ed. M. Prestwich. L., 1980. P. 166–167.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 665.

English Historical Documents / Ed. H. Rothwell. Vol. III. L., 1975. P. 462–63.

McLean N. An Eastern Embassy to Europe in the years 1287–88 / English Historical Review. Vol. XIV (1899). P. 314.

Calendar of the Close Rolls 1288–1296. Vol. III. L., 1904. P. 55.

Bartholomaei de Cotton. Historia Anglicana (A. D. 449–1298) / Ed. by H. R. Luard. L., 1859. P. 173.

Turner T. H. Unpublished Notices of the Times of Edward I / The Archaeological Journal. Vol. VIII (1851). P. 48–49.

Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi
Cantuariensis / Ed. Ch. T. Martin. Vol. II. L., 1884. P. 407.

Annales Monasterii de Oseneia. Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomae Wykes *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. IV. L., 1869. P. 326.

Documents Illustrative of the History of Scotland / Ed. J. Stevenson.
Edinburgh, 1870. Vol. I. P. 165–67.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 741.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 743.

Annales Monasterii de Waverleia *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. II. L., 1865. P. 409.

L'Historie de Guillaume le Maréchal / Ed. P. Meyer. Tome II. Paris, 1894. P. 64.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 760.

Annales Prioratus de Dunstaplia *Ed. H. R. Luard* Annales Monastici. Vol. III. L., 1866. P. 373.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 782.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 41.

Calendar of the Patent Rolls, 1292–1301. L., 1895. P. 16.

The Chronicle of Pierre de Langtoft / Ed. T. Wright. Vol. II. L., 1868. P. 202.

Walteri Hemingford. Historia de rebus gestis Edwardi I, Edwardi II & Edwardi III. Oxford, 1731. P. 57.

Calendar of the Patent Rolls, 1292–1301. L., 1895. P. 165.

Stubbs W. Select charters and other illustrations of English constitutional history, from the earliest times to the reign of Edward the First / Ed. H. W. C. Davis. Oxford, 1913. P. 480.

Sources of English Constitutional History / Ed. C. Stephenson & F. G. Marcham. N. Y., 1937. P. 161.

The Chronicle of Pierre de Langtoft / Ed. T. Wright. Vol. II. L., 1868. P. 236–37.

Sinclair R. Sinclairs of Scotland. AuthorHouse UK, 2013. P. 41.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 841–42.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II.
Edinburgh, 1884. P. 194.

Gray T. Scalacronica of Sir Thomas Gray. Glasgow, 1907. P. 17.

The Chronicle of Pierre de Langtoft / Ed. T. Wright. Vol. II. L., 1868. P. 248.

Chronique de Guillaume de Nangis // Collection des Mémoires Relatifs a l'Historie de France / Par M. Guizot. Paris, 1825. P. 228.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 116.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 117.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 121.

The Chronicle of Pierre de Langtoft / Ed. T. Wright. Vol. II. L., 1868. P. 289.

Flores historiarum / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1890. P. 295.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
/ Comp. T. Rymer. Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 873.

Documents Illustrative of the History of Scotland / Ed. J. Stevenson.
Edinburgh, 1870. Vol. II. P. 226.

The Chronicle of Lanercost, 1272–1346 / Tr. H. Maxwell. Glasgow, 1913.
P. 164.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 175.

Chronicon domini Walteri de Hemingburgh / Ed. H. Hamilton. Vol. II. L.,
1849. P. 178.

Black J. G. Edward I and Gascony in 1300 / *English Historical Review*. Vol. XVII (1902). P. 523.

Loomis R. Sh. Edward I, Arthurian Enthusiast // *Speculum. A Journal of Medieval Studies*. Vol. 28. № 1. Chicago, 1953. P. 118–19.

The Chronicle of Lanercost, 1272–1346 / Tr. H. Maxwell, Herbert.
Glasgow, 1913. P. 170.

The Siege of Carlaverock / Ed. N. H. Nicolas. L., 1828. P. 86–87.

Anglo-Scottish Relations, 1174–1328: Some Selected Documents / Ed. E. L. G. Stones. L., 1965. P. 81.

Willemi Rishanger. Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio et Edwardo Primo / Ed. H. T. Riley. L., 1865. P. 447.

Trivet N. Annales sex regum Angliae / Ed. Thomas Hog. L., 1845. P. 381–82.

Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc)
Comp. T. Rymer Vol. I. Pars II. L., 1816. P. 926–27.

Willemi Rishanger. Chronica et Annales, regnantibus Henrico Tertio et Edwardo Primo / Ed. by H. T. Riley. L., 1865. P. 460.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. G. G. Simpson, J. D. Galbraith. Vol. V. Edinburgh, 1881. P. 168–169. № 262.

The Political Songs of England from the Reign of John to That of Edward II
/ Ed. T. Wright. L., 1839. P. 192.

Ecclesiastical and Civil History, Philosophically Considered / Ed. G. Townsend. Vol. II. L., 1847. P. 612–13.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II.
Edinburgh, 1884. P. 382. № 1463.

Flores historiarum / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1890. P. 320.

Denton J. H. Robert Winchelsey and the Crown 1294–1313. Cambridge, 1980. P. 212.

The Political Songs of England from the Reign of John to That of Edward II
/ Ed. T. Wright. L., 1839. P. 231.

The Political Songs of England from the Reign of John to That of Edward II
/ Ed. T. Wright. L., 1839. P. 233.

De Antiquis Legibus Liber. Cronica Maiorum et Vicecomitum
Londoniarum / Ed. Thomas Stapleton. L., 1846. P. 250.

William Thorne's Chronicle of Saint Augustine's Abbey, Canterbury / Tr.
A. H. Davis. Oxford, 1934. P. 388.

The Statutes of the Realm. Vol. I. L., 1963. P. 147.

Barrow G. W. S. Robert Bruce. L.-A., 1965. P. 215; Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II. Edinburgh, 1884. P. 480. № 1787.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II.
Edinburgh, 1884. P. 491. № 1832.

Flores historiarum / Ed. H. R. Luard. Vol. III. L., 1890. P. 135.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II.
Edinburgh, 1884. P. 513. № 1926.

Calendar of Documents Relating to Scotland / Ed. J. Bain. Vol. II.
Edinburgh, 1884. P. 513. № 1926.

The Political Songs of England, from the Reign of John to that of Edward II
/ Ed. T. Wright. L., 1839. P. 242.

The Chronicle of Pierre de Langtoft *Ed. T. Wright* Vol. II. L., 1868. P. 380–81.

Flores historiarum / Ed. by H. R. Luard. Vol. III. L., 1890. P. 137–38.

Uberti F. Il dittamondo. Lib. IV. Cap. XXV. Milano, 1826. P. 357–58.

Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. Vol. II. L., 1882. P. 7.

Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. Vol. II. L., 1882. P. 13.

comments

Примечания редакции

1

Высокое Средневековье — исторический период между Ранним и Поздним Средневековьем, охватывающий примерно XI–XIII века.

2

«Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»
(Лук. 23:31).

Все цитаты из поэм, хроник и документов даются в переводе автора.

Это прозвище дано королю в начале XVII века выдающимся елизаветинским юристом Эдуардом Коком в честь Юстиниана I Великого — византийского императора, правившего с 527 до 565 года, автора знаменитого Кодекса Юстиниана.

Пс. 1:2.

Генри III (Генрих) Уинчестерский (1207–1272), король Англии (1216–1272) из Анжуйской династии. Автор является принципиальным противником устоявшейся традиции «латинизировать» имена европейских монархов — Генрих, Иоанн, Людовик и т. д. — независимо от их реального произношения.

Примас (англ. *primate*) — титул епископа, имеющего старшинство перед всеми остальными епископами в какой-либо территориальной церкви и осуществляющего надзор над прочими священниками на подведомственной ему территории. Примасом всей Англии именуется архиепископ Кентерберийский, примасом Англии — архиепископ Йоркский.

8

Этот день празднуется 20 января.

Слово «барон» (англ. *baron*) в английском языке имеет несколько значений. С одной стороны, оно обозначает низший титул пэра, с другой — собирательно крупных вассалов короля. Именно во втором смысле слово «бароны», как правило, употребляется в этой книге, поскольку в первом значении в те времена чаще использовался термин «лорд».

Анжуйская династия английских королей (англ. *Angevins*) вела свое происхождение от Жоффруа V графа д'Анжу, чьим правнуком был Генри III. Более известна как династия Плантагенетов (англ. *Plantagenets*).

Слова из католического гимна «Королевские восхваления» (лат. *Laudes Regiæ*): «Христос побеждает, Христос царствует, Христос владычествует».

Ла-Манш (фр. *la Manche*) — французское название пролива, отделяющего Англию от континента. Англичане называют его Английским каналом (англ. *English Channel*).

Констебль (англ. *constable*) — термин в средневековой Англии многозначный. Констебль — должностное лицо, обязанное следить за порядком в городе и на дорогах. Констебль замка — военно-административная должность коменданта, управляющего замком на время отсутствия в нем хозяина.

Церковь аббатства была разрушена по приказу «доброего короля» Генри VIII Тюдора во время инициированной им секуляризации монастырей.

Михайлов день (англ. *Michaelmas*) — день святых Михаила, Гавриила и Рафаила, празднуется 29 сентября. Этот день в средневековой Англии отмечал конец сельскохозяйственного года, когда урожай уже был собран, а бейлифы и чиновники короны на местах подсчитывали расходы и доходы.

Молитва об исцелении больных.

В XIII веке термины «Аквитания», «Гиень» и «Гасконь» были фактически синонимами и обозначали владения английской короны на юго-западе Франции. Однако Гасконь на деле составляла лишь южную часть Аквитании, пусть и значительную по размеру. Названия «Гасконь» и «Аквитания» чаще использовались англичанами, «Гиень» — французами.

Трувер (фр. *trouvère*) — поэт и музыкант в XII–XIII веках, писавший свои произведения на северофранцузском диалекте — языке «ойль» (*langue d'oïl*), в котором «да» произносилось как *oil* в отличие от южного *os* (поэтому юг Франции называли Лангедоком). Труверы — северный вариант окситанских трубадуров.

Шериф (англ. *high sheriff*) — должностное лицо, представляющее в графстве власть короля. Шерифы блюли экономические и финансовые интересы короны, отвечали за сбор налогов и соблюдение королевского мира, в том числе за поимку и арест преступников.

Эдмунд (1245–1296), 1-й граф Ланкастерский (с 1267) и 1-й граф Лестерский (с 1265), 2-й сын короля Генри III; носил прозвище *Crouchback*, этимология которого окончательно не выяснена: долгое время считалось, что оно означало Горбатый (от англ. *Crook back*), существовало также мнение, что оно означало Раболепный (от англ. *Crouch*), однако последнее время приобрела популярность теория, что на самом деле его прозвищем было Крестоносец (от англ. *Cross back*). В пользу последнего варианта свидетельствовало участие Эдмунда в Девятом крестовом походе 1271–1272 годов в Палестину.

Пять Портов (англ. *Cinque Ports*) — историческое название военного и торгового союза портовых городов графств Кента и Сассекса, расположенных на побережье Ла-Манша в самом удобном месте для переправы на континент; в их число входили Хестингс (Гастингс), Нью-Ромни, Хайт, Дувр и Сандвич; союз также поддерживали два «древних города» — Рай и Уинчелси.

Апанаж (фр. *apanage*) — выделение имущества, титула, должности и пр. в качестве владения члену королевской семьи. Система получила наибольшее распространение во Франции.

Палатинат (англ. *palatinate*) — наследственное держание, чей владелец обладал в его пределах особыми полномочиями и высокой степенью автономности от верховной власти.

Князь-епископ Даремский (англ. *Prince-Bishop of Durham*), помимо того, что являлся епископом Даремской епархии, обладал светской властью над палатином Даремским, в пределах которого его полномочия были практически равны королевским.

Четыре кантрева — территория на севере Уэльса между реками Конви и Ди, по-валлийски называлась Берведулад, или Средиземье, состояла из кантревов Тегейнгл, Дифрин-Клуйд, Рос и Ривониог. Кантрев (валл. *cantref*) — территориальная единица средневекового Уэльса, подразделявшаяся на более мелкие коммоты (валл. *cwmwd*).

Оммаж (фр. *homage*, англ. *homage*) — церемония, во время которой вассал выражал покорность своему сеньору и приносил ему вассальную присягу, получая взамен феодальный лен в качестве зависимого владения.

Лорды марки (англ. *Marcher Lords*) — англо-нормандские лорды, получившие от короля владения на границе с Уэльсом (в Уэльской марке). Исторически они были обязаны защищать королевство от валлийских набегов и постепенно колонизировать новые территории, для чего наделялись особыми привилегиями и гораздо большим, чем у прочих лордов, объемом власти, включая расширенные судебные полномочия. Кроме Уэльской марки, существовала также Шотландская марка — соответственно, расположенная вдоль границы с Шотландией.

Интердикт (от лат. *interdictum*) — запрет на участие определенным лицам или даже целым странам на проведение церковных обрядов и служб или объявление этих обрядов недействительными на определенных территориях.

Шарлемань (Charlemagne) или Карл Великий — король франков (768–814), император Запада с 800 года, выдающийся полководец и государственный деятель.

Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о Гражданской войне (8.281–282). Пер. Л. Е. Остроумовой.

Бейлиф (англ. *bailiff*) — в данном случае имеется в виду должностное лицо, в чьи обязанности входило исполнение судебных решений, а также вручение повесток и приказов.

Великая хартия вольностей (англ. *Magna Carta*) — королевская хартия, данная королем Джоном в Раннимиде 15 июня 1215 года по требованию баронов, восставших против непопулярного монарха. Она гарантировала права церкви, защиту баронов от незаконного тюремного заключения, правосудие для всех сословий и ограничение феодальных платежей короне.

Стивен (Стефан) Блуаский (1092–1154), он же Этьен де Блуа, граф де Мортедь, внук Гийома Завоевателя; в 1135 году захватил трон Англии, вслед за чем последовал долгий период его междоусобных войн с кузиной Мод (Матильдой), небезосновательно претендовавшей на английскую корону.

Суд. 17:6.

Владения семьи де Форсов в Омале (Нормандия) захватил в 1204 году французский король Филипп Огюст (Филипп Август), и графский титул ее представителями был утерян. Однако английские короли продолжали признавать за де Форсами титул графов д'Омаль наряду с безусловно принадлежавшим им титулом лордов Холдернесских.

Правосудие, отправляемое в соответствии с действовавшим в Англии общим правом (англ. *Common Law*), основанным на системе судебных прецедентов.

Книга Страшного суда (англ. *Domesday Book*) — манускрипт, содержащий результаты первой всеанглийской поземельной переписи, проведенной в 1086 году по приказу короля Уильяма I Завоевателя.

Фамилии Симона де Монфора и Питера де Монфорта пишутся одинаково — *Montfort*, однако произносятся по-разному в соответствии с правилами французского (у пришлого сеньора) и английского (у натурализованного лорда) языков.

Джон Гиффард приходился двоюродным племянником Хью Гиффарду Бойтонскому, наставнику маленького принца Эдуарда.

Сержант (англ. *sergeant*) — землевладелец, обязанный своему сеньору лишь определенной, изначально оговоренной службой. Это отличает его от рыцаря, который должен был выполнять всю совокупность вассальных обязательств.

Феодальный лорд (англ. *feudal lord*) — представитель английской знати в Средневековье. Существовало несколько категорий лордов — те, кому был пожалован королем соответствующий патент, и те, кому присылались именные приглашения в парламент. Третью, самую древнюю категорию составляли те, кто получил свои лены сразу после Нормандского завоевания и владел ими согласно традиции, пользуясь на своих землях широкой юрисдикцией.

Миза (от фр. *mise*) — соглашение, договор; слово в этом значении употреблялось крайне редко, нам известны лишь Амьенская миза короля Луи IX и Луисская миза, составленная позже в этом году после битвы при Луисе.

Речь идет о Большой комете, видимой с Земли в июле 1264 года.

Традиционный нормандский тип средневекового замка «Мотт и бейли» представлял собой насыпной земляной холм (фр. *motte*), на вершине которого возводилась башня, окруженная частоколом. Вокруг холма шел ров, через который был перекинут мост. К наружной стороне рва примыкал двор (англ. *bailey*), также защищенный частоколом, где размещались хозяйственные постройки.

Гийом Рыжий (ок. 1056–1100), впоследствии Уильям II, король Англии — третий сын Уильяма Завоевателя, короля Англии и герцога Нормандского. *Робер Короткие Штаны* (ок. 1051–1134) — герцог Нормандский, старший сын Уильяма Завоевателя.

Уилд (англ. *Weald*) — область в Юго-Восточной Англии между меловыми откосами Северного и Южного Даунса. В те времена Уилд был еще покрыт лесом, и его название на староанглийском означает «лесистая местность».

В 1256 году Ричард граф Корнуоллский принял предложенную ему корону Германии и был затем коронован в Ахене как «король римлян» — таков был тогда титул германского монарха, хотя в реальности Римом он давно уже не правил.

Мой лорд (англ. *My Lord*) — официальное обращение к персоне, носящей титул лорда. На русский язык обычно переводится французской калькой «милорд» (фр. *Milord*), что не очень оправданно, ибо «милордами» во Франции с XVI века называли всех знатных англичан, путешествовавших по Европе.

Куртина (фр. *courtine*, англ. *curtain wall*) — в средневековой военной архитектуре стена между двумя башнями замка или крепости.

Дискос (греч. δίσκος) — серебряное или золотое блюдо для хранения гостии, освящаемой во время мессы.

В Линкольншире на восточном побережье Англии над обширными болотами возвышались невысокие меловые и известняковые холмы, которые по традиции назывались «островами» даже после того, как местность была осушена.

У нас принято называть главную башню английских замков на французский манер донжоном (*donjon*), однако это не совсем точно. Донжон, как правило, располагался в центре замка внутри периметра крепостных стен и с ними не соприкасался. В английских замках главная башня называлась «кип» (от англ. *to keep* — защищать, охранять) и по большей части представляла собой одну из башен в стенах, более мощную и высокую, чем остальные.

Требюше, также требушет (фр. *trebuchet*) — осадная метательная машина, представляющая собой рычаг, на длинном конце которого закреплялась праща, а на коротком — тяжелый груз.

Диктум (лат. *dictum*) — обещание, предписание.

Утремер (фр. *outré-mér* — «за морем») — государства, основанные крестоносцами в Леванте по итогам Первого крестового похода. Как правило, в их число включают королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, графство Триполитанское и графство Эдесское.

Птолемаида — древнее название Акры, ныне город Акко в Израиле на берегу Средиземного моря.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, Песнь двенадцатая, 118.
Пер. М. Лозинского.

Имеется в виду Элеонора Кастильская. Хронист несколько поторопил события — Элеонора на тот момент не была королевой, поскольку и сам Эдуард не стал еще королем.

Брэ (фр. *braies*) — нательное белье, льняные штаны, присборенные на талии и подпоясанные шнуром.

Несмотря на упрямство Джона Фицгилберта, король пощадил мальчика. Впоследствии этот мальчик стал Уильямом Маршалом графом Пемброкским, лорд-маршалом Англии — одним из самых знаменитых рыцарей своей эпохи, служившим четырем английским королям, в том числе и Генри III Уинчестерскому.

Либурийская земля (лат. *Terra Laboris*, ит. *Terra di Lavoro*) — историческая провинция на юге Италии с центром в Капуе, входившая в Сицилийское, а затем Неаполитанское королевство. Часто переводится по созвучию как Земля Труда, однако на самом деле ее название произошло от когда-то обитавшего там италийского племени лаборов.

Лорд — верховный стюард (англ. *Lord High Steward*) — церемониальный титул высшего сановника государства, назначавшегося руководить коронацией или председательствовать в суде лордов.

Уильям Чилленден, предыдущий архиепископ Кентерберийский, выбранный в пику Роберту Бёрнеллу, так и не был утвержден папой.

3 Цар. 8:65.

Табула (лат. *tabulae*) — игра, завезенная в Европу крестоносцами, предшественница бэкгаммона, напоминавшего хорошо знакомые нам нарды. На Руси носила название «тавлеи», в Скандинавии — «тафл».

Королевский гардероб действительно поначалу представлял собой хранилище королевских одеяний; однако в течение XIII века он развился в важный финансовый и административный орган, заведующий всем имуществом короны.

Атторней (англ. *attorney*) — поверенный, юрист, практиковавший в судах общего права.

Сотня (англ. *hundred*) — административная единица в Англии, в англосаксонский период составлявшая 100 гайд. Одна гайда являлась мерой земли площадью примерно 120 акров, достаточной для содержания одного домашнего хозяйства.

Для созыва парламента королевской канцелярией рассылались именные приглашения (*Writs of summons*) лордам и прелатам, а также приказы о выборах (*Writs of elections*) шерифам, которые должны были обеспечить выборы рыцарей графств и представителей боро. Низшие сословия в работе парламента участия не принимали.

В католической церкви до 1969 года Очищением пресвятой Девы Марии именовался праздник Сретения Господня, который отмечался 2 февраля.

Боро (англ. *borough*) — в Средние века так назывались поселения, обнесенные стенами, получившие от короля право самоуправления и посылавшие своих представителей в парламент.

Святая Фридесвида — англосаксонская принцесса и аббатиса, покровительница Оксфорда, отстоявшая свою девственность от притязаний Этельбальда, короля Мерсии.

Фридрих II фон Хоэнштауфен (Гогенштауфен), король Сицилии (1198–1212), король Германии (1212–1250), император Священной Римской империи (1220–1250), сын императора Генриха VI.

Золотуха, скрофулез — туберкулезный аденит, вызванное микробактериями туберкулеза воспаление лимфатических узлов. В Средние века именовалась «королевской болезнью» (англ. *King's evil*, фр. *Le mal du roi*). Болезнь довольно часто временно отступает, создавая иллюзию полного исцеления.

Бастида (фр. *bastide*) — городок или деревня, построенные по королевской хартии.

Амедео V Великий, соратник короля Эдуарда I, на самом деле получил титул графа Савойского только в 1285 году после смерти своего бездетного дяди Филиппа I.

Уничтожение монастырей в рамках антикатолической кампании проводилось в 1536–1541 годах королем Генри VIII Тюдором после того, как парламент провозгласил его главой новой англиканской церкви.

Quo warranto (лат. по приказу) — приказ, выпущенный согласно английскому Общему праву. Тот, в чей адрес он отправлялся, обязан был обосновать, почему он претендует на обозначенные в приказе права, власть или привилегии.

Иммунитет — право осуществлять в пределах своих владений некоторые функции, обычно являющиеся прерогативой королевской власти — творить суд, собирать налоги, собирать ополчение и пр.

Рельеф (англ. *relief*) — феодальная обязанность наследника уплатить сеньору определенную сумму при вступлении в права наследства.

Oyer and terminer (англо-фр. «заслушать и решить»). В английском праве — комиссия, наделенная полномочиями заслушивать и выносить официальное обвинение по делам об измене, о преступлениях большой и средней тяжести в графствах, на которые распространялись ее полномочия. Часто расследовала мятежи и другие массовые беспорядки.

Аристофан. Лягушки. Пер. Н. Цветкова.

Сноудония (англ. *Snowdonia*, валл. *Eryri*) — область на северо-западе Уэльса, где горные хребты перемежаются с долинами; названа по имени горы Сноудон, имеющей высоту 1085 метров, что делает ее самой высокой на территории Англии и Уэльса.

День святого Илария Пиктавийского, епископа Пуатевинского, учителя церкви и выдающегося теолога, отмечается 14 января.

Аберфрау (валл. *Aberffraw*) — древняя столица королей Гуинета, ныне — небольшая деревушка на острове Англси.

Приорство принадлежало к ордену гилбертинцев и состояло из двух монастырей — мужского и женского.

Компургация (от лат. *com purgare* — «со снятием вины») — вид защиты, при которой обвиняемый мог доказать свою невиновность, принеся присягу и представив какое-то количество человек, обычно двенадцать, поверивших его клятве.

Домен (англ. *demesne*) — в феодальной системе владение, которое приносит доход непосредственно королю и управляется его слугами, а не передается вассалам или арендаторам.

Хауберк (англ. *hauberk*) — длинная кольчужная рубаха с рукавами и часто с капюшоном; шапель-де-фер (фр. *chapel de fer*) — железный шлем, по форме представляющий собой конус с полями.

Гвизарма (англ. *gisarme*, фр. *guisarme*) — один из видов древкового оружия.

Суды ассизов (англ. *courts of assize*) — выездные сессии судов, отправлявшиеся по поручению короля в определенную местность для разбора тяжких (как правило, уголовных) преступлений, не входящих в сферу компетенции местных судов.

Педро III король Арагона был женат на Констанции, старшей дочери Манфреда, последнего короля Сицилии из династии Хоэнштауфенов.

Это название деревушки и сельского прихода в графстве Эссекс (англ. *Fingringhoe*) входит в десятку самых забавных названий Великобритании и дословно означает что-то вроде «Обитатели пяты на пальце земли».

Имеется в виду король Ричард I Львиное Сердце, выступавший одним из лидеров Третьего крестового похода 1189–1192 годов.

Джеймс (Яков) I Стюарт (1566–1625) — король Шотландии под именем Джеймса VI (с 1567 года), а также Англии и Ирландии под именем Джеймса I (с 1603 года); сын Мэри Стюарт королевы Шотландии и в то же время двоюродный внучатый племянник бездетной Элизабет I королевы Англии.

Уильям (Вильгельм) I Лев (ок. 1142–1214) — король Шотландии (с 1165 года), отец Александра II.

Гептархия, или семицарствие — условный период в истории Англии, когда на острове образовалось семь крупных англосаксонских королевств. Он длился с конца римского владычества (V век) до подчинения большей части королевств Эгберту Уэссекскому в 829 году.

Мормэр (гэльск. *mormaer*) — средневековое гэльское наименование правителя одного из девяти крупных регионов Шотландии, примерно равноценное графу. Означает то ли «великий стюард», то ли «морской лорд» — на этот счет существуют разногласия.

Данте Алигьери «Божественная комедия». Чистилище, Песнь седьмая, 109. Пер. М. Лозинского.

Пер. Д. Смирнова-Садовского.

День святого Мартина Турского католики отмечают 11 ноября.

Графство образовано в 1115 году на приграничных с Англией территориях, первоначально именовалось Данбарским, а с 1290 года звалось Марчским. Не следует путать шотландских графов Марчских с английскими графами Марчскими, которые владели обширными землями на границе с Уэльсом. Оба титула произошли от слова *march*, обозначавшего границу или приграничную территорию.

Роберт Брюс (1274–1329) — 4-й граф Каррикский (с 1292 года), 7-й лорд Аннандейлский (с 1304 года), внук Роберта Брюса 5-го лорда Аннандейлского, выступавшего в начале 1290-х соперником Балиола в борьбе за шотландскую корону. Получил титул графа Каррикского от своей матери Маргарет, а в 1306 году стал королем Шотландии под именем Роберта I.

Быт. 28:18.

Святой Катберт считался покровителем палатината Дарем и защитником его свобод.

Табард (от фр. *tabard* — короткий плащ) — накидка, носимая рыцарями поверх лат для предохранения их от нагрева на солнце, также верхнее одеяние средневекового герольда; представлял собой верхнее одеяние с короткими рукавами, с наплечниками или совсем без рукавов. Спереди и сзади табард украшался гербами.

Городок Кинкардин был заброшен в начале XIX века, ныне недалеко от этого места находится деревня Феттеркерн.

Происхождение названия «Рагманские свитки» (англ. *Ragman Rolls*) достоверно не выяснено. Существуют две основные версии. Согласно первой, своим именем документы обязаны многочисленным лентам, к которым привешивались печати, делавшим свитки похожими на товар тряпичника (*ragman* означает «старьевщик», «тряпичник»). Вторая версия гласит, что название заимствовано у более раннего собрания свитков по налогообложению, составленного папским легатом Рагимундом, имя которого со временем подверглось искажению.

Некоторые исследователи видят в этом выражении не обычную божбу, а искусно составленный каламбур. Дескать, выражение «клянусь Господом» (англ. — *by God*) созвучно фамилии граф-маршала, которая иногда писалась не *Bigod*, а *Bygod*. Однако эти рассуждения кажутся притянутыми за уши и при этом изобретенными в более поздние времена.

Ремонстрации (англ. *remonstrances*) — возражения, выражение протеста.

Крылатая шпора (англ. *flying spur*) в 1950-х годах была использована исполнительным директором кузовного ателье *H. J. Mulliner* Гарольдом Т. Джонстоном, членом клана Джонстонов, в названии роскошного спортивного седана *Bentley Continental Flying Spur*.

Бароны казначейства (англ. *The Barons of Exchequer*) — судьи, члены средневекового Суда казначейства.

Залив Ферг-оф-Форт.

Сэр Ральф де Монтермер (ум. 1325), 1-й лорд Монтермер (с 1309 года), рыцарь при дворе Гилберта де Клэра Рыжего 6-го графа Глостерского, женился на его вдове Джоанне Акрской, которая носила титул учтивости графини Глостерской, и в качестве ее мужа также титуловался графом Глостерским, хотя прав на графство не имел. После смерти жены перестал именоваться этим титулом. Формально 7-м графом Глостерским все это время был Гилберт де Клэр, несовершеннолетний сын Рыжего графа.

Отвергательная Дама (англ. *Loathly Damsel*), она же *Кундри* (англ. *Kundry*) — персонаж романов Артурианы, крайне уродливая посланница Святого Грааля.

Четверть (англ. *quarter*) — мера объема, примерно равная 290 литрам.

Леонид Соловьев «Возмутитель спокойствия».

Некорректно использованная папой цитата из Евангелия от Матфея: «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52).

Сэр Джон де Моубрей Барнбугльский и Далменийский — шотландский магнат, дальний родственник английского магната Джона де Моубрея лорда Моубрея.

Вяз считался у нормандцев деревом правосудия.

Шотландский язык (*Scots*) — германский язык, близкий к староанглийскому, был распространён в равнинной Шотландии, в то время как жители её горной части говорили на шотландском гэльском (*Scottish Gaelic*), относившемся к кельтским языкам.

Пер. С. Маршака.

Аннаты (лат. *annatae*) — выплаты в папскую казну получателями церковных бенефициев в размере половины или целого годового дохода.

3 Цар. 2:5–6.

Сэр Майкл (ум. ок. 1319) — лэрд Уимисса, один из шотландских уполномоченных, решавших в 1291 году судьбу шотландского трона. *Сэр Гилберт де Ла Хэй* (ум. 1333) — лэрд Эрролла, с 1307 года — лорд — верховный констебль Шотландии.

Кретьен де Труа «Персиваль, или Повесть о Граале». Пер. Н. В. Забабуровой и А. Н. Триандафилиди.

Le Roi Coueytous — алчный король (*см. — фр.*).

1Мак. 3:4.

Имеются в виду соответственно Генри III (Арриго) и Эдуард I (Одоардо); *Горный Старец* — прозвище, данное крестоносцами главе секты ассасинов; *Малекдар* — одно из европейских прозвищ Бейбарса I султана Египта.

Латинский патриархат Иерусалима — католическая епархия, основанная в 1099 году во время Первого крестового похода, с 1291 года — титулярная.

Иер. 14:19.

3 Цар. 3:9–11.

Пёрбекский мрамор (англ. *purbeck marble*) — оолитовый известняк, добываемый на так называемом острове Пёрбек, на самом деле представляющем собой полуостров в Дорсетшире.